

Сентябрь' 2023

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1958 года

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Кирилл МАШКИН. В чужое небо говоря... <i>Стихи</i>	3
Игорь ОДИНОКОВ. Килька пряного посла. <i>Повесть. Публикация Светланы Одиноковой</i>	9
Юлия ТОКАРЕВА. Колыбель лебеда. <i>Стихи</i>	97
Мария РАЙНЕР. История моего убийства. <i>Рассказы</i>	100
Павел СИДЕЛЬНИКОВ. Перетечь бы в пространство иное... <i>Стихи</i>	118
Андрей ГОРБУНОВ. Великая кошачья война надежда <i>Глава из романа «Великая кошачья революция»</i>	122
Екатерина ЕРМАКОВА. Неотраженный свет. <i>Стихи</i>	142
Анастасия ЖУРАВЛЕВА. <i>Рассказы</i>	146
Татьяна БЕСПАЛОВА. Ласточке-девочке имя верни... <i>Стихи</i>	151
Елена ВЯХЯКУОПУС. Из бездны с любовью. <i>Фрагмент романа</i>	153

ДРАМАТУРГИЯ

Наталья АНИКО. Опасное блаженство. <i>Фантазия в двух частях по мотивам сочинений и писем Н.В. Гоголя</i>	162
---	-----

ДЕТСКАЯ

Константин АРБЕНИН. Новенький. <i>История из детства</i>	176
--	-----

ПОЧТИ БЕЗ ВЫМЫСЛА

Вадим ОВЧИННИКОВ. Байки старого гида	179
--------------------------------------	-----

Екатеринбург

КРАЕВЕДЕНИЕ: К 300-ЛЕТИЮ ЕКАТЕРИНБУРГА

- Сергей БЕЛЯЕВ.** Екатеринбургский музыкальный кружок:
Pro et contra 192

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Михаил ХЛЕБНИКОВ.** Писатель и его биография.
Светлана Шнитман-МакМиллин. Георгий Владимов: время рыцарства 201
- Ася ВОЛОДИНА.** «Неблагодарное это дело решать,
что останется в литературе, а что нет». *Беседу ведет*
Шевкет Кешфидинов 212

ТОЛСТЯКИ НА УРАЛЕ: ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛКА

- Елена САФРОНОВА.** Несвятые святые 2.0.
Григорий Аросев, Евгений Кремчуков. Святые рыбы реки Вспять. Легендарий. —
«Звезда», 2022, № 12 215
- Александр РЯЗАНЦЕВ.** «И ольха меня здесь режет...»
Катерина Кожевина. Матти едет умирать. «Знамя», 2023, № 3 217
- Станислав СЕКРЕТОВ.** Матрёшка с чудесами.
Лев Прыгунов. Чудеса. — «Звезда», 2023, № 4 219

ИНОСТРАННЫЙ ОТДЕЛ

- Сергей СИРОТИН.** Отсутствие ненависти.
Абдулразак Гурна. Посмертие 222

ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ

- Валерий ИСХАКОВ.** Шесть мушкетеров, д'Артаньян и Малачи.
Три мушкетера, Великобритания, 2023
Три мушкетера: д'Артаньян, Франция, 2023 225

СЛОВО И КУЛЬТУРА

- Андрей ПЕРШИН.** Микровечность 229

КРИТИКА ВНЕ ФОРМАТА

- Василий ШИРЯЕВ.** Язык должен умереть 236

Кирилл Машкин

В чужое небо говоря...

Дивно звёзды на небе горят,
Проступая во времени реку.
Пустоту они сжали в кулак
И отправились с ней к человеку.

Между небом, землёй и тобой
Все пути одинаково сходятся,
И по ним колесницей святой
Пронесётся Великая Троица.

Ты — пустота и тень светил,
Следы невиданных лошадок
И заплутавший зов тетрадок
Ещё непостижимых крыл.

Тебя и негу, как в огне,
Без умолку я догоняю
И поле в небе принимаю,
Тобой подаренное мне.

Росы косая неизбежность
И в поцелуе вишня дня,
И воздух в ссадинах и стержнях
Болят, и с ним болею я.

И стук копыт я слышу в поле,
И весть летящую твою
О жизни и морском прибое
На постороннем берегу.

Кирилл Машкин — выпускник Екатеринбургского государственного театрального института (ЕГТИ), специальность — «литературное творчество». В «Урале» публикуется впервые.

Нас пустота берёт поодиночке,
Кто перейдёт дорогу ей, того,
Как памятник, как свечку в уголочке,
Преобразят и с гор покатят бочки
Вина к подножию, к ступеням дней его.

Переселенцы бархатной тропы,
Исчезнувшие, даже не начавшись,
Вам оставляю сердце, из золы
Произраставшее.

Покоя сон, и неба синева,
И пыль дорог, и с ней трава обочин
Оставят след, и след оставлю я,
И след мой прочен.

Вагон с доской бежит за полог,
За печь и дальше за порог,
И быстротечен и не звонок
Речей безудержный поток.

Фитиль на лампе бездыханной
Затих, и вновь зажглась свеча,
И мысль о зарослях и ставнях
Разверзлась завтра во вчера.

Ложкой серебряной пала звезда,
Ступа под ней одеялом легла,
Дом успокоила, выпила дом
В темном колодце там, за углом,
К дну опустилась лбом.

И по земле поплыла-поплыла,
Словно туман по росе обняла,
И закатилась в глаза.

Ночь успокоилась и умерла.
Тают во рту рукава.

Сукно крылом летело надо мной
И ястребом ломало перепёлку,
И чай стоял окном, а за стеклом
Под фонарями разбирали ёлку.

Оскалились под голубым глаза,
Подкрались под гремучим одеялом,
И ласточка хрустальная меня
В поля несла крылом своим дырявым.

Дубы поникли — говоря,
Шумя на севере в печали,
А где-то губы обветшали —
В чужое небо говоря.

Вилочка капусты лубяной
Упал с крылечка на дорогу,
И тело брошенное к богу
Скатилось в мягкую ладонь.

И отражённый эхом дом,
Крещённый лесом, чью-то воду
Лакал, чтобы найти дорогу
Не умирать в миру ином.

Игорь Одинок

Килька пряного посла

Повесть

*Посвящается горячо любимому,
бесценному и незабвенному
Чарльз Гарольду*

Интервью на чемодане

Нелегкое это было дело — поймать И.В. Одинок и взять у него прощальное интервью. Да, прощальное, ибо писатель, отдохнув полтора месяца в Свердловске и подготовив к печати новую повесть, вновь отбывает в Новобирюсинск, на сей раз на более длительный срок. Нам удалось поймать Одинок лишь накануне отъезда, когда он укладывал в чемодан багаж — наброски новых произведений и прочие вспомогательные шмотки. Покончив со сборами, писатель, после долгих традиционных отнекиваний и препирательств, согласился всё-таки ответить на несколько вопросов издательства.

— Уважаемый Игорь Валерьевич, выпуская в печать вашу новую повесть «Килька пряного посла», мы предвидим, что общественность воспримет её неоднозначно, и вот почему: вы окончили университет, сейчас служите во внутренних войсках на должности командира взвода, казалось бы, читатели вправе были ждать от вас более серьёзных, более злободневных, что ли, произведений, хотя бы на армейскую тему. В вашей же новой повести мы ничего подобного не увидели, кроме того, что она продолжает развивать традиции ваших сатирических произведений. Чем объяснить подобный поворот творчества?

— Понимаю, понимаю, что вы хотите уточнить этим витиеватым вопросом. Не является ли моя «Килька» шагом назад по сравнению с предыдущими вещами? Думаю, грамотный читатель так не подумает. Просто существуют разные жанры, которые нельзя сравнивать и глупо сопоставлять. Ведь появились же из-под моего пера после «Десятиклассников» «Объедкин и Болычкин», затем «Чарльз Гарольд». Что же касается произведений про армию, то ничего удивительного нет, что вы их пока не видите: чтоб информация и впечатления оформились в роман или повесть, нужно время, и немалое. Работой же над «Килькой пряного посла» я занимался давно, и мне не составило большого труда в короткий срок окончательно сформировать из черновиков настоящий текст повести.

Игорь Одинок (1953–2013) — окончил математико-механический факультет Уральского государственного университета. Жил в Екатеринбурге. В 1987 году написал повесть «Наблюдательная палата», которая была напечатана в журнале «Урал» в 2006 г. (Премия им. П.П. Бажова). В «Урале» также публиковались рассказы и повесть «Осточертевший».

— Вы, Игорь Валерьевич, упомянули о романе «Приключения Чарльз Гарольда». Чарльз Гарольду же вы посвятили и последнюю повесть. Какая связь прослеживается между ними?

— Помимо единства жанра, связь самая прямая — дело в том, что первоначально повесть имела название «Бунт Чарльз Гарольда» и являлась продолжением известных приключений этого героя. Потом я решил к Гарольду больше не возвращаться, про него и так написан самый толстый мой роман, но некоторые образы и ситуации из ненапечатанного продолжения остались в архиве и постепенно перевоплотились в «Кильку пряного посла». Ну, а Гарольду, чтобы он уж очень не обижался, я решил посвятить эту повесть.

— Немного, пожалуйста, об истории создания повести.

— Работал я над повестью много лет, естественно, не планомерно, а урывками. Начата она была ещё в 10-м классе, на первом курсе университета продолжена, то есть был дописан «Бунт Чарльз Гарольда». Где-то с конца второго курса я начинаю время от времени возвращаться к повести, переписывать отдельные главы, выкидывать бессчётное количество старых глав, вписывать некоторые новые. Наконец, после пятого курса я навалился на повесть наиболее решительно, она начала приобретать всё большую законченность и современный вид. Заканчивал черновики я уже в Ташкенте, на курсах МВД СССР, тетрадь с рукописью постоянно была со мной в офицерской сумке, писать я ухитрялся и на лекциях, и на самоподготовке, и просто в свободную минуту. И вот, приехав в отпуск, я переписал повесть на чистовую, в этом виде она сейчас и шагнёт к широкому читателю.

— Не будем сейчас разбирать образы, говорить о художественных достоинствах и недостатках повести, критики займутся этим после. Мы видим, что вам сейчас очень некогда, Игорь Валерьевич, и всё-таки традиционный вопрос: ваши дальнейшие творческие планы?

— Вы знаете, трудно сказать. Сюжетов в запасе у меня немало, как старых, так и новых, но воплощение их в конкретную вещь потребует немалой работы и сил. Надеюсь, что в случае благополучного возвращения из Краслага я привезу с собой черновики двух-трёх повестей.

— Успешной вам работы и службы!

Пролог

Ко мне в гости пришёл друг. Это был действительно друг, а не какой-нибудь там мало-мальски знакомый, так как популярная детская песенка раз и навсегда вывела для нас критерий настоящей дружбы: «Друг в беде не бросит, лишнего не спросит...» Ведь так? Мой друг как-то раз не бросил меня в беде, доставив на своём горбу до дома, когда я вдруг потерял дар ходьбы после двух литров портвейнушки. Больше пятака мой друг у меня займы тоже никогда не клячил, короче говоря, другом он был настоящим. Тем не менее, приглашая его за порог, я вовсе не вспыхнул дикой радостью, ибо в себе я вроде бы как не пребывал, а вот спросить-то друг мог... В записке у меня, правда, скрывалось пятнадцать рэ, но они были отнюдь не лишними. Не дожидаясь просьбы друга, я уже сочинял трагическую историю того, как я остался без копейки, сижу на мели и рад бы, как говорится, в рай...

Друг, однако же, ничего не спросил. Вернее, он спросил, чем я занимаюсь. Я сказал, что скучаю, тогда друг предложил поскучать вдвоём. Скучать с малознакомым человеком неприятно и тягостно, но скучать с настоящим другом — милое дело! Можно даже не утруждать себя разговором — настоящий друг прекрасно понимает, что ни ему, ни мне сказать нечего. Мы спокойно проскучали часика два, а потом друг предложил занять чем-нибудь руки, и мы пошли за пивом. Взяли шесть литров, вернулись ко мне домой, заняли руки кружками и стали надуться. Изредка перебрасываясь фразами, мы не-

навязчиво коснулись темы литературы — единственной темы, о которой я ещё способен говорить с подобием увлечения.

— Писатели — это ж, на мой взгляд, какие-то суперлюди, — расфилософствовался мой друг, — а как они, наверное, знают жизнь, сколько испытали, сколько познали — на человек десять с лихвой хватит!

— Да ну, — возразил я, — это такие же смертные. Более впечатлительные, что ли. Ну и более терпеливые, конечно.

— Но как это! — стал горячиться друг, хотя пиво, напротив, охладило горло, как айсберг. — Они же описывают такие чувства, порывы, страсти-мордасти, переживания. А как это можно, если сам не испытал? Как, например, если писатель пишет о любви, он же явно себя описывает и своих этих самых, подруг. А иначе откуда, скажи, ему знать, как ведёт себя женщина? Ну что, не так разве?

— Ты прав, — сказал я, — но только чуть-чуть. Главное в нашем деле — воображение.

— Хм! Приехали! Если нет жизненного опыта, что тыобразишь? — Друг уже не горячился, а кипятился. — Что ты дуру гонишь! Если не испытал любовь, как ты можешь о ней написать?

Я снисходительно улыбнулся:

— Мысль интересная. Значит, нельзя написать про убийство, не убивав? Вот Достоевский прекрасно описал, как Родион Романович топориком работал. Так ты что, хочешь сказать, что сам Фёдор Михайлович тоже старух кромсал? А как же люди пишут про ощущения умирающего, хотя сами ещё не успели познать всю сладость смерти?

Друг чесался в замешательстве, не зная, что возразить.

— Воображение, воображение, — победоносно продолжал я, — ну, бесспорно, с минимальным жизненным опытом. Пережил что-нибудь на копейку — а расписал на рубль. Это если в макулатуру сдать, рубль. А вышло тиражом — вот тебе и тысячи зашуршали. Так-то, мой юный друг. Что же касается фантастики, приключений, — то здесь жизненный опыт и вовсе не обязателен. Пиши легко, пиши безответственно, было б воображение!

— Легко, — скептически повторил друг, — это сказать легко. А вот ты-то почему-то не больно-то много пишешь.

— Так ведь не платят же! Платили б, так я бы по количеству наименований давно Бальзака б перещеголял! Ну, для тебя, если хочешь, могу тряхнуть стариной. Хочешь?

— Хочу! — Мой друг поймал меня на слове так крепко и незамедлительно, что я на миг даже растерялся. Теперь идти на попятную было неловко, и я игривейшим тоном продолжал:

— Пожалуйста! Итак, заказан приключенческий роман! А знаешь ли ты, дружище, как я стряпаю приключенческие романы?

Друг отрицательно повёл головой.

— Так слушай! Приключенческий роман — та же шахматная партия. Фигуры выстроились перед началом игры, это персонажи, которые я должен выдумать до начала сочинительства, а их характеры — тот же способ передвижения по доске! Как ферзь, например, не может скакнуть конём, так и скупердяй не может вдруг бескорыстно одолжить ближнему трёшку. Всё это я тебе сейчас объясняю популярно, на пальцах, как профану, иногда ходы и правила бывают много сложнее, суть, впрочем, та же. И вот игра началась. Фигуры задвигались. Они ходят, маневрируют, рубят друг друга, только, в отличие от шахмат, я играю и за чёрных, и за белых, я строю комбинации — красивые, захватывающие или чаще всего примитивные — насколько фантазия позволяет. А читатель может с увлечением следить за ходом игры, и я порой искренне завидую читателю, ибо, в отличие от него, всегда знаю, чем окончится партия, знаю победителя. В жизни же чаще всего бывает ничья, в моих партиях такое бывает тоже. Чтобы получалась иллюзия правдоподобия, нам, писателям, подчас приходится обезьянничать у жизни.

Друг слушал меня развесив уши. Воспользовавшись его замешательством, я вознаградил себя за болтовню внеочередной кружкой пива.

— Ну-с, а теперь я выступаю в роли официанта! — не дав другу отойти, продолжал я. — Итак, наш обед — приключенческий роман. Что желаете заказать? В меню есть шпионы, профессора-человеконенавистники, желающие уничтожить мир, банды малолетних садистов...

— Не... Мне чего-нибудь полегче, — попросил друг.

— Путешествие в Боливию? Ограбление банка? Поиски клада?

— Во! Пусть будет клад!

— Клад. Записал. Что желаете на гарнир?

— Любовь. У вас есть эта приправа?

— Ну, знаете ли, любовь — это уже самостоятельное блюдо, если его, конечно, как следует приготовить и нафаршировать психологизмом. Как приправа будет хороша не любовь, а, скажем, любовька... Или, ну, как это уменьшительно-то будет, подсказывай!

— Любовька — такого слова-то нет! Скажи лучше, интрижка.

— Пусть так. Сообразим по этой части что-нибудь лёгкое. Чем будем закусывать? Убийства, погони, драки?

— Пусть всё присутствует, — обрадовался друг.

— Чем будем запивать? Лично я бы порекомендовал напиток, который, на мой взгляд, как нельзя лучше идёт под приключенческое блюдо, — коктейль из шуток, иронии и юмора. На дне такого коктейля, правда, часто бывает горьковатый осадок, но зато легко пьётся и способствует аппетиту.

— Да-да, коктейль, — не стал отказываться друг. — А что на сладкое? Может быть, кусочек секса?

— Ишь как тебя раскатало, — не сдержавшись, хохотнул я. — Но наша кухня на сладостях не специализируется. Впрочем, могу приготовить немного поцелуев и голых коленей, большего не обещаю. Итак, заказ принят.

— И долго теперь ждать?

— Месяца три-четыре. А проглотить блюдо ты сможешь за один вечер, если аппетит разыграет. Неблагодарная кухня, да? Короче, с завтрашнего дня я расставляю фигуры и... Да! Мы же ещё не обговорили название грядущего шедевра!

— Трудно придумать, что ли?

— Ещё бы! У меня в черновиках знаешь сколько бумаги исписанной скопилось, а всё не печатаю. Названия нет.

— Странно... Как обычно называют приключенческие вещи: опасный поворот, последний шанс, западня, тайна чего-нибудь там или кого-нибудь, ошибка чья-то...

— Тайна старых очков... Ошибка профессора Сикина, — вслух фантазировал я. — В последнее время модно стало называть детективы шахматными партиями: «Королевский гамбит», «Сицилианская защита». Но книг-то всё больше, а темы-то те же, и названия подходящие к ним уже разобраны по несколько раз. Некоторые писатели отреагировали на дефицит названий тем, что стали называть книги, что называется, от фонаря! «Короли и капуста», «Завтрак для чемпиона». Может, и мы назовём как-нибудь не связано с сюжетом, а?

— М-да? — вопросительно почесался друг. — А-а-а... А как это?

— Придумаем сейчас, — тут взгляд мой невзначай замер на банке с килькой. — Во! Пусть повесть так и называется: «Килька пряного посола». Звучит? А?!

— Звучит... А-а-а почему?! Почему килька?

— Почему-почему. Если б я сказал: «Зубы фламинго» или «Крышка ржавой кочерги», ты б ведь тоже спрашивал «почему»? Почему... Потому что хаос, безыдейность — вот почему. И что тебе не нравится? Вкусная ведь килечка, свежая, на губах так и тает, так и цветёт, — я даже прожевал кильку с головой в подтверждение своего восторга.

— Вкусная, — не стал спорить друг.

— Вот и ладушки. С завтрашнего дня начинаю работу над «Килькой пряного посола», а сейчас, может, продолжим расслабляться, а?

Друг поддержал и это моё предложение, мы с опустошёнными банками побежали за новой порцией пива. На следующее утро я, как и было обещано, купил стопку бумаги, вставил в ручку новый стержень, расставил на воображаемой доске фигурки, мысленно пробросал возможные дебютные комбинации, выпил стакан крепкого чайку, приободрился, вдохновился, настропалился и стал творить.

Основная часть

— Бойчей-бойчей, Саня, едят тя мухи! Ну, чё лопату обнял, эт тебе не пузырь, да и не баба даже. С такими темпами так мы и к ужину работу не прикончим!

— Дык, э-э... Болею ж, Кондрат Лукич. Ежели б оно чуток подлечиться, принять, э...

— Знаю я. Тогда ж совсем расплывёшься, Саня. Я ж тебе пообещал: сделаем дело — поставлю!

В небольшом огорожке возились с лопатами двое полноватых, полнокровных мужчин. Один был лыс, как полированный стол, броваст и сердит, он с остервенением работал лопатой, с нервной инициативностью пережевывая во рту папиросу. Другой из мужиков отличался лохматостью, небритостью и отёчностью. Это были жители посёлка Колпашино: мелкий обыватель Кондрат Лукич и потомственный алкоголик Сашка Буховцев, за чекушку подрядившийся маленько помочь соседу по хозяйству: выкопать яму под туалет. Грунт шёл всё больше твёрдый, глинистый, июльское солнце, надувшись, жарило злобно и нестерпимо; работяги обливались потом, страдали и за кружку холодного пива, бесспорно, отдали бы сейчас, не задумываясь, если и не три рубля, то уж полжизни точно. Горячий воздух с трудом влезал в прокуренные лёгкие, мухи ползали по потным телам страдальцев, рассеивая микробов. Конечно, при желании можно было бы запросто сейчас бросить землекопство и упасть где-нибудь в тени, но не таков был Кондрат Лукич Сморкалов: с раннего утра задумал он сделать доброе дело и не намерен был отступать. Сашка Буховцев же, напротив, то и дело вслух проявлял свою безынициативность и малодушие.

— Ну вот, Кондрат Лукич, — вновь и вновь канючил он, ковыряясь тупой лопатой в уже довольно-таки глубокой ямичке. — Это нечестно! Это бесчеловечески! Это... Это нехорошо, в конце концов! Как договаривались — выроем ямку. А роём — да тут уже слона похерить можно. Ведь два часа уже вкалываем как папы Карлы! Пора бы и...

— Саня, — тяжело дыша, шипел в ответ Кондрат Лукич, — помяни моё слово, едят тя мухи, — ещё раз простонешь, не налью! Понял?!

Буховцев обронил лопату, взвизгнул и с садистским наслаждением размазал по потному животу труп обпившегося кровью овода.

— Лишь бы не работать! — неодобрительно сплюнул по этому поводу Кондрат Лукич, продолжая с остервенением вгрызаться лопатой в землю.

— Попить-то хоть можно, — подал голос Саня. — Водицы... а?

— Сходи, — с неохотой пропыхтел Сморкалов. — Но водицы, а не водицы, едят тя мухи, понял у меня?

— Я мигом, Кондрат Лукич!

Буховцев потопал к дому. Кондрат Лукич поднатужился и со всей силы долбанул лопатой по дну ямы. Удар пришёлся во что-то не по-земному твёрдое. Сморкалов врезал ещё раз — теперь явственно послышался металлический звон.

— Камень, что ли, едят ты мухи, — злобно пробормотал Кондрат Лукич, отмахиваясь от мух, которые действительно поедом ели его измученное тело. Потом Сморкалов ковырнул лопатой чуть сбоку. Камень поддался сравнительно легко. Он был круглый, обмотанный полуистлевшей тряпкой, и вообще был не камнем, а горшком, но не типа «ночной вазы», он больше напоминал горшок, в котором подают иногда кушанья в ресторанах, отличаясь от них большей объёмистостью, таинственностью и увесистостью.

— Надо ж, — сам себе сказал Кондрат Лукич, смахнув пот с лысины, — горшок. Откуда? Прежние хозяева, что ли, зарыли? Взглянуть, что ли, какого дерьма там понапихали?

Сморкалов сорвал полуистлевшую тряпку, под ней оказалась другая, он разорвал и её, тряхнул горшок. И из горшка повалило... Тут были и золотые монеты, и кольца, и брошки, и прочие драгоценные висюльки, они мягко шлёпались в разворошённую землю, а Кондрат Лукич молча смотрел на них... «Да это же клад!» — вдруг понял он, и лицо землекопа алчно перекошилось.

Из дома вразвалочку вышел Буховцев. Увидев его, Кондрат Лукич, будто очнувшись, бросил горшок в яму, молниеносно сориентировался и крикнул:

— Э! Саня! Что-то у меня под правым боком кольнуло... Ой, не могу. Пошли, перекурим, что ли!

— А что я говорил, Кондрат Лукич! — расплылся Буховцев в торжествующей улыбке. — От работы кони дохнут! С ветерком надо делать всё, не спеша, в удовольствие, а не как папа Карло...

Сморкалов отряхнулся, уронил лопату, быстро столкнул назад в яму кучку вырытой земли, и горшок вновь скрылся от света, придиричьих глаз и правосудия.

— А я тебе говорю, Игорюня, это целая история, целый роман дютюктивный!

— Ладно, только короче, Вася, короче! Я только что ущипнул проводницу за левую ягодицу. А она ничего — улыбается, застенчивая больно. Надо продолжать натиск, а ты... Что у тебя?

За окном поезда, подрагивая, мелькал чёрно-белый весенний лес. В купе сидели двое молодых людей лет под двадцать пять и допивали третью бутылку портвейна. Лица, речи и мысли обоих были возбуждёнными и оптимистическими. На второй полке, отвернувшись к стене, спал немолодой, с сединой в волосах мужчина — и больше никого не было в купе.

— Короче, дед у меня приказал долго жить, — сказал Вася, закуривая. — Помянем деда, Игорюня!

— Помянем, — Игорь поднял стакан, — но только короче, короче...

— А на своей, как это говорится, смертной орде он поведал мне одну потрясающую штуку! Прямо как анекдот.

— Ну и дед! Коньки кидает и ещё и анекдот успеваешь зашпилить. Но короче, я прошу тебя, короче!

— Так вот. Он передал мне тайну, тайну, которую ему передал ещё его отец, который сам когда-то на смертной орде...

— А отцу его отец, а тому ещё Адам передал на орде, передал страшную тайну, что бабы до добра не доводят... Короче, ты пьян, Вася, ничего не сообщай, спи давай. А я пойду проводницу щипать.

— Дурачок, — обиделся Вася. — Ты хоть знаешь, что в 18-м году в Екатеринбурге Колчак свирепствовал.

— Колчак, Деникин, Гитлер, Югенд — всех знаю! Если ты будешь ещё тянуть, я тоже сейчас начну свирепствовать.

— Ну, погоди. Погоди. В том всё дело, что отец моего деда служил у Колчака.

— Да? У-у-у... Контра, — Игорь с ненавистью шмыгнул носом.

— Не дёргайся и не эмоциональ! История историческая. Так вот, был там у Колчака один полковник, а с ним графинечка какая-то таскалась, от красных драпали. А отец моего деда как раз у них в денщиках пробавлялся. А при графинечке-то драгоценств, золота и бриллиантов было — хоть залейся! Конечно, они драпали, думали мигрировать и где-нибудь там по Константинополью ценностями швырять, ну а прадедушка мой рассудил иначе. Мужичок был хозяйственный — полковнику с графинечкой по пуле в спину влепил, сокровища цап-царап, за пазуху — и в тик! Секёшь, Игорюня?

Игорь заинтересованно кивнул.

— Цап-царап, значит, ну а куда с сокровищами податься? Время, изучал же ты по истории, был смутное: кругом барыги, ханыги, воры, комиссары, беспризорники — Содом и Гоморра! Того гляди, товарнут или к стенке. И прадед мой тогда, мозгляком шевельнувши, взял и зарыл всё в землю. До лучших времён.

— И?! — не выдержав, икнул Игорь на всё купе.

— И не дожил до них. Умирая, передал план клада моему дедушке.

— А... дедушка?

— Дедушка был трус. Но и жадный был парень. И откапывать боялся, и с государством делиться не хотел. Мало ли, думал, чёрный день... Так и прожил дурачком до самой смерти. И вот, помирая, видит он, что внук бедствует, до сих пор без «Жигулёнка» пробивается, он сжалился и мне всё это дело завещал, — с этими словами Вася с торжественной неторопливостью выудил из внутреннего кармана пиджака четверо сложенный листок. — Вот! Это и есть план. Смотри, вот обозначен посёлок Колпашино! В полдень надо сделать от старой церкви двести шагов на восток, потом десять шагов направо и три и семь десятых шага по направлению к покосившейся сосне. И тут копать!

Пассажир на второй полке едва заметно пошевелился и громко всхрипнул. Подпитые парни сосредоточенно склонились над планом. Игорь даже ковырнул пальцем место, обозначенное крестиком, будто надеялся прямо сейчас с бумажного листа отколоть сундук с сокровищами.

— Год назад мой дед побывал на том месте, — переведа дух, продолжал Вася. — Церковка заброшенная стоит. Стоит и сосна. Правда, место клада попало на территорию какого-то огорода, но это ж пустыки, Игорюня. Добудем!

— И... И ты тогда всё себе захапашь? — поинтересовался Игорь с пьяной непосредственностью.

— Почему? Чтоб не было неприятностей, всё сдаём государству, а остальное — по-братски!

— Вася! — Игорь чуть не задохнулся, обомлев от счастья. — Вася! Васятка! Я не могу выразить... Я... Дай я тебя поцелую

— Да ну... Я лучше с пепельницей поцелуюсь.

— Тогда выпьем! По последней.

— Давай.

Стаканы со звоном сдвинулись прямо над планом.

— Да... Вот это да, — всё ещё не приходил в себя Игорь. — Ой... Да, кстати, Вася, ты не обессудь, но по пьяной лавке меня, как всегда, на любовь потянуло. Пойду я, а?

— Не обессудю.

— А может, тебя познакомить, а? По очереди?

— Н-нет! — категорично тряхнул головой Вася. — Я свою Аллочку люблю, и грязи мне никакой не надо. Вот отколупаем клад, я с ней женюсь — и к тёплому, тёплому, тёплому морю...

Последних слов Васи Игорь уже не слышал. «Вот это друг, вот это друг», — думал он, выйдя из купе, и через пять минут, тиская толстую проводницу, представлял, что обнимает в её лице всё доброе, душевное, здоровое человечество.

— Слышь, Вася! Она сказала, что я жгучий мужчина, ха-ха! — сообщил Игорь, с грохотом открывая купе. — А что! Обожглась! Эххх... а... Вася?..

Игорь остолбенел. Васина голова валялась на столе в луже крови, осколков и портвейна. Рука друга безжизненно болталась в такт толчкам поезда.

— В-вася, — ещё не вполне осознавая происходящее, бормотнул Игорь, делая неуверенный шаг вперёд. Узкое стальное жало впилося в бок, сильные пальцы зажали рот, вывернули назад шею, ноги вдруг потеряли пол, и больше ничего не было.

...Поезд громыхал на стыках. За окном тускло белело солнце и тихо плакала умирающая зима.

Застолье было не особенно пышным, но зато многолюдным и шумным достаточно, и происходило оно в месте, казалось бы, для подобных нехороших целей вовсе не предназначенном. В школьном классе. Сдвинутые в центр парты образовали длинный, обширный стол, на котором громоздились домашние пироги, грибочки, помидоры, магазинные консервы и группа стройных водочных бутылок во главе с пузатым шампанским. За столом веселились солидные люди, разменявшие пятый десяток. Когда-то давным-давно все они, совсем молоденькие и глупенькие, без пуз и лысин, пришли в этот класс в первый раз и стали учениками. Сколько знаний и вредных привычек приобретено, сколько нервов и иллюзий утрачено было ими в этих незамысловатых стенах. Здесь заикались у доски, плевались на переменах, подкладывали кнопки на сиденья, задирали юбки, били из рогаток лампочки, курили в туалетах и мечтали стать врачами и космонавтами. Потом, чуть повзрослев и остепенившись, помогали девочкам дотащить до дому портфели, выясняли отношения, сочиняли бездарные любовные стихи, целовались за заборами. Было... Было... Двадцать пять лет назад они, как и полагается в таких случаях, под звуки вальса плавные припомнили годы славные и разлетелись в большую разношёрстную жизнь и вот сегодня вновь съехались в родную школу, чтоб посмотреть друг на друга, поностальгировать и выпить в связи с этим.

Из старых школьных учителей в живых сохранился один лишь физик, и тот выглядел чересчур ископаемым. Когда-то строгий, непримиримый к шалостям, двойколюбивый педагог, теперь он страшно сдал, превратившись в щупленького, лысенякого старикашку с мокрым носом и трясущимися руками. С бывшими учениками своими, которых когда-то, как щенят, выгонял за дверь, он вёл теперь себя не то чтобы демократично, а даже немного заискивающе — да и как могло быть иначе? Многие из них вышли в люди, а некоторые даже стали крупными птицами, а он как был учителем физики в поселковой школе, так и состарился в Колпашино на сём непрестижном посту.

Поначалу, правда, настоящий душевный разговор за столом не клеился. Бывшие ученики вели обычные светские беседы о том, что исчезло из продажи, подешевеет ли в этом году мясо и подорожает ли водка, некоторые пытались выдать из себя нечто с претензией на остроумие, другие вежливо покхекивали. Не все сразу признавали друг друга — жизнь не красит людей. Но вот опустела бутылка, вторая, третья, и речи за столом приобрели более тёплый, эмоциональный характер. Тематика, конечно, соответствовала цели сборища — послушать, кто чего достиг.

— Ну, вот Елену-то нашу, Ерёмину Елену, думаю, представлять не надо, — расплывался в беззубой улыбке учитель физики. — Училась с нами, сидела вот за партой, а сейчас... Сейчас в искусстве! И не просто так там где-нибудь в драмкружках — в Театре оперы и балета!

Елена Ерёмина, невысокая бочкообразная тётя, расплываясь в застенчивой улыбке, чуть-чуть приподнялась из-за стола. В театре она играла в основном административные роли, однако в опере «Кошкин дом» талантливо вела

партию свиньи. Люди за столом помолчали и, не сговариваясь, одобрительно захлопали.

— П'думаешь, певунья, едят её мухи! У нас в Колпашино все по пьяни поют!

Недовольные лица бывших соучеников повернулись в сторону, откуда прилетела вдруг эта оскорбительная реплика. Там, в углу стола, развалился на лавке лысый коренастый мужик в обдёрганном пиджачишке. Это был Кондрат Сморкалов — бывший лютый двоечник и хулиган класса. На сегодняшнем вечере его опрометчиво посадили в опасном соседстве с бутылкой водки, и вот теперь, видимо, пришла расплата за ошибку.

— А вот и Женя... То есть, конечно, извините, бывший Женя, а ныне Евгений Адамович Карманович, который кормит нас и... в какой-то мере директор столовой, — физик тактично поспешил замять неприятность.

— Тружусь в области общепита, — в знак согласия улыбнулся подтянутый седоватый мужчина.

— Приятно гордиться своими учениками, — преждевременно прослезился физик, и в этот миг вновь прогремел хриплый голос Кондрата Лукича:

— Как был прощелыгой, так и остался! Был я в его столовке. Котлеты — тьфу, это какой-то мякиш хлебный, которым-то гулек стыдно кормить!

Карманович гневно пошевелил ноздрями, проглотил слюну, но смолчал.

— А вот наш Вася, — гнул свою линию физик. — Он ведь у нас отличником был и не обманул надежд заведения... Да, Вася, то есть, простите...

— Василий Африканович, — застенчиво представился толстощёкий очкастый мужчина с зачёсанными назад длинными волосами, — кандидат физических наук.

— Приятно гордиться своими учениками, — поспешно, чуть ли не скороговоркой, выпалил физик, а взгляды всех невольно обратились на Сморкалова — не отравит ли он вновь общего ликования и умиления чем-нибудь пакостным. Кондрат Лукич разделялся с очередной рюмкой, так что Василию Африкановичу повезло. Физик тем временем тоже не обижал себя водкой. Чувствовалось, что если так пойдёт и дальше, то он скоро уронит голову под стол, а может, и того ниже.

— А вот, я узнаю, я узнаю... Ваня Упырёв, — без усталости мямлил физик. — Способный был мальчик по точным наукам. А где сейчас трудишься, а, Ваня?

Тощий мужчина с длинным, криво сросшимся носом скривил губы в недоброй улыбке:

— Понимаете, друзья... Я работаю в таком ведомстве, о котором вслух не говорят... Ну, вы понимаете...

Все тотчас понимающе закивали, но почему-то почувствовали себя не совсем уютно. Даже физик словно отрезвел.

— Урка, — вдруг пронеслось над столом. Общество совсем приумолкло, гадая, сойдёт ли на сей раз Сморкалову с рук его нелепая хамская выходка. Упырёв с усилием промолчал. И вновь физик кинулся разбавлять обстановку.

— Ну, а ты, ты-то, Кондраша, как? — спросил он у Сморкалова. — Всё других критикуешь, а сам чего достиг? Раньше, помню, баловался ты много. На то и молодость, конечно, но а сейчас... сейчас?

— Ну что. И сейчас живу. Шоферу потихоньку... И всё б хорошо, да вот только горе со мной приключилось, — проговорил Кондрат Лукич, и все, услышав про горе, разом стягнули с лица улыбки: хоть и бывший хулиган, хам, а пособлезновать надо — горе-то со всеми бывает.

— Тётьенька помёрла, — сообщил Кондрат Лукич и скривился.

— М-да, — протянул физик на правах самого старшего и мудрого, — это жизнь, жизнь, друзья мои... У меня, знаете, тоже давно уже все поумирало.

— Тётьенька, — в задумчивости продолжал Сморкалов, — Филадельфия...

— Чего-чего? — насторожился Карманович.

— Звали её так, едят её мухи... А может, город её так звали.

— Ну, это же город в Штатах!

— Ну да! Я и говорю — заграничная тётенька. Я об ней почти ничего не знал, а сообщили, что помёрла, взял и расстроился за здорово живёшь, — продолжал Сморкалов, задумчиво почёсывая лысину. — Помёрла, а я единственный наследник. А тётенька была не простая, а... а, эта...

— Какая эта? — в волнении уточнил Карманович.

— Ну, эта... Что-то с мультиками связано.

— В мультфильмах снималась?

— Да нет... Эта, едят её мухи... Мультимиллионерша!

Над столом разом зависла потрясённая тишина, и сразу стало слышно, как кто-то некрасиво чавкает.

— За помин души моей тётеньки! — со вздохом провозгласил Кондрат Лукич, и все выпили, как загипнотизированные. Сморкалов замолчал и, опустив глаза, как ни в чём не бывало, занялся закуской.

— И что же? — Карманович нездорово вытаращил глаза. — Значит, и ты теперь тоже мульти?

— Мульти-пульти, майти маус, — усмехнулся Сморкалов. — Да нет... Всего-то дали мне каких-то пять миллионов — там ведь тоже прохиндеи сидят, погрели руки-то...

— Ха-ха-ха! — истерично захохотал физик, а за ним и остальные, кто-то даже взвизгнул от усердия. — Фантазёр, Кондраша, развеселил...

— Да, — посмеивался Карманович, — а что ж сам ходишь, как дворник?

— А я не пижон, — спокойно сказал Сморкалов, — а пиджак этот ношу, потому как в нём карманы широкие.

С этими словами Кондрат Лукич лениво опустил руки в карманы и вытащил из каждого по несколько пачек пятидесятирублёвых бумажек. Упырёв злобно дёрнул кривым носом, Карманович цокнул зубами, Василий Африканович булькнул щеками, остальные моргнули и затаили дыхание. В наступившей тишине вдруг прогремел глухой удар, раздался звон разбитой рюмки... Старик физик, не выдержав остроты ощущения, уронил наконец голову под стол.

Души и умы многих всколыхнули события в этот памятный вечер в старой поселковой школе. Одним из колыхающихся был Василий Африканович Плешаков — его, скромного научного работника, вдруг стала мучить алчность, мучить жестоко, изощрённо и неотступно. Три дня Василий Африканович страдал молча, ходя как пришибленный, на четвёртый день не выдержал и поделился адскими муками с женой:

— Нет справедливости на этом свете, Марина, — сказал он как-то за завтраком, без аппетита ковыряясь в разваренных макаронах. — Как пчёлка всю жизнь кружишься, работаешь, гнёшь спину, а всё ни дачи, ни машины, ни даже паршивенького цветного телевизора! А другим просто так, на шаромыжку счастье берёт и приваливает! Кондрат Сморкалов! Учился в одном классе со мной. Лоботряс, хулиган, негодяй. И что же? Ему недавно наследство из Филадельфии выслали.

— Что? Кто? Сморкалов Кондрат? — заинтересованно переспросила Мария Семённа Плешакова, пожилая женщина со скуластым простоватым лицом. — Так его ж дочь Людмила в одном классе учится с нашим Петей.

Мария Семённа состояла завучем в школе Колпашинского посёлка, где в настоящее время кончал среднее образование сын Плешаковых Петя.

— Вот совпадение-то, — покачал головой Василий Африканович, роняя изо рта длинную макаронину. Полные щёки его ходили вверх-вниз, как у хомяка. — Вот ведь тоже повезло девчонке... И тоже ведь дура, поди, душой, а как замуж, так сразу денег, квартира, мебелировка... У... Марина!

Плешакова озабоченно взглянула на мужа — столь судорожен был его возглас. Василий Африканович перестал жевать и снял очки, что делал обычно лишь в самых экстремальных или торжественных случаях.

— Марина... А что, если мы Петю... А? Чтоб он это... С этой, как её...

— С Люсей?

— Ну да...

Так было принято авантюрное решение женить сына Петю на дочери поселкового миллионера. Надо сказать, Василий Африканович всю жизнь возлагал на сына неслыханные надежды, которые, увы, не совсем пока сбывались. Чуть ли не с колыбели Плешаков принялся вдумчиво воспитывать из Пети лауреата Нобелевской премии. Глупых, антинаучных сказок Петя в детстве не слышал, голову его не забывали зря ни Кощеями, ни Змеями Горынычами, а вместо новелл про Баб-Ёг ему читали научно-популярные статьи о феномене йогов. С самых юных лет Петю пичкали знаниями и заставляли смотреть «Жизнь науки», «Очевидное — невероятное» и некоторые другие такие же умные передачи. Словно назло честолюбивым мечтам родителя, из Пети напрочь отказывался прорезаться вундеркинд. В школе, правда, он выучился читать и писать, но зато счёт ему упорно не поддавался. Правда, сколько будет 1+1, Петя всё-таки запомнил. Сколько будет 1+2 — тоже в конце концов научился вычислять, но дальнейшее дело застопорилось, да так глухо, что Пете пришлось остаться на второй год. «Всё отлично! — ликовал отец. — Все великие в детстве были двоечниками, а потом у них всё прорезалось!» И Плешаков-старший неумоимо вдавливал в голову сына азы науки, но несмотря на то, что немало шариковых ручек было поломано о голову Петюни, тот упорно ничего не «резал». Тупость Пети к точным наукам не имела границ. Наконец Василий Африканович прозрел, что родил дурака, и долго клял врачей, утверждавших, что дураки есть следствие пьяных зачатий. Разочаровавшись, Плешаков махнул на сына рукой, предоставив тому дуреть самому по себе. У матери были насчёт сына не столь грандиозные планы — она хотела, чтоб он стал обычным интеллигентным человеком. Для этого как минимум требовалось среднее образование, но непростым делом оказалось для Пети окончить десять классов. Из прежней школы, где Петя успел трижды задержаться в различных классах на второй год, после восьмого его категорически выперли за тупость. Другие школы с таким минимальным аттестатом тоже не рвались принять Петю в своё лоно. Но Мария Семёновна не падала духом, она устроилась работать в захолустную школу Колпашинского посёлка, в которой была страшная напряжённость с педагогическими кадрами. Школа была несказанно рада современной сподвижнице и как в нагрузку за её самоотверженность приняла в девятый класс её дорогого Петю. Сейчас Петя Плешаков заканчивал десятый, ничего не уча, ничего не делая и ни о чём не заботясь. Вследствие ухудшения крайне низкого зрения Петя был освобождён от экзаменов, учителя не отличались принципиальностью и не жалели для Пети халявных троек, короче говоря, жизнь Пети текла мирно, спокойно и планомерно. И вот сейчас, когда Петя отдыхал, то есть, по своему обыкновению, лежал на диване и смотрел в потолок, над головой его сгущались неподвижные тучи.

Итак, Петя Плешаков, нескладный, прыщеватый, очкастый и курносый паренёк, отдыхал, разбросав тело по дивану. Он лежал и думал, да, думал, ибо по природе своей не был непроходимым дураком, скорей, наоборот, мыслителем, просто домашнее воспитание и школьная действительность, конечно, сильно одурманили ум Пети. Надо сказать, Петя не страдал самолюбием и нередко публично называл сам себя «тихим дураком», впрочем, сам себя при этом дураком не считая. Привыкший годами ничего не делать и ни о чём не заботиться, Петюня заполнял свой необъятный досуг чтением книг и размышлениями о жизни, впрочем, предпочтение отдавал чаще всего второму занятию. Дело не только в размышлениях, сама жизнь ненавязчиво подводила Петю к той простой мысли, что легче и правильнее всего прожить её безответным и безответственным ду-

раком. Как-то раз Петя понял это, а поскольку все и без того привыкли считать его дураком, ему осталось лишь прилагать усилия к тому, чтоб нигде и ничем свой ум не обнаружить. Надо сказать, особого труда ему это лицемерие не доставляло. Петя был замкнут, малоразговорчив, и никто, конечно, не мог и предположить, что потребность в общении «тихий дурак» заменяет творчеством. О да! У Пети Плешакова была тайна: с пятого класса он писал стихи, писал их со всем вдохновением, задыхаясь подчас в наплыве чувств и мыслей, но никому никогда их не показывал, а рукописи прятал с такой изобретательностью и тщательностью, с какой, наверное, Кошей Бессмертный не хоронил свою смерть. Ни одна душа в мире не подозревала о тайной страсти, на досуге сжигающей Петю. Вот и сейчас Петя Плешаков лежал на диване, думал об уходящих школьных годах, а в голове привычно толкались многочисленные рифмы...

Тринадцать лет за партой школьной
Я просидел и отсидел,
Не нюхал счастья, жизни вольной
И...

Дальше с нескромностью просилась рифма «поседел». Нет... Стихи выходили какими-то искусственно сентиментальными, да и не вполне реалистичными и не удовлетворяли Петю. Плешаков оставил умственную работу над прощальными строками до лучших времён и призадумался прозой. Итак, тринадцать лет... Целая жизнь, можно сказать. А что он видел за эту долгую жизнь, кроме школьных парт, тетрадей, доски?.. Как странно. Жизнь прошла, а вспомнить нечего. Нет, конечно, некоторые интересные, волнующие случаи в жизни Пети всё-таки были. Одно пребывание в дизентерийной больнице чего стоит! Это был самый героический, запавший в память и душу эпизод жизни, о котором Петя Плешаков давно мечтал сложить поэму, но воздерживался, считая, что пока ещё не созрел для столь серьёзных и ответственных тем. А ещё что было в жизни? Да, была ведь любовь в четвёртом классе. Любовь страстная, неистовая, безответная, как всякая настоящая любовь. Однажды в школьном гардеробе Петя случайно прикоснулся к её плечу и до сих пор сохранил в душе своей чувство неземной сладости этого прикосновения. А сколько стихов о любви создал впоследствии Петя под впечатлением этого чувства! Всё-таки, значит, было в жизни то, ради чего стоило прожить эти тринадцать лет! Было... Но что всё время думать о прошлом? А что хорошего может ждать его в будущем, если детство и первая любовь — пройденные этапы. Увядание, моральное разложение, одиночество, старость, смерть.

Петя вздохнул во всю силу лёгких. Пасмурно было на душе. Плешаков вспомнил, что, когда становится грустно, надо крепко поесть, и всё проходит, и уже пошевелился было, но в последний миг всё же поленился встать с дивана и идти на кухню. Не настолько грустно всё-таки было. И Петя остался лежать.

И вот в этот обыденный миг в комнату вошёл отец. Вид у отца был целеустремлённый, чуть взволнованный, и Петя с горечью догадался — предстоит разговор. Три великих силы мешали Плешакову жить — пессимизм, стеснительность и лень. Ни от чего на свете, а значит, и от разговора с отцом Петя не ждал ничего хорошего, но послать отца подальше он постеснялся, а уйти из дома — поленился. Беседы было не избежать. Василий Африканович нервно прошёлся по комнате, полистал, не глядя, какую-то книгу и опустился в кресло рядом с диваном. Петя смотрел в потолок и молча ждал неприятностей. Они не заставили себя долго ждать.

— Пётр, — выговорил Василий Африканович, натянуто кашлянув. — Мне надо с тобой кое о чём серьёзно поговорить.

«Тихий дурак» насторожился. Раз отец называет его не «Петькой», не «Петюней», а «Петром», значит, дело совсем хреново. Петя внутренне мобилизовался, решив в любом случае сопротивляться до конца.

— Пётр... — Василий Африканович давно отвык от серьёзных разговоров с великовозрастным сыном и тоже чувствовал себя неловко. — Вот ты тут лежишь всё... В потолок плюёшь.

— Не плевался я, — коротко буркнул Петя.

— Это так говорится... Образно. А ведь ты, понимаешь, ты почти что взрослый человек. И, значит, всё это детское лежание надо бы оставить и задуматься, серьёзно задуматься о твоей будущей жизни...

«Ага. Клонит к тому, чтоб я поступил в институт, — сообразил про себя Петя, — а наκος выкуси!!!»

Василий Африканович ещё разок откашлялся, промокнул щеки носовым платком и продолжал:

— А в будущей жизни своей нужно быть человеком. Человеком обеспеченным, значит, твёрдо стоящим на ногах...

Отец мялся, пока ни словом не коснувшись сути дела, и в этот самый миг Петя нанёс упреждающий удар:

— Ни в какой типа институт я поступать не собираюсь! — заявил он, решительно переворачиваясь на другой бок. — Дурак я, двоечник, ни способностей не имею, ни желания... И всё!

Василий Африканович молчал, но по выражению отцовского лица Петя безошибочно определил, что основная борьба ещё впереди. Ну что ж, на лёгкую победу Петя и не настраивался.

— Хорошо, — произнёс Плешаков-старший легко и спокойно. — А кто говорит, что тебе обязательно нужно куда-то поступать? Ни к чему это совершенно, правильно ты, Петя, говоришь. Вон сейчас сколько развелось никому не нужного барахла с корочками! А человеком и без корочек становятся...

«Тихий дурак» молчал и думал. Вроде бы отец, соглашаясь с ним, с лёгкостью сдаёт свои позиции... Нет, что-то тут не так. Значит, дело не в институте. Но в чём? Петя Плешаков решительно терялся, с какого фланга ждать теперь удара, но внутренне мобилизовался до предела.

— Пётр... Ты взрослый человек, — Василий Африканович, не обладая мужественностью сказать суть дела в лоб, вновь зачёл сказку про белого бычка, — и я хочу поговорить с тобой как мужчина с женщиной.

— Я ещё не мужчина, — ловко парировал «тихий дурак», — я мальчик.

— Да... Но это ничего, Петя. Всё образуется. Мы с мамой всерьёз посоветовались и успокоились... Твоей личной жизнью. Ты, наверное, понимаешь, Петя, как тяжело всю жизнь быть одиноким.

— Знаю. Но я привык.

— Привык, — растерянно фыркнул Василий Африканович, — это за двенадцать лет-то ты успел привыкнуть... Ну и что ж? Надо отвыкать... Короче, зачем вокруг да около... я ведь и сам был молодым. Тебе ведь жениться уже хочется, да ведь, Петя?

«Так вон куда отец загибает, — внутренне содрогнулся «тихий дурак», не ожидавший столь крутого поворота событий. — Жил я, значит, спокойно, и вдруг задумали весь мой тихий омут взорвать: ну нет! Нет такого закона, чтоб силком заставлять под венец, нет!»

— Нет, — бесстрастно промывчал Петя.

— Ну, вот те раз! — отец начинал терять терпение. — Ни учиться, значит, не хочешь, ни жениться. Совсем обнаглел! Только и хочешь, что лежать на диване и в потолок плювать!

— Я не плевал.

— А мне плевать... Тьфу! Я нервничаю, Пётр, нервничаю! Ты взрослый сын и лежишь лёжнем. Перещеголял даже Обломова Илью Ильича! Тот хоть пожрать не ленился, а ты с утра лежишь, и тебе на кухню выбрать-ся лень! Разве это жизнь? Это существование! Это надо пресечь, ведь ты живёшь, как животное, Пётр, хуже, потому как животное хоть по клетке ходит, а ты...

Отец кипятился и говорил много несурзностей. Петя смотрел в потолок и блаженно улыбался. Василий Африканович вновь долго отирал пробившийся на лице пот, откашливался, отдувался, пристанывал. Петя взвешивал мысленно силы противоборствующих сторон и никак не мог представить, что у отца хватит сил для нового натиска. Увы, он недооценивал своего родителя.

— Петя, — вновь заговорил Василий Африканович почти ласково, — ведь признайся, тебе по ночам снятся девушки?

— Случалось, — не стал кривить душой «тихий дурак», вспоминая, как как-то ему приснилась Рябухина, у которой он списывал во сне (впрочем, как и наяву) домашнюю по алгебре.

— Вот видишь! Значит, в тебе проснулось уже это...

— Что — это?

— Ну... Желание... Создать семью. И я разрешаю тебе жениться.

— Что? Жениться? Так я ж ещё маленький...

— Маленький?! — вновь невоздержанно вспыллил Василий Африканович. — Да ведь уже девятнадцать лет лбу! Гайдар вон в четырнадцать лет полком командовал, а Пушкин поэмы печатал! Да у моего знакомого парень в пятнадцать лет уже прижил кого-то там с двадцатичетырёхлетней девочкой, а ты?! Девятнадцать лет парню, а он лежит — в потолок плюёт!

— Не плевал я в потолок. Да посмотри, на нём и слюни-то нигде не качаются.

Василий Африканович тупо икнул, его почти доконали наивно-издевательские реплики сына. Обессилев, он решил ударить ва-банк.

— Ну, скажи, тебе ведь нравится Люся Сморкалова?

Реплика отца совершенно сбила Петю с панталыку. Откуда вдруг вынырнуло имя Люси Сморкаловой? А, конечно, мамаша же работает в школе и знает. Что знает? Что Сморкалова — отличница? Петя Плешаков был растерян и выжидающе молчал.

— Ведь красивая девочка, а? — Василий Африканович не давал сыну опомниться.

— Угу, — рассеянно промычал Петя. Перед поэтическим взором его как живая промелькнула Люся Сморкалова — стройная, голубоглазая шатенка, с лёгкостью постигающая школьные предметы и в придачу заправляющая всеми внеклассными делами класса.

— Ну и как? — наседали отец. — В каких вы с нею отношениях?

— В обыкновенных, — зевнул Петя, — мы с ней вместе спали...

Теперь пришёл черёд Василию Африкановичу выкатывать глаза из орбит. Голос Пети был спокоен и серьёзен, и отец не знал, то ли радоваться ему теперь, то ли на всякий случай шлёпнуться в обморок.

— На комсомольском собрании, — завершил Петя фразу с садистским смешком. — Там все спят, у кого здоровье есть и бессонницей которые не мучаются.

И вновь Василий Африканович вытирал платком потные щёки. Незвестно, сколько бы ещё продолжалась эта тягостная для обеих сторон словесная баталия, если б Петю вдруг не развезла необоримая лень. «Ну и что ж, — подумал он, — скажу отцу, что буду за Люськой ухаживать, — и пусть он отстанет. Меня же это ни к чему не обяжет, тем более Люська слишком симпатичная и самостоятельная девушка, чтоб связываться со мной, недорослем...»

Так Петя и поступил. Василий Африканович был на седьмом небе и от радости разогрел сыну восемь котлет! Петя съел их и уснул в умиротворённом настроении. Если б он только знал, в водоворот каких бурных, опасных, противоречивых событий ввергает его этот опрометчивый компромисс, если б он только знал... Но он не знал.

— Вот так-то, Роберто... Утёр всем нос какой-то Кондрашка задрипаный, — невесело вздохнул Карманович. — Наследство! Везёт дуракам.

Сын Кармановича, студент СИНХа Роберт, кучерявый очкарик с горбатым носом и тонкими чертами лица, полулежал в кресле и красиво покуривал, сонно перелистывая «Плэйбой». Карманович-старший опустил в соседнее кресло и тоже закурил. Его, привыкшего воровать на широкую руку и жить на широкую ногу, новость о богатстве Сморкалова повергла в чёрную зависть.

— Наследство? И сколько же? — деловито поинтересовался Роберт.

— Пять миллионов, говорит... Может, преувеличил, но ведь всё равно...

— Это что-то патологическое! — присвистнул Роберт, блеснув при этом золотом коронок, безвременно навешенных на два передних зуба.

— Вот-вот, — алчно вздохнул Карманович. — Вот-вот...

Роберт вновь уставился в журнал.

— Кстати, у Кондрата дочь есть. Семнадцать лет, — как бы между прочим, обронил Карманович-старший.

— Но, фазз! В настоящий момент я пробую волочиться за Наташкой — дочерью директора ресторана!

— Не смей меня, Роберто. Сегодня он директор, а завтра — фьють! Душа в рай — ноги в милицию. И с конфискацией имущества. А тут деньги чистые, законные. Думай, Роберто.

Роберт думал недолго, ибо его натренированный мозг дельца уже принял неблагоприятное решение.

Надо заметить, что с детских лет отец сознательно воспитывал Роберта незнательным членом общества. Началось всё со второго класса, когда кроха сын Роберт зубрил стихотворение «Что такое хорошо и что такое плохо».

— Значит, Роберто, говоришь, вас учат в школе быть честными, трудолюбивыми, слушаться старших и помогать всем... задарма?

Юный Роберт согласно кивал головой, с аппетитом наворачивая лососёвую уху.

— Ты это учи, отвечай у доски, получай пятёрки, — наставлял родитель, — а про себя помни: всё это — одни слова. Люди уважают не того, кто глуп, а того, у кого есть деньги и кто умеет деньги делать. В любом деле всегда перво-наперво смотри — выгодно тебе это или нет? Если выгодно — это будет хорошо, невыгодно — плохо.

Крошка Роберто хорошо заучил урок отца, он был и понятнее, да и намного короче пространного стихотворения Маяковского. Всю жизнь с тех пор Роберт старался поступать только хорошо. В детстве его любимым литературным героем был Мальчиш-Плохиш, в более поздние годы Роберт влюбился в Остапа Бендера. По ночам ему грезились соблазнительные картины будущего, что он, элегантный, неотразимый делец, подъезжает к ресторану за рулём собственной распрекрасной «Волги», с собственной, снятой за пятьдесят рэ, шикарной девочкой, в ресторане он пьёт шампанское, все узнают и приветствуют его, он даёт десять рублей на чай официанту... Как всё красиво, маняще, радужно...

Итак, Роберт усиленно воспитывал в себе качества делового человека. Учился он хорошо, но двоечникам давал списывать строго за деньги. Его презирали, но вынуждены были мириться. Правда, однажды Роберт всё-таки пострадал за свои хорошие поступки, когда его, уже взрослого, малолетки-пятниклассники попросили купить пачку сигарет.

— О'кей, — не стал упрямиться Роберт, — пачка стоит сорок коп, в два раза дороже — восемьдесят, короче, на рубле сойдёмся.

Купив сигареты, Роберт уже положил было себе в карман восемьдесят копеек, как вдруг к молодняку подошли ребята постарше и, узнав в чём дело, зачем-то поинтересовались у Роберта:

— У тебя спичка сквозь зубы проходит?

— Да нет пока, — не чуя беды, ответил делец.

— Если не отдашь деньги, у тебя коробок будет проходить...

По простоте душевной Роберт не испугался угрозы, за что и поплатился двумя передними зубами, а также и всей наличностью кошелька. Но нет худа без добра: по благу Роберту вставили золотые коронки, чем он безумно гордился.

Деяческая деятельность Роберта не знала границ. Как-то на толкучке он за сорок рублей приобрёл какой-то зарубежный диск. После трёхмесячных мытарств Роберту кое-как удалось сбить его с рук за тридцать, и с тех пор Роберт считал себя фарцовщиком. Теперь же этот маньяк деячества нацелился на руку, сердце и наследство Людмилы Сморкаловой, а у Пети Плешакова появился грозный, расчётливый и хитрый соперник.

Рассвет застал Сашку Буховцева не похмелившимся, и к полудню его плачевное состояние не изменилось. В длинном пальто, наброшенном на голое тело, в измазанных синей краской, потерявших человеческий облик штанах, растрёпанный, печальный и опухший, двигался Сашка по посёлку, сжимая сорок пять копеек в трясущемся кулаке. Вслед ему осуждающе поглядывали обследующие нечистоты куры да от скуки лаяли колпашинские собаки. От каждого встречного Буховцев прятал бессовестные глаза, ибо редко кому в посёлке не был должен. В волосатой Сашкиной груди теплилась последняя надежда — Кондрат Лукич, местный богатея, он может выручить трёшкой. Нет, Саня будет скромнее, он попросит два рубля, а два рубля сорок пять копеек — это уже бутылка портвейна. Ой, если бы...

Двухэтажный особнячок Сморкалова высился на окраине посёлка. Буховцев подошёл к забору, деликатно постучался в калитку. На стук откуда-то выбрался здоровенный львинообразный пёс Кондрата Лукича по кличке Шнапс. Пёс принадлежал к породе московских сторожевых и отличался лохматостью и увесистостью. Высунув язык, он недобрым взглядом воззрился на Буховцева. Взгляд Шнапса был недвусмыслен: «Вали-ка ты отседова, дядя», — прочитал Саня в собачьих глазах и поник головой. «Нет дома Кондрата Лукича, — подумал Буховцев, облизывая языком ссохшиеся от нездоровой жажды губы, — господи, что же это такое...»

Надо сказать, Саня был слегка набожен и искренне верил, что на небе сидит какой-то волшебный мужик, который, если его очень попросить, может помочь людям опохмелиться. Буховцев перекрестился и, сам не зная зачем, поплёлся в сторону поселкового винника. В магазине было немногочисленно. Долго и тоскливо топтался Саня возле витрины, разглядывая винные этикетки с мучительным, нестерпимым вожделением, словно восьмиклассник — порнографические картинки. Страсть властно требовала удовлетворения, это было невозможно, Буховцев вздыхал, но оторвать взгляда не мог. «Аист»... «Водка столичная»... «Яблочное», — беззвучно шевелил губами Саня и судорожно сглатывал липкую слюну.

— А! Саня! — услышал он голос сзади и, обернувшись, увидел Щукина, поселкового рыболова и скупердя. Также Щукин зарабатывал продажей рыбакам-любителям возвращенных на собственном огороде опарышей, за что был прозван Глистопродавец. Кличку придумала старуха Матрёниха, пьяница и безбожница, в глаза Щукина так никто не звал, но за глаза кличка не сходилась с уст колпашинских обитателей. Щукин знал это и мстил за такое непочтение презрением ко всему человечеству.

— Пришёл похмелиться, — продолжал Глистопродавец, — ну ничего-ничего, скоро всех вас поприжимают, пьяниц.

— Как это поприжимают? — не понял Буховцев.

— А что, не слышал, что ли? Сразу после майских праздников — сухой закон! Так-то, батенька, — лицо Глистопродавца лоснилось от злорадства.

— Да ты чё! — Саня похолодел, как в кошмарном сне. — Ты же бред говоришь!

— Вот те крест! — перекрестившись, ослабил Глистопродавец.

— Сухой закон... Да я же помру, — лепетал Буховцев, — у меня же дед был алкоголик, отец алкоголик, сам я алкоголик. Я же помру!

— А вот и предусмотрено, чтобы такие, как ты, сволочи повымерли, — хихикал Глистопродавец, — алкашей бы не плодили.

Он купил пачку «Беломора» и гордой поступью покинул магазин.

— Это правда? — спросил Саня у продавца.

— Не знаю, — зевнул тот, — но все говорят.

Буховцев закрыл воспалённые глаза. Ноги, заплетаясь и шаркая, сами несли его, убитого горем, неизвестно куда. «Как же так, — силился понять Саня. — Жил, жил, и вдруг всё! Мрак! Как ведь славно было: деньги есть — купил, выпил, живёшь. Нет денег — терпишь, но ждёшь, надеешься! И вдруг сухой закон. Но почему?! За что?! Сухой, ой, страсти, от одного слова мурашки по телу катятся. Разве я что плохое сделал, господи? Нет! Отобьёшь, бывало, чек за бормоту или водчоночку, а на нём — «СПАСИБО». Крупными буквами. Казалось бы, мелочь, а вот поблагодарили тебя, и приятно. Всё правильно, значит, делаешь. И пьёшь с чистым сердцем, душа радуется. А теперь... Да, но ведь пока ещё можно. Надо скорее напиться! Но деньги, деньги где? О-о-о-о...»

И Саня с удовольствием заревел бы от тоски, но сухость терзала его организм, и в глазах тоже не было сырости.

...Мысль пропить старые лыжи озарила Буховцева внезапно, будто молния. До этого он долго ходил из угла в угол по своей разорённой алкоголизмом избе и думал, думал, словно профессор или поэт. «Что бы пропить? Что бы пропить? — мучительно соображал Саня, перебирая чудом сохранившийся в комнате хлам. — Стул? Такая развалина, что на нём и кошка не усидит. Чайник? Но он дырявый, ржавый, и дно отваливается. Пиджак? На огородное пугало стыдно натянуть... Лыжи! Лыжи!!!»

И вот теперь, с лыжами под мышкой, Буховцев целеустремлённым шагом двигался по Колпашино. Навстречу ему передвигался костлявый и шуплый ветеринар Гавриков.

— Эй! Саня! Куда это ты лыжи наострил? — окликнул он Буховцева.

— Купи! — Саня действовал без предисловий. — Трёшку прошу — даром почти что!

— Ну, Саня, уморил! На кой мне сейчас лыжи.

— Ну как? Готовь сани летом, а лыжи... тоже летом. У? Лыжи! Это же вещь!

— Да зачем мне лыжи, Саня, — смеялся Гавриков, — я же пьяница, у меня кататься на них никакого здоровья не хватит!

— Эх ты, — пробурчал Буховцев, — молодой такой... А я помираю. Скоро сухой закон выйдет, и умру я... А сейчас вот последние лыжи с себя снял.

Гавриков с утра успел пропустить бутылочку и лишь смеялся.

— Ты б, чем ерундистикой заниматься, лучше б мозгами шевелил, мозгами.

— Хрен с тобой. Два рубля! Грабишь! Ну как, берёшь?

— Не смейся меня, Саня.

— Злодей! — в отчаянии простонал Буховцев. — Злодей! Изверг. Ну, рубль семьдесят, а, Гаврик? А?

— Нет, Саня, нет... Ты б не с лыжами лучше тряся. Свинарник знаешь? Сходил бы в ночь, спёр совхозную свинку, на базар — и гуляй!

Буховцев перестал хныкать, задумавшись над словами ветеринара.

— Не, Гаврик... Ты что? Ты меня подначиваешь! В тюрьму меня упечь захотел, чёртова болячка! Сам этих свиней там лечит, и сам же...

— Ну и лечу! А ты своруй — какое мне дело! А тодохнуть они шибко часто стали, исчезают... А тут будет кража — всё по чести. А, Саня?

Буховцев всмотрелся в лицо ветеринара и испуганно перекрестился.

— Нет! Нет! Я человек честный, я алкоголик, я с законом ссориться не хочу. А ты купи лыжи, а? Ну, рубль пятьдесят, а? Гаврош!

— Ну и живи дураком, — сказал Гавриков и пошёл дальше.

— Убийца! Изверг! Змей! — в агонии орал Саня.

Ветеринар не реагировал.

— Ну, рубль! Рубль! — крикнул Буховцев. Гавриков не оборачивался. Саня в сердцах грохнул лыжи о каменистую дорогу, и обе переломились от удара и старости.

Иван Евстафьевич Упырёв курил папиросу, затягиваясь глубоко, обстоятельно, неторопливо, выдыхая дым в атмосферу широко открытым ртом. Павел Кошельков, молодой мужчина с пышными чёрными усами, в отличие от него выдувал сигаретный дым из носа. Пухленькая блондинка Сонечка Нетопырева стряхивала пепел сигареты нежным, задумчивым движением, синеватый дымок валил у неё как из ноздрей, так и изо рта. Сонечка блаженно жмурилась, а Кошельков смотрел на её полураспахнутый халатик и блаженно улыбался, изредка аппетитно сглатывая слюну. Один Упырёв был далёк от блаженного состояния, он сидел в кресле весь нервный, колючий и угловатый.

— Как дела, Шмель? — наконец спросил он у Кошелькова.

— Всё нормально, Упырь, — ответил Кошельков и раскашлялся, — только вот простыл крепко. Мясо из комбината через проходную всегда под рубахой выносишь, а оно холодное, мороженое... бррр.

— Надо беречь здоровье, Шмель, — сказал Упырёв и загасил в пепельнице папиросу. — Ладно. Вот крупное дело.

Сонечка Нетопырева и Кошельков почтительно перестали курить.

— Недавно в поезде я услышал сведения о некоем кладе, закопанном в Колпашино в начале века, — сказал Упырёв, нервно поводя кривым носом, — там же я заполучил план, по которому рыть клад. Клад был закопан на огороде некоего Сморгалова Кондрата. Был... Я говорю так, потому что с некоторых пор этот Кондрат стал швыряться деньгами и трепать, что получил наследство из Филадельфии. В натуре же, как я выяснил, никакого наследства он никогда не получал. Остаётся предположить, что, копая картошку, он случайно наткнулся на драгоценности и начал ими пользоваться.

— Это надо проверить, — с умным видом заметил Кошельков.

— Надо, Шмель. Но я чувю, что дело именно так. Пора действовать.

— Ты же знаешь, Упырь, я на мокруху не хожу.

— Нет, ты не так понял. Всё сделаем без крови, чисто. Кондрат о кладе не заявлял. Значит, когда мы его ошмонаем, тоже заявить не посмеет. Так?

— Возможно. Но как...

— Не перебивай. Кстати, Шмель, а ты не очень ревнив? — вдруг вкрадчиво осклабился Упырёв.

— В каком смысле, Упырь?

— Как ты, например, отнесёшься к тому, что твою милую, несравненную, единственную, очаровательную Сонечку мы, в целях дела, временно подложим под Кондрата?

— Я... Хорошо отнесусь, — подумав, кивнул Кошельков, — положительно.

— Тогда всё будет тихо и чисто, — с увлечением продолжал Упырёв, закуривая новую папиросу. — А ты не возражаешь, Сонечка?

— Ммм, — блондинка застенчиво повела плечами, — а этот Кондрат, он ведь, поди, уже это... старый?

— Не бойсь! — ободрительно усмехнулся Упырёв, отчего лицо его подёрнулось глубокими грязными морщинами. — Знаешь как страстно он свою прежнюю жену любил! На всё Колпашино. Редко без синяков ходила... Но

ты-то его вгонишь в рамки. Узнаешь, где он хранит деньги, а там мы уж как-нибудь сообразим.

— Ну, хорошо, — улыбнулась Сонечка, а Кошельков обнял её и поцеловал в шею.

— За успех дела! — бодро провозгласил Упырёв, срывая пробку с водочной бутылки.

Солнечным майским днём Петя Плешаков в новом костюме, новых ботинках и новых очках шагал по Колпашино. В груди его было невесело, незнакомо и тревожно. Сегодня утром опять состоялся неприятный и тяжёлый разговор с отцом, в итоге которого Петя вновь потерпел поражение. Василий Африканович достал два билета в мюзикомедию и всучил их сыну с тем, чтоб тот сходил в театр в паре с Люсей Сморкаловой. Как ни отбрыкивался Петя, но раз сказано «а», приходилось говорить и «б», отец напомнил ему про уговор, и «тихий дурак» вынужден был покориться.

— Веди себя там культурно, хорошо, — суетливо напутствовал сына родитель, — не почёсывайся, не сморкайся, не спи. Глупостей не говори никаких. А главное, вздыхай побольше. Они это любят, девчонки, когда шумно дышат. Вот тебе деньги, купишь Люсеньке духи и веник какой-нибудь. Понял? То есть цветы купишь, а то взаправду надумаешь метлу приволоочь — с тебя станется...

— Понял, понял, — одеваясь, бурчал себе под нос Петя.

— Цветов, смотри, покупай нечётное количество. Полагается так!

— Чего? Я ж ведь, типа, двоечник, я в этом ничего не понимаю.

— Ой, Петюня... Три цветка или пять. Запомнил? В театре много не ешь, а то ведь вечно из буфета не вылазишь, а девушки — существа возвышенные, при них неприлично объедаться. Потом проводишь Люсю домой. И можешь даже, это самое...

— Самое — что это?

— Ну, это... Объясниться в любви.

— А как это объясняются? — идиотничая, допытывался Петя.

— Скажешь: «Я тебя люблю». Дорогая, скажи, милая... Ну, что ещё? Можешь сказать, ты моя кошечка, ласточка...

— Обезьянка...

— Нет! Ласточка, рыбонька... Ну, что ещё?

Действительно что? Сколько в мире изощрённых ругательств и обидных прозвищ, и как беден запас ласковых слов! Не говорит ли красноречиво это соотношение о процентном содержании хорошего и плохого в нашей жизни? Об этом задумался Петя Плешаков по дороге в Колпашино. Тема для стиха была интересная, не избитая, её не мешало бы разработать и выразить. Но вдохновение сегодня отсутствовало. Голова начисто была забита непривычными для Пети прозаическими вещами. Перво-наперво «тихий дурак» посетил галантерею. Немало духов продавалось там, но все мужчины брали солидные, пузатые флаконы с «Тройным» одеколоном, а кое-кто даже по несколько штук. «Чересчур внимательные кавалеры», — сообразил Петя и тоже отоварился двумя флаконами, с трудом запихнув их в карманы брюк. До Колпашино он доехал на автобусе, и прямо у остановки ему повезло: рядом было кладбище, и старушки продавали цветы, мимоходом делая свой маленький бизнес. Правда, живых цветов не было, и Пете пришлось взять букетик бумажных гвоздичек. «Ничего, не такие яркие и вонючие, зато сохраняются дольше», — резонно подумал он. Итак, закупив всё положенное, Плешаков приближался к сморкаловскому особняку.

Для своих семнадцати лет Люся Сморкалова имела не вполне типичный характер. Выросшая без матери и при минимальной опеке отца, она с ранних лет знала лишь два развлечения — книги и улицу. Читала она всё подряд,

но приключения и детективы её всегда волновали больше сентиментальных любовных романчиков. Сызмальства Люся почти не имела подруг, носилась по улице с поселковыми сорванцами, зачастую даже верховодя в их лихих компаниях. Шли годы. Сверстницы Люси давно накрашили губы, подтемнили брови и заневестились, она же, как прежде, оставалась в компаниях «своим парнем». Наравне со всеми матерясь и куря, она, однако ж, никому не позволяла даже поцеловать себя, не говоря уже о чём другом, да и поставила себя так, что никто из парней и не помышлял о подобной возможности. Люся не могла не чувствовать, что в последний год сплочённая ранее компания неотвратимо разваливается на парочки, и, хотя сама порой мечтала о «прекрасном принце», на людях по подобным вопросам высказывалась подчёркнуто цинично. Девчонки из класса её недолюбливали и недопонимали, парни уважали, но считали недосыгаемой. Вот какой сложный и противоречивый объект ухаживания выпал на долю многострадального Петя.

...Калитка оказалась не запертой, но стеснительный Плешаков, прежде чем войти, всё равно несколько раз постучался. Тихо. Двор заснул в мирной майской полудрёме. «Тихий дурак» потоптался ещё немного и нерешительно приоткрыл калитку. «Может, никого нет дома», — с надеждой размышлял Петя, делая неуверенные шаги вперёд, когда вдруг из кустов малинника возникло огромное, лохматое, тяжело дышащее животное. Это был Шнапс. Плешаков остолбенел, а пёс прибилжался к нему неотвратно, но и неторопливо, как бы понимая, что жертве никуда не деться. «Эх, жизнь моя пропащая! — зажмурился Петя — А я даже лебединую песню создать не успел! Вот обида-то...»

Шнапс подошёл, подозрительно взглянул в глаза «тихому дураку» и захватил его зубами за колено. Петя замер, вслушиваясь, раздастся ли сейчас хруст костей, и в этот миг откуда-то сверху прозвучал звонкий голос:

— Шнапс! На место!

Пёс вздрогнул, недовольно повернул голову — на веранде в джинсах и футболке стояла сама Люся Сморкалова. Шнапс вильнул хвостом, ещё раз посмотрел на Петю: «Ладно, поживи уж пока, парень», и тяжелой поступью удалился в тень.

— Петя! — окликнула Плешакова Люся насмешливо и удивлённо. — Ты зачем сюда залез?

— Да я, типа, в гости, — стеснительно выдавил Плешаков.

— В гости! — рассмеялась Сморкалова. — Это великолепно! Прррошу!

Люся в настоящий момент жестоко страдала скукой и была рада даже такому непредставительному гостю. Впрочем, почему непредставительному, ведь среди учеников класса Плешаков был самым старым. И вот Петя, поправляя очки, во всей своей застенчивости нарисовался на пороге Люсиной комнаты. На столике стояла бутылка «Тархуна», лежала коробка «Белочки» и пачка «Опала», с магнитофонной кассеты хрипловато похрюкивал Розенбаум, а сама Сморкалова встречала гостя, театрально развалившись в кресле с сигаретой в зубах. На лице её лежала тень томной задумчивости, но, увидев деревенеющего от стеснительности Петю, Люся, не выдержав, вновь откровенно расхохоталась

— Это что ты притащил? — спросила она, кивнув на букет.

— Это, типа, цветы... На.

— С кладбища увёл?

— Не, купил... А настоящих потому что не было, — Плешаков робко положил цветы на столик, — и вот ещё... типа, можешь душить.

— Чего? Могу задушиться, а венки готов? Что за чёрный юмор?

— Нет, эта, — Петя мучительно долго копался в карманах, но наконец выковырял оттуда флаконы с «Тройным» одеколоном и водрузил их на стол, — типа, душить для запаха волос.

— Ой! — Сморкалова в восторге взвизгнула и повалилась в кресло. — Петя! Ты вершина остроумия! Садись за стол и говори что-нибудь.

Плешаков неуверенно примостился на краешек кресла.

— Типа, в театр сегодня пошли? — спросил он, решив уж разом кончить со всеми деловыми вопросами. — В музыкальную. У меня уже билеты куплены.

— Да? — с интересом переспросила Люся. — А что там сегодня дают?

— Что дают? А что там могут особенного давать? Воду газированную, мороженое там, бутерброды с колбасой, с сыром... Иногда с бужениной бывают.

— Ой... Петя, я выпадаю в осадок, — простонала Сморкалова и откинулась на спинку кресла, умирая со смеху. Плешаков молчал и всё ещё стеснялся.

— Да, — вдруг спохватилась Люся, — во-первых, я забыла сказать тебе «спасибо». Говорю. Во-вторых, как ты насчёт пожрать?

— Ну, хм, вообще-то... Не против, — стеснительность чуть-чуть поборолась в Пете со здоровым аппетитом и потерпела решительное поражение.

— Спокуха! — Люся шустро вскочила на ноги и в три прыжка оказалась у холодильника. — Сейчас сообразим.

Холодильник был разворошён, затем в соседней комнате зажглась электроплитка, и вскоре пьянящий аромат жареной картошки взбудоражил чуткое обоняние поэта. А когда перед Петей появилась целая тарелка этого лакомства, да ещё приправленного шпротами, он и вовсе позабыл про стеснительность и подумал, что не так уж плохо иногда прийти в гости. Сморкалова же, напевая и посмеиваясь, вынула из холодильника початую бутылку «Тамянки».

— Я, типа, не пью, — замешкался было «тихий дурак».

— С этого ты ничего не почувствуешь, — сказала Люся, наполняя вином маленькие рюмочки.

— Да? А зачем тогда вообще пить?

— Так. Для солидности.

Пропустили по рюмке сладкого вина, Сморкалова увеличила громкость магнитофона, Петя приналёг на картошку, и жизнь засверкала перед ним в светлых, радостных, аппетитных тонах. Разговор за трапезой шёл весёлый и почти непринуждённый — о жизни, об одноклассниках, о школе. При этом Плешаков не преминул похвастать, что от экзаменов он освобождён.

— Это почему же! — возмутилась Люся.

— А так... Я ж, типа, страшно больной мальчик. Зрение маленькое, печень преувеличенная, острая умственная недостаточность на фоне предгеморройного синдрома, — бойко отрапортовал Плешаков.

— Да! Петя, я почти два года училась с тобой в одном классе и не подозревала, что ты такая находка!

«Находка? — призадумался Петя. — Что она во мне нашла? И если находка, так это что, она, значит, не против замужества?»

Мысль была не из приятных, но желудок Плешаков наполнил с верхом, и ничто теперь не могло помешать послеобеденному блаженству. А вскоре наши десятиклассники собрались, сели в автобус и поехали в театр. В театре на голову Пети не свалилось никаких из ряда вон выходящих несчастий, если не считать того, что в буфете его кто-то подтолкнул под локоть, и с тарелки слетело на пол три бутерброда. «Эх, жизнь моя пропащая», — думал Петя, ползая по полу в поисках оторвавшейся от хлеба колбасы.

— Не повалешь — не поешь, — пояснил он, ставя тарелку на столик перед Сморкаловой, — ну, ты, типа, есть будешь?

— В принципе, на полу микробов много, — задумалась Люся, — но они, наверное, все растоптаны — вон сколько народу ходит.

Закусив, наши друзья заняли места, согласно купленным Василием Африканычем билетам. В зале царил пестрот, шумиха и духота. Обмахиваясь программками, десятиклассники продолжали свои увлекательные беседы. Упоминание о микробах воскресило в памяти «тихого дурака» самые волнующие и значительные страницы его биографии — пребывание в дизентерийной больнице. На эту тему Петя мог говорить бесконечно:

— Значит, попал я туда весь температурающий, гноющийся и болезнетворный. Пришёл в себя — а врачи говорят: садись на горшок! Я в амбицию и в нюни — нет, говорю, я уже взрослый, я унитаз люблю, и баста! Горшок ниже моего достоинства, типа... Маленький был, а наглый! Мне общество-то дизентерийное в палате говорит, типа, надо, чувак, покориться. Один парень рассказывает: «Я, мол, тоже не хотел им отдавать анализы, так они мне руки заломили и клизмами мучили, пока я не раскололся!» Я и сам-то чувствую, силы не равные, ан нет, самолюбие вскипело. Мне уколами угрожают — не боюсь! Без ужина оставили — подавитесь! Гордость даже проснулась во мне на какое-то мгновение. А потом медсестра взяла и конфисковала у меня книжку «Сказки Пушкина». Разревелся я — как без стихов-то остаться, а мне горшок дают. А все больные прочие сидят за столом, кашу наворачивают и смотрят, сломаюсь я или нет. Ну и смалодушничал я, сел... А всё только ради Александра Сергеевича!

Петя рассказывал и дальше, рассказывал взахлёб, Люся давилась со смеху, и продолжалось это до середины первого действия, пока отовсюду не зашипели. Десятиклассники вынуждены были приумолкнуть, углубившись в просмотр пошлой антирелигиозной пьески «Купите пропуск в рай». Люся Сморкалова то и дело косилась на очкастый профиль Плешакова — он начинал казаться ей интересным человеком. Петя же ничего этого не замечал — его мысли всё ещё бродили по извилистым коридорам дизентерийной больницы.

Дорога из театра в Колпашино была не близкой. Не отступая ни на шаг от инструкции отца, Петя вызвал такси и проводит Люсю до дому.

— Спокуха, — сказала Сморкалова, — возьмём тачку. Деньги есть, не боись, у меня этого добра...

Петя вспомнил легенды о том, что отец Сморкаловой миллионщик, и почтительно промолчал. В городе быстро темнело. Минут десять ещё теплился тускловатый свет, и вот крошечная тьма накрыла Люсю с Петей, как сачок бабочек. Они свернули с проспекта и пошли дворами, Сморкалова объясняла, что так они быстрее выйдут к остановке такси. Пете такой поворот не очень понравился — он страшно опасался хулиганов, но постеснялся сразу предостеречь свою спутницу, а теперь шёл, боялся и каялся.

— Ну? Чего приуныл? — спросила Люся, шедшая быстрым, танцующим шагом. — Рассказал бы что-нибудь. У тебя здорово выходит.

— Да, так оно. Было б о чём говорить, — насторожённо вслушиваясь в тишину, промолвил «тихий дурак». — Ну, вот, например, о шпане... Не знаю, чем это объяснить и истолковать, но редко мне удавалось вечером пройти по улицам без того, чтобы, типа, карманы не вывернули...

— Как это? — удивилась Люся.

— Да очень просто, — разоткровенничался Плешаков, — к стенке в тёмном переулке прислонят и говорят, типа, покажь, чем богат. Иногда доверяют, сам кошелёк достаёшь, а иногда ещё и лично обыщут... Это как повезёт.

— И ты никогда не сопротивлялся? — возмутилась Сморкалова.

— У меня что, лишние очки и зубы? На Дон Кихота я не похож, скупердяйством тоже не страдаю, а вот побоев боюсь. Стыдно, конечно...

В кустах оглушительно вскрикнули коты. Петя содрогнулся. Вокруг было тихо и пусто, двери подъездов не хлопали, люди не ходили. Шаги гулко отдавались в тишине двора, будто удары сердца. Впереди чернела подворотня. Тоска и страх охватили Плешакова.

— Впрочем, это всё ерунда, — продолжал он чуть подрагивающим голосом, — когда тебя одного шпана поймает. Ну, ошкуляют, ну, пиджак снимут, штаны, очки в крайнем случае — подумаешь. Дело наживное. А вот представь, допустим, парень с девушкой идёт. По улице... Безлюдной и тёмной, ну, вот как сейчас, например. И, конечно, хулиганы выходят. Начинают мучить, бить, насиловать. Сколько про это страшных фильмов снято! Тут уж просто так не отпустят. Нет, я не намекаю, типа, что сейчас аналогичная ситуация, но, может, просто так вот возьмём выйдем на проспект, а?

— Да вот ещё, — легкомысленно подёрнула плечами Сморкалова, и в этот миг до чуткого уха «тихого дурака» донеслось глухое треньканье гитары, а развернувшаяся пред его взором подворотня раскраснелась огоньками сигарет...

— Люся, — от волнения поэт впервые назвал девушку по имени, — ты слышишь?

— Что?

— Гитара. Это хулиганы. Ты погоди, я же не каратист... Не поздно ведь ещё! Сморкалова не сбавляла шаг.

— Типа, стой, — лихорадочно зашипел Петя. — Ещё не поздно!

— Да хватит тебе! — в голосе Люси послышалось раздражение.

— Я же говорил, что я невезучий... Ну? Дёрнем?!

— Сейчас, разбежалась...

— Хорошо! Не отставай, — пробормотал взмокший от ужаса поэт и, круто развернувшись, обратился в бегство. Петя бежал, со свистом рассекая грудью и очками сухой, плотный воздух, он мчался яростно, прытко, как гепард, длинноногого, как страус, перескакивая через лужицы, отплёвываясь, постанывая, хрипя и задыхаясь. С непривычки в мозгу у него вдруг застучал пульс, мышцы ног заболели от внезапного перенапряжения, но Плешаков, наперекор здоровью, летел вдоль окаменевших от страха домов, ничего не чувствуя, не сознавая и не помня.

Потом он перевёл дух, задохнулся и обернулся. Люси Сморкаловой не было видно, её крика о помощи слышно тоже не было. Погони не наблюдалось.

«Так... Значит, я, оказывается, ещё и трус!» — с отвращением подумал «тихий дурак», чувствуя себя гадом. На подрагивающих ногах он добрёл до скамейки, рухнул, вытер пальцами потные очки. «Я бросил девушку в опасности. Ничтожество! — казнил себя поэт, периодически сплёвывая себе под ноги. — А может, она тоже убежала. Она же сказала, что разбегается. И ведь это даже хорошо, что я переживаю, значит, не совсем ещё подонок!»

На душе у поэта стало чуточку полегче, хотя совесть всё равно немного чесалась. Выбрав самую людную улицу, Плешаков поковылял домой и всю дорогу занимался самокопанием и самобичеванием.

В Колпашино спустился вечер, мутный, тихий и вкрадчивый. Треск мопедов, пьяный говор, лай собак, кукареканье — все эти вечерние шумы постепенно стихали, гасли, уступая место тревожной тишине. Терзаемый сомнениями Сашка Буховцев мрачной толстой тенью блуждал по своей унылой избе. Три дня слова Гаврикова не выходили из его головы, три дня он думал, мучился, боролся... Сейчас, кажется, соблазн побеждал. Несколько раз Саня выходил во двор, вслушивался, вздрагивал, ёжился, крестился. «Пора», — вдруг прошуршало у него в голове. Буховцев подошёл к столу и набулькал себе в стакан остатки от купленного на последние гроши «Тройного» одеколона, понюхал, разбавил водой. Жидкость в стакане по-мыльному вспенилась, побелела. Саня залпом заглотил раствор парфюмерного изделия, страдальчески дёрнулся, перекосясь, занюхал локтем, из правой ноздри выступила слеза. В окно давила зловещая темнота. «Пора», — вновь ёкнуло в мозгу. Беспокойный взгляд Буховцева вдруг задержался на висящем в углу скорбном лике Иисуса Христа. «Господи, — зашептал набожный Саня и, крестясь, бухнулся на колени, — прости меня, грешника! Слаб! Слаб! Каюсь... Помогите мне, господи, помогите в моём... грешном деле, господи, господи!» Господь бог, призываемый Буховцевым в соучастники, смотрел на раба своего с усталой укоризной, будто говоря: «Нехорошо, Саня, ой как нехорошо. Но большего я от тебя и не ждал, алкоголика...»

Саня в последний раз осенил себя крестным знаменем, поднялся с колен, решительно запахнулся в пальто и, прихватив заплатанный мешок, отправил-

ся на дело. До совхозного свинарника было с полчаса ходьбы, но Буховцеву показалось, что дошёл он моментально. По дороге ему не встретилось ни души, было тихо, лишь зловеще шуршали крыльями летучие мыши. На душе Сани становилось жутко. Он поднял глаза к небу, но недобрые тучи загородили звёзды, а луна просматривалась тускло, расплывчато, будто кто-то просто размазал по небу желчный плевок. «Господи, помилуй», — скороговоркой бубнил про себя Саня и шёл вперёд.

Свинарник... Буховцев осторожно прокрался к нему, на всякий случай даже затаив дыхание. А вот она, доска, которую стоит только отодвинуть, и... Саня отодвинул. Тотчас на него пахнуло чем-то неблагоприятным, свиным. Внутри свинарника дышали и копошились его обитатели. «А ведь ещё не поздно вернуться», — для очистки совести подумал Буховцев, ещё раз перекрестился и шагнул вовнутрь помещения.

Почувствовав в своей обители чужака, свиньи разом заволновались, заходили, нервно захрюкали. Саня постоял у стены, дожидаясь, когда глаза привыкнут ко тьме. Скоро стал различать уже неясные, призрачные силуэты животных. Какая-то свинка подошла совсем близко и, принохиваясь, словно заигрывая, тронула руку Буховцева волосатым мокрым пяточком. «У, чёртова болячка!» — злобно процедил Саня и, не сдержавшись, с чувством щёлкнул по пятаку. Свинья взвизгнула, обиделась и удалилась.

«Надо поменьше выбирать», — размышлял Буховцев, — а то как тащить-то буду... Так, так. Это большая тоже. А вон он, поросёночек. В самом соку, родимый!» Саня развернул мешок и сделал осторожный шаг вперёд. Его нога наступила на кого-то, этот кто-то почему-то резко дёрнулся, почва вдруг исчезла из-под ног ночного вора, и Буховцев полетел. На лету он животом огрел по спине огромного хряка, перевернулся и распластался на полу свинарника, увязнув лицом в чём-то непереносимо пахучем и липком. «Господи, прости», — потерянно простонал Саня, отплевываясь и отираясь. Он поднял измазанную голову и нос к носу столкнулся с хрячьей мордой. Во взгляде свиньи ему вдруг почудилось холодное, брезгливое отчуждение. «Что, — просопел Саня, — ах ты тварь животная!» И Буховцев размахнулся кулаком, но в этот самый миг хряк поймал его зубами за руку и потащил куда-то. Сانه сделалось очень больно, он рванулся, ударил хряка, но тут другая свинья укусила его за ногу. Буховцев зарычал, обернулся, хотел встать. Он не сразу понял всю обречённость своего положения, а если б и понял, всё равно было бы поздно. Плотным кольцом окружили его свиньи и стали кусать, топтать, уничтожать! «Чёртовы болячки», — хрипел Буховцев, пытаясь отбиться, не желая верить в летальный исход. Свиньи орудовали молча. Горячее вонючее дыхание, укусы, тьма и боль со всех сторон обрушились на Санину плоть. Будь Буховцев образованным человеком, наверняка сравнил бы свои муки с Дантовым адом. Впрочем, в его положении даже Андроникову было бы не до литературных ассоциаций. Саня бился в неистовых конвульсиях, пытаясь разбросать гущу рассвирепевших свиней, всё было тщетно. Пока ещё Буховцева выручало пальто, но вот сейчас тряпье разорвут, и тогда... «В ночь с пятого на шестое мая заеден насмерть свиньями», — на долю секунды всплыла в Санином мозгу фраза из будущей газетной статейки. «Бог не выдаст — свинья не съест», — пришла затем спасительная мысль, но свиньи растянули его по рукам и ногам, мешая перекреститься. Затем в Буховцеве разыграло самолюбие: как это он, человек, высшее произведение природы, терпит надругательство от каких-то нецивилизованных тварей?! Саня решил умереть с честью. Он бил свиней кулаками, лягал пятками, плевался в их надутые морды. «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», — пело в его воспалённом мозгу.

За стеной свинарника глухо проворчал мотор, послышались шаги, человеческая речь. «Караул, православные!» — чуть было не взвопил Саня, но в последний миг вспомнил, что занимается воровством, и прикусил язык. Свиньи, заслышав на улице посторонние голоса, бросили терзать свою несчастную

жертву и разошлись по углам, сделав вид, что в свинарнике всё спокойно и ничего противозаконного не происходило. Голоса приближались. С трудом Буховцев поднялся на ноги. Изгладанное пальто тотчас рассыпалось в прах, трусов же на теле вообще не оказалось. Доска скрипнула, отодвинулась, в свинарник, посмеиваясь, влезали двое. «Конец! — подумал Саня. — Попался!» Ему стало по-настоящему страшно. На четвереньках Буховцев отполз в самый дальний угол.

Двое полуночников были веселы и пьяны до безобразия. Один говорил резко, басовито, другой похихикивал хрипловатым тенорком. По голосам Саня безошибочно узнал Кондрата Сморкалова и ветеринара Гаврикова.

— Э! Гаврик, едят тя мухи, чего встал! Свети! Покрупнее свинью надо, к именинам, чтоб сало метровым слоем, ух!

— Та, Кондрат Лукич, разве ж среди совхозных свиней есть жирные? — похихикивая, лебезил ветеринар. — Нема! Одна кожа у них и ещё кости. На холодец!

— Выберем, чёрт, — Сморкалов чиркнул спичкой, всмотрелся, — и впрямь мелюзга одна! И на кой чёрт мы сюда потащились, едят тя мухи. Я ж знаю, свиньи у тебя тут, как собаки, дохнут.

— Ха-ха-ха... Так ведь, Кондрат Лукич, они ж всё больше таким способом и помирают. Сегодня одного возьмём, а у меня уже акт подписан — сибирская язва скосила! Зарыта свинья с хлоркой. О! Вот этого берём?

— Этого? — Сморкалов чиркнул очередной спичкой. — Не, ты чего! Это ж не свинья, а лиса какая-то, едят тя мухи. Крупнее надо.

— А крупнее не бывает.

— Бывает. Я сам выберу, — злился Кондрат Лукич. Вдруг он умолк, запрокинул голову вверх и страшно чихнул, содрогаясь всем телом:

— Резчиии! Ррезчи!

— Доброго здоровьишка, Кондрат Лукич!

— А... Спасибушка, — отдышавшись, кивнул Сморкалов. — А что это за свинья? Ну-ка, ну-ка. Сиськи-то какие болтаются, едят тя мухи. Ты не знаешь, почему свиней не доят, а, Гаврик?

— Та потому, Кондрат Лукич, что шибко низко от земли ихние вымена, — пояснил ветеринар, часто икая. — П-подлазить несподручно.

Буховцев, скрючившись, сидел в углу, и всё обнажённое тело его мелко подрагивало от волнения и прохлады. «Лучше не выдавать себя, — рассудил он, — а то меня Гаврик на это дело подбивал и меня же заложит — ему только на руку выйдет».

Качаясь, Кондрат Лукич шаркался по свинарнику, никак не мог выбрать нужный экземпляр и извёл уже полкоробка спичек. Гавриков прислонился к стене и без устали бормотал, что больших свиней здесь нет.

— Нет?! Значит, нет, ха-ха! — вдруг ликующе воскликнул Сморкалов, пробираясь к притаившемуся среди свиней Буховцеву. — А вот иди-ка сюда! Посмотри! Ведь красавец. А главное, жиру-то, жиру!

И Кондрат Лукич с удовольствием похлопал Саню по изборождённым жировыми складками бокам.

— Вот это я понимаю! Зверь! — восторгался Сморкалов. — Да такого хоть на ВДНХу вези, а ты говоришь: «нету, нету»...

Буховцев потупил голову. Он ждал, что сейчас его разоблачат, но от страха и растерянности пока ничем себя не обнаруживал. Покачиваясь, к нему приблизился Гавриков.

— Гляди, — торжествующе усмехался Сморкалов, — хорош! Помоги давай скорей мне его в мешок засандалить.

Свиньи сгрудились в противоположном углу свинарника, с ненавистью глядя на непрошенных гостей, нападать, однако ж, не решались. Кондрат Лукич деловито расправлял большой мешок.

— О... ой, — вдруг выдохнул ветеринар, у него получилось нечто среднее между криком и стоном. Без отрыва он смотрел на Буховцева. — Кондрат Лукич!!! Это же... Это же человек!

— Кто человек?

— Свинья эта человек... А-а-а! — Гавриков едва не плакал от ужаса.

— Тьфу ты, чёрт, едят ты мухи! — разозлился Сморкалов. — Говорил же я тебе, что ты, Гаврик, мужик слабосильный, тебе поллитры за глаза достаточно, так нет же — «наливай!». Вот и налился, а теперь дошло до того, что галлюцинации пришли к тебе, едят ты мухи!

— Мама. Мамочка... — бормотал ветеринар, медленно пятясь назад. — У него же ж... человеческие! Руки... А-а-а!

— Тьфу! — ещё раз сплюнул Кондрат Лукич и стал натягивать мешок на неподвижно сидящего хряка Саню. «А может, признаться?» — мелькнуло у Буховцева, но он побоялся и покорился судьбе.

С шевелящимся мешком за спиной Сморкалов подошёл к «газику». Около машины уже дрожал и скулил ветеринар.

— Что с ним? — хмуро спросил у Кондрата Лукича трезвый водитель.

— Чудит парень! Бледная горячка: свинство с человечеством перепутал. Ну, давай в машину лезь, Гаврик!

Ветеринар покорно забрался в «газик», Кондрат Лукич затащил мешок, и машина тронулась. Над Колпашино сгустились тучи, и не стало видно луны.

— Ну? — подступился утром Василий Африканович к свернувшемуся на тахте сыну. — Как оно всё получилось?

Петя Плешаков пошевелился, широко зевнул и лишь тогда соблаговолил ответить:

— Да так себе.

— Так себе? Я спрашиваю, ты был с Люсенькой в театре?

— Был, — «тихий дурак» ещё не отошёл от утренней депрессии и отвечал глухо, заторможенно и односложно.

— И как вы с ней... общались?

— Нормально.

— Да? — улыбнулся Василий Африканович и, не выдержав нервного напряжения, закурил сигарету. — А попрощались как?

— Так себе, — уклончиво промычал Петя.

— В смысле... Ты побоялся поцеловаться? — нетерпеливо выпытывал мечущийся по комнате отец.

— Фу-у. Курить-то можно и на кухне, — недовольно дёрнул носом Петя.

— На кухне? Отец тут волнуется перед ним, а он... Да тебе ж, Петя, девятнадцать лет, пора бы уже самому приучаться курить, а ты — на кухне. Ну а с чем вы расстались всё-таки?

— С чем? — призадумался Петя. — Да, типа, ни с чем. Нам хулиганы попрощаться помешали.

— Не понял? — прикусил сигарету Василий Африканович.

— Да что тут не понять, — Петя присел на кровати и надел очки. — Хулиганы сидят пьяные в подворотне, ко всем пристают, песни поют, типа, пошлые. Терпеть не могу хулиганья! Увидел я их и демонстративно убежал.

— У-у-у, — протянул Василий Африканович, как простуженный волк. — У-убежал? А Люся?

— Не знаю, — сказал Петя и стал неторопливо натягивать штаны.

Щёки Василия Африкановича осунулись, он опустил в кресло, мучительно пережевывая услышанное. Петя тем временем застегнул штаны и принялся влезать в рукава рубахи.

— Это правда, Петя? — убитым голосом спросил отец.

— Врать не имею привычки, — с достоинством ответил Петя.
— Ой, сынок-сынок... Породить-то я тебя породил, а вот убить теперь уже не в состоянии...

— Почему, можешь убить, но, типа, посодят.

Василий Африканович долго говорил о чести, мужественности, порядочности, затем сказал, что теперь всё погибло, обозвал Петю дураком и, весь расстроенный, ушёл завтракать. Петя тоже был невесел. Он думал о том, что завтра понедельник, придётся идти в школу, и, если Сморкалова жива, предстоит тяжёлый разговор и придётся стесняться. «Эх, жизнь моя пропащая», — тяжело вздохнул Плешаков и сел сочинять пессимистические стихи.

...Петя вошёл в класс, едва заметно кивнул обществу, пробрался на «камчатку», сел за парту, поставил перед собой портфель и окаменел в угрюмой задумчивости. До звонка было ещё десять минут, среди десятиклассников царил спокойная предурочная болтовня. Девчонки сплетничали, сгрудившись у доски, парни покуривали у открытого окна, и на «тихого дурака» никто ровным счётом не обратил внимания. Разве что толстуха Рябова, что сидела за партой перед Петей, она то и дело оборачивалась, спрашивая, что на сегодня задавали, на что поэт лишь неопределённо двигал челюстями. Тогда Рябова спросила, какой сегодня день, Плешаков отрубил, что понедельник. Беседа не завязывалась. Надо сказать, Рябова была давно влюблена в Петю. Видать, он сильно волновал девчоночье воображение постоянным трагизмом своего отрешённого взгляда. На уроках у Пети всегда был такой взгляд. Плешаков догадывался о чувствах Рябовой, но взаимность в его неухоженной душе никак не пробуждалась. На ум Плешакову пришёл его давнишний стих, посвящённый отчуждению человека в обществе:

Я тень своей тени, отброшенной мной,
Могу я общаться лишь с нею одной!

Петя задумался, достаточно ли гениален этот стих, мысли вызвали у него сонливость, и он придремал, уперев лоб в портфель.

— Не занят? — услышал он прямо над ухом насмешливый голос Люси Сморкаловой и, съёжившись от стеснительности, приоткрыл глаза. Люся стояла перед ним — стройная, с вызывающе распушенными волосами и улыбкой в прищуренных глазах.

— Да, типа, свободно, — промямлил Плешаков, и Сморкалова без лишних разговоров села с ним за парту. Класс как по команде приумолк — все косились на Люсю, не находя объяснения её столь странному жесту. Потом девчонки продолжили сплетничать, только теперь они не гудели, а шипели. Парни молча почёсывались — ни у кого не хватило духу что-нибудь громко сказать по этому поводу.

— Огорчил ты меня, Петя, — неторопливо начала издеваться Люся. — Увидел, значит, толпу, бросил даму и дал стрекача. Джентльмен, чёрт возьми!

— Так, типа, ведь, это самое... — сконфузился поэт и нервно провёл по парте потной ладонью, — я ж думал, что ты тоже, типа... А что они тебе сказали?

— Спросили, куда ты побежал. Я сказал, что за сигаретами, надо же было как-то прикрыть эту неблаговидность. Но ты-то! Мало того что некрасиво поступил, но ты что, совсем, что ли, не романтик? Ведь драться — одно удовольствие.

— Да как сказать... За правое дело и я бы с удовольствием получил по морде, а вот так, задаром... Да и достойны ли эти сволочи того, чтобы ударить?

— Да ты голубая кровь, чёрт возьми! — сказала Люся и, не сдержавшись, рассмеялась. Петя понял, что Сморкалова не из тех девушек, которые обижаются по пустякам. Они продолжали говорить, теперь уже о чём-то более отвлечённом. Рябова на передней парте сгорбилась, будто бы раза в два постарев и потолстев от ревности. Парни у окна тоже не находили себе места.

— Ну Люська даёт! — возмущался лохматый и длинноносый Рожин, нервничая, посасывая застарелый чинарик.

— Что она в нём нашла, — бурчал его закадычный приятель Кожин, коренастый, лупоглазый, с жёстким ёжиком волос на голове. — Петька же debil. Три раза второгодничал. Да и по лицу видно, что мать в детстве с горшка уронила. А она...

— Вызов обществу, — авторитетно резюмировал Поганкин — умный и тощий очкарик. — Делает всем назло. Вполне естественно. А может, у них с Петькой и было...

— Ты на что, подлец, намякиваешь? — грозно прищурился Рожин.

— Ни на что, — поспешно брякнул Поганкин. — Ну и девочка... Такая, чуваки, думаю, если и отдастся, то только как Клеопатра.

— Клеопатра? Кто такая, почему не знаю, — заволновался Кожин, — или она не из нашего посёлка?

— Филин! — хохотнул Рожин. — Это ж такая царевна была. Кино было, дети до шестнадцати. Я пошёл, думаю, секса назасаекаю, а фиг! Да, Поганка, ты чего это Люську Клеопатрой обзываешь? Давно стекла из глаз не выковыривал?

— Я так... В качестве неудачного примера. Я читал, что у Клеопатры так было это дело поставлено: кто хочет, говорила, пусть со мной пересыпает, а наутро за это — секир-башка! Пушкин воспел ещё: «Кто из вас, значит, купит ценою жизни ночь мою!»

Кожин и Рожин молча курили, обдумывая услышанное.

— Ну и что? Кто-то, что ли, соглашался?

— Находились чуваки.

— Тьфу, филины, — презрительно скривился Рожин, — подумаешь, негритянка.

— Египтянка, — поправил Поганкин.

— Один чёрт, нацменка! Выдумала, коза... Её бы к нам, в Колпашино, узнала бы, что почём.

— Говорить легко... Вон Люська что хочет, то и делает.

— Ты на что, подлец, намякиваешь? Люська всё правильно делает. Петька хоть и филин, но ведь свой чувак, почему бы с ним за парту не сесть?

В этот миг ржавый школьный звонок радостным треском своим возвестил о начале уроков. Первой была химия, на которой предстояло писать полугодичную контрольную работу.

— Ты, Петя, как, сам будешь решать? — деловито поинтересовалась Сморкалова, вырывая из тетради двойной листок.

— Стыдно издеваться над убогими, умственно отсталыми учениками...

— Тогда сдувай у меня!

«Тихий дурак» не заставил себя упрашивать. Люся быстро чиркала на черновике уравнения реакций, изредка заставляя Петю обращаться к таблице Менделеева.

— Э! Посмотри, у серы какая валентность?

— Чё это такое?

— Ну, в углу квадрата цифра написана. Быстрее!

Плешаков завис над таблицей, сверху донизу ощупывая её подслеповатыми глазами.

— А сера, типа, каким цветом нарисована? — спросил он через минуту.

— Сера! — засмеялась Сморкалова. — Металлы все чёрным, а неметаллы красным, понял?

— Понял... А сера — это, типа, что, железо или не железо?

— Не железо, — Люся веселилась от души.

— Значит, красным, — проворно умозаключил «тихий дурак», долго шарил взглядом по таблице, но серу так и не нашёл. Пришлось Сморкаловой самой справляться по таблице. Плешаков злился на собственную беспомощность и невольно переносил свой гнев на химические элементы. «Сера, — думал он, — сера... Надо же, и слово-то какое неприличное. На черта вся эта химия нужна?!»

После химии была история, на которой Петя благополучно вздремнул, а потом вдруг объявили субботник. Десятиклассники, рассыпавшись по территории пришкольного участка, выковыривали из земли грязные бумажки. Поэт, чуждый радостям грубого физического труда, присел за кустом, подставив солнцу, по-весеннему ласковому и приятному, своё прыщавое лицо. Сморкалова, отнеся в общую кучу фантик от карамели, присела отдохнуть рядом с Петей.

— В принципе, мне симпатизирует твой характер, — сказала она. — Тебе ведь исключительно на всё начхать, да?

— Да, — не стал скрывать Плешаков.

— Правильно! Только так и надо жить. Ну и посмелее быть немножко.

— Надо, — согласился Петя.

— Вот в классе нашем ты гражданин совершенно неприметный. А так тоже нельзя! Надо заработать авторитет. А знаешь, как зарабатывают авторитет?

«Тихий дурак» отрицательно качнул головой, майское солнце всё-таки разморило его, навевая сонливость и неразговорчивость.

— Внимание! — громко воскликнула Сморкалова. — Встать! Человек пять, остальным можно сидеть... Есть желающие заработать пятак?

Кожин и Рожин, несшие носилки с шестью бумажками, услышав Люсин клич, мигом нарисовались рядом с ней, подошёл и задумчивый Поганкин, да и остальные ученики, оставив работу, на всякий случай сконцентрировались возле Сморкаловой. Надо сказать, возможность заработать деньги Люся предоставляла не первый раз. Месяц назад Кожин за пять рублей с портфелем в зубах забрался на крышу пятиэтажного дома по пожарной лестнице, а Рожин за червонец забросил в распахнутое окно директрисы коровью лепёшку.

Сморкалова подняла с земли здоровенного дождевого червяка.

— Внимание! Спокуха! Кто возьмёт в рот это животное, получит пять рублей! — гордо, звонко и насмешливо провозгласила она. Девчонки зафукали возмущённо и брезгливо. Кожин и Рожин смотрели на извивающегося в Люсиных пальцах червя, лица их задумчиво кривились.

— Что? Слабо? — усмехалась Сморкалова, а в глазах её вспыхивали восторженные искры.

— Ну-ка, — неуверенно вышел вперёд Поганкин, — а сколько его надо держать?

— Пятнадцать секунд.

— А! Давай сюда!

— Поганка, — хохотнул кто-то, — как же так, ты, такой чувачина, интеллигентный, в очках, и вдруг до такой низости нисходишь?

— Сам дурак, — сказал Поганкин. Он взял из Люсиных рук червяка, посмотрел на него, словно не веря своим глазам, а потом решительно, словно стопку спирта, закинул себе в рот. По толпе десятиклассников прокатился возбуждённый рокот. Перекошенное лицо Поганкина выражало мировую скорбь, ещё было похоже, что он тужится. Девчонки отворачивались, плевались, одну даже зачем-то вырвало. Но вот время истекло, червь вылетел из уст Поганкина на свежий воздух, а Сморкалова, радостно смеясь, вынула из кармана пять рублей. Субботник продолжался.

— Вот видишь, Петя, — сказала Люся, — кому-то, может, это и не понравится, а большинство уважают. И сама себя чувствую отлично!

Поганкин, стоя в стороне, вытирал язык листиком подорожника.

— Пьём-то вместе? — уточнил Рожин, рассматривая пятирублёвую купюру.

— Угощаю, — сказал Поганкин, — эх, а Петька опять рядом с ней!

— Может, избить его для профилактики? — спросил Кожин.

— Не, — сказал Рожин, — сама в нём разочаруется.

Петя Плешаков грустно смотрел в землю, думая, что в садиковские времена он тянул в рот всё что ни попадя, от дождевых червей до бабочек. Если бы тогда за это кто-нибудь отваливал по пятёрке, глядишь, на мотоцикл бы набра-

лось! Петя не знал в этот миг, что не пройдёт и двух месяцев, как ему придётся проглотить целую стрекозу — и тоже совершенно даром.

— Сказать про меня «бабник» — это значит ничего не сказать, — любил, бывало, похвалиться Роберт Карманович, выпив в компании рюмку-другую пива. — Я зверь, я половой хищник, я... Да я даже не знаю, кто я. Казалось бы, с первого взгляда на меня что можно сказать? Ну, просто привлекательный молодой человек. Но женщины уже после двухдневного общения со мной подыхают от любовной интоксикации! Это что-то патологическое!

Нескромным человеком был этот самый Роберт Карманович. Год назад на дне рождения приятеля он познакомился с одной пьяной девушкой и проводил её до дома. При прощании в подъезде она четыре раза поцеловала Роберта в губы, сделала ему замечание, чтоб он при поцелуях интенсивней работал языком, и ушла. С тех пор Карманович по праву считал, что он познал женщин, со снисходительной благосклонностью обучал он приёмам любви своих неискушённых корешей, и немудрено, что теперь, поставив себе целью связать себя с Люсей Сморкаловой узами Гименя, Роберт был спокоен и полностью уверен в себе. Вот какой матерый соперник встал на пути незадачливого Пети Плешакова!

Шёл второй час дня, когда горбоносый силуэт Роберта Кармановича нарисовался в районе Колпашинского посёлка. Выйдя из автобуса, делец направился в сторону школы. На ходу он насвистывал песенку Остапа Бендера и высокомерно поплёвывал на мельтешащих под ногами пустоголовых кур. Сбежавший с литературы Рожин полулежал в придорожных лопухах, млея в лучах яркого полуденного солнца. Привычная скука томила десятиклассника, и, увидев незнакомую физиономию, он не преминул вступить в разговор.

— Э! Филин! — дружелюбно окликнул он затянутого в «фирму» незнакомца. — Закурить будет?

— Что? — переспросил Роберт и, притормозив, носком кроссовки въехал точнёхонько в притаившуюся на обочине коровью лепёшку. Рожин от души рассмеялся счастливым младенческим смехом.

— Ой, — на миг с лица Кармановича слетело всё пижонство, — кроссы замарал! Это что же у вас, прямо на улице экскременты?

— Ха-ха-ха! Какие, к чёрту, эксперименты! Дерьмо коровье!

— Что же у вас, туалетов нет, — возмущённо фыркнул Роберт, — дерёвня!

— Чё? — оскорбился Рожим. — Я те дам дерёвно! Закурить есть, спрашиваю?

Карманович небрежным жестом выудил из кармана пачку «Мальборо».

— Меня Фёдор зовут, — представился Рожин, прикуривая, — а тебя как дразнят?

— Робертом, — сказал делец, вытирая лопухом запятнанные кроссовки. — Кстати, такая Люся Сморкалова не у вас тут где-то проживает?

— Сморкалова? — удивился Рожин. — А на что она тебе?

— Обжениться на ней думаю, — сказал Роберт и тоже закурил.

Ответ напрочь обескуражил Рожина. Он недоверчиво покосился на Кармановича и, глубоко затянувшись, пустил дым из левой ноздри.

— Жениться? А зачем тебе?

— Люблю.

Рожин затянулся ещё глубже, закашлялся, сплюнул и прослезился.

— Хм... Да... А где ты с ней успел познакомиться?

— А я не знаком ещё. Поэтому вот и спрашиваю, как к её дому пройти. Знаешь?

Смешанные, противоречивые чувства овладели Рожиним. Он сам был равнодушен к Сморкаловой, и вдруг на тебе, такое заявление... В своём ли уме этот невесть откуда взявшийся пижон? На олигофрена не похож вроде.

Так что же делать? Ещё раз обозвать его «филином»? Но «филин» в лексиконе Рожина было вполне безобидным обращением, вроде «дурака» или «дружича». Дать пижону в зубы? Тут Фёдор вспомнил «дерёвню» и отказался от подобной примитивщины. Так что же делать?

— Так ты знаешь, как её найти? — нетерпеливо повторил Карманович.

— Как найти, — протянул Рожин, задумчиво взъерошив нечесаную копну на голове. — Как... Да вон она сама идёт!

Вдоль изгороди с пухлым портфелем в руке шагала Людмила Рябова, та самая влюблённая в Петю, толстая, некрасивая и сентиментальная. Она возвращалась из школы, грустно размышляя о своём избыточном весе и вытекающем отсюда одиночестве, о Плешакове, который, конечно, её никогда-никогда не полюбит, и на душе её было горько и так пронзительно-безысходно, как бывает лишь в беспомощной, не огрубевшей, не примирившейся юности. В какой миг осенило Рожина дезинформировать коварного жениха, он и сам не смог бы ответить — это было как веление свыше.

— Она? — хищно прищурился Карманович, роняя окурок. — О'кей! Мерси бонжур!

— Кушайте на здоровье, — ответил Фёдор со всей вежливостью, на которую был способен, и с усилием загасил на лице готовую вспыхнуть взволнованным злорадством улыбку.

Роберт глубоко вздохнул, расправил плечи и, ловко петляя в лабиринтах коровьих лепёшек, двинулся на сближение с толстухой.

— Здравствуй, Люда, — сказал он, поравнявшись. Рябова невольно вздрогнула и остановилась.

— Прости меня за наглость, — продолжал ловелас, — но я давно уже слежу за тобой. Украдкой, тайно... И вот сегодня наконец решился.

— А... Что вы хотите? — спросила совершенно растерянная Рябова, несмело подняв на импозантного, подтянутого и кучерявого Кармановича свои маленькие бесцветные глаза.

— Познакомиться хочу. Меня, кстати, зовут Роберт. Как-то случайно я увидел тебя, и не знаю, что со мной такое случилось...

Роберт говорил, сбиваясь, моргая, морща лоб, любой бы сказал, что он волнуется. Волнение его передалось девушке. Она с неведомым ранее трепетом, восторгом и наслаждением внимала ядовитым словам признания.

«Глупа, проста, толста, непритязательна, — тем временем мозг Кармановича работал чётко и быстро, как электронная машина. — В меня уже вторилась по самые гланды. Не увлекательно даже... Но как я жить буду с такой? Ведь с женою надо в гости ходить, а к кому я смогу с такой хрюшкой дать визит. Неприлично! Да, но деньги, деньги...»

Язык юного дельца работал не хуже мозга, с завидной скоростью тарабанил напыщенные нежности:

— Глаза твои как солнышки, волосики как волны. Ты столько раз снилась мне, и я просыпался от ужаса, хм, от ужаса, что мне суждено прожить жизнь без тебя. Как это Тютчев метко сказал: «Не раз ты слышала признанья, не стою я любви твоей!»

На несчастную Рябову без всякой подготовки обрушился вдруг целый каскад светлых переживаний. Она слушала, украдкой косясь на это странное, тощее, горбоносое лицо, краснела, улыбалась и хотела слушать и слушать ещё и ещё. И Карманович тараторил без перебора.

— Роберт, — выбрав короткую паузу, заговорила Рябова, — ты хочешь сказать, что я тебе нравлюсь?

— Нравлюсь... Что может выразить это слово, — поморщился Карманович, словно от досады. — Я люблю! Нет, не просто люблю, это что-то патологическое! Это страсть, это безумие, я не могу понять, что это, но ничего не могу с собой сделать. Когда я первый раз увидел тебя — даже заснуть потом не мог без фенотарбитала!

Рябова, задыхаясь от счастья, покраснела ещё гуще.

— А может, Люда, сходим в кино, — вдруг, прервав фонтанирование любовным красноречием, сделал незатейливое предложение Карманович.

Рябова медлила с ответом. Она вспомнила, что девушке в подобных ситуациях не пристало сразу соглашаться, ибо покладистость отбивает у мужчин азарт и аппетит, но разве могла она сейчас сказать «нет», сейчас, когда в её серой, безрадостной жизни случилось вдруг такое, такое...

— Ты занята? — предупредительно поинтересовался Карманович. — У тебя дела какие-нибудь, да? Уроки?

— Нет, — тихо сказала девушка.

— А! Прости... В сердце у тебя, конечно, помещается кто-то другой, — проговорил Роберт и вздохнул тоскливо, до хрипоты.

Рябова вспомнила Петю Плешакова, его неуверенный голос, толстые очки, хмурое, отрешённое лицо, не знающее человеческого тепла и ласки. Но что Петя, если его заметила себе сама Сморкалова, а разве с такой посперничаешь?! А тут вдруг появился человек, который тоже страдает, который неравнодушен к ней, который тоже очкастый, как и Петя, — тем легче, значит, будет переключиться на любовь к нему. Со всем эгоизмом молодости Рябова хотела урвать свой кусок счастья и ради этого шла даже на ложь.

— Никого у меня нет в сердце, — сказала она. — А какой фильм?

— Да какой хочешь! Что у вас в клубе идёт — то и будет!

Стоит ли утомлять дорогого читателя пересказом похода в кино этой славной парочки, стенографировать их бессодержательный разговор и передавать ход работы мыслительных аппаратов? Не стоит, правильно.

Потом Роберт провожал свою девушку до дома. С замирающим сердцем плыла Рябова рядом с кавалером и от души досадовала, что навстречу не попала ни одна из одноклассниц — вот поперхнулись бы от зависти! У калитки они расстались. Роберт отметил, что деревянный дом, в котором проживала Людмила, не имел в своём облике ни малейшего намёка на то, что хозяева его купаются в деньгах. «Странно, — думал Карманович. — Что-то патологическое. Нет! Это отлично! Значит, не очень пока тратятся, тем больше мне перепадёт!»

Потоптались, договорились, когда снова встретятся, вздохнули, посмотрели друг на друга. Карманович прозорливо догадался, чего ждёт его возлюбленная, и положил ей руки на то место, которое у худых женщин называется талией. Рябова зажмурила глаза и доверчиво прильнула к впалой груди Роберта. Делец шмыгнул носом, собрался с духом и решительно прикоснулся губами к девичьим губам.

— Не надо, — чуть слышно прошептала Рябова, приготовившись окончательно разомлеть, как это она видела в фильмах.

— Ладно, не буду, — поймав её на слове, с готовностью отстранился Роберт, пожал ей на прощание руку и ушёл.

Дома Рябова весь вечер прятала от родителей глаза, чтобы никто случайно не заметил её счастья. «Какой он странный, — думала она о Роберте, — умный, но робкий, застенчивый. Что он во мне нашёл? За что мне вдруг такое счастье?» Завтра надо было рано просыпаться в школу, но дома снотворного не было, и счастливая Рябова проворочалась до утра.

...Роберт Карманович возвращался домой в боевом, приподнятом настроении, уверенный в своей силе и незаурядных возможностях. На ходу, как обычно, он строил планы на будущее: «Машину купим, конечно, «Волгу». Белую... Нет, лучше шоколадного цвета! Кооператив мне отец в следующем году обещался сделать. Да, стенку надо достать. Зачем эта стенка нужна — чёрт её знает, но ведь все говорят, достают — значит, престижно. Собаку заведу. Колли — красивую, лохматую, остроносую, чтоб соседи уважали. Любонницу заведу... Нет, две штуки — одну молодую, другую малолетнюю, и

худых обеих, чтоб от жены отдыхать... А детей пока заводить не буду. И как заживу... И-эх!»

Жизнь улыбалась Роберту до ушей, как клоун.

...Дома Карманович застал отца в обществе его закадычного друга — директора ресторана — и двух бутылок коньяка.

— А вот и Роберто пришёл, сын, — с гордостью представил Карманович-старший сына высокому гостю, — ну, как у тебя дела?

— Всё вери гуд, фазе, — нарочито небрежно бросил Роберт. — С Людкой, значит, познакомился, влюбил её в себя и уже поцеловался в доказательство.

— Хе-хе, поцеловался, — покачав головой, закудахтал директор ресторана, лысый, пьяный и пошлый. — Надо было б, выюноша, объяснить девочке, что в любви есть вещи посмешнее поцелуев.

— Зачем? — не растерявшись, презрительно фыркнул Роберт. — Я что, маленький?

— Хм, — директор ресторана вдумчиво сощурился. — В натуре, сурьёзный молодой человек.

— Роберто у меня дело знает туго! — улыбался Карманович-старший. — Уж кто-кто, а он в жизни не промахнётся! Садись, Роберто, пропусти по рюмочке с нами, стариками.

Роберт подсел к столику и осторожно, маленькими глоточками стал всасывать в себя «Лучезарный» коньяк.

Вернувшись из школы домой, Люся Сморкалова застала Шнапса за подозрительным занятием — пёс обнюхивал сарай, нервно взрывал лапами землю и вполголоса рычал. Сарай был заперт на засов, но, вообще, внутри него быть ничему живому не полагалось.

— В чём дело, Шнапс? — на ходу поинтересовалась Сморкалова, потрепав пса по преданной лохматой голове. — Ты не сбесился случаем?

Пёс отрицательно мотнул головой и, взглянув на хозяйку большими умными глазами, вновь зарычал на невинную сараюшку. Люся задумалась. С одной стороны, пёс не человек, ему просто так ничего не померещится. Но с другой стороны, кто там может скрываться? Разве что забралась соседская кошка? На всякий случай Сморкалова всё же решила проверить, в чём дело, и, подняв засов, отворила дверь. Шнапс ринулся в неё, и в ту же секунду в полутьме сарая грянул испуганный вопль.

— Шнапс! — вздрогнув от неожиданности, крикнула Люся. — Ко мне!

Пёс рычал внутри, делая вид, что не слышит команды. Тогда Сморкалова сама вошла в сарай. Там, забившись в угол, стоял толстый голый мужик, для приличия прикрываясь скатанным из соломы фиговым листом. Шнапс, упершись передними лапами ему в грудь, сурово смотрел в глаза.

— А! Ой... Бабонька! — обрадовано вскрикнул мужик, увидев в проходе Люсю. — Убери собаку!

— Тоже мне нашёл бабоньку, — насмешливо фыркнула Люся.

— Девонька! Красавица! Псину свою убери от меня, — простонал мужик, безуспешно пытаясь отстраниться от навалившегося на него Шнапса.

— Шнапс! К ноге! — звонко прикрикнула Сморкалова, и пёс нехотя повиновался. Незнакомец же облегчённо опустился на кучу соломы.

— Кто такой, откуда и почему в костюме Адама? — строго шевельнув бровями, приступила к допросу Люся.

— Я Сашка Буховцев, алкоголик, — дружелюбно похихикивая, доложил таинственный обитатель сарая. — Разве не узнаёшь?

— Буховцев? Но почему в таком виде? Что, совсем уже потерял стыд, совесть и половое влечение?

— Всё растерял! — с готовностью согласился Саня. — А тут я потому сижу, бабонька, то есть девонька, что меня твой папонька, Кондрат Лукич, ночью за свинью принял.

— Что за бред? — не поняла Люся, и даже Шнапс в недоумении приподнялся на ноги. — Что ты сочиняешь? Я спрашиваю, что делал в нашем сарае?

— Вот те крест! — забывшись, перекрестился Саня, и фиговый лист, упав, предательски оголил безжизненные прелести потомственного алкоголика. Шнапс глухо зарычал, бесстыжая Люся даже не моргнула, а Буховцев поднял солому, прикрылся и продолжал: — Истинный боженька! Я ж, бабонька, то есть девонька, в бога верю. Как на духу раскаиваюсь! Забрался я ночью в свинарник, свинку своровать хотелось, а свиньи, чёртовы болячки, как набросились на меня, как пошли хулигайничать, загрызли меня и всю одежду унесли. А тут вдруг твой папонька, Кондрат Лукич, входят с ветеринарщиком, свинью выбирают, а я, бабонька, получилось так, весь голый там ползаю, а свиньи, они ведь все тоже голые! Тут Кондрат Лукич и спутался мальчика. Он ещё чуть-чуть выпимши был. Взял, меня в мешок засунул, думал, свинья. А я-то не разъяснил ему ошибку, испугался, думаю, всё-таки на месте преступления попал. Вот и получилось... В таком разрезе.

— Да... Вот они, современные нравы, — только и могла вздохнуть Люся.

— Так как же, мне можно выйти? — осмелившись, поинтересовался Саня.

— Сиди-сиди. Спокуха! Куда ты в таком нереспектибельном виде пойдёшь? В филармонию наверняка не пустят. И вообще разве тебе тут не место?

— Как это место?

— Ну а чем ты теперь людям докажешь, что ты не свинья, а? — спокойно спросила Сморкалова. — Документа при тебе нет, а сам ты толст, безнравствен.

— Но... Кхе, — заволновался Саня и вновь чуть не обронил фиговую солому, — я ж того, не похож на свинью!

— Сам говоришь, что обознатушки вышли. Похож, значит. В профиль особенно.

— Ну не дури, бабонька! Я... Я, — нервничал и чесался Буховцев, — я же разговаривать умею, вот! По-человечески волоку! А свиньи только хрючат!

— Откуда ты знаешь? Свиньи, может, и могли бы сказать пару ласковых, но давно поняли, что словами в мире ничего не изменишь. Да и зачем им говорить, когда их и так задарма кормят. Меньше спросу.

— Но я... Да я же в боженьку верю! — выдвинул Саня последний козырь. — Православный я! А свиньи корыту молятся! Не позволю надругательствовать!

В этот миг с крыльца в широченных домашних штанах и красной майке спустился Кондрат Лукич Сморкалов.

— Люся! Ты с кем это там разговоры ведёшь? — поинтересовался он, осторожно и ласково поглаживая гудящую с похмелья лысину.

— Со свиньёй. С той, которую ты вчера притаранил, — скучающим голосом ответила Люся.

— С кем, с кем? — растерялся Сморкалов. — Ты мне, доченька, лучше мозгу не пудри, она у меня и без того нездоровая, едят тя мухи. А на свиней смотреть не приучайся, ты у меня умная, ты в университете учиться будешь, а не в каком-нибудь доярышнике, и нечего со всякой пакостью, — тут Кондрат Лукич заглянул в сарай и икнул от изумления. — Саня! Откуда ты здесь? Без трусов почему? Да, а свинья-то где, свинья?!

— Нету, Кондрат Лукич, — застенчиво забормотал Буховцев, — это я и есть свинья, то есть это я вчера притворился свиньёй, а теперь мне дочка твоя не верит, говорит, что я натуральная... Но вы-то ей скажите, Кондрат Лукич, что я — Сашка Буховцев, алкоголик, у меня и отец был алкоголик, и дедушка, царство ему небесное, грешил, и тётенька алкоголичкой слыла, и брат мой...

— Какое-то гнилое генеалогическое древо, — заметила Люся и, решив не слушать последующих объяснений, поднялась в свою комнату. «Скука, скука,

скука, — думала она, лениво перелистывая томик Лермонтова. — Что бы сделать? В клуб на танцульки? Смешиваться с этими накрашенными пустоголовками? Скукотища... Но почему так? Я же умная, красивая, — Сморкалова соскочила с дивана и на всякий случай заглянула в зеркало, убеждаясь в правоте своих мыслей. — Не для меня эта жизнь. А что для меня? Чёрт его знает? Хоть бы Петька этот зашёл, что ли, повеселил чем-нибудь!»

А в это время Сашка Буховцев, облачившись в поношенную одежду Сморкалова, с удовольствием пригубливал на веранде третью рюмку водки.

— Да, Кондрат Лукич, — говорил он, блаженно шевеля губами, — добрый вы человек. И всё бы хорошо. Но ведь последние дни я живу, последние. Скоро сухой закон грянет, я и на другой день от жажды сдохну. Я ж алкоголик, Кондрат Лукич. Да у меня и отец был алкоголик, и бабушка была с этим зельем повязана, и двоюродный дядя из Подмосковья...

— Ты, Саня, мне мозги не пудри, — строго сказал ещё не отошедший после вчерашнего Кондрат Лукич. — Мне твоё это... гинекологическое древо вовсе не интересно. А насчёт сухого закона не дрейфь — самогошки в Колпашиното я всегда достану! Ты, Саня, мне другом за это будь! Живу последние дни в страшной напряжённости. Упырёв, едят его мухи, с зоны вернулся, а я, дурак пьяный, деньгами швырялся при нём. Теперь же он, будь ты неладен, подкопать под меня собрался.

— Да? И в чём это проявляется? — по-умному поинтересовался Саня, ловко похрустывая солёным огурчиком.

— Следят, гады. Типчик один усатый ко мне приставал в пивной, что, мол, сколько я получил да как, да он мне может золотую статую совы продать. Чувствую, приглядываются пока. Упырёв — это ж злодей, так просто дело не оставит. Так ты, в случае чего, мне пособишь, а, Саня?

— Да, Кондрат Лукич! Вы что, сумлеваетесь? Да я ради вас горы переверочу! Всех переколошматю! А хотите, пить брошу?! На четыре дня. Хотите?! Я даже вас, Кондрат Лукич, поцеловать сейчас могу за вашу сердобольность ко мне и участие.

— Это не обязательно, — сказал Сморкалов и, разлив по четвёртой, провозгласил взволнованным голосом: — За нашу победу!

Буховцев кивнул, посуровел лицом и выпил рюмку стоя.

Майский воскресный день выдался горячим, как только что наполненная кипятком грелка. Петя ощутил нестерпимую духоту ещё в подъезде, а выйдя на улицу, и вовсе чуть не задохся. На синем небе ни облачка, у бочек с квасом страдальчески завивались хвосты очередей. По идее, температурные капризы не должны были чересчур угнетать «тихого дурака», ведь писал же он когда-то в одном из своих ранних стихов:

Мне плевать на погоду,
Тосковал я и в снег, и в жару,
Лучше всех будет то время года,
Когда я умру.

И Плешаков не расстраивался, хотя потеть было не очень весело. Машинально Петя поднял голову и помрачнел — на балконе третьего этажа маячил ненавистный силуэт двенадцатилетнего хулигана Вовочки, заклятого врага Плешакова. Редко удавалось «тихому дураку» безнаказанно пройти под этим балконом. Один раз Петя был облит водой, другой раз обсыпан солью, да так метко, что целый месяц потом солонился, выковыривая крупички из волос. И вот опять... Сворачивать было несолидно, значит, время работало только на

врага, — и Плешаков ускорил шаг. Он старался идти бесшумно, но быстро, голова его непроизвольно вжималась в плечи, дыхание замерло, сердцебиение участилось. Вот Петя поравнялся с балконом, вот прошёл ещё дальше. Легко прошуршав около уха, на тротуар шлёпнулось яйцо, другое яйцо с глухим бульком разбилось перед носом «тихого дурака». Он перешагнул через гадость и теперь был уже вне Вовочкиной досягаемости. «День начинается удачно», — с удовлетворением отметил про себя Петя. Сегодня с утра можно было радоваться жизни — ещё бы, завтра начнётся последняя неделя учёбы, в конце которой последний звонок. Всё! Школа позади! Да здравствует свобода! Впереди, конечно, была мрачная неизвестность, но об этом Плешаков не думал сегодня. Он шёл широкими шагами, мычал себе под нос мелодию «Когда уйдём со школьного двора», только в более убыстрённом, игривом темпе, и непроизвольно улыбался. И вот странно: люди, шедшие навстречу, тоже улыбались, глядя на него.

То, что ширинка джинсов расстёгнута, Плешаков обнаружил совсем случайно. Кошмар-то какой! Петя замедлил шаг и зыркнул по сторонам загравленным взглядом щенка, нагадившего в хозяйской постели. «Так вот чему все улыбались!» — понял Плешаков и запылал со стыда. Он стоял, смотрел в витрину и не понимал, что же теперь делать? Застёгиваться на виду у всего проспекта он стеснялся, оставаться в таком виде опасно, ибо вот-вот какой-нибудь развязный прохожий заорёт: «Э! Паря, да у тебя же мотня расшнурована!» А там, не разобравшись, могут и забрать в милицию. «Что делать?» — терялся в сомнениях «тихий дурак». И тут на выручку ему пришёл троллейбус. Плешаков запрыгнул на заднюю площадку, встал лицом к окну и незаметно для общественности застегнул «молнию». «И то хлеб», — мысленно поблагодарил он судьбу и хотел было уже выйти на следующей остановке, но, на беду, остановка оказалась конечной, и водитель, открыв лишь переднюю дверь, проверял абонементы. «Попался! — мысленно содрогнулся Петя. — У меня же нет тroyака. Конец!»

— Товарищи, родные, дайте кто-нибудь абонемент, — молил у пассажиров маленький пьяненький мужичёшка в чёрном пальто и с чёрным синяком под глазом. — Товарищи, ради бога, а то ведь меня в милицию увезут!

Но люди равнодушно проходили мимо, хотя у многих наверняка были лишние абонементы. Петя стеснялся взывать к человечности, да и не верил в людей. С обречённостью смертника в глазах он приблизился к водителю.

— Ваш билетик, молодой человек?

— Нет.

— Уплатите штраф.

— Нет, — выдохнул Петя, глотая горячую слюну.

— Тогда сейчас поедem в милицию.

«А как хорошо начинался сегодняшний день», — вдруг подумалось несчастному Плешакову, и он чуть не заревел от тоски.

— Слушай, земляк, не выдавай, — пылко забормотал мужичёшка с чёрным подбитым глазом, — выпусти, браток!

— А ваш билет?

— Нет, я ж инвалид войны!

— Удостоверение?

— Забыл. Дома забыл. Браток...

— Тогда поедem в милицию, — водитель был спокоен и неумолим.

— А! Вези! — вдруг отчаянно махнул рукой пьянчужка и разорвал на груди пальто. — Продавай, спиногрыз, сволочь! Петух! Вот с ним вот поедem! — Тут мужичёшка дружески хлопнул Петю по плечу, и Плешаков ощутил крепость и святость уз тюремного братства. Водителю, видимо, надоел этот концерт, и он открыл двери. «Тихий дурак» вдохнул воздух свободы и, не став мешкать, инстинктивно рванул туда. Его нетрезвый товарищ по несчастью, не замечая открывшейся возможности, продолжал усовещать шофёра.

Троллейбус с брезгливым фырканьем выплюнул Петю на залитый солнцем проспект. Опять свобода! Как хорошо! Плешаков, улыбаясь, пошёл вперёд, в груди его всё пело и ликовало, будто не из троллейбуса он вырвался, а по меньшей мере из следственного изолятора или из психбольницы. Всё-таки удача продолжала сопутствовать «тихому дураку» в этот солнечный день. Он был так окрылён, что не сразу заметил новую опасность.

Впереди на проспекте замаячили цыганки с цыганятами. Женщины в национальных одеждах не пропускали мимо ни одного одинокого прохожего, так что Плешакову не на что было надеяться. «Ещё не поздно повернуть», — подумалось Пете, но он постеснялся, что все люди вокруг увидят, как он испугался цыганок. Вялой походкой плёлся «тихий дурак» навстречу судьбе. Цыганка пыталась заговорить с какой-то дородной дамой, которая вела себя крайне неуважительно, даже не поворачивая головы. «А вдруг удастся проскочить?» — мелькнула у Пети шальная мысль, и в этот миг он услышал:

— Паренёк! Постой.

Дорогу ему перерезала цыганка лет двадцати пяти. «Попался, — оборвалось внутри у «тихого дурака», — эх, жизнь моя пропащая!»

Конечно же, Петя постеснялся не остановиться.

— Что? — глуховатым от стеснительности голосом поинтересовался он.

— Мальчик мой, — цыганка кивнула на сидящего на газоне черноглазого пятилетнего пацанёнка, — от жажды умирает. Ты бы не мог три копейки дать, а?

«И только-то, — лицо Пети просияло от облегчения, — и почему это люди говорят про цыганок плохо, что они все воровки бессовестные? Ну, если мальчик пить очень хочет, почему бы троячок не попросить?»

— Пожалуйста, — Плешаков вынул из кармана свой тощий кошелёк, вынул оттуда трёхкопеечную монету и, вежливо протянув его цыганке, собрался было продолжить свой светлый путь, как вдруг та проворно схватила его за руку, потащила к скамейке в гуще газонов и в стороне от людских глаз:

— От чистого сердца дал? — спросила она у Пети.

— Типа... да, — сказал «тихий дурак».

— Тогда всё скажу. Руку дай.

Плешаков покорно протянул свою честную потную ладонь. Цыганка тотчас вложила ему в руку зеркальце и шустро затараторила:

— Вижу, вижу, много хорошего у тебя в жизни вижу! Всё тебе удастся, как и задумал. Только немного измени свой характер — всё тогда твоё будет. Имя задумай. Задумай имя.

— Сейчас, — кивнул Петя, мучительно соображая, какое имя задумать: «Видимо, имеется в виду женское имя. Так какое же задумать? Просто так или, может, Люсю?»

— Задумал? Имя тебе скажу, смеяться не будешь?

— Не буду, — пообещал Плешаков и тут же стал бояться, как бы его не разобрал ненароком истеричный хохот. Имя же он так и не задумал из-за тугодумия. В этот миг цыганка вдруг резким движением вырвала три волосинки из Петинной шевелюры. «Тихий дурак» от неожиданности вскрикнул и тут же застеснялся своей невоздержанности.

— Это надо, — пояснила цыганка. Несколько секунд она молча перебирала Петин волос в руках, потом лицо её вытянулось от испуга. — Страшная беда могла быть с тобой. Но не бойся. Сейчас повторю за мной...

И Плешаков, краснея, стесняясь и заикаясь, старательно выговаривал вслед за цыганкой слова какого-то малопонятного заклинания, смысл которого сводился к тому, чтобы «порча» не пристала ни к телу, ни к непорочной душе его. Дальше цыганка сама произнесла волшебные слова, чтоб Петя, выражаясь медицинской терминологией, не терял потенции. Плешаков никак не ожидал, что речь коснётся столь интимных вопросов, в какой-то миг он даже хотел умереть от стеснительности и с трудом сдержался. По телу «тихого дурака» струился

обильный взволнованный пот, словно на уроке английского, когда могут спросить. Как сквозь сон доносилось до него бормотание цыганки.

— Всю правду тебе открою! Ты не смотри, что я молодая, я с зобом и хвостом родилась, я всё про всех знаю.

«С зобом и хвостом», — подивился Петя. Он вспомнил, что действительно на уроке биологии как-то говорили, что рождаются иногда люди с хвостами. Петя считал это вещью весьма неприятной, он пожалел в душе несчастную цыганочку и, хотя и не понял, зачем ей понадобилось афишировать свой атавизм, страшно захотел хоть одним глазком взглянуть на человеческий хвост.

— Дунь, — цыганка поднесла волос к самым губам Плешакова, и тот добросовестно дунул.

— Ещё раз! — настаивала цыганка. Петя дунул вторично.

— Хорошо. Теперь ты возьмёшь себе этот волос и не будешь смотреть на него два часа. Через два часа одна половина его станет чёрной, другая — красной, ты не пугайся! Красное — всё хорошее к тебе, чёрное — порча от тебя.

«Вот это да, вот это фокусы, — удивился Петя. — Только как бы этот волос штаны не испачкал, опять ведь мать скандалище закатит».

— Всё дело в том, что твой волос подобрала одна женщина и закопала его под мёртвым телом, — зловещим полусёпотом продолжала цыганка.

«Кошмар-то какой, — испугался Плешаков, — а кто же мог мой волос подобрать? Ясно, что не Люся. Наверное, Рябова, она ж меня любит!» И возбуждённому воображению молодого поэта живо представилось, как Рябова среди перхоти, осыпающейся с его головы на заднюю парту, после уроков выискивает длинную волосину, прячет её в карман, дома украдкой целует его волос, а ночью пробирается на кладбище, разрывает могилу, докапывается до страшного, полуразложившегося трупа, кости которого злобно и отвратительно белеют в ночи, приподнимает его и осторожно кладёт вниз его, Петюнина, волос. Волос тотчас сливается с вонючей землёй и кишасцами в ней червями. Бррр... И зачем ей понадобилось всё это, вот бы узнать?

— А теперь возьми волос! — приказала цыганка. — Только не руками. Надо брать бумажной деньгой. И положи в карман.

Петя стоял столбом и не шевелился.

— Не бойся, не возмю, — сказала цыганка голосом, чуть оскорблённым Петюниным недоверием.

— Нету у меня, — виновато скривился «тихий дурак».

— Смотри лучше, — настаивала цыганка. — По-моему, у тебя есть деньги для дела. Смотри.

Плешаков похлопал руками по задним карманам джинсов — а вдруг там и впрямь затёрся какой-нибудь давнишний рубль. Нет! Неужели же из-за такой мелочи сорвётся волшебство с линяющим волосом. Обидно стало «тихому дураку».

— Ладно, — выкрутилась цыганка, — можешь взять и такими деньгами, но только не медью бери, серебром.

Плешаков вынул из кошелька два пятнадцика и, неловко зажав между ними свою измятую волосину, засунул в карман.

— А теперь дай мне, сколько не жалко, — равнодушным тоном, будто невзначай вспомнив про скучную, но необходимую формальность, произнесла цыганка. Петя, сощурившись, стал выискивать в кошельке серебряные монеты.

— Только от сердца давай, — строго предупредила его цыганка, — пожалеешь — ничего не сбудется.

Плешаков вытряхнул на ладонь двадцатчик, десятчик, несколько пятнадциков и вдруг почувствовал, что ему становится жалковато. Стыдясь своего скупердяйства, «тихий дурак», однако ж, ничего поделывать не мог и протянул цыганке столько, сколько не было жалко. Та молча ссыпала мелочь в безразмерный карман цветастого платя.

— Ну что, типа, теперь можно идти? — нерешительно спросил Петя. Но нет, судьба сегодня подвергала «тихого дурака» испытанию за испытанием. Сзади подошла другая цыганка, постарше и понаглее первой.

— Послушай меня, — без предисловия начала она, мимоходом оттесняя Петю в глубь газона. — Меня зовут Маруся. Я тоже с зубом и хвостом родилась.

«Господи, откуда собралось столько больных, уродливых женщин!» — мысленно поразился Плешаков. Цыганка же тараторила что-то о деньгах, разуме и половой силе.

— Завтра сможешь сюда прийти? — вдруг спросила она. — Принести моему мальчику печенья. Только честно скажи.

— Смогу.

— А сейчас дай, сколько не жалко.

— Он уже дал рубль, — деловито заметила первая цыганка, и «тихий дурак» вновь покрылся испариной стыда. «Я ж точно дал меньше рубля. А вдруг сейчас пересчитают. Как неудобно выйдет... Ещё и в милицию потащат».

— Дай-ка я посмотрю на твоё время, — старая цыганка проворно ухватила Петю за часы.

— Не надо. Зачем? — жалобно спросил Петя.

— Да не возмуй я! — раздражённо буркнула цыганка. — Посмотрю только...

Щёлкнул браслет, и часы медленно поползли с руки Плешакова. «Тихий дурак» не вырывался, стесняясь оскорбить недоверием пожилую, годящуюся ему в матери женщину. Правда, кисть его сопротивлялась, но покорно, вяло, часы снимали с него, как снимают нижнее бельё с имитирующей борьбу женщины. Браслет скользнул по пальцам, часы на прощанье послали Пете весёлый солнечный зайчик, мол, не расстраивайся, старина, в жизни всякое бывает. Цыганка зажала часы в кулаке, подула на них и заговорила:

— Твоё время шло медленно. Сейчас оно встало, но сегодня в шесть часов оно вернётся к тебе...

Цыганка разжала ладонь, она была пуста. Плакал подарок к совершеннолетию. Что теперь Плешаков будет врать родителям?

— Сегодня без пяти шесть ты скажешь: рыба с водой, моё время со мной. И время твоё будет у тебя в правом кармане. Только помни, доставать нужно левой рукой. Рыба с водой, моё время со мной! Запомнил?

— Да, — потерянно проговорил Плешаков. — До свидания...

Медленно побрёл «тихий дурак» по проспекту. «Ну что ж, — утешал он себя, — не судьба, значит, мне часы носить. Что ж делать, если день сегодня какой-то дурацкий...» Утреннее радужное настроение было вконец испорчено. Петя почувствовал голод, усталость и поторопился домой. Однако ровно без пяти шесть он всё же встал посреди комнаты в торжественную позу и произнёс:

— Рыба с водой, моё время со мной.

Петя не верил в колдовство, но почему бы было не попробовать, ведь он ничего не терял. Потом он с трудом залез левой рукой в правый карман и с облегчением убедился, что чуда не произошло. На всякий случай Плешаков ощупал и все остальные карманы — результат был тот же. «Эх, — он сокрушённо повалился на тахту. — Есть же умные люди... Почему я такой дурак? Правильно цыганка сказала, менять мне надо свой характер. Понаглее быть... Эх! Рыба с водой, а время...» И Петя позавидовал счастливой рыбе.

Потом мысли его стали принимать озлобленный оборот. В голове его быстро созрел план мести коварным цыганкам — не покупать цыганёнку никакого печенья! Только так! Кровь за кровь! Они обманули его, что ж — и он ответит им тем же! «Конечно, ребёнок не виноват, — совестясь своей жестокости, думал Петя, — ну и что? Мсть! Но ведь зло порождает зло... Ребёнок будет ждать печенья, не дождётся и затаит в сердце холод недоверия к людям... Как всё сложно...»

Сомнения долго терзали Плешакова. И всё же он решил не ходить с угонением к цыганёнку. Оправданно ли такое мужество? Да, отвечал Петя. Он решил быть твёрдым как камень. Казалось, за этот вечер «тихий дурак» стал старше на несколько лет, — столько было пережито и передумано. И, конечно, события дня не могли не вдохновить Петю на поэзию. Запершись в ванной, он окунулся, опёрся общей тетрадью о край ванны и стал сочинять:

Моё время ушло, мне его не догнать
Никогда, никогда, никогда.
Время — это не фон, это даже не мать,
Время мне — как для рыбы вода.

Задыхаюсь, сгораю в чадающем огне
Средь чужих, непонятливых глаз,
Почему же никто не подсказывал мне,
Когда бил мой единственный час.

Вольной рыбой бы мне в струях времени плыть,
Опьяняясь его широтой, новизной...
Но бессрочно в болоте мне прошлого гнить,
Моё время летит стороной!

И пришёл тот день, которого так многие ждали, кто с суровым нетерпением, а кто и с болезненным содроганием. Во всех газетах опубликовали постановление о борьбе с пьянством и алкоголизмом. В трясущихся руках Сашка Буховцев принёс Кондрату Лукичу номер «Правды» и попросил его прочесть, так как у самого глаза от волнения не разбирали буквы.

— Только скажи сразу, Кондрат Лукич, — молил Сашка, — будут продавать или нет? Сразу, не надо меня подготавливать, утешать, я человек мужественный, я всё вынесу... Ну... Ну!

Сморкалов нацепил на нос важные очки и с умным видом углубился в текст постановления.

— Ничего, продержимся, — сказал он через пару минут, — не вздрагивай очень, Саня... Ничего страшного нет. С двух часов теперь в винник ходить будешь.

— И всё-то! Ой, не верится, — Буховцев крестился и плакал, потом без спросу схватил со стола пузырь водки, налил себе полстакана и с жадностью выпил. — Ну, что ещё пишут, а, Кондрат Лукич?

— А вот ещё одна деталька, — продолжал Сморкалов, авторитетно почёсывая лысину. — С двадцати одного года теперь будут только водовкой и прочим подобным хозяйством отоваривать. Но ты-то вроде перевалил через эти леты?

— Понятно, — улыбнулся Саня, — но я не только о себе... За молодых больно. Нет, сурьёзно, с двадцати одного, а, Кондрат Лукич?

— Русским языком говорю, едят ты мухи! Двадцать один год... Англицкое совершеннолетие ввели, во как? — козырнул эрудицией Сморкалов.

— Чего?

— Того! В Англии с двадцати одного года только людьми становятся, понял? А теперь и у нас это сделали.

— Ничего себе, — изумлялся Буховцев, — значит, работать ты можешь с пятнадцати, а отдыхать с двадцати одного?!

— Так и есть, Саня.

— Как хорошо, что я уже старый хрен! Фууух... А что, жениться теперь тоже только с двадцати одного разрешают?

— Не сказано ничего про это.

— Хм. Безобразить, значит, можно, а культурно попить — кранты! Интересно...

— Самое интересное для тебя, Саня, не это, — продолжал вычитывать Сморкалов, — за появление на улице в виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность, — штраф от тридцати до пятидесяти рэ. Усёк? А твой вид общественную нравственность Колпашино просто терроризирует. О человеческом достоинстве я уж не говорю — если ты со свиньями смешался!

— Как же теперь? — нахмурился отошедший было от пережитого Саня.

— В подполье уйдёшь. Живи пока у меня. Комната есть, водка будет. А то, знаешь, суровые события на носу. Буду справлять свои именины — пригласил всех. Упырёв будет тоже. И вообще боюсь я один.

Буховцев поскрёб локтем нос.

— Дело вы говорите, Кондрат Лукич, — сказал он и, будто бы в задумчивости, набулкал себе ещё полстакана «Русской».

— Хулиган! Подонок! Негодяй! — отрывистый рык директрисы Софьи Ивановны нёсся по школьному коридору. Директриса была сухопарым, старым существом с костлявыми чертами лица, которое в момент возбуждения тряслось и брызгалось. — Что ты делал, дрянь?

Вопрос директрисы был адресован маленькому лопухому пятикласснику, попавшемуся за выцарапыванием на стене коридора буквы «Х». Ученики стекались на шум. Софья Ивановна выкручивала ухо хулигану, мальчишка, решив смягчить свою вину, предупредительно заплакал.

— Кстати, Софья Ивановна, — прозвучал совсем рядом чей-то хладнокровный голос, — если мне не изменяет память, в советских школах запрещено рукоприкладство.

Разъярённая директриса мигом обернулась, перед ней с ясной улыбкой на лице стояла Люся Сморкалова.

— Ты, ты, — забуксовала директриса, будучи не в силах сразу совладать с бушующими, распушенными нервами. — Да ты...

Сморкалова молча повернулась и на глазах всех восхищённых зрителей прошествовала дальше по коридору. В руке её невозмутимо покачивался маленький серый портфельчик.

Натянутые отношения между директрисой и Люсей Сморкаловой сложились в школе давно и прочно. Началось всё с того дня, как Софья Ивановна вызвала Сморкалову к себе в кабинет для беседы с глазу на глаз и, по своей привычке, сказала ей что-то оскорбительное. Люся, недолго думая, ответила ей тем же. С тех самых пор Сморкалова возглавила и организовала стихийную до сих пор антишкольную деятельность по причинению директрисе огорчений и вреда. Бывало, убирая со стола запорхнувшую с улицы коровью лепёшку, Софья Ивановна догадывалась, чья рука направляет и вдохновляет дерзких террористов, но прямых улик у неё не было, да и быть не могло. Директриса могла только недоумевать, откуда берутся такие бессердечные злодейки, как Сморкалова, но ничего не могла поделать и испытывала к Люсе не только ненависть, но и своеобразное боязливое уважение. Сегодняшний инцидент в коридоре послужил поводом для нового обострения конфликта.

В этот же день на побережье пришкольной лужи состоялось экстренное совещание представителей всех слоёв и группировок класса.

— Учителё, когда ты отучишься распускать руки, — прохаживаясь по кругу, произносила Сморкалова гневную речь, — это пугало публично позволяет себе таскать за уши ребёнка. Это кошмар!

Присутствующие десятиклассники солидно вздохнули, десятиклассники сплюнули. Петя Плешаков переминался с ноги на ногу тут же. «Тихий дурак»

никогда не отличался любовью к школе, но редко об этом высказывался вслух, и теперь ему было приятно, когда это делали другие.

— Помню, у нас в школе трудовик был, который в злобе запустил в меня плоскогубцами, — с улыбкой сообщил Кожин, — я только-только успел пригнуться, как хрясть! Вмятина в верстаке. Сам виноват — болтал на уроке, а ведь этот старый перечник нас предупреждал: «Я свою жизнь прожил, мне терять нечего...» А нам было что терять — вот и старались слушаться.

— А помните, математик в нас очками кидался, филин, — улыбнулся Рожин, — ну, так мы только хохотали, не больно же!

...Петя Плешаков, видя всеобщее оживление, переборол стеснительность и решил поделиться своими богатыми воспоминаниями:

— А меня однажды учительница линейкой по башке, типа, исхлестала, да так, что у меня из носу кровянка пошла.

— Вот как? — обернулась Люся. — Ты ей, конечно, дал по морде?

— Нет, — виновато потупился «тихий дурак».

— Да? А в каком классе это было?

— Во втором...

— А... Ну, тогда понятно. Ты хотел ей дать по морде, но не дотягивался и бил только в живот. Ладно, мы отвлеклись. Я считаю, вывод сделали все — Софью надо учить!

— Давно учим, — осклабился Поганкин.

— Учим, — кивнула Сморкалова, — но эффективность обучения — низка эффективность. Сейчас мы оканчиваем школу, и пора плевать ей в душу на всю катушку!

В этот миг Люся заметила, что все девчонки стоят в лужице с отсутствующими лицами. «Свиньи, — подумала взбешённая предводительница, — а правда, зачем они тут нужны?»

— Итак, кто за то, чтоб проучить Софью? — бросила клич Сморкалова.

— Что значит, учить? — равнодушно сказала Рябова. — Глупости какие-то детские...

Ещё бы! Рябова эти дни жила мыслями о Роберте Кармановиче, а что в сравнении с первой любовью не глупость?

— Глупости! — Сморкалова впервые повысила голос, а глаза её вспыхнули холодноватым огоньком, породив в поэтическом воображении «тихого дурака» ассоциацию с Жанной Д'Арк. — Все, кто умный, можете идти и...

«А достойны ли они того, чтоб я унизилась до ругани?» — подумала Люся, вовремя спохватилась и промолчала.

— Итак, — провозгласила Сморкалова, когда все девчонки разбрелись, — послезавтра последний звонок. Была бы в классе хоть какая-то сплочённость, мы бы... У-эх... Ну, а поскольку... Федя, как у тебя дома? Всё так же?

— В смысле, ты на что намывиваешь? — не понял Рожин.

— Тараканов я имею в виду, всё так же кишит?

— Всё так же!

— Ты понял меня?

— Хм... Ещё б!

Все усмехнулись. Петя Плешаков ничего не понял, но, побоявшись прослыть дураком, тоже испустил коварный смешок.

...В кувшинках молодых тюльпанов, преподнесённых директрисе на последнем звонке, в обилии копошились полузадушенные тараканы. Софья Ивановна ничего не сказала по этому поводу, но кто-то видел, как она украдкой смахивает слёзы у подоконника. Казалось бы, плевков в душу произведён незаурядный, но у Люси Сморкаловой лишь разгорались аппетиты. Через несколько дней вновь состоялось заседание антишкольного центра, на сей раз в гостеприимных зарослях придорожных лопухов.

— Эх, ребята, — Сморкалова, мечтательно шурясь, смотрела на кривляющееся в небе солнце, — а вы читали в детстве «Тома Сойера»? Как они там учителей дурачили, а? Душа радуется! Наслаждение...

Кожин, Рожин и Поганкин молча курили, временами поглядывая то на лицо предводительницы, то на её туго обтягивающие тело джинсы.

— Здорово, — продолжала лирически вздыхать Сморкалова, — а чем мы хуже этих американцев? Я считаю, ничем. Кстати, сегодня на консультации Софья имела неосторожность проболтаться, что конверт с темами экзаменационных сочинений лежит у неё в столе.

— А ты на что намякиваешь? — уточнил Рожин, гася чинарик. — Увести конверт?

— Слишком просто, — загадочно улыбнулась Люся. — Надо влезть в окно, взять, унести, дома подержать над паром, достать темы, вложить в него свои темы и потом подложить конверт обратно... Как?

— Целая пертурбация, — заметил Поганкин, а Кожин и Рожин демонстративно почесались.

— Ночь тоже длинная, — сказала Люся, — так что, вам лень? Трусите?

Все молчали.

— Каждый потом получает по чирику! Ну!

— Хорошо, — нестройным хором подтвердили десятиклассники.

— А какие темы писать? — спросил Поганкин.

— Сами придумаете, — многозначительно улыбнулась Люся, поднимаясь на ноги. — Мне пора. Надо же готовиться к завтрашнему сочинению.

Парни, загасив сигареты, задумчиво смотрели Сморкаловой вслед.

— Фигурка, — вздохнул Рожин и с чувством зажмурился.

— Да, Люся — хорошая девчонка, хоть сзади, хоть спереди смотри, — заметил страдающий повышенной сексуальностью Поганкин. — Так как, ребята, давайте распределимся, я темы новые напечатаю, ну а вы все остальные детали оформите, а?

Кожин было возмутился подобным неравноправным раскладом, но Рожин резонно заметил, что табуном лезть в окно тоже не годится. Посовещавшись, приняли предложение Поганкина и пошли к нему домой печатать на машинке новые темы сочинения. Решено было придумать три темы — по одной на брата.

— Так, э... ммм, — шумно думал Кожин, — нууу... Как бы это. Во! «Пьер Безухов — дурак!» Потянет?

— Сам ты дурак, — рассмеялся интеллектуальный Поганкин, — что это за детсадовская тематика? Вот, например, «Проблема олигофрении в романе Пушкина «Горе от ума».

— Потянет! — рассмеялся Рожин. Поганкин радостно отстукал свою тему на машинке и тотчас же предложил новую: «Проблема пьянства и разврата в произведениях Есенина».

— Потянет! — захлопал в ладоши Кожин. — Ты, Поганка, прям как литературовед!

— Ладно, хватит! — сказал Рожин, нервно ероша разметающиеся на голове волосы. — Свободную тему я беру на себя. Печатай, Поганка!

В теме, предложенной Рожиным, из семнадцати слов приличным было лишь одно — «филин». Оно скромно приютилось среди витиеватых матерных комбинаций, словно тургеневская девушка, попавшая волею судьбы в набитый забулдыгами и бичами тамбур. Просмеявшись, приятели пошли на кухню, где с аппетитом нарубались горохового супа. За разговорами о Люсе Сморкаловой, предстоящей операции и прочей жизни никто не услышал, как в соседней комнате проснулась и встала бабушка Поганкина. Опомнились лишь тогда, когда она, сторбленная и взволнованная, нарисовалась на пороге кухни:

— Опять печатаете непечатные слова, хулиганы! — набросилась она на наших друзей. — Сожгите! Сожгите это немедленно!

— Бабушка, шла бы ты лучше спать! — в сердцах посоветовал ей Поганкин и побежал спасать листок с темами.

...На следующее утро солнце, привычно загоревшееся над колпашинскими крышами, не смогло сдержать любопытства и заглянуло в класс, где десятый «А» расселся для написания экзаменационного сочинения. Ученицы с учебниками литературы под корсетами и ученики в нафаршированных шпиргалками пиджаках заранее заняли свои места и теперь напряжённо ожидали. Сморкалова вошла в класс последней. Встретившись мимолётным взглядом с Рожиным, она поняла — дело сделано. Вскоре явилась и директриса. Сухо поздравив десятиклассников с началом государственных экзаменов, Софья Иванна не без торжественности вскрыла конверт, вынула темы сочинений. Кожин, Рожин и Поганкин, не выдержав, потупили глаза в парту, лишь Сморкалова смотрела на директрису наивным взглядом махровой невинности.

— «Проблема олигофрении в романе Пушкина “Торе от ума”», — машинально прочла директриса, потом вздрогнула, замолчала, словно прислушиваясь к прочитанному. Притихший класс нерешительно прыснул. Софья Иванна пробежала глазами другие темы и чуть не задохнулась. Глаза её по-рачьи выдвинулись из лица.

— Ну, это... это, — запыхтела директриса и, встретившись взглядом с поблёскивающими от садистского наслаждения глазами Сморкаловой, всё поняла. — Вы у меня посмотрите!

Софья Иванна бесновалась. Позвонив в соседнюю школу, она справилась о настоящих темах сочинения, сообщила их ученикам, а потом все шесть часов неусыпно бродила по классу, не давая шпиргалщикам продыху. Люся Сморкалова была отличницей, поэтому она за три часа идейно правильно и абсолютно грамотно раскрыла образ Павла Власова. И получила она две пятёрки, а вот многим девчонкам, метившим на эти оценки, пришлось довольствоваться тройками.

Директриса долго не находила себе места от бессильной злобы. Стыдно сказать, она, педагог, в мечтах со страстным удовольствием сдёргивала со Сморкаловой штаны и прохаживалась солдатским ремнём по её с детства не битому телу. Сморкалова, считала Софья Иванна, не уважает и не боится никого и ничего. Макаренко к подобным заскоружлым душам неприемлем!

Рожин с Кожиным, получив по десятке, ходили довольными и безнаказанными. Лишь Люся Сморкалова, казалось, была ни на йоту не удовлетворена. Неразговорчивой тенью являлась она на экзамены и консультации, вынашивая в голове очередное коварство.

И вот час пробил! Кожин и Рожин сидели на веранде сморкаловского дома, слушали магнитофон и смотрели на хозяйку. Люся, уперев подбородок в колени, скрючилась в углу дивана и курила сигарету за сигаретой.

— Многие ропшут, — тусклым голосом докладывал Рожин, — мол, оценки получили низкие за сочинение... А всё, мол, из-за тебя...

— Из-за меня, — жёстко усмехнулась Сморкалова, — трусы! Инфузории! Для них же стараешься, борешься с учительским произволом... Так всегда, благодарности не дождёшься... Кстати, ребята. Есть мысль!

Ребята вопросительно расширили глаза.

— Кончаем мы скоро школу, — проговорила Люся, — неопределённо попыхивая «Стюардессой», — надо бы с ней попрощаться, а?

— Н-надо, — кивнул Рожин, не вполне понимая, к чему клонит предводительница.

— И попрощаться так, чтобы... шум стоял!

Сморкалова выпрямилась, загасила сигарету и коротко, без эмоций, в нескольких словах изложила перед приятелями суть своей мысли. Рожин и Кожин неуверенно переглянулись.

— Но это ж, — заикнулся было Федька.

— Трусите! — вскинулась Люся. — Да вы кто?! Пай-мальчики какие-нибудь вонючие или хулиганствующие элементы?

— Элементы...

— То-то ж, — сказала Сморкалова и даже улыбнулась, — а завтра за это получите пятьдесят рэ... На двоих. И ещё, завтра пьёте и меня. Со мной. Всё ясно?

— А Поганка?

— Чёрт с ним. Он трус и слабак. Двоём управимся, — решительно махнул рукой Федька и, поймав на себе радужно-одобрительный взгляд Сморкаловой, поспешно сдвинул брови и губы, придав своему длинноносому лицу выражение спокойного мужества.

...Казалось, сегодня никогда не стемнеет. Шёл уже двенадцатый час вечера, а за окнами школьного туалета всё ещё было светло и шумно. Колпашино не торопилось отойти ко сну: звенели гитары, трещали мопеды, брехали собаки, шаршились по переулкам пьяные мужики. Кожин и Рожин, присев на унитазы, напряженно дремали. Они уже устали вслушиваться в мёртвую тишину опустевшей на ночь школы, но зачем-то ожидали полной темноты, видимо, полагая, что темные дела принято творить на соответствующем фоне.

— Ну что, пора? — Кожин взглянул на часы.

— Не дёргайся, филин! Сказано, в полночь, значит, в полночь!

— Скук-ота... Разве что почитать что-нибудь?

Кожин подошёл к испещрённой стихами стене туалета. Рожин нервно ёрзал на унитазе, вполголоса бормоча ругательства. Но вот воздух наконец помутнел, затем почернел, а потом притаившиеся в туалете злоумышленники вдруг перестали видеть друг друга. Из форточки потянуло ночной прохладой. Стало страшновато, и вдруг Кожин неимоверно громко чихнул.

— Филин! — испуганно вскрикнул Рожин. — Предупреждать надо! И в тряпочку рылом утыкаться! Ладно... Пора. Двинули!

Бесшумными шагами приятели вышли из туалета, каждый сжимал в кулаке металлическую трубу. Федька, остановившись в коридоре, достал баночку чёрной краски и, окунув в неё кисть, написал на стене слово «Софья», поставил тире и вывел ещё одно слово, не очень уважительное, но очень непристойное. Кожин невольно поёжился.

— Вперёд, — тихо, но властно скомандовал Рожин. Хулиганы, оставляя на стенах беспорядочные чёрные полосы, прошли вдоль коридора и оказались у кабинета биологии.

— С огнём играем, — плаксиво прошептал Кожин, — как бы...

— Поздно, батенька, поздно, — усмехнулся Рожин со злобной решимостью обречённого. Хулиганы вошли в кабинет. Федька взмахнул трубой и с силой хватил ею по ссутулившемуся на полке чучелу совы. Теряя перья, сова отлетела далеко к окну.

— И-эх! — подбадривая себя лихим гиканьем, Рожин с маху разнёс аквариум. Вода хлынула на пол, промочив ботинки друзей. Видя такое дело, Кожин тоже разъярился и двумя ударами разгромил полку с заспиртованными жабами. Сравнительно долго Рожин боролся с глобусом, затем всё-таки пробил его трубой насквозь и с размаху грохнул по укрытому в углу скелету. Скелет рухнул, беспорядочно разметав по полу скреплённые проволокой члены.

— В физику! — смахнув со лба пот, скомандовал Федька.

В кабинете физики разгром получился не столь интересным и впечатляющим. Разломали маятник, сбросили на пол полку с амперметрами, намалевали чёрной краской очки на портрете Ньютона. Оба хулигана всё сильнее и сильнее входили во вкус, прочувствовав до конца опьяняющее чувство вседозволенности. Труба свистала в воздухе, сокрушительно обрушиваясь на все бросающиеся в глаза цели.

— Вперёд! — в экстазе твердил Рожин. Впереди раскинулся химический кабинет. Трубы безжалостно гуляли по всем склянкам, банкам, реактивам.

Что-то взорвалось слегка, что-то зашипело, в третьей банке что-то кратковременно вспыхнуло.

— Так их, так! — приговаривал Рожин, без устали работая трубой. В кабинете чем-то густо воняло, но террористы не чувствовали запахов, забыв обо всём и предавшись всепоглощающей страсти разрушения. Звон, вонь, ругань, темнота. Неожиданно у Кожина подкосились ноги. Он качнулся и без звука повалился на раскинувшееся на полу море химии и месиво осколков.

— Э! Филин! Что ты это?! — гневно воскликнул Рожин, приближаясь к павшему приятелю. Не дойдя двух шагов, он тоже вдруг покачнулся, выпустил из рук трубу и с размаху завалился на спину...

В школе вновь воцарились покой и тишина. Сражённые хлороформом злоумышленники крепко уснули на месте преступления.

Телефонный звонок вырвал Петю Плешакова из царства сладких снов в половине десятого утра. «Чёрта с два я встану и подойду», — не без злорадства подумал «тихий дурак». Через пару минут непрерывных звонков Петя вдруг почувствовал, как блаженное сонное оцепенение куда-то безвозвратно уходит, уступая место нервному напряжению бодрствования. Плешаков не сдавался и продолжал лежать. Телефон трезвонил. Ещё через пять минут Петю разобрало здоровое любопытство, с трудом он вылез из-под одеяла и снял с телефона не прекращающую звон трубку.

— Аллё!

— Петя, это я, — прозвучал в трубке твёрдый голос Люси Сморкаловой. — Ты мне нужен!

Через десять минут Плешаков, как загипнотизированный, трясся в автобусе на пути к Колпашино. На остановке его встречала сама Сморкалова, её длинные каштановые волосы воинственно трепетали на ветру. В трёх словах она ввела Петю в курс дела — ему предстояло взять в винном отделе гастронома три бутылки креплёного вина.

— Но ведь, типа, мне ещё и двадцати-то нет! — испугался «тихий дурак».

— Спокуха! — коротко и ясно сказала Сморкалова, сегодня она так и дышала решимостью. Петя покорился судьбе, но мысленно страшно переживал. Пылкое поэтическое воображение уже рисовало ему душераздирающие картины:

— Три бутылки, — тихо мямлит он, подходя к прилавку.

— А сколько вам лет, молодой человек? Паспорт ваш?

Он начинает краснеть, бледнеть, стесняться, появляется милиция, и его куда-то уводят, уводят... Жуть!

— А, типа, может, лучше попьём газированной воды? — выдвинул разумное предложение Плешаков у самых дверей винника.

— Газированной? Я ж ребятам ставлю за работу. Ну, вперёд, вперёд...

Через пять минут поэт на подрагивающих коленях вышел из винника. В его руках грубо топорщились три «бомбы» «Арпачая». Ветер антиалкогольных перемен, видимо, ещё не дунул как следует по Колпашино, и Петю отварили отравой без документов.

— Орёл, чёрт возьми! — одобрительно рассмеялась Люся. Плешаков тоже улыбнулся не без гордости за себя, и в этот миг одна из бутылок вырвалась из его рук и рухнула на асфальт. Грохот и всплеск получились внушительными, и словно эхо трагедии прозвучал из кустов стон какой-то оборванной, не похмельной души.

— Так, — вздохнула Сморкалова, — три рубля потеряны бездарно, бессмысленно, безалаберно, беспочвенно, безвозвратно...

— Безапелляционно, — подсказал «тихий дурак». Он стоял над разбитой бутылкой виноватый, потупившийся и несчастный.

— Давай остальные сюда, пока не грохнул! — командовала Сморкалова. Она взяла бутылки и независимым шагом двинулась вперёд. Петя телепался чуть сзади, он чувствовал себя втянутым в какую-то чудовищную авантюру, но, как и при инциденте с цыганами, был покорен и парализован.

На берегу одной из колпашинских луж топтался Поганкин.

— В школе был? — с трудом сдерживая волнение, спросила у него Люся.

— Да.

— Ну и как там?

— Порядок.

— В смысле?

— В прямом, то есть бардак полнейший...

Удовлетворённая ухмылка на миг озарила Люсино лицо.

— А ребята где? — спросила она.

— А ребята хуже... Заснули прямо в кабинете химии... Хлоркой какой-то, говорят, надышались... Утром их там нашли, за хобот и в милицию.

«Страхи-то какие», — промелькнуло в Петинем мозгу. Лёгкая тень пробежала по лицу Сморкаловой.

— Экзаменов пока нет, в связи со всем этим, — продолжал говорить Поганкин, — наверное, и не будет... А вы-то куда?

— Куда надо, — раздражённо буркнула Люся, — я буду дома. Если что новое услышишь, придёшь сообщить. Всё! Свободен.

Разстерянный смотрел Поганкин вслед шествующим с бутылками одноклассникам. «И какой такой Петька-дурак к ней подход подобрал?» — терялся он в догадках. Последние дни Поганкин был страшно угнетён сознанием того, что вот дожил он до семнадцати лет и до сих пор ходит по жизни целомудренным юношей. Стыдно было десятикласснику...

Разморённый полуденным солнцем Шнапс беззаботно распростёрся в тени сарая, вывалив из пасти розовое месиво языка. «Бифштексов на десять хватит», — на ходу подумал не завтракавший Петя и опасливо покосился на пса, но Шнапс лишь шумно дышал, никак не реагируя на появление «тихого дурака».

Десятиклассники расположились на веранде. Кондрат Лукич с Буховцевым пропадали на рыбалке, и дача, жаркая и пустынная, была предоставлена в полное распоряжение молодых.

— М-да, — сказала Люся, падая в кресло, — как жидко парни погорели...

Плешаков скусил пригорюнившуюся физиономию и, так как не носил шапки, скромно почесался в знак траура.

— Ладно! — Сморкалова решительно махнула рукой и выставила на стол стаканы.

— Я, типа, не пью, — попытался было откреститься Петя.

— Я, что ли, пью, — фыркнула Люся, — скорбь сегодня, скорбь. А ты что, и правда никогда не был пьян?

— Не имел чести.

— Хм, странно. Я считаю, что в жизни надо всё познать, — сказала Люся, деловито сковыривая пробку с бутылки. «И верно ведь, — осенило Петю, — надо опьянение испробовать, может, в стихах потом это ощущение как-нибудь воплотится, а то ведь совсем исписался».

— Петя, разливай! — нетерпеливо командовала Люся. — Это всё-таки мужское дело, чёрт возьми!

Плешаков осторожно, двумя руками, взял бутылку и со всей ответственностью занялся исполнением мужских обязанностей, Люсе при этом он набулькал в полтора раза больше.

— Что, хочешь сказать, моряк салагу не обидит? — прищурилась Сморкалова.

— Типа, из вежливости... По-джентльменски!

Люся взяла свой стакан и, уравнивая дозы, сказала:

— Произнеси что-нибудь.

— Типа?

— Тост!

«Тихий дурак» протёр очки. Испытание было нешуточным, ведь страшно сморозить какую-нибудь глупость, когда на тебя смотрит в упор пара столь прекрасных и столь насмешливых глаз.

— Предлагаю поднять бокал за священную и опасную антишкольную борьбу и лично за её руководительницу!

— Молодчик, — засмеялась Сморкалова, — правда, не без подхалимажа, ну так кто не без греха?

Десятиклассники, насторожённо косясь друг на друга, выцедили по стакану и стали заедать «Курортными» конфетами. Минут через пять оба порозовели, потеплели и раскрепостились. Петя чутко прислушивался к ощущениям своего подвыпившего организма. Сперва он будто бы раза в два поглупел и даже немного растерялся, но после второго стакана мысль его обрела неожиданную смелость и ясность.

— Вот объясни, Люся, — забыв про стеснительность, первым начал он, — ты, типа, руководишь мальчишковым, типа, полом в таком страшном деле, как, типа, антишкольная борьба. Почему это получилось, что, типа, в то время как сама ты, казалось бы...

— Если подвести итог всей этой косноязычности, ты хочешь спросить, почему я, девушка, занимаюсь не своим делом? А по-твоему что, я обязана теперь только мазаться перед зеркалом и целоваться за гаражами?

— Нет, нет, вовсе нет, — испугался «тихий» столь резкой интерпретации.

— Эх, Петя! — Сморкалова глубоко вздохнула и ловко размазала себе по лбу осоловевшего от крови комара. — Знаешь, что я больше всего ненавижу? Серость! Ну что ты можешь сказать про наших девчонок? Стадо овечек. На уме одно, в голове — пусто, тряпичницы все и скучные дур-ры! А парни? Чуть-чуть получше, но тоже народ недалёкий, как на ладошке все!

— Ну, так оно, — кивал Плешаков, — а ты бы чего хотела?

— Я? Почём я знаю! Главное, не походить на всех. Вот, Петя, ты очень резко контрастируешь со всеми, и я часто задумываюсь, а чем же ты на самом деле дышишь? Ведь ты ж не просто дурак, каким всё время прикидываешься.

— Хм, — польщено покраснел Петя. — Не совсем так. Я, типа, могу и исправиться, но я так привык быть дураком, что боюсь утратить. Да и лень. И ничем я особенным не дышу, кто я, что я? — только лишь мечтатель.

— Ну а чего ты в жизни хочешь? — напрямую спросила Сморкалова.

— Ничего. Понимаешь, чтоб что-то захотеть, надо об этом сначала подумать, а думать мне лень, к тому же от мыслей всегда бывает грустно, ведь у меня пессимистическое мировоззрение, да и если что-то хочешь достичь, надо и что-то делать, а разве я на что-нибудь способен? Нет! Инфантильность заела, феминизацией разложен, — говорил Плешаков с грустью, но не без гордости. Была откупорена вторая бутылка, беседа пошла ещё задушевнее. Петя словно забыл, что он десятиклассник, стеснительный мальчик, дурак и неудачник. Он видел перед собой задорное лицо Сморкаловой и весь отдался восприятию её юной красоты на фоне всей красоты окружающего мира. Был полдень, исчезли тени, и в душах тоже царил безоблачность и безмятежность.

— Всё это так, — красиво закурив, задумалась Люся, — беспомощность современной молодёжи при столкновении с реальной жизнью. Пусть так, Петя, ну а внутренний мир! Никогда не поверю, что у тебя нет никакой отдушины.

— Есть отдушина... Я, типа, стихи сочиняю.

Это страшное, сокровенное признание вывалилось сейчас из уст «тихого дурака» обыденно и свободно, будто кусок колбасы за обедом.

— Стихи! — Сморкалова от восторга даже подскочила в кресле. — Петя! Я так и думала, что в тихом омуте черти водятся. Ну, читай!

Это был решительный, неповторимый миг в судьбе Плешакова — впервые он декламировал вслух свои произведения. И Петя стал читать. От опьянения он даже не заикался, не глотал концы слов и не грыз ногти. Для чтения он выбрал одно из недавних своих стихов, объединённых им в цикл под названием «Недоступное».

Гремят сыпучие лавины,
Как ржанье бешеных коней,
Их песня хрипом соловьиным
Отозвалась в душе моей.

Мне снова жарко до озноба,
А холод ярк, словно мрак,
И тихо тают, как сугробы,
Глаза печальные собак,

Глаза, глубокие от гноя,
В клоаке чувств погребены,
Но просыпаюсь я зимою
Посмертным спутником весны!

— Петя! — потрясённо вздохнула Сморкалова по окончании декламации. — Ну, ты даёшь! Стихи прямо как настоящие, которые в журналах печатают, — я ничего не поняла! За твой талант!

Плешаков, взволнованный и счастливый, выпил полстакана единым духом. Вскоре беседа, незаметно для обоих, приобрела несколько сбивчивый характер. Люся невпопад клеймила низкий и мелочный род людской, Петю же вновь посетила ностальгия по дизентерийной больнице.

— Ещё мы там играли в лото! На яблоки, печенья. Малыши, бывало, проигрывают, ревут, но играют. А я за ужином соли наворую, ночью печенья посыпаю и ем, как большой. Был там такой Дима, пяти лет, так он всё попрошайничал, увидит у меня печенья и начинает: «Дай пеку, дай пеку!» И так часами может! Пока не дашь, всё-таки жалко, товарищ...

— Жалко у пчёлки где? — опьяневшую Люсю потянуло вдруг на игривые темы.

— Не знаю, — поморщившись, честно сознался Петя, — у меня и по ботанике был трояк. А, типа, можно выйти?

— Не в классе, мог бы и не спрашивать.

На нетвёрдых ногах шёл поэт к туалетной будке. Радость и веселье не покидали его. «За талант мой пили! — с замиранием думал он. — Я же верил, что я гений, и вот... Ой, как хорошо!» В тёмном туалете Плешакова вдруг сильно качнуло, мозг заволокло серой мутью, а очки, предательски соскользнув с носа, юркнули в чёрную дырку поспешно, неотвратимо, безвозвратно. Петя моргал обнажёнными глазами, покачивался и не знал, как дальше жить...

Сморкалова нажала на клавишу магнитофона и прилегла отдохнуть на диван. Громкие ритмы рока заставили стёкла мелко подрагивать, но чей-то пронзительный крик с улицы перекрыл все децибелы. За калиткой стоял и жестикулировал Поганкин.

— Люся! Иди в школу! Экзамены идут!

— С каких щей! — крикнула Сморкалова, выйдя на крыльцо.

— По химии!

— Как? Разве школа не разрушена?

— Восстановили уже.

— Надо идти, — решила Люся и, почти не покачиваясь, соскочила с крыльца. — Э! Петя, ты провалился, да?

Из туалета нетвёрдой траурной поступью выбрался «тихий дурак».

— Наполовину, — сказал он, хлопая близорукими глазами, — очки канули. . .

— В бездну?

— В бездну. . . Не вижу ни черта. То ли это ты, Люся, стоишь, то ли папа Карло, однообразно всё.

— Безочковщина! — фыркнула Сморкалова. Петя всхлипнул.

— Что? Очки потопли? — уточнил Поганкин, перемахивая через изгородь. — Это мы моментально! Проволока есть?

Получив кусок проволоки, Поганкин живо соорудил из неё крючок и пошёл в туалет выуживать очки.

— С тебя бутылка, — сказал он через пять минут, возвращая Плешакову его драгоценный атрибут близорукости. — Я свои очки из сортиров раза четыре доставал, опыт есть! О! Да вы уже, ха-ха, оба. . . Хороши. А как же ты, Люся, пойдёшь химию сдавать?

— Спокуха! — отрубила Сморкалова. — Так, переодеться, что ли, в форму. А, чёрт с ней, всё равно сегодня я не в форме. Иду!

— Я с тобой! — незамедлительно вызвался Петя, с облегчением натянувший на нос спасённые очки. Подпитые десятиклассники вышли на пыльную колпашинскую улицу и поспешили на экзамен.

Мария Семёновна Плешакова, замещающая на экзамене ушедшую в декрет химичку, сонно слушала ответ очередного отвечающего, когда дверь класса резко распахнулась, будто бы гестапо нагрянуло с внезапным обыском.

— Встать! Человек пять, остальных можно сидеть! — властно прикрикнула вошедшая в класс Сморкалова. Ученики переглянулись и приснули.

— Так, Мария Семённа, это вы сегодня, что ли, билетёрша? — удивилась Люся, подходя к экзаменационному столу. Так. . . И где самый лёгкий билет?

Мария Семённа была растеряна и встревожена не на шутку. «Господи, пьяненькая-то какая! И как это в свете постановления выглядит? Ой-ой. . . Но ведь, может, Петино будущее счастье. И вообще отличница, пятёрка ей запланирована. . . Кошмар!»

— Вот билеты, Люся, тяни, пожалуйста, — произнесла Мария Семённа, как ни в чём не бывало.

Небрежным движением руки Сморкалова выудила билет:

— Семнадцатый!

— Вот, бери бумажку, готовься.

— Да ну! — Люся пренебрежительно мотнула волосами. — Отвечаю сразу. Так, какой там первый вопрос?

— Калийные, фосфорные и другие удобрения, — с готовностью прочла Мария Семённа, не желая осложнений и крика.

— Г. . . — лучшее удобрение, — бесстрастно отрубила отличница, — следующий вопрос?

Учительница окончательно смешалась. Было страшно неловко перед другими учениками, но и осадить пьяную хулиганку у неё уже не поворачивался язык.

— Хорошо. Вопрос второй: жиры, их свойства и производство.

— О жирах лучше спросите нашу англичанку, как она их там у себя производит, — усмехнулась Сморкалова, и даже Мария Семённа не смогла сдерживать улыбку — она сама здорово недолюбливала заносчивую стотридцатикилограммовую учительницу английского языка.

— Третий вопрос? — нетерпеливо спросила Люся.

— Третий вопрос практический, опыт со спиртами, но так как все реактивы побиты. . .

— Опыт я сегодня сделала, — сказала Сморкалова и дунула перегаром, — пагубное воздействие этилена на организм человека. Так, я свободна?

— Да-да, Люся. Иди домой, — кивнула Мария Семённа, аккуратно проставляя в ведомости пятёрку. Остальные ученики, пользуясь замешательством экзаменаторши, целеустремлённо и плодотворно списывали.

Сморкалова покинула кабинет. Плешакова в коридоре не было. Люся немного поискала его, но тут почувствовала естественное послеэкзаменационное переутомление и поспешила домой. В это время Мария Семённа щедро ставила пятёрки другим ученикам и уже заканчивала это монотонное занятие, как вдруг дверь торопливо распахнулась, в неё засунулись тяжело дышащие физиономии Кожина и Рожина.

— Мария Семённа, можно войти? — виновато спросил Федыка.

— Да что такое! — не выдержала Мария Семённа. — Вы что сегодня, до вечера собираетесь тянуться?

— Ну, Мария Семённа, мы только что из ментовки, — плаксивыми, покаянными голосами отозвались ночные громилы.

«В чём же дело? Почему так рано оказались на свободе антишкольные злодеи? Понятия не имею... Правда, отец Рожина, я знаю, подполковник милиции, но, думаю, вряд ли тут может быть какая-нибудь связь...»

Наконец экзамен по химии завершился. Со спокойной совестью Мария Семённа возвращалась в учительскую, как вдруг за урной в углу заметила чьё-то свернувшееся тело. «Вот ещё новости!» — с гневом подумала издёрганная за день учительница. Каково же было её недоумение и расстройство, когда в оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность молодом человеке Мария Семённа признала собственного сына — родную непутёвую кровиночку!

— Петя! — охнула она. Сраженный «Арпачаем» Плешаков не издавал признаков жизни.

— Петнюшка! — испуганная мать встряхнула за плечо своё разморённое чадо.

— Мммм, — простонал «тихий дурак», — а! Люся!

— Какая Люся? Это я, Петя, мать твоя!

— Мать... Это хуже, — сказал Плешаков, отрывая голову от пола.

— Петя! Как же ты так довёл себя? — ошарашенная мать сразу даже не могла подобрать нужного выражения. Праведный учительский гнев боролся в ней с всепрощающей материнской любовью.

— Я... Бррр, — тут поэт вдруг с неожиданным проворством поднялся на ноги и, зажав руками лицо, бросился по направлению к туалету.

— Два пальца в рот! Два пальца в рот! — на бегу инструктировала его Мария Семённа. Потрясённая происходящим, она долго топталась у дверей сортира, не зная, что скажет сыну по возвращении. Но Петя не появлялся, и сердце матери вновь забеспокоилось. Осторожно ступая, будто подкрадываясь к сидящей на цветке бабочке, она вошла в мужской туалет. Плешаков стоял у испещрённой стихотворениями стены и с самозабвением на лице чертил свой куплет. Петино стихотворение внесло в жизнерадостную похабщину туалетной поэзии свежую пессимистическую струю:

Не надо мне любви высокого томленья,
Я одиночества бессменный арестант,
Ведь только слёзы дарят вдохновенье,
А счастье тушит песню и талант.

— Петя! — всплеснула руками ещё более расстроенная Мария Семённа. — А это что такое?

— Это стихи, — возбуждённо поблёскивая глазами, ответил «тихий дурак» и, помолчав, добавил со сдержанным достоинством: — Мои стихи...

...В этот самый час Люся Сморкалова, по дороге окончательно разморённая июльским зноем, появилась в особняке.

— Посторонись, мужик! — прикрикнула она на покуривающего в тенёчке Сашку Буховцева. — Тпруу! Шнапс! Дай лапу!

Лохматый пёс взглянул на нетрезвую хозяйку большими неодобрительными глазами и продолжал полудрёму. На веранду, вытирая кухонным полотенцем пот с лысины, вышел Кондрат Лукич.

— Папан! Экзамен сдан на «отлично»! — отрапортовала Сморкалова. — А теперь я хочу есть!

— Люся? Уж не выпимши ли ты, голубушка? — вопросительно прищурился отец.

— Спокуха! Самую малость, — сказала Люся, но покачивание её было красноречивее всяких слов. Среди многочисленных талантов Кондрата Лукича напрочь отсутствовал дар педагога. Никогда не утруждая себя воспитанием дочери, он и личным примером ни разу не привил ей ничего положительного. Но в такой некрасивой ситуации — несовершеннолетнее дитё налимонилося — Сморкалов счёл своим долгом прочесть нотацию.

— Люся, — сказал он, — так поступать некрасиво. Нехорошо. Неумно. Ты это, знаешь, не смотри, что я, значит, иногда керосину, едят ты мухи. Я основную массу жизни прожил — а теперь мне положено! А вот ты, едят ты мухи, злоупотребишь напитками, а потом хлоп — дебила выродишь, а у нас в стране это сейчас запретили!

Кондрат Лукич, по обыкновению, был сам изрядно выпивши, и речь его не производила должного обличительного впечатления.

— Боженька женщинам не велел бухать! — сказал своё веское слово Саня.

Посмеиваясь и покачиваясь, Люся добралась до своей комнаты, задела локтем стопку книг на столе, и всё посыпалось. Последней грохнулась на пол логарифмическая линейка. Это происшествие неожиданно повергло Люсю в страшное уныние. Рыдая, она ползала по полу, сметая в ладошку пыль.

— Сотые распались, — пояснила она Кондрату Лукичу, принёсшему к ней в комнату тарелку с картофельным пюре.

— Безобразие! — сказал отец. — Был бы я тебе мать, выдрал бы за такие проделки как сидорову козу, едят ты мухи! И на девичье достоинство и ни на что не глядя! Да я тебя, будешь пить, — за Саню Буховцева замуж отдам!.. Ну, чего ревёшь-то?

— Не знаю, — сказала Люся, глотая слёзы.

... Когда через пятнадцать минут Кондрат Лукич вновь заглянул в комнату дочери, Люся сидела на кровати и столовой ложкой равномерно размазывала по подушке картофельное пюре.

А дни шли, и если для кого-то они проходили в суровой борьбе, то другие убивали время любовью. Роберт Карманович, день ото дня всё более и более привыкая к широкой фигуре и узкому кругозору своей избранницы, всё глубже увязал в грёзах о будущей сладкой жизни. «Тесть, конечно, старый скупердяй, но будем думать, — сам с собой рассуждал, бывало, юный прохвост за рюмкой отцовского «Наполеона», — жить с таким тяжело, придётся отделяться. Раз плюнуть! У моего папаши врач знакомый, он его в психушнике пропишет. Вот жена будущая... Толста патологически. А как от неё деревней пахнет, молоком каким-то, здоровьем — ненавижю! Да, но ведь на всякий пожарный случай надо бы как-нибудь на днях закрепить физиологически наши неопределённые отношения. Хотя куда она и так денется, но игра крупная, зачем рисковать?»

Людмила Рябова в последние дни сильно приободрилась и даже похорошела. Уверенней она стала смотреть по сторонам и не прятала больше одиноких глаз, когда подружки начинали шушукаться, кто, с кем и на какой стадии ходит. Она считала, что влюблена в Роберта безумно, да и как можно было не любить человека, который отнёсся к ней с таким трепетным чувством. Петя Плешаков, освобождённый от экзаменов по состоянию расшатанного здоро-

вья, более не мозолил Рябовой глаза и был решительно выкинут из сердца, в котором теперь безраздельно царил Карманович. Людмила ждала таинственного, пленительного мига любви и шла навстречу ему безрассудно и гордо, чутким женским сердцем ощущая, что миг этот не за горами.

В доме Рябовых никого не было. Естественно, кроме возлюбленных, иначе какой резон был бы писать о пустой квартире? Людмила и Роберт сидели на диване, держались за руки. Было тихо-тихо, лишь громко, с переборами, цокали большие стенные часы. Карманович, перевирая, декламировал Пушкина, Рябова слушала и вздыхала очень глубоко.

— Мой голос для тебя, и ласковый, и томный, тревожит скорбное молчанье ночи тёмной, ручьи любви текут, журча, и слышу я, мой нежный друг, люблю, твоя, твоя... Да, Люда, верно пишут поэты... Страсть, любовь... Это что-то патологическое. Ты не находишь?

— Нахожу, — прошептала Рябова и чуть-чуть завела глаза.

— Вот так вот жили незнакомые люди, встретились и вдруг стали жить вместе, — продолжал поражаться Роберт абсурдной неупорядоченности жизни, — и всё у них общее, во всём они едины! Уж не фантастика ли это!?

Рябова окончательно закрыла глаза и положила голову на плечо жениху. Плечо было острым, костлявым, но Люда улыбалась взволнованно и сладостно, любовь, великая сила, окрашивала в сексуальную окраску все уродства и неудобства природы. Карманович с трудом выдерживал навалившуюся на плечо тяжесть, но, собрав волю в кулак, не отодвигался.

— Общие заботы, общие дела... Общая постель, извини за материализм, — продолжал разглагольствовать Роберт.

Люда навалилась сильнее. Карманович повёл отнимающимся плечом, но удержал прямую посадку.

— Наконец, общее имущество, деньги! Один, например, имел много тысяч, а другой не очень много. И вдруг — бац — всё стало общее! Что-то патологическое! — бормотал Карманович, входя в раж. Он уже снял очки и отложил их на стул, готовясь начать поцелуи. — Общая фамилия, наконец. Вот у тебя фамилия Сморкалова. Не очень красивая, зато русская. У меня фамилия Карманович, красивая фамилия, но... так сказать, не совсем какая надо. Вот если б, например, мы бы поженились, то какую фамилию брать? Хотела бы ты быть Людмилой Карманович? И даже не склоняется фамилия, никогда думать не надо, какое окончание писать, — халява! Но фамилия Сморкалова...

— Моя фамилия Рябова. Пока, — прошептала Люда.

— Как? Почему? — вздрогнул Карманович, разом напряжинившись.

— Потому что я согласна на Карманович...

— Нет, почему не Сморкалова!

— При чём тут Сморкалова, Робертик? Сморкалова — это одна девчонка из нашего класса, наглая, чокнутая... А я Рябова.

Несколько мгновений Роберт смотрел на толстуху невидящим взглядом, как человек, убитый горем или внезапно разбуженный посреди вытрезвителя. Затем в глазах дельца сверкнула осмысленность. Он проглотил слюну, глубоко вздохнул и дрожащей рукой потянулся за очками.

— Это что-то патологическое, — бормотал он, — надули! Как мальчишку!

— Роберто?! Что с тобой? — испугалась Рябова.

— Порядок! Так. Ну, а ты Рябовой была — ей и оставайся. Курочка Ряба!

— Робертик!

— Какая-то мразь сказала мне, что ты — Сморкалова, — сказал Карманович плачущей возлюбленной и рывком вскочил с дивана. — Тебя подсунули, а я мусолился столько времени, замуж тебя тащил. У Сморкаловой наследство миллионное из Филадельфии, а у тебя что?

— У нас куры есть... И поросёночек.

— Такую свинью брать — и поросёнка в приданое! — нервно хохотнул делец. — Оригинально! Ладно. Чао!

— Дерьмо ты! — воскликнула Люда, выбегая в сени.

— А ты свинья! — Роберт с удовольствием срывал зло на обманутой девушке.

— Сопля!

— А ты свинья!

— Я тебя не люблю!

— Свинья!

— Робертик! Милый! Не уходи, не...

— Свинья! Свинья! Свинья!

Люда бросилась с явным намерением задушить объятиями коварного ухажёра. «Это что-то патологическое!» — бормотал Карманович, дав стремительного стрекача в сторону калитки.

...Ошеломлённый, подавленный и трясущийся Роберт шёл по Колпашино. «Обман! Ловушка! Провокация! Коррупция!» — вертелись в воспалённом мозгу гневные слова. В памяти ярко всплывали картины, когда он, преодолевая отвращение, прикоснулся губами к большому горячим слюнявым губам этой дуры, которая не Сморкалова. Роберт морщился и сплёвывал, не в силах будучи сразу пережить такое потрясение. Он брёл, не глядя, и коровьи лепёшки то и дело чмокали под ногами, будто бы посылая вслед обманутому авантюристу воздушные поцелуи. На небе дрожали звёзды, некоторые из них, не удержавшись, падали. «Загадать, что ли, что-нибудь?» — подумал Карманович, но, устыдившись суеверия, ещё раз сплюнул.

Из полумрака вынырнул лохматый силуэт Федьки Рожина.

— Закурить не будет? — по привычке окликнул он Кармановича. Роберт остановился как вкопанный. Он узнал своего врага.

— Ты?! — крикнул он. — Ты почему сказал, что Рябова — это Сморкалова?

Рожин чиркнул спичкой и тоже узнал Кармановича.

— А что, чем тебе Рябова не угодила, а, филин? — поинтересовался он с неприкрытой издёвкой. — Дистрофаны же вроде бы толстух обожают.

— Негодяй! — воскликнул Роберт. В ответ Рожин хладнокровно выплюнул порцию витиеватых матерных нагромождений, потом прокашлялся, сплюнул и выплюнул ещё полпорции.

— Понял, филин? — поинтересовался он в заключение.

— Мразь, — с ненавистью прошипел Роберт.

— Как? — от неожиданности опешил Федька.

— Мразь! — повторил разгневанный Карманович и гордой поступью ушёл во тьму. Рожин не без уважения проводил взглядом его ссутулившуюся спину. «Мразь, — шептал он про себя, — а что, солидно. Главное, коротко, звучно и обидно... Здоровское слово! Мразь... Мразь!!!»

С тех пор в арсенале ругательств Федьки Рожина появилось новое — «мразь», — которое он произносил в особо недружелюбных беседах.

Вскоре после памятного происшествия в школе над Петей Плешаковым состоялся строгий семейный суд. Прокурор Мария Семённа восседала в кресле, гневная и непримиримая, как сама Фемида. Василий Африканович, больше смахивающий на адвоката, прохаживался от окна к стене, нервно теребя подбородок. Подсудимый Петя в очках, штанах и майке сгорбился на диване.

— Ну, — твердокаменным голосом говорила Мария Семённа, — объясни, пожалуйста, как всё это безобразие с тобой произошло.

— Я, типа, не хотел, — уныло мямлил поэт, — я, типа, не самостоятельно...

— Что значит, не сам? Скажешь, хулиганы тебя поймали на улице, связали, вылили в рот пять бутылок водки и убежали. Так, что ли? — с уничтожающей иронией поинтересовалась Мария Семённа.

— Нет, я, типа, с Люсей выпил.

— Видишь, Мария, Петя старается, — вступился за сына Василий Африканович, — это, значит, уже более близкие отношения завелись, раз мальчик пьёт с девочкой.

— Куда уж ближе! И это с таких-то сопливых лет!

— Ну, Мария, не надо так резко и в крайности. Пить ненаказуемо, да и невозможно иногда не выпить. Ты, Петюня, только запомни, напиваться нельзя! Выпил рюмку, вторую, ну, четвёртую, — и всё! Достаточно.

— Я же двоечник, я не умею считать, — проронил Петя бесцветным голосом.

— Перестань играть на нервах! — вспыхнула Мария Семённа. — Я понимаю, что это Люська его совратила на попойку, сама потом на экзамены прибрела на четырёх. Но ведь это ещё не всё! Василий, ты знаешь, сын-то у нас, оказывается, гений!

Василий Африканович в недоумении застыл посреди комнаты.

— Стихи сочиняет! — продолжала обличать Мария Семённа.

— Петя... Это правда? — голос отца дрогнул. Поэт обречённо кивнул головой.

— И какие глупые стихи, какие вредные! Я запомнила! Счастье тушит талант! Кто тебя таким гадостям научил? От счастья люди становятся уважаемыми членами общества, а кто несчастный — тот пьяницей делается!

— Петя, — Василий Африканович качал щеками, — как же так. Вот уж не ждал! Я думал, ты у меня просто лентяй, а ты, значит, свою молодость на стихи растрачиваешь. Зачем тебе это?

Петя пожал плечами. Он и сам этого не знал.

— Пойми, Петя, — расстроенным голосом увещевал сына Василий Африканович, — быть писателем — это последнее дело! Это проще пареной репы потому что! Когда люди без рук, без ног остаются, слепнут и прочее, — тогда все они писателями становятся, и никто им худого слова не скажет, пиши, раз ни на что больше не годен. Но быть молодым, почти здоровым и писать... Не пиши, Петя, прошу тебя! Не можешь не писать — всё равно не пиши!

Петя молчал. Он не выспался, хандрил, и слова отца всё равно его ни в чём не убедили. Вечером, под впечатлением тяжёлого разговора, Плешаков, закрывшись для конспирации в туалете, снова творил:

Не нуждаюсь я в денежном корме,
Мне не надо дешёвых похвал,
Я свободный поэт в школьной форме,
Просто так я о жизни писал.

— Петя, у тебя понос, что ли? — ворчал под дверями отец. «У меня всегда вдохновение, как у коровы расстройство желудка», — вдруг прозой подумал «тихий дурак» и решил приберечь в памяти эту мысль для какого-нибудь юмористического стихотворения.

...Получив от Кондрата Лукича письменное приглашение на день рождения, Василий Африканович едва не воспарил к потолку от счастья. Конечно, он когда-то мытарил с Кондратом в одном классе, но только ли факт давнишнего одноклассничества явился причиной для приглашения?

Василий Африканович склонен был думать иначе. «Знать, Петя всё-таки не такой уж тихоня», — размышлял он, потирая потные от нервов руки. Мария Семённа, узнав о приглашении, несказанно обрадовалась, но и взволновалась тоже.

— Ой, Вася, боюсь я... Ты хоть человек взрослый, а всё ведь как дитё малое.

— Не понял? Поясни?

— Что тут пояснять! Есть не умеешь!

— То есть? Это как...

— А так! — категорически сказала Мария Семёна, вслед за чем Василий Африканович был усажен за стол, а перед носом его легла книга «Вежливость на каждый день».

— Учи! Это, я тебе скажу, дело серьёзное. Произведёшь впечатление некультурного человека — и всё насмарку.

— Вино принято пить маленькими глотками. Водку можно выпить сразу, — бегло пробежал Василий Африканович по правилам. — Слушай, Мария! Кондрат, небось, и ложку в руках правильно держать не умеет!

— Не утрируй, — строго сказала жена. — Ты не умеешь, я знаю. Короче, тренироваться будешь эти дни. А пока учи. Учти, буду спрашивать!

...Дом Кондрата Лукича трясся, гудел и содрогался. Публика на праздник собралась взрослая, разнообразная, разношёрстная, зачастую друг с другом не знакомая, но пьющая основательно. За длинным столом, накрытым не особенно изысканно, но сытно и добротнo, заседали гости, после первого же часа застолья распоясавшиеся в прямом и переносном смысле этого нелицеприятного слова. Тут же баловался водочкой и жареным мясом Василий Африканович Плешаков. Правда, поначалу, нащипованный вежливыми знаниями, он чувствовал себя неуверенно и напряжённо.

— А, Васька! Ещё больше, гляжу, распузатился, едят тя мухи! — громко поприветствовал его именинник и, поставив на стол преподнесённую Василием Африкановичем бутылку коньяка, предложил гостю вазу со сливами. — Вот, закусывай пока, только что с базара.

Ложки в вазе со спелыми тёмно-синими сливами не оказалось, отказываться же было и вовсе невежливо, Василию Африкановичу пришлось взять плод и засунуть его себе в рот руками. Слива оказалась на редкость охлаждённой и спелой, но вкусовые удовольствия омрачились у Плешакова-старшего законными сомнениями: а как же поступить с косточкой? Выплёвывать было бы чисто по-хулигански, но культурно ли вынимать косточку изо рта и выкладывать её, пососанную, на край стола? Напротив него сидела любовница Кармановича, разодетая и важная. Что было делать? В книге о вежливости, как назло, о сливах ничего не говорилось. Василий Африканович сделал над собой усилие и, напрягшись, проглотил косточку, но слив из вазы больше не брал.

В дальнейшем же, выпив три рюмки, Василий Африканович быстро освоился и растаял. С благосклонным блеском в глазах наблюдал он за широким незамысловатым весельем Кондрата Лукича, а память невольно и бестактно возвращала его в этот миг к невесёлым, правильно и честно прожитым годам. Но правильно ли? Прав ли он был, добросовестно зубря в школе, потом в институте, потом чахнув над диссертацией, потом, потом... Всю жизнь он думал лишь о будущем, ни разу не ощутив сладости минуты. Вот и сейчас, восседая за столом, он не столько предаётся веселью, сколько соображает, как бы женить сына Петеньку на Люсе, чтоб он был всю жизнь богат и счастлив. А вот Кондрат всю жизнь провалял дурака — и раз, ему такое наследство! Говорят, дуракам везёт, но не случайно ли это обидное явление? А может, тому, кто легче относится к жизни, и удачи легче украшают судьбу?

— Нежданно-негаданно! — словно откликаясь на невесёлые мысли Василия Африкановича, рассказывал кому-то Кондрат Лукич. — Сижу, отдыхаю, вдруг прибегают сто тысяч нотариусов, кричат «хэппи, хэппи!», распишитесь там, распишитесь сям, а вот получите! Пять миллионов. Ну, я, естественно, в фонд мира перечислил, сколько полагается, но и себе кое-чего оставил.

Упырёв, пришедший на праздник без специального приглашения и вместе с тем чувствовавший себя как дома, приподнялся из-за стола.

— Я хочу подарить нашему дорогому Кондрату эти шахматы! — сказал он, галантно поведя носом. — Я уверен, что игра в эту древнюю популярную игру обогатит нашего и без того сказочно богатого именинника!

— Ура! — воскликнула жгучая пухленькая Сонечка Нетопырева, обнимая лысину Сморкалова. Сегодня она была представлена Кондрату Лукичу как популярная артистка из Нижневартовска, с первых же минут праздника она под села к герою торжества, не без успеха пытаясь завоевать его расположение.

— Спасибоушка, Упырь, — улыбнулся в ответ Кондрат Лукич. — Посторонись на секунду, Сонечка, — он ласково отстранил девицу и положил шахматную доску на соседний стул.

— А что, Кондрат Лукич, давайте этак сразу турнирчик шлёпанём! — вдруг загорелся желанием Гавриков.

— Да ну, Гаврик! — не одобрил предложения Буховцев. — Зачем зря мозги гноить! Наливай и пей!

— За именинника! — выкрикнул кто-то.

— Соня? А ты почему не пьёшь? — игриво прищурился Сморкалов.

— Ну, Кондраша, — расслабленно простонала та, — я уже пьяна. Ну, посмотри, какая я красная!

— Девушки должны быть красными, — ловко отпарировал Кондрат Лукич. Сонечка смирилась, и они на глазах всего честного народа выпили по рюмке водки на брудершафт.

Василий Африканович, изрядно разгорячённый, всё размышлял, как бы ему подобраться к Сморкалову и в конфиденциальном разговоре поднять вопрос о возможном браке их детей. Карманович, тоже изрядно наконьячившись, тоже бы хотел побеседовать с Кондратом Лукичом о своём Роберте и его Люсе. Но именинник сегодня был просто неуловим, его лысина сверкала по всем углам гостиной, он шутил, каламбурил, пел и почти целиком был задействован уже откровенно повиснувшей на нём очаровательной Сонечкой.

— Охмуряют Кондрата Лукича, — икнув, сказал Саня пьющему рядом с ним Гаврикову, — и откуда только такая егозина взялась, чёртова болячка!

— Ну а что? — часто моргая и морщась, пустился в рассуждение осоловевший, по обыкновению, ветеринар, — жентщина, Саня, её нельзя ихнорять апсолютно! Хотя от них и болезнетворности случаются, и сыпи, но в некоторых случаях они нашему брату бывают ой как даже приятны и полезительны! Это я тебе как врач говорю!

— Врач, — презрительно буркнул Буховцев. — Свиный дохтур. Я тебе одно скажу — вот врежется ежели мужик в бабу, как папа Карло, и хана мужику! Сколько людей, знаю, таким макар ом сгнуло. Верно, мужик? — Саня бесцеремонно толкнул под локоть Василия Африкановича.

— А? Что? — переспросил Плешаков-старший предупредительно и придурковато, как истинный интеллигент.

— Я говорю, — наморщился Буховцев, сияясь сосредоточиться, — ну, то есть если мужчина любит, он дурак! — сформулировал наконец мысль Саня, только в несколько иных выражениях.

— Безусловно, безусловно, — с искренним энтузиазмом подхватил прибалдевший Василий Африканович, как наяву вновь пережив свою женитьбу, одурмнивающую страсть к неземной красоте Марии, трагикомедию первой брачной ночи, дальнейшие годы покорной скуки, в результате которой выпростался небезызвестный дурак Петя... — Я сам в жизни допустил эту ошибку.

— Давай крякнем! — предложил Буховцев, набулькав собеседнику полный фужер водки. Кандидат наук чувствовал, что больше пить ему сегодня не стоило бы, но опять вспомнились правила вежливости, и он не смог отказать.

Тем временем Кондрат Лукич, на минуту отлепившись от горячей, любвеобильной Сонечки, удосужился наконец рассмотреть подарок Упырёва. Нет, нигде не наблюдалось взрывного устройства, шахматы оказались как шахматы, доска — как доска, лишь на внутренней стороне её было аккуратно выведено: «ИГРАЙ, КОНДРАШКА, В ЭТИ ДЕРЕВЯШКИ. В ДРУГИЕ ЖЕ ИГРЫ ЛУЧШЕ НЕ ЛЕЗЬ. С НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ. ИВАН».

Ни один желвак не шевельнулся на сморкаловском лице во время чтения оскорбительной дарственной надписи, лишь лысина подёрнулась лёгкой испариной. Кондрат Лукич поднял глаза от шахматной доски, и лицо его оцарапал тяжёлый взгляд сидящего напротив Упырёва.

Веселье продолжало крутиться и литься на полную катушку. Проигрыватель прогонял все пластинки на 45-й скорости, превращая приятные баритоны в кастратовские песнопения, но никто не замечал издевательств над музыкой или же не хотел замечать.

— Друзья, я временно покидаю вас, — произнёс Кондрат Лукич, с шумом поднимаясь из-за стола. — Не скучайте! Можете хрюпать без тостов, можете произносить для очистки совести.

— Началось, — злобно процедил Саня, но, увидев, что Сморкалов выходит, а Сонечка остаётся за столом, облегчённо рассмеялся: — А я думал, они безобразничать, а он, Гаврик, попросту в туалетную пошёл — святое дело!

Вразвалочку Кондрат Лукич вышел на крыльцо, помял в руках «Приму», чиркнул спичкой, закурил. Синий дымок повалил из ноздрей, быстро тая в тёплом, прозрачном воздухе. Почти тотчас рядом раздалось лёгкое покашливание Упырёва, хотя Сморкалов и не слышал шагов.

— Так вот, Кондраша, — не повышая голоса, заговорил Упырёв, — не знаю точную сумму твоего, хм, наследства, которое ты незаконно откопал в земле... Короче, если хочешь жить дальше, и жить спокойно-тихо, с тебя пятьсот тысяч. Надеюсь, сумма реальная?

Слова Упырёва звучали буднично, будто даже скучающе, не сразу дошёл до Кондрата Лукича их зловещий смысл.

— Упырь, — глубоко затянувшись, заговорил Сморкалов, — как понимать твою реплику? Как шантаж?

— Я сказал, а ты теперь понимай... Мужик ведь не глупый.

— А если я тебя пошлю?

— Не советую, — проронил Упырёв и презрительно сплюнул, — ну кто ты? Я обделывал дела и похлеще и...

— Катись! — решительно оборвал Сморкалов и для пущей красноречивости подпустил пару хлёстких выражений.

— Тогда до свидания, Кондраша. Моё дело было предупредить, — проронил Упырёв и, сойдя с крыльца, пошёл прочь. Сморкалов смотрел ему вслед и чувствовал тоску. Под крыльцом добродушно похрапывал Шнапс, в доме мирно неистовствовали пьяные гости, а к Кондрату Лукичу никак не возвращалось душевное равновесие. Он двинулся было назад, но в потемках сеней ему вдруг повис на шею кто-то большой и сильный. «Ну, нет, живьём не дамся!» — подумал Сморкалов и со злостью пырнул налётчика локтем в живот. Туша рухнула, опрокинув пустые вёдра. Кондрат Лукич проворно зажёл свет — на полу лежал Василий Африканович, он корячился, стонал и не мог продохнуть.

— Васька! — удивился Кондрат Лукич. — Ты чего это тут хулигайничаешь во тьме, едят ты мухи! Ну и видуха ж у тебя — вылитый спившийся интеллигент.

— Кондрат, — забормотал Василий Африканович, шаря по полу в поисках отскочивших очков, — речь о том, то бишь дело в том...

Наугощавшийся кандидат наук едва вязал лыко, и Сморкалову было приятно, что он напоил гостя, как полагается поить доброму хозяину.

— Кондрат! — Василий Африканович едва не брызгал слезами. — Я хотел обнять тебя, потому как всё лучшее в нас воплощается в наших детях. Дети — это наше натуральное продолжение, и надо заботиться о них... И! Давай поженим твою Люсю и мою Петю, то есть моего Петюнечку на твоей Люсиночке, чтобы счастье детей — и! воплотилось в реалиях породнения наших судеб...

— Мутно изъясняешь, едят ты мухи. Петьку твоего я не знаю, но если он такой же дурак, как ты, то на хрена? Но я и не против, Люська пусть выбирает,

ей же мыкаться. Так, Васька, ты до дивана доплетёшься или уж тут всхрипнёшь, а?

— Тут! — решительно заявил Василий Африканович и, так и не обнаружив очков, покорно свернулся на полу обессилевшим крендельком.

В гостинной публика, претворяя в жизнь лучшие пожелания Кондрата Лукича, лихо «хряпала без тостов». Споры за столом велись многогранные, многосторонние и многоголосые. Речь почему-то зашла о сексе. Карманович долго и авторитетно доказывал, что сексуальная культура азиатов намного выше европейской, отсюда речь зашла о Востоке, причём Гавриков заметил по этому поводу, что недавно в юго-восточном районе города ограбили пивной ларёк, а Сашка Буховцев, обнажившись по пояс, взгромоздился на стол и под общий экстазный хохот исполнил танец живота.

— Кондраша! — увидев Сморкалова, жалобно потянулась к нему Сонечка. — Ну, где ты ходишь? Я так соскучилась, все глаза проглядела.

Кондрат Лукич промокнул платком лысину, окинул напудренное личико Сонечки с подозрительным прищуром и, мысленно махнув на всё рукой, впился губами в её страстный полуткрытый рот.

— Горько! — догадался выкрикнуть кто-то.

— Чирей тебе на язык! — заорал другой.

Любовница Кармановича закатила вдруг истерику, и директор столовой засобирался уходить. В сенях ворочался во сне Василий Африканович. Под столом корчился Гавриков. Глистопродавец, трезвый, но сытый, скучающе ковырялся в зубах иглой от проигрывателя. Сашка Буховцев, обмакивая палец в шашлычный соус, пытался нарисовать распятие на своём рябом волосатом животе.

Трудно сказать, произвело ли на Кондрата Лукича впечатление грозное предупреждение Упырёва, но образ жизни он повёл ещё безалабернее и развязнее. После незабываемых весёлых именин очаровательная Сонечка почти безвылазно поселилась на втором этаже дома к утехе Сморкалова и к полному неудовольствию остальных обитателей особняка. Шнапс при её появлении оскаливался и презрительно чихал, Сашка Буховцев смотрел тупо и мыкал что-то нечленораздельное, Люся же, при случайных встречах с ново-явленной подругой отца, молча поворачивалась к ней спиной. Сам же Кондрат Лукич напропалую таскал любовницу по ресторанам, стал и дома пить одно шампанское, словно бы воскрешая в Колпашино старые купеческие времена. Сама же Сонечка держалась бодро, бурно и весело и часто громко хохотала в своей комнате, переполняя чашу общественного терпения.

Однажды утром, когда Сонечка на такси упорхнула по своим артистическим делам, Люся решила серьёзно поговорить с распустившимся отцом. Со сжатыми кулачками и большими глазами она ворвалась в комнату, где на кровати покачивался не выспавшийся, не одетый, неухоженный и непохмелённый Кондрат Лукич.

— Стучать надо, дочка, едят ты мухи, — устало зевая, сказал он, — а вдруг я тут совсем голый сижу или ещё какой-нибудь интим происходит? А ты, это самое...

— Я пришла поговорить! — заявила Люся, решительно падая в кресло. — Кое-что уточнить по поводу твоей...

— А ты не выражайся!

— Я ничего и не сказала.

— Но подумала, — ещё раз зевнул Сморкалов, неторопливо и вяло застёгивая пуговицы рубахи. — Ты пойми, Люся, ты ещё юная девушка. Я читал где-то, что в таком возрасте все акселераторы — максималисты и не по делу много на взрослых шумят. Ну, скажи, чем тебе не нравится Соня?

— Мне кажется, ей нечего делать в нашем доме! — категорически отрубил Люся.

— Ну, тебе так кажется, другим иначе. Когда кажется, надо креститься, вон как Саня у нас крестится.

— Мало того что поселил в сарае этого пьяного осла Буховцева, так ещё и это чучело в дом пустил. Какого чёрта?!

— А ты не хами! — Сморкалов застенчиво поскрёб лысину. — Ну, Люся, ты же уже взрослая, должна понимать, что я же ещё мужчина в соку...

— В томатном! Вчера весь костюм по пьянке залил!

— Ха-ха... Верно. Но, Люся, будь снисходительнее. Вспомни, ты же тоже недавно выпила, а? И тоже ходишь с мальчиками... Петя там какой-то, а?

— Что? — на миг удивилась Люся. — Слышал звон, да не знаешь, где он! Если на то пошло, то я молодая, мне всё это положено! А эту твою... хкм, мне что теперь, мамой называть?

— Ну, зачем так категорично, — Кондрат Лукич поднялся с кровати и с трудом перекинул через плечо подтяжку. — Зови просто: тётя Соня.

Семейные дебаты были долгими и шумными. То дочь взрывалась, обвиняя отца во всех смертных грехах, то Кондрат Лукич отбрыкивался шутливо-демагогическими отговорками.

— Да ты что мне говоришь, — наконец привёл он решительный довод, — да если б не я, тебя бы и на свете бы не было, а ты ещё споришь. Смешно ведь!

— Ха-ха-ха, — срываясь, крикнула Люся и выбежала из комнаты, гневная и прекрасная, как богиня войны.

Утро, по обыкновению, отличалось солнечностью и теплотой, ласточки бороздили воздух легко, радостно и свободно, на газонах мирно трещали кузнечики, небо, прозрачное, словно импортная материя, независимо голубело над пыльными крышами домов. Утренняя идиллия могла порадовать глаз кому угодно, но она не могла обмануть Петю. Сегодня он проснулся в предчувствии событий, ещё более грандиозных, чем имели с ним место в июне, по своей значимости и суровости способных сравниться разве только что с дизентерийной больницей. Поэтому, выглянув в окно на летнее благолепие, «тихий дурак» лишь невесело нахмурился и пошёл на кухню. Дома никого не было, что позволило поэту позавтракать без нервотрёпки, но сытость принесла с собой не успокоение, а уныние. «В Колпашино!» — принял решение Плешаков, поймав себя на том, что уже ощущает ностальгию по сморкаловскому особняку.

С лысиной, прикрытой от солнца носовым платком, сидел Кондрат Лукич на крыльце и, попыхивая папироской, поглаживал за ухом старого Шнапса. Пёс равнодушно принимал ласки хозяина и меланхолично лупил глаза в высушенную июльским зноем землю. У калитки послышались лёгкие шаги, а затем нарисовался вдруг стройный кучерявый юноша в тёмных зеркальных очках.

— Э! Тебе чего, пацан? — от скуки окликнул его Кондрат Лукич.

— Пацаном я был четыре года назад, — с достоинством ответил визитёр, — сейчас я, если хотите, молодой человек, или просто Роберт Евгеньевич.

— Ну и какого же тебе, Роберт Евгеньевич, хрена?

— Овощами не интересуюсь. Я хотел бы видеть Людмилу Сморкалову. Надеюсь, она здесь проживает?

— Правильно надеешься, — кивнул Кондрат Лукич, и пёс под его рукой тоже заворчал и заворочался. — Кавалер, что ли? Ишь, вырастил я вертихвостку, а? Э! Люська! К тебе!

Ответом послужила тишина. Затем из сарая высунулась встрёпанная, небритая физиономия Буховцева.

— А деваху сёдня тут не мельтешила, Кондрат Лукич, — сообщил он, неторопливо похрустывая солёным огурчиком.

— Спит, что ли? — сам себя спросил Сморкалов, с неохотой поднявшись, пошёл в дом.

«Опять какое-то лапотное мужичьё? — в сомнении почёсывал нос Роберт Карманович. — Разве похоже, что тут водятся деньги? Домина, правда, ничего себе. Но уж нет. Второй-то раз меня не проведут. Как познакомлюсь, так между делом попрошу у неё посмотреть комсомольский билет, якобы хочу на неё в молодости полюбоваться. Тут-то и сверю фамилию!»

Да, зализав раны обмана и разочарования, Карманович с новыми силами вышел на поиски богатой невесты, твёрдо решив не повторять более прежних глупых ошибок.

— Типа, пройти дай, — услышал Роберт у себя за спиной застенчивое покашливание. Он обернулся — перед ним стоял Петя.

— Живёте здесь? — деликатно улыбнулся Карманович. — Здравствуйте!

— Нет, здесь, типа, Люся живёт.

— Да? А ты что, пацан, к ней, что ли, прёшь? — резко сменил тон делец, и стёкла его зеркальных очков угрожающе сверкнули.

— Беда! Беда! Беда, ребята! — прогремел вдруг громкий крик Сморкалова. Кондрат Лукич выбежал на крыльцо с каким-то листком бумаги. Шнапс, вздрогнув, несколько раз встревоженно брехнул. Буховцев, испугавшись, что упала бадья с брагой, вновь выскочил из сарая.

— Беда, — ещё раз повторил это злое слово Кондрат Лукич и, проворно сбежав по крыльцу, подошёл к калитке, — смотрите, ребята!

На смятом тетрадном листе в клеточку было выведено крупным, аккуратным почерком: «Сморкалов! Твоя дочь в надёжных руках и надёжном месте. Там она будет до сегодняшнего вечера. Если же сегодня на берегу Волчьей Ямы в развилке трёх сосен не будет лежать 10 000 рублей, её самочувствие может ухудшиться вплоть до летального исхода. Пока ещё есть время!»

— Десять тысяч, — Роберт восхищённо приподнял глаза к небу, — это что-то патологическое!

— Саня, слышал! Дочь у меня украли, — пожаловался Кондрат Лукич.

— Господи помилуй! — осенил себя Буховцев крестным знаменем.

— А, типа, кто украл? — робко поинтересовался Петя.

— Хочешь, мальчик, чтоб они тебе адрес и фамилии указали, — усмехнулся Карманович. Теперь он точно знал, что напал на верный след, это та самая Люся Сморкалова, те самые деньги... Правда, какие-то прощелыги пытаются растащить и то и другое. Ну что ж, Роберт не боялся борьбы!

— Ребята, — заговорил Кондрат Лукич тихо и проникновенно, — ребята, я знаю, вы оба равнодушны к Люсе, да?

— Естественно, — кивнул Карманович, — с самыми честными намерениями!

Плешаков же только стеснительно и неопределённо кивнул.

— А вот видите, какая беда теперь с ней, — проговорил Сморкалов, глухо кашляя и едва не слезившись. — Разбойники спёрли, — и десять тысяч, а где же мне взять-то такие деньги, едят их мухи?

Кавалеры стояли молча. Петя вяло переминался с ноги на ногу, Роберт застыл, напряжённо и вдумчиво сжав волевые губы.

— Ребятки! — Кондрат Лукич страдальчески сморщился и смахнул с переносицы воображаемую слезу. — Вы уж не бросайте меня, старика, в горе. Поможете?

— Поможем, — сказал Карманович.

— Где Волчья Яма, знаете?

— Узнаем, — подтвердил Роберт.

— Я знаю, — сказал Плешаков, — самый глухой берег Сатанинского озера!

— Я верю вам, ребята, верю в вас, — всхлипнул Сморкалов, растроганно дёргая мускулами лысины. — Вы оба, я так понял, хотели бы Люсю того... под венец? Знаю, знаю, ребята... Но ведь она-то одна, а вас-то, раз, два — двое, едят тя мухи. Значит, давайте поступим мы, как в древних сказках. Кто её от злодеев ослобонит, тот получает все права. Понятно?

— Предельно, — холодно и хищно улыбнулся Роберт.

— Ну, всё, идите, ребята, спешите. Рыцари! Саня, ну ты взгляни, у какого гада после этого поворачивается вонючий язык говорить, что наша молодежь вся гнилая, безыдейная, акселерирующая. Это мужчины! Мужчины к барьерам вели подлецов! Пусть они мяса не нарастили, как мы, но зато мужества, сколько мужества и благородства, Саня!

Сморкалов замолчал, посмотрел вслед удаляющимся молодым людям, улыбнулся, подмигнул растерянному Буховцеву и, ласково погладив раскалённую на солнце лысину, вновь пробежал глазами наглосое послание душегубов.

...Над Колпашино грозно зависло июльское солнце, раскалённые домишки беспомощно съёжились под его нестерпимыми лучами. В облаках пыли по дороге протарахтел грузовик. Под чахлой берёзкой мрачно жевалась раздутая корова с коротким выменем, куры ковырялись в нечистотах. Некоторое время Карманович и Плешаков шли молча.

— Меня зовут Роберт, — наконец нарушил молчание делец.

— П-Петя, — ответил «тихий дурак» на немой вопрос соперника.

— Говоришь, Людмилу знаешь?

Петя хотел было что-то ответить, но от стеснительности мысли его спутались, горло сузилось, и он лишь слабо кивнул.

— Так вот, с этого часа про неё забудь, — спокойно сказал Роберт.

— А, типа, почему? — огорчился Плешаков.

— Да потому, что я подпольно имею седьмой дан по каратэ, ясно? — с угрожающим придыханием процедил Карманович. — И ещё беззащитность и интеллигентность будят во мне рефлекторный садизм. И ещё нож я втыкаю исключительно по самую рукоять. И ещё...

— И ещё, козлы, — неожиданно прорезался сзади незнакомый ломающий-ся голосок, — ну-ка, скинулись по пятнадчику.

Роберт и Петя обернулись на того, кто столь бесцеремонно прервал их эмоциональную беседу. Перед ними стоял низкорослый, коротко остриженный пацан лет четырнадцати, с толстыми губами, пустыми прокуренными глазами и руками, глубоко спрятанными в карманы.

— Что-что? — уточнил Карманович.

— Ничё! Деньгу гони, ты! — Колпашинский хулиган сжимал в карманах кулаки и, казалось, весь трясся от наглости. — И ты тоже, козёл, что застыл, короче, давай, я сказал, короче!

— Сколь, я забыл? — переспросил Роберт.

— Сейчас напомню тебе палкой по башке! — нервно оскалился юный налётчик. — По пятнадчику на курево, ну!

«Ой, что сейчас будет, — не без сожаления подумал Плешаков, — убьёт этот садист хулигашку или покалечит. А ведь не стоит того. По пятнадцать копеек — вполне пристойное шуляние. Всегда бы так!»

И Петя, нашарив в кармане монетку, со спокойной душой отдал её малолетнему разбойнику. С опаской «тихий дурак» сослел глаза — что же делает его грозный соперник? Роберт неторопливо расстегнул красивое портмоне, вытащил рубль и с достоинством протянул его пареньку. Тот с гримасой удовлетворения сжал деньги в грязноватом, пропахшем куревом кулаке.

— А сдача? — напомнил Карманович. — Ведь сказано было, пятнадчик.

— Чё?! Сдача? Да ты случаем не еврей!? — спросил взбешённый хулиган и, угрожающе вытаращив глаза, хрястнул дельца кулаком под рёбра. Роберт издал тихий горловой звук «уй-уммм» и, согнувшись напополам, стал морщиться, кряхтеть, тужиться. Грабитель злобно матюгнулся, сплюнул сквозь

зубы — далеко, опытно, красиво, и вихляющей походкой двинулся дальше по колпашинской улочке.

Плешаков протёр запотевшие очки. Роберт всё никак не мог разогнуться, и Пете стало стыдно, что он не вступил в драку.

— Типа, не очень больно? — спросил он ради приличия.

— Что? Больно?! — с презрительной усмешкой переспросил наконец продохнувший Карманович. — Чтоб ты понимал? Если хочешь знать, у меня пресс так тренирован — кирпичи с пятого этажа на живот принимаю! А ты «больно»! Шутник! — И Роберт окончательно разогнулся.

— А что ты тогда, типа, не навешал этому типу по шее? — с наивным недоумением поинтересовался Петя.

— Ну ты совсем debil! Имбецил, идиот, олигофрен, короче, что-то патологическое! Ты думаешь, если я каратист, — так я и в драку сразу должен? Так ты пойми, олигофрен, я ж теперь просто не умею человека так умотить, чтоб насмерть не размазать! А потом мне из-за него на зону, да? Простите, не манит. Вот и приходится... притворяться, — Роберт ещё раз поморщился и ощупал брюшную полость. — А тебя, кретин, я чтоб здесь больше не видел! Всё ясно?

— Всё, — угрюмо кивнул Плешаков.

— Тогда гуляй, — небрежно кивнул Карманович, выуживая из пачки мальборину.

— До свидания, — скромно кивнул Петя и поплёлся сам не зная куда. Роберт постоял, покурил, что-то соображая, а потом тоже пошёл переставлять циркуль костлявых ног в неопределённом направлении. Рыцари без страха и упрёка разошлись в разные стороны, но впалые груди обоих переполняла горячая решимость защитить жизнь, честь и свободу своей дамы сердца!

Недолго суждено было Плешакову идти по Колпашино, не успел он распрощаться с Кармановичем, как с громким треском его настиг мопед Рожина.

— Далекo намылился, Петруччо? — поинтересовался Федька, воинственно попыхивая сигареткой.

— Да, типа, не очень... — рассеянно ответил «тихий дурак».

— Замётано! Едешь с нами!

— Куда?

— Гусинских чуваков колошматить!

— А... На чём?

— Сейчас оформим тебе транспорт!

Колпашинская молодежь издавна жестоко и непримиримо враждовала с гусинской. Недавно после выпускного вечера колпашинские выпускники шатались по лесу, где были атакованы гусинскими, избиты и унижены. Сегодня же разведка донесла Рожину, что несколько гусинских лидеров устроили пьянку в излучине Нижней Туфты, срочно было собрано войско, в которое, посаженный на старый подростковый велосипед Рожина, вошёл и незадачливый Петя.

Итак, колпашинцы не спеша ехали по лесной дорожке. Впереди потряхивался на мопеде Рожин, рядом на велосипеде катил Поганкин, в одной руке он сжимал пивную бутылку, из которой временами прихлёбывал прямо на ходу, в другой — очищенную воблу, которую временами посасывал. Плешаков, мысленно ропща на свой безответный характер и пропащую жизнь, замыкал процессию.

— Ты что, Поганка, с понтом, эквилибрист? — раздражённо спросил Кожин.

— Хиппую, — самодовольно улыбался Поганкин, — тренировка!

И он сделал большой глоток из пивной бутылки.

— Главное, не дать им вскочить на мопеды, — инструктировал Рожин своих налётчиков, — налетаем стремительно и бьём всех подряд. Я беру на себя щербатого Джона... Ну, настроение-то как? Никто не вздрагивает?

Все почему-то обернулись на с натугой проворачивающего скрипучие педали Плешакова. Тот, стесняясь, тихонько прокашлялся.

— Есть ещё порох в пороховницах! — ещё раз отхлебнув, бодро отрапортовал Поганкин.

— Напинать бы тебе по пороховницам, — мрачно проскрипел Кожин, — как болтать, так первый, а как на дело...

— Тихх-ха! — взволнованно прошипел Рожин, притормаживая. Поганкин, не успев перекинуть воблу из одной руки в другую, боднул своим велосипедом мопед Рожина и с грохотом сверзился на землю, зацепив на лету и увлекая за собой ещё двоих воинов.

— Вон она, Туфта, — сказал Рожин, — они должны быть где-то здесь! Надо кому-то одному проехать, взглянуть, как там и что, а потом все бесшумно подкрадёмся.

Поганкин запутался ногами в велосипедах, он корчился, пыхтел, громыхал. Остальные парни поднялись на ноги, оседлали своих стальных коней и теперь смотрели на Поганкина с молчаливым осуждением.

— Петруччо! — вдруг осенило Рожина. — Назначаешься добровольцем! Давай. Тебя ведь гусинские плохо знают, если и увидят, ничего не заподозрят, мало ли, велосипедист...

Плешаков не нашёл что возразить веским доводам командира. Он выехал на своём велосипедике вперёд, остановился, с тоской обернулся на товарищей.

— Не дрейфь! — напутствовал его Рожин. — Ты останешься в нашей памяти хорошим другом.

И «тихий дурак» нажал на педали. Поначалу он ехал медленно, чутко улавливая малейшие звуки. Но звуки были мирные — распевали птицы, шуршала листва, гудели шмели возле душистых цветов какого-то дерева, а красавицы бабочки то и дело ударялись о спицы. Хорошо было вокруг. Петя поехал под горку и увеличил скорость. Никого не было вокруг. Конечно, так далеко отрываться от своих было не нужно, да и Нижняя Туфта осталась далеко позади. Надо было поворачивать назад, к своим. «А стоит ли?» — подумалось Плешакову. Он решил, что не стоит, и, предавшись бездумному очарованию дороги, продолжал налегать на педали. Даже стихи чуть не родились на ходу, но лишь одну строчку сумел сформулировать поэт: «К нам одиночество стучится в двери осенью», а дальше почему-то не пошло.

Из поэтического забытья Плешакова вывело отдалённое потягивание мопедов. Заметно было, что оно приближается. «Если наши, я получу от них за дезертирство, — сильнее налегая на педали, умозаключил «тихий дурак», — а если гусинские, — они тоже дадут, так, на всякий случай...» И ежу было понятно, что по ровной дороге нечего и думать удрать от мопедов на подростковом велосипедике. Как показала практика, Петя оказался не глупее ежа, он свернул с главной лесной магистрали, но, увы, когда было уже поздно.

— Стой! — зловеще прогремело вслед. Плешаков, не подчиняясь, летел меж сосен. За ним спешили три мопеда — это были гусинцы, панически отступавшие под натиском колпащинцев, не вполне трезвые, но злые, как волки. Началась погоня. Лес был редкий, с низкой травой, а места сосны вообще торчали из голой земли, и Плешаков, мобилизовав до предела все свои чахлая силы, катил не так уж медленно. «Только бы не ухнуть в болото, — сообщал он на ходу, — это конец!» Преследователи не давали Пете оторваться. Будь они на велосипедах, возможно, давно уже настигли бы «тихого дурака», но мопедная трескотня удваивала страх Плешакова, а тот, в свою очередь, утраивал силы. «Я за правое дело еду, — думал он на ходу, — жизнь свою спасаю и здоровье. А они-то за что?!» И продолжал, надрываясь, ворочать педали. Один раз Петя едва-едва вписался в поворот, нырнув в яму, а потом вдруг разом

взлетев на травянистый холм. Мопеды рокотали совсем рядом, и всё мелькало в глазах — сосны, ветки, взмокшие волосы, спадающие на глаза, панические мысли. «Лебединую песню опять ведь не написал», — с досадой вспомнил Плешаков. Вот тут-то он и поимел честь проглотить стрекозу. Стрекоза была не из самых крупных, но и не дистрофик-коромыслик. Она врезалась в широко распахнутый Петин рот, лишь кончиком крыла пощекотав зубы. «Тихий дурак» не успел даже рыгнуть, как насекомое осело где-то глубоко в глотке. Плешаков, перепугавшись, проглотил слюну — и жизнь стрекозы прервалась в смертоносной жиже желудочного сока.

Мопеды зловеще ревели за спиной «тихого дурака», так что скорбеть или плевать по поводу произошедшего не было ни сил, ни времени. «Хорошо, что у меня нет велосипедного насоса, — вдруг подумалось Пете, — им было бы меня бить и больно, и удобно. Да и надуть могли меня, как жабу». Плешаков, как ни был силён страх, начинал выдыхаться. Что делать, шансы были не равны. В то время как Петя надрывался за педалями, гусинцы, посмеиваясь, лишь попыхивали сигаретами, их мчал мотор. Плешаков понял, что ему не уйти, но останавливаться и сдаваться на милость победителей стеснялся, из последних сил продолжал он эту неравную гонку.

Тропинка! Петя прогромыхал по горбам сосновых корней и увидел, как впереди блеснула полоска воды — Нижняя Туфта. Загнали! Преследователи рассыпались в цепочку: один уже дышал Плешакову в затылок, двое же других охватывали с флангов. Просвет между соснами. С хриплым придыханием «тихий дурак» крутанул педали и разом вылетел на обрывистый каменный берег. Отступать было некуда, да и некогда. «А, жизнь моя пропащая!» — молнией шаркнуло в мозгу. Не притормаживая, Петя ринулся под откос. Он трясся на мелких камнях, как отбойный молоток, но руля из рук не выпускал. Швахс! Переднее колесо соскочило было куда-то вбок, но Плешаков дёрнул руль на себя и в последний момент чудом избежал падения. В этот миг боковым зрением Петя заметил, как преследователь справа падает с кручи. Гусинец слетел с мопеда и катился вниз, как сосиска, мопед же кувыркнулся следом и, догнав, шваркнул хозяина рулём по голове. Всё это промелькнуло перед глазами Плешакова в долю секунды, на крутом повороте он сам едва не врезался в валун, резко вильнул в сторону, едва не повалился с откоса, но удержался. Мопедист слева врубился в одинокую сосну и распростёрся на траве, а мопед полетел вниз, гремя и теряя колёса. «Тихий дурак», мысленно удивляясь своей маневренности и живучести, со всей силы жал на тормоза. Впереди вырос бугор, отвернуть Плешаков не успел. Колёса оторвались от земли. Мгновение свободного полёта, а потом удар колёс о камни, седло больно боднуло Петю в седалище, подкинуло высоко вверх. Плешаков вскрикнул, зажмурился, но не выпустил из рук руля. Он приземлился на раму и взвыл. Педали расслабленно болтались под ногами — с велосипеда слетела цепь. Ещё пару раз Петю потрянуло на камнях, а затем он с разгона въехал в реку. Из-под переднего колеса, вспенясь и ворча, полетела вода. Вместе с велосипедом «тихий дурак» уходил всё глубже и глубже в воду, пока не остановился наконец на середине Нижней Туфты. Вода плескалась у пояса — речушка не отличалась глубиной. Лишь тогда Петя заставил себя обернуться — последний из преследователей барахтался позади, из воды сиротливо торчал руль затонувшего мопеда. «Тихий дурак», ведя перед собой велосипед, вышел из воды и поспешил затеряться в гостеприимных зарослях противоположного берега.

Да, Петя спасся. Теперь в этом не было никаких сомнений. Счастливый, он упал на траву и посмотрел в небо. Разгорячённая одышка постепенно проходила, уступая место приятной усталой истоме. Плешаков с наслаждением вдыхал свежий лесной воздух и ковырялся в носу. До чего приятно бывает поковыряться в носу после жаркого летнего дня, а тем более после изматывающей велогонки с каскадёрскими номерами! Петя ковырялся с молчаливым упоением, а на душе было хорошо-хорошо.

Скоро Плешаков почувствовал, что на сырой земле лежать не очень уютно — снизу покусывали трудяги муравьи, сверху — паразиты комарики. Причем рабочий народ лесной донимал Петю хоть и бесшумней, но больнее и ощутимей. Пришлось вставать. Совсем рядом пробежало несколько полевых мышей, они прошуршали в дебрях густой травы след в след, волчьим шагом. Мысль о волках не доставила Плешакову удовольствия. Правда, он слышал, что волки редко нападают на человека, не то что хулиганьё, но всё равно немного дрейфил. И правда, обидно было спастись от шпаны с мопедами и стать жертвой каких-то волков.

Держа велосипед за руль, «тихий дурак» пошёл вперёд. Он был уверен, что, если пойдёт, не сворачивая, в любом направлении, наверняка выйдет к какой-нибудь маломальской дороге. Через два часа изнурительного странствия по лесу уверенность Плешакова поколебалась. Особенно же досаждал ему велосипед. В конце концов, не стерпев, он оставил его прислонённым к сосне, острой палочкой он выдал на коре крестик — заметил место, чтоб легче было потом отыскать брошенный велосипед. Идти сразу стало легче, на какое-то время Петя даже воспрянул духом. Через три часа это у него прошло... Солнце опускалось, лес становился гуще и гуще, тоскливо урчал живот, во рту всё слиплось и пересохло. Плешаков шагал и шагал. В глубине души он начинал сознавать, что заблудился, но идти всё-таки было не так страшно, как стоять, и он шёл. Потом он наткнулся на скелет. Он валялся в сухой траве, на лапах проглядывала шерсть, между рёбер догнивало что-то чёрное, рыхлое. Долго стоял Плешаков, пожирая глазами мёртвое животное. «Наверное, это мёртвый волк, — решил он, — помер от голода. Нигде не мог добыть пищи и пришёл сюда, чтобы умереть. Если б он встретил меня, наверное, был бы жив... Да... «Ты всё съедаешь, смерть, но ради бога, умей шадить бедняжку красоту», — жалобно подумал Петя байроновской строчкой. Даже если так, то ему, не блещущему красотой, не резон было сейчас рассчитывать на пощаду. И Плешаков вновь пошёл вперёд. Из последних сил прыгал он по кочкам. Разбуженный экстремальной ситуацией мозг вдруг выдал ему усвоенную когда-то информацию: мох у сосны растёт там, где север. Но зачем ему север? Там холодно. Колпашино бы найти, или на худой конец что-нибудь обитаемое и живое.

Уже темнело, а Петя всё продирался сквозь заросли, едва успевая отлеплять от лица противную паутину. Силы готовы были оставить «тихого дурака», но надежда всё ещё теплилась в его болезненном, но живучем организме. Потом он увидел ещё одного мёртвого волка. «Что это с ними? Дизентерия, что ли?» — устало удивился Петя. Потом он протёр очки, взгляделся и с ужасом понял, что волк тот же самый. Теперь «тихому дураку» по-настоящему сделалось не по себе. Столько идти, столько сил и надежд, чтоб сделать круг?! «Эх, жизнь моя пропащая!» — Петя едва не прослезился. Как он мог ругать жизнь раньше? Да она же его просто баловала! Ну, подумаешь, хулиганы кошелёк забирали, ну, цыганки часы стянули... Мелочи-то какие. А сейчас его ждёт страшная смерть в лесу. Дикая, одинокая, мучительная.

Уже ни на что не надеясь, Плешаков по какой-то странной логике повернул круто назад. Через десять минут он к полной своей неожиданности выбрел на берег Нижней Туфты. «Тихий дурак», невзирая на нехороший привкус и антисанитарию, долго по-собачьи лакал мутноватую воду спасительной реки. Туфта впадает в Сатанинское озеро, — это Петя знал. Значит, если он пойдёт вниз по реке, скоро выйдет к озеру, а уж там будут видны огоньки Колпашино! Но где у реки низ, а где верх? Поверхность была практически ровной. «По идее, — машинально утоляя жажду, раскидывал умом «тихий дурак», — если река впадает в озеро, то она должна в его сторону течь. Логично? Да. А откуда тогда берётся сама река?» Петя присел под сосну отдохнуть и подумать. Откуда вода в реке? На сосне он увидел мох, сопоставил северное направление с направлением реки и всё понял: конечно, Нижняя Туфта берёт нача-

ло в Северном Ледовитом океане, течёт через тундру и питает водами озеро Сатанинское. «Не такой уж я, оказывается, дурак, — не без удовлетворения думал Петя, держа путь вниз по реке, — не зря говорят, что необходимость убистряет разум!» Не будем же и мы клеймить за невежество нашего доброго Плешакова, ведь из всего школьного курса географии он вынес лишь одно: что в какой-то стране есть озеро Титикака; у Пети сложилось полное впечатление, что название озера выдумал какой-то сквернослов из детсада, и вот оно по случайности запало в память.

Потом впереди Петя заметил нечто вроде тумана. Потянул носом воздух — дым! Присмотревшись, он увидел костёр. Противоречивые чувства зашебурились в измотанной душе «тихого дурака». Что делать? Бежать? Разумно, но Петя слишком устал и думал, ну, а вдруг всё-таки у костра сидят добрые, честные люди, которые накормят и покажут кратчайшую дорогу в Колпашино. Соблазн оказался велик. Не решаясь сразу показать себя, Плешаков начал осторожно подкрадываться к костру. Вскоре он подобрался так близко, что смог различить силуэт. У огня сидел один человек. Фирменная майка, тонкая шея, кудрявые волосы. Петя даже примерно определил возраст — лет восемнадцать-двадцать два, но вот пол установить затруднялся. «Если девушка — плохо, я же стеснительный мальчик, как я подойду и буду общаться, — рассудил Плешаков, не показываясь из-за своего укрытия в кустарнике. — А если парень — тоже опасно, ошкулить может...» Альтернативы не было, надо было обходить неизвестного и двигаться дальше, к Сатанинскому озеру. И Петя было пошёл прочь, но тут человек у костра подкинул в огонь сучьев с сухой хвоей и, случайно подняв глаза, крикнул:

— Э! Алё! Кто тут прячется?

Голос был нервный, мужской, знакомый чем-то. Плешаков замер и ничего не отвечал. Человек у костра поднял с земли длинную сучковатую палку.

— Кто такой, я спрашиваю? Что надо? — он сделал шаг в сторону Пети. В груди вновь похолодело. В отчаянии Петя сорвал стебель какого-то болотного растения. «Если бросится, я полосну его этим остриём по горлу», — решил «тихий дурак» и вновь с тоской подумал о несложной лебединой песне.

Калитка скрипнула на прощание, и Сонечка скрылась в салоне такси. Кондрат Лукич незамедлительно сбросил с лица дурашливо-любящую улыбку, загасил и сердито окликнул похрапывающего в сараюшке Саню.

— Э! Саня, едят тя мухи! Очнись и пой!

Буховцев пребывал в потных, мучительных объятиях полуденного Морфея. Воздух в этот июльский день стоял настолько спёртый, что заживо выпаривал из людей все мысли и чувства, оставляя только одно желание — тоску по холодному пиву. Этого счастья в Колпашино не завезли, и Саня спал, чтобы хоть как-то скоротать страдания. Сморкалову пришлось гаркнуть не менее четырёх раз, прежде чем Буховцев пошевелился.

— Саня, — сказал Кондрат Лукич, и, не в пример обыкновению, на его лице не играло даже тени улыбки. — Настали суровые дни. С Чирьевым обо всём договорено. Что делать, помнишь?

— Помню, Кондрат Лукич, — кивнул Буховцев, — только дрейфю, как гад! Может, не...

— Надо! — резко сказал Сморкалов. — Но ты не бойся. Тем более ещё не сегодня.

— Не сегодня, — меланхолично повторил Буховцев, — а что сегодня?

— Ты же слышал, что Люсю спёрли. Глистопродавец обещал лодочку — к Волчьей Яме прокатимся. Не грусти, Саня, с собой возьмём кой-чего. Одевайся!

...Вечерело. На поблёскивающей в лучах заката поверхности Сатанинского озера не было ни единой морщинки, будто его специально отполиро-

вали перед приездом комиссии из Москвы. Бесшумно разрезая гладь, шла по озеру плоскодонка Глистопродавца. Сам рыболов, развалясь на корме, с наслаждением дымил согнутой чуть ли не под прямым углом беломориной. Он разматывал леску на спиннинговой катушке. Впрочем, спиннинг и удочки представляли для Глистопродавца скорее спортивный, чем промышленный интерес. Основной улов поставляли Глистопродавцу сети, которые он регулярно раскидывал вдоль тенистых берегов водоёма. Кондрат Лукич сидел на носу лодки, шурился на закат и больше молчал. Буховцев, шумно дыша и обливаясь потом, горбился за вёслами.

— Вот видишь, Саня, что значит пить водку, — благодушно взирая на страдания алкоголика, посмеивался Глистопродавец. — Здоровый, казалось бы, мужчина, а сел за вёсла — и сдох. Здоровьишко-то всё повыблевал.

— Не вякай, — отдуваясь, пыхтел Саня, — а то выйдешь сейчас из лодки вниз башкой. У меня сил и совести хватит.

— Эх, Саня-Саня... Далеко пойдёшь, если вовремя не остановят. Верно я говорю, Кондрат Лукич?

Буховцев с надеждой взглянул на Сморкалова, может, заступится?

— Конечно, верно. Квасишь ты, Саня, как...

— Скотина! — подсказал Глистопродавец.

— Нет. Как натуральная человечина, пьёшь. Звери-то, едят их мухи, народ непьющий. Конечно, Саня, ты можешь возразить, что так повелось испокон веку, что все бухают, что отец твой был алкоголик, и дед, и брат, и друзья алкоголики у тебя. И вот в подобной тёмной, идейно направленной на водку компании поневоле можно заразиться мыслью — а возможно ли существовать без алкоголя?

— Существовать можно. Жить нельзя, — пробурчал Саня веско и хмуро.

— Это надо рассмотреть и обосновать, — Сморкалов входил во вкус болтовни, — конечно, когда выпьешь, всё вокруг делается симпатичней, мелодичней, оптимистичней, да?

— Привычней, — в тон ему продолжил Буховцев.

— Не перебивай, едят тя мухи! Когда соловей поёт — все замолкают! И так, возник вопрос. И ответить на него можно двояко. Если взглянуть на тебя, Саня, когда ты не похмелён, оно, конечно... А если окинуть взглядом всё вокруг? Смотри, берёзки красуются, лёгкие, зелёнькие, белые. Как они радуют глаз! Цветы лепестками разноцветными шевелят, соловушка трели выдаёт! Как хорошо всё в природе, здорово. И ни капли алкоголя!

Сашка Буховцев, опустив вёсла в воду, на миг залюбовался на окаймляющую озеро красоту.

— Хорошо, — прочувственно моргнул он, — наливайте, Кондрат Лукич!

Сморкалов, разочарованно вздохнув, вынул из рюкзака початую бутылку водки. Буховцев расцвёл, Глистопродавец пренебрежительно поморщился.

— Не порти аппетит, язва! — рассердился на него Саня и, сделав из горлышка два глубоких глотка, умиротворённо прищурился.

— А-а-а! — вдруг, завопив, встрепенулся Глистопродавец, едва не опрокинув небольшую лодчонку.

— Очумел, чёртова болячка! — вскрикнул Саня, поспешно затыкая заветную бутылочку пробкой.

— В чём дело, едят тя мухи? — поинтересовался Сморкалов.

— Да пацаны, б... около моей сетки шарятся!

— Ну, шарятся, а при чём здесь падшая женщина? — спросил Кондрат Лукич с невозмутимой издёвкой.

— А! Сволочи! Уволокли кормилицу! — тонко и тоскливо, как баба, взвыл Глистопродавец. — Саня! Греби же ты, а...

— Гребу, — рассеянно кивнул Буховцев, с неохотой отвлекаясь от кайфа.

— А ну тебя! — оттолкнув Саню, Глистопродавец сам упал за вёсла, круто развернулся, взбурлив гладь Сатанинского озера, и бросился в погоню.

Тревога браконьера была серьёзна и небезосновательна. Не кто иной, как наши старые друзья, Рожин, Кожин и Поганкин, в этот вечер, едва отгремела битва с гусинцами, решили выехать проветриться на водоём. Битва, надо сказать, выдалась не особенно кровопролитной: не дождавшись Плешакова, воинство постепенно стало продвигаться вперёд, и гусинцы, заметив их издалека, панически отступили, побросав вино, закуску и двух девушек. Колпашинцы, надо заметить, не особенно увлеклись преследованием, разделяться с трофеями было и интересней, и безопасней. С закуской и вином обошлись, как варвары, уничтожив почти всё на месте. С девушками же — как джентльмены, не позволив себе ни намёка на насилие. Девушек, впрочем, похоже, лишь позабавила внезапная перемена кавалеров, они лишь смеялись, и Кожин с Рожиным с ними чуть-чуть потискались в прибрежной растительности. Остальным воинам и несчастному Поганкину оставалось только глотать завистливые слюны.

Но вот все трое вновь отдыхали на воде, причём Кожин даже работал спиннингом. Бойцы вспоминали минувшие дни, а именно спорили, чья из девушек была лучше.

— Да вы что, филины, обалдели? — покуривая, смеялся Рожин. — Моя хороша и в теле, и в деле! Чёрненькая, остроглазая. Лидия Анатольевна — имя-то какое!

Надо сказать, гусинские барышни представились нашим друзьям не как-нибудь, а по имени-отчеству.

— А моя почему хреновая? — мотая спиннинг, пожимал плечами Кожин. — Глаза большие, бёдра тоже. Нос большой, ну и что...

— Пикантный изъясничик, — вздохнул Поганкин.

— Вот именно. Волосы длинные, — нахваливал Кожин, — а имя-отчество чисто русское — Ольга Олеговна. Ведь звучит!

— Звучит, — облизнулся Поганкин.

— Да ну! — хмыкнул Рожин, щёлкая чинарик в воду. — Что это за отчество дурацкое — Олеговна. Ну, первые три буквы ещё ничего, а дальше что? Нет, что вы там ни булькайте, а моя...

— Кстати, булькнуть самое время!

Ребята лихо раздавили последнюю бутылку трофейного портвейна, повеселели и примирились. А когда Кожин с весёлым матом закинул в лодку симпатичного шурёнка, настроение и вовсе понеслось и зазвенело. Поганкина даже потянуло на песни:

— Мы на лодочке катались ярко синюю водой, не гребли, а, ха-ха, целовались и кричали головой!

— О-па, о-па, такая я растреп-па! — лихо подхватил Рожин.

— А что, мужики, у меня ведь неплохой голос? — скромно поинтересовался Поганкин, который давно уже метил на место солиста в колпашинской рок-группе «Только без мата».

— Филин, — добродушно усмехнулся Рожин, — с таким голосом только в туалете сидеть и кричать «Занято!».

В этот миг блесна Кожина за что-то прочно зацепилась. Подъехали, потянули и вытащили край сетки.

— Фортуна! — не преминул воскликнуть Рожин.

— А что с ней делать? — простодушно поинтересовался Поганкин. Для двух его друзей таких вопросов не существовало, с энтузиазмом и восхищёнными возгласами они выбирали сеть, в которой, как пузыри, покачивались толстые жёлтые линьки и, как балки, болтались намертво запутавшиеся шуки. Наши друзья так обалдели от нахлынувшего на них счастья, что не сразу заметили мчащуюся к ним опасность.

— Шуба! — вдруг хладнокровно обронил Рожин, бросая сеть на дно лодки. Все подняли головы — прямо на них мчалась лодка Глистопродавца. Ограбленный браконьер явно шёл на таран.

— Стоять, сопляки! — орал он, бешено вращая вёслами. — Стоять, курьи дети!

Рожин с Кожиным сели за вёсла и, напевая «Дубинушку», понеслись прочь. Водная погоня началась.

— Не догоним, — равнодушно вздохнул Саня, — молодые, тощие, чёртёвы болячки, им легче.

— Не скрипи!

— Да, друг, а как же Волчья Яма? — напомнил Глистопродавцу Кондрат Лукич. — Ведь, едят ты мухи, уговор был, и деньги дадены.

Глистопродавец не удостоил ответом напоминание Сморкалова. Горечь утраты подхлестывала в нём азарт погони. Сделав последний рывок вёслами, он перебрался на нос и схватил спиннинг. Лодка продолжала лететь по волнам. Глистопродавец замахнулся, блесна освежила лысину Кондрата Лукича лёгкой воздушной волной, чиркнула по шее Буховцева, пронеслась над водой и намертво схватила тройным крючком борт лодки с ребятами.

— Ага! — как дикарь, вскрикнул Глистопродавец, с наслаждением подтягивая леску.

— На абордаж! — весело вторил ему Сморкалов. В следующий миг леска дёрнулась сильнее, за нею дёрнулся Глистопродавец, не устоял, лодка в свою очередь тоже дёрнулась. На прощание перед глазами мелькнул кусок темноватого вечернего неба, затем все трое, перевернувшись с лодкой вместе, очутились под водой.

— А! — Саня вынырнул первым и пустил из носа фонтан воды. — Водка! Водка где?

— Потопла, родимая. Топись, Саня, — сказал всплывший в трёх метрах от Буховцева Кондрат Лукич.

Глистопродавец ничего не говорил. Он всё ещё пыхтел и бурлил в воде, не выпуская из рук спиннинга.

— Э, дядя! Отстегнись от нас, а то потонешь! — со смехом посоветовал ему Рожин.

— Убью! — грозился браконьер. — Харю наизнанку выверну.

— А не слабо? — хохотали на лодке.

— Найду ведь, гады!

— А мы в рыбнадзор заложим. Как тогда, а, дядя?

— Паразиты!

Поганкин молча вынул из кармана перочинный ножик, выковырял лезвие и отрезал леску. Глистопродавец резко погрузился в воду с головой, забурлил, забарахтался и всплыл на поверхность уже без спиннинга. Лицо его было мокрым, словно от слёз. Лодка с наглой молодёжью на всех парах улетала прочь.

— Так, мужики, никто не тонет? — деловито поинтересовался у потерпевших Кондрат Лукич.

— Как сказать, — отдуваясь, пробурчал Саня, по-собачьи подгребая к плавающей вверх дном лодке. Глистопродавец, похоже, от расстройства лишился дара матерной речи, он лишь пускал пузыри, держался на воде и икал. К Сморкалову же подступило чихание и, как он ни сопротивлялся, сломило его недюжинный организм.

— Резччи! Рррезччи! — пару раз содрогнулся он в воде, тревожа стаи придонных лещей. Одежда Сморкалова намочла и ненавязчиво увлекла хозяина ко дну. Пора бы заняться спасением жизни, — решил Кондрат Лукич, потихоньку подгребая к перевернутой лодке, как вдруг совсем рядом от себя и в то же время немного сверху услышал вежливый, благородный голос мужчины.

— Будьте здоровы.

Едва удерживаясь от погружения в воду, Сморкалов повернул назад свою толстую шею. В подплывшей к нему лодке сидел симпатичный молодой человек в плавках и соломенной шляпе с широкими полями.

— Спасибушка, — тяжело дыша, ответил Кондрат Лукич.

— Не за что, — во весь рот улыбнулся незнакомец, — я заметил, вы серьёзно переохлаждаете тело. Прошу в мою лодку!

Отклонять подобное предложение на месте Сморкалова было бы не только невежливо, но и нецелесообразно. Кондрат Лукич подгрёб к корме и, с минуту попыхтев и помычав, с помощью сильных, надёжных рук спасителя оказался в лодке.

— Ф-ф-ууу... Спасибушка! — ещё раз поблагодарил он и, с чувством просморкавшись, окликнул своих друзей: — Эй, вы там, на воде! Не потопли? Гребите сюда, едят вас мухи!

А дальше Сморкалов уже ничего не помнил и не понял. Тяжёлая темнота больно хлестнула по глазам, по ушам, по мозгам, свалила, придавила и отключила.

Буховцев и Глистопродавец, ухватившиеся уже за своё перевёрнутое судно, увидели, как незнакомец, вызволивший из воды Кондрата Лукича, вдруг не вполне гостеприимно огрел его веслом по голове. Сморкалов осел, перевалившись через сиденье, незнакомец, не теряя времени, сел за вёсла, и лодка быстро пошла к противоположному берегу, оставив товарищей Кондрата Лукича беспомощными и недоумёнными.

Солнце последний раз, словно пьяница, заталкиваемый в коробок, sunulось из-за туч. Луч света упал на лицо человека у костра, и Петя признал своего соперника, Роберта. Карманович тоже узнал Плешакова. Но как же так произошло, что коварный делец оказался вдруг затерянным в прибрежных лесах Сатанинского озера? А было всё так. Узнав, где находится Волчья Яма, Роберт шустро сгонял домой, захватил удочки, резиновую лодку и ближе к вечеру прибыл в Колпашино. План его был прост: подождать, пока приплывут злоумышленники, выколачивающие деньги за дочку миллионера, и договориться с ними, чтоб требуемые десять тысяч перевели на него, он их вернёт, когда женится, а невесту отдавали сейчас. Конечно, невесело было Роберту брать в долю ещё каких-то проходимцев, впрочем, кто б его обязал потом сдерживать своё слово? Пока же Карманович встал на якорь в районе Волчьей ямы и притворился рыбаком. Для конспирации он даже купил у колпашинских рыбаков двух полуживых лещей и положил их в садок: во-первых, никто ничего не заподозрит, а во-вторых, освобождённая Люся увидит, что он настоящий мужчина, раз выловил между делом таких больших рыб! И так, всё было рассчитано до мелочей, и всё-таки одна мелочь серьёзно подвела Кармановича. Роберт закидывал удочку первый раз в жизни и выполнил эту операцию не вполне удачно, заброс-то, правда, получился далёким, но сам Карманович так энергично взмахнул телом, что вверх ногами вывалился из своей резиновой лодки. Почти всё потонуло — садок, лещи, очки, надежды, перевёрнутую лодку тотчас отнесло куда-то в глубину, сам Роберт тоже чуть было не утонул за компанию, но достал дно ногами. «Это что-то патологическое!» — иступлённо бормотал он про себя, на четвереньках выползая к земле по илистому болотистому берегу. Засосанный в штаны жук-плавунец сладострастно щекотал ягодицы, в причёске дельца копошились чьи-то личинки, с носу, с волос, с рук — отовсюду капало. Оказавшись на твёрдой почве, Роберт обрёл самообладание, отжался, встряхнулся и заметил чей-то непотушенный костёр. Он подкормил огонь сучьями, подсушился и уже настраивался на ночлег, когда к костру неожиданно выбрел заплутавший Петя Плешаков.

— Ну что? Отыскал Люську? — с издёвкой спросил Роберт подошедшего к костру соперника.

— Пока нет, — сказал Петя, не зная, будут ли его бить или плюнут просто.

— То-то ж! — усмехнулся Карманович почти победно. — Закурить будет? Не куришь? Дурак. Мои вот в озере размокли. С бандюгами поцапался мальца. Так, до Колпашино сколько топать?

— Далековато, — кашлянул «тихий дурак» и, видя, что соперник настроен не столь агрессивно, пододвинулся ближе к костру, чтоб не ели комары.

— Значит, здесь будем кантоваться, — заключил Роберт, — без цивилизации. Чего расселся как барин. Дров притащи!

Плешаков, радуясь, что вышел к людям и спасён, пошёл разыскивать хворост. Жгли костёр, сидели, говорили. В основном ораторствовал Роберт, доказывая Пете всю несостоятельность его притязаний на руку и сердце Люси Сморкаловой. «Тихий дурак» отвечал, что он и не притязает вовсе, а просто его толкает на это дело отец, а сам он человек безвольный и не может решительно кому-нибудь отказать. Но вскоре мирские, корыстные заботы отошли на задний план. Скитальцы сидели рядом, молчали и вслушивались. Вокруг распространилась кромешная тьма, дыхание ночного леса становилось всё глуше и глуше, пока совсем не стихло. Но стихло лишь на первый взгляд. Привыкшие к визгу машин и грохоту колонок уши молодых людей постепенно отходили и стали различать шорохи вокруг — многочисленные, призрачные, деловитые. Какая-то птица промелькнула низко над костром, а может, это даже был нетопырь. Женихи, на миг позабыв о соперничестве, инстинктивно придвигались друг к другу. Тень сгущалась. Луны вообще не было, не говоря уж про звёзды и комету Галлея.

— Как-то страшновато и не по себе, — нарушил тишину Плешаков, — я слышал, в этих местах водятся волки.

— Волки? Волки, — невесело повторил Роберт, — подумаешь?

— Типа, лучше, конечно, не думать, — поёжился Петя, — как бы только филин не захохотал. Говорят, очень жутко тогда бывает... путешественникам.

— Хм? Что он, дурак, что ли, хохотать. Над чем? — усмехнулся Карманович, борясь со страхом.

— Типа, над нами.

— Над тобой, дурень! Бояться выдумал, фу... А-а-а!

— О-оуй! — вскрикнул Петя, содрогнувшись всем существом, так перепугал его внезапный вскрик Роберта.

— Волки! Я слышал! — прошептал Карманович. — Тишина!.. Во! Они!

— Да нет, типа, — вздохнул Петя, — это в желудке моём взвыло.

— А... Ха-ха. А сам чего заорал? Думал, я струхнул, что ли? Ха-ха, тебя же, дурак, проверяю. А чё у тебя урчит? Жрать, что ли, захотел?

— Да так... Есть такое низменное чувство.

Надо сказать, после стольких треволнений и странствий, потребовавших несметное количество моральных и физических затрат, у «тихого дурака», обретшего наконец своеобразный приют, разыграл зверский аппетит.

— Я тоже жрать хочу, — помолчав, сознался Роберт. Беда сближает людей и делает их проще. От долгого сидения у Плешакова затекли ноги. Он встал, хрустнул позвоночником и вдруг почувствовал, что карман его куртки что-то сильно оттопыривает. Сунул руку — полусохший кусок хлеба. Что за чудеса? Ах да, ведь это вчера за ужином он спрятал кусок хлеба в карман, чтоб мать подумала, что он поел котлеты с хлебом. Почему-то Мария Семённа всегда следила, чтоб сынок кушал с хлебом, может, заботясь о здоровье чада, может, чтоб больше оставалось мяса, — как бы то ни было, Петя поступил нечестно, решив зря не расстраивать мать, спрятал хлеб и тут же о нём забыл. И вот теперь хлеб в руке, но теперь это не невзрачный серый огрызок, это что-то божественное, необыкновенное, желанное. Рот «тихого дурака» переполнился слюной. Казалось бы, чего думать, надо скорее пережёвывать кусок, но в последний миг Петя вспомнил о Кармановиче и усовестился. «Всё же вместе влипли... Нехорошо одному жирать. Но ведь не узнает!» И Плешаков уже понёс было сокровище ко рту, но в последний миг какая-то неведомая сила его остановила.

— Знаешь, а у меня, типа, немного хлеба есть, — сказал Плешаков, и голос у него получился слабый, виноватый. Роберт с несолидной поспешностью схватил кусок.

— Это всё! — разочарованно прорычал он. — Остальное успел сожрать! Эх...

После таких слов Петя как-то не посмел просить отломить себе маленький кусочек. Роберт же сжевал хлеб с поразительной быстротой.

— Фу, — сказал он, — чуть-чуть отлегло... Поспать бы...

— Я видел, когда шёл, тут недалеко стога сена.

— Недалеко? А как искать в темнотище-то?

— Возьмём с собой головешку, типа, осветим. Там их много было на поляне.

— Ладно, пошли, — принял решение Карманович, — только держись за меня, а то заблудишься. Сдохнешь, отвечай потом за тебя, дурака.

Грустно было покидать тёплый огонёк, но и возможность подремать в мягком сене тоже по-своему манила. Держась за руки, соперники двинулись сквозь мрак. Шли медленно, но изредка всё равно кто-нибудь стучался лбом о берёзовый ствол. Большинство же ударов приходилось на стволы сосен. Огонь в руке Роберта напрочь потух, Петя увяз ногой в муравейнике, оба молодых человека измучились, изругались и, когда наконец почти отчаялись обрести мягкое ложе, вдруг наткнулись на что-то большое, объёмное, шуршащее.

— Стог! — констатировал Карманович. — Нашли, что я тебе говорил! Надо из середины как-то солому выковырять, чтоб внутрь влезть, — будет самый супер!

Однако попытка проделать нору по рецепту Роберта успехом не увенчалась, молодые люди лишь разворошили стог. Наконец они свалились как придётся и, укрываясь от прохлады и комаров, забросали себя сверху охапками соломы — до «самого супера» далеко, но жить можно.

На время наступила тишина. Вокруг пахло непривычно, но вкусно. Карманович отдыхал, но спать не хотелось. Потянуло на возвышенное.

— Я в каком-то лесу пил берёзовый сок, с ненаглядной певуньей в стогу ночевал, — пропел он с прожженной интонацией. — А кстати, ты вот ночевал когда-нибудь в стогу с ненаглядной певуньей?

— Нет, — с грустью признался Петя.

— Я так и думал... Ну, а просто так, без стога? Ночевал?

— Типа, как ты имеешь в виду — в одной комнате или одном классе?

— Да, — заключил Карманович, — поиссякли романтики. Если раньше было в стогу, то теперь только в классе. Поэзии нет, поэзии!

Плешаков, давно думающий о стихах, воспринял крик Робертовой души как команду и стал вспоминать одно из своих многочисленных лирических произведений:

Осень дохнула усталым, простуженным ветром,
В парке деревья закутались в жёлтую грусть,
Падают дни, но от милой привета
Я не дождусь.

Как мне забыть свет ресниц и волос водопады,
Как сделать так, чтоб не снились глаза-васильки?
Жизнь без тебя страшнее всех дантовских адов,
Там хоть страданья могли отвлекать от тоски...

— Опа! — оценил Роберт. — Неплохо. Надо бы взять и мне куплетцы на вооружение, девочкам возвышенным мозгу пудрить. Чёё это?

— Мое.

— Твоё?! — Карманович чуть не сел, но по тону, которым произнёс это Плешаков, понял, что тот не врёт, и его деляческое мышление тотчас приняло соответствующий оборот. — И ты часто печатался? Много платят?

— Нет.

— Нет — это сколько? По чирику за строчку?

— Нет, типа, я вообще не печатался...

— Петя! Ты дурак! — воскликнул Роберт, в волнении разбрасывая с себя солому. — Это же что-то патологическое — такие башли из рук плывут! Ты же дурак! Ну, не дурак, но... Но не умный ты человек, согласишься. Слушай скорее сюда! У меня везде блат: в «Юности», «Человеке и законе», «Плейбое» — везде напечатается! Печатаешь стихи во всех журналах, через полгода — сборник, потом — член СП, полное собрание, симпозиумы-хренозиумы, загранпоездки, интервью! Публика беснуется, девочки обсасывают, на руках носят — ты вдумайся, и на троллейбус тратиться не придётся! А? Петя, я за тебя всё продвину, башка ты гениальная! И всего-то за 50% гонораров, так, мелочь, тьфу... Ну?!

— Нет, — промычал Петя, сразу же поскучнев.

— Да почему?! — Карманович просто неистовствовал и готов был распосовать на груди рубаху.

— Если мне будут за стихи платить, — я писать брошу. Это ж тогда работа получится, а ведь я лентяй...

...Пришло утро, неожиданное и сырое. Тучи набухли над лесом, синие, тяжёлые, противные, как гланды. Ветер пока не чувствовался, лишь верхушки берёз подрагивали мелко, нервно, затравленно. Петя Плешаков и Роберт Карманович, умывшись росой, вышли к берегу Сатанинского озера. Задрав нечесаные спросонья головы, они печально созерцали готовые взорваться ливнем небеса.

— Сейчас, типа, как, э... грохнет! — высказался «тихий дурак».

— Это что-то патологическое, — отозвался Роберт

Не успев рассвести, резко потемнело, с противоположного берега сорвался ветер, зашумел, грубо взлохмачивая водную гладь. Сосны дружно замотали головами, словно отвечая решительное «нет» на чьё-то несознательное предложение выпить. А потом дождь... Он не заморосил, не пошёл, не зарядил. Случилось так, что он вдруг разом рухнул с неба, сильный, напористый, холодный, с вкраплениями града для пущей солидности. Хлёстко, лихо и зло забарабанил он по головам, плечам, очкам. В прилипшей к телу мокрой и пощипывающей от мокроты одежде стоял Петя Плешаков и смотрел на бурлящую, побелевшую будто поверхность озера. Картина величавой стихии, неожиданно развернувшейся перед ним, возбуждала жажду творчества, сердце забилось с радостным учащением, но пессимизм и сейчас не преминул наложить на Петину поэзию своё неизменное клеймо:

Туча дождь свой несносный вылила
 На земное корявое тело,
 Надоело мне всё, опостылело,
 Опостылело всё, надоело.
 Рёв воды, как в трубе унитазаовой,
 Иглы струй колют озера лужу,
 Как в хребтине дикобразовой...
 Бедный дождь, никому ты не нужен!

— Гений, — подрагивая тощими плечами, заметил Карманович, — ну правильно, гении же все кончали в нищете. Правильно, держи курс!

Вскоре соперники расстались. Роберт вдруг решил, что Петя своим присутствием приносит лишь несчастье, и предложил разойтись в разные стороны, вдоль берега Сатанинского озера самостоятельно добираясь до колпашинских построек. Плешаков не стал возражать.

— Ну-с, пока, — сказал на прощание Карманович. С обоих после дождя сильно капало, но соперники стучали зубами и крепились, — думаю, удачи

желать тебе бесполезно, раз ты сам отказываешься от предложенного счастья. Но кадр ты неплохой. В общем, зла я на тебя не держу после всего, что было.

— Я, типа, тоже...

— Пока!

— До свидания.

И соперники разошлись в разные стороны, один пошёл налево, а другой — на юго-восток.

Утро дышало в полуоткрытое окно устало, измученно. Капли минувшего ливня обрывались с деревьев, падали, вновь и вновь молотили по крыше. Солнца не было, месяца тоже, будто бы даже светила боялись оказаться случайными свидетелями мрачных событий.

В старом кресле сидел Кондрат Лукич, понурый, сверкающий синякастой лысиной. Глаза его деморализованно сверлили пол. Упырёв, гладко выбритый, лощёный, самодовольный, прохаживался от стола к окну и обратно, временами кидая на Сморкалова победные взгляды:

— Ну что, Кондраша? — поинтересовался он вдруг после томительнейшей паузы, и его хрипловатый голос недобрым эхом отозвался во всех углах избы. — Как самочувствие? Головушка как?

— Почёсывается, — не поднимая глаз, хмуро выдохнул Кондрат Лукич.

— Вот именно, — усмехнулся Упырёв, — а ведь тебя шлёпнули нежно, можно сказать, любя! А ты представляешь, Кондраша, как будет нехорошо, если нас вдруг оставит нежность, — в уголках рта старого рецидивиста собралась зловещая садистская складка.

— Ты плохо кончишь, Упырь...

— Нет. Плохо можешь кончить только ты, Кондраша. Но пойми, я желаю тебе добра, добра и только добра! И поэтому, падла, припомни, куда ты запрятал свои деньги. Куда? И всё... И ты свободен, вернёшься бодрым, полным сил к своей, как её, такой соблазнительной Сонечке. Не отпирайся, я всё знаю. Шалунишка!

Кондрат Лукич лишь моргал, но не издавал ни звука.

— Да ты будешь колотиться, старый козёл?! — не сдержавшись, вспылил Упырёв.

— Сколько ты просишь за Люсю? Десять тыщ? — вяло уточнил Сморкалов.

— Что? Десять кусков? Издеваешься, падаль? — Упырёв передёрнул лицо и нервно смял в руках окурки. — Пятьсот тысяч! Понял! Ну?! Будешь молчать... Ха-ха, ладно, воды ты тоже не получишь. Валера! Э! А ну в погреб его! Живо!

«Мда, влип по крупняку, — мрачно размышлял Кондрат Лукич. — Эх, как бы связаться с Саней?..»

— Стой! — окрик из кустов раздался так внезапно, что Петя Плешаков даже не успел вспомнить ни о смерти, ни о лебединой песне. Впрочем, «тихий дурак» был так обессилен приключениями, что вряд ли был способен на испуг. Он обернулся — перед ним стояла Люся Сморкалова.

— Далеко ли собрался? — поинтересовалась она, с любопытной улыбкой оглядывая мокрый, оборванный и осунувшийся облик бывшего одноклассника.

— Да нет, типа, не очень... — растерялся и зазапинался Петя, — тут случились некоторые события, сразу и не расскажешь.

— Можно и порциями!

— А ты что же, типа, убежала? — Плешаков всё ещё не мог прийти в себя.

— В принципе, да, но не от тех, от кого ты думаешь, — загадочно усмехнулась Сморкалова, — а кстати, не желаешь ли закусить? А то мне много всякой всячины понатащили.

Как ни был Петя деликатно воспитан, отказаться было сверх его измотанных сил. Жестом Люся приказала ему шествовать за ней. Через пару минут Плешаков увидел небольшой шалашик, рядом с ним гостеприимно дымился костерок.

— Вот здесь пока кантуюсь, — пояснила Сморкалова. Ещё через минуту Петя с упоением ковырялся ложкой в банке с говяжьей тушёнкой, глотая хлеб кусок за куском. Люся сидела напротив него и с умилением наблюдала за демонстрируемым перед ней аппетитом. Утолив начальную демоническую прожорливость, поэт с усилием перевёл дух и, продолжая есть обычными человеческими темпами, рассказал о событиях вчерашнего дня и ночи. По своему обыкновению, «тихий дурак» не жалел ни душераздирающих сравнений, ни ужасающих эпитетов, ни жалостливых метафор, и Сморкалова слушала его с чисто эстетическим наслаждением.

В этот самый час, когда Петя ел, разглагольствовал, смотрел на Люсю и думал, что жизнь изредка бывает хороша, Мария Семённа и Василий Африканович не находили себе места в своей двухкомнатной квартире. Едва не седея от переживаний, бродили они из угла в угол и строили гипотезы. Несколько раз Плешакова-мать хваталась за трубку телефона, порываясь набрать спасительное 02, но Василий Африканович всякий раз останавливал её.

— Ну что особенного, Мария? Ну не пришёл он ночевать... Так ведь он и не маленький, в конце концов, балбес.

— Именно что балбес! — сквозь плач восклицала Мария Семённа. — Доверчивый, ни к чему не приспособленный... Звонить надо, звонить!

— Как же ты не понимаешь, Мария, — продолжал доказывать Василий Африканович, успокаивая жену и себя за компанию, — тут такая щекотливая тематика, что вдруг наш Петюня так, ненавязчиво... стал мужчиной...

— Ты с ума сошёл, Василий! — голосила Мария Семённа. — Чтоб наш-то Петя стал мужчиной? Бред! Подумай, что ты говоришь?! Наверное, его уже и в живых-то нет, бедненького, и мы тут болтаем, вместо того чтобы спасти...

И вновь Василий Африканович вырывал из дрожащей руки жены телефонную трубку.

...Ветер стих, небеса присмирели, природа утихомирилась. Дымок костра нехотя струился вверх и растворялся. Дикие утки, часто покрякивая и вертя маленькими глупыми головами, ныряли в прибрежных водорослях. Временами они надолго уходили под воду, и, когда следящему за ними Пете начинало казаться, что птица канула и приказала долго жить, утка вдруг появлялась совершенно в другом месте и, словно миниатюрное лохнесское диво, продолжала вертеть длинной шеей.

— Так вот, Петя, — прикурив от тлеющей ветки, сказала Сморкалова, — дело обстояло так: отец мне всю нервную систему расшатал. Совершенно невозможен стал на старости лет. Любовницу завёл! — Люся презрительно плюнула в огонь. — Мне это всё надоело. В Москву решила махнуть, в театральный поступлю. Но ведь деньги нужны, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул «тихий дурак». Он слушал внимательно, с посерёзневшим лицом и хотел было даже прекратить есть, но не мог побороть бессовестную плоть и не выпускал из рук банку тушёнки. — Только я всё ещё не понял, кто тебя украл?

— Никто. Я сама записку написала и смылась сюда. Ребята местечко и жратву заготовили. Деньги я думала сама получить, ну а потом наврать что-нибудь с три кучи. Ждала вчера в засаде — и на тебе, отец выехал на озеро, а

потом там чёрт-те что стало твориться на воде. Короче, какой-то тип грохнул отца по голове веслом и увёз. Безобразия творятся.

Плешаков отставил в сторону порожнюю банку, протёр о штаны запотевшие от усердия стёкла очков и вздохнул с чувством выполненного долга. Он обсох, наелся, по телу разливалась сытая, тёплая, всепоглощающая и всепрощающая благодать. Не хотелось думать ни о чём серьёзном, сидеть бы сейчас, смотреть на дрожащее пламя костерка, зевать... Сморкалова же явно не была настроена на благодушный лад.

— Я давно подозревала, что за отцом охотится какая-то шайка, — говорила она, и глаза её вновь загорались азартным блеском, — и подслушала кое-что из разговоров отца с этим алкашом Буховцевым. Думаю, пришла пора вмешаться в эти грязные махинации. Петя!

— Я! — произвольно вздрогнул Плешаков.

— Слушай! Ты пойдёшь в Колпашино вот по той вот тропинке, найдёшь Буховцева, он у нас пока живёт в сарае, ты видел эту рожу, так вот, найдёшь Буховцева и скажешь, что пора начинать операцию «Вурдалак». Он знает. Понял?

— Ага.

— Повтори!

«Тихий дурак» напряг память и повторил суть своей задачи.

— Мне идти? — спросил он покорно.

— Да, но не сейчас, — сказала Люся, кивнув на котелок, — пойдёшь набери воды, чаю выпьем. А то я тут со скуки дохну. Время терпит.

...За чаем, который пили из большой металлической кружки, разговор произвольно зашёл о жизни и о будущем. Тема была не из приятных для Плешакова, и он больше уклончиво мычал.

— Станный ты человек, Петя, — качала головой Сморкалова. — Если честно, я тоже этот мир не уважаю, но ведь другого нет. Надо, значит, приспособиться к этому, как ты думаешь?

— Я стараюсь об этом не думать — тоска. А родители меня всё равно куда-нибудь приспособят. Смотри скорей, облако на фигушку похоже!

— Точно! — радостно засмеялась Люся и, откинувшись головой на набросанное возле костра сено, вытянула ноги. — Красота! Ты, Петя, тоже, наоборот, часто смотришь на небо, раз стихи пишешь?

— Посматриваю временами.

— А я обожаю смотреть на небо! — созналась Сморкалова. — Когда лежишь и долго-долго смотришь, — как это здорово! И страшновато, и тайна какая-то, и... А давай сейчас посмотрим!

Сказано — сделано. «Тихий дурак» растянулся во весь рост параллельно с Люсей. Минут пять сосредоточенно молчали. Огромное небо проплывало над ними во всей своей равнодушной грандиозности.

— Ну как? — наконец тихо спросила Сморкалова. — Не очень страшно?

— Терпимо. Сердце ёкает, конечно, но я ж тринадцать лет в школе оттрубил — мне ли привыкать, — сказал Плешаков. На самом деле эти пять минут он просто сачковал, лёжа с закрытыми глазами, так тяжело было побороть дрему.

— Я почему-то о смерти задумалась, — продолжала Люся печальным полуслёпотом, — так стало грустно... А ты, Петя, как, боишься умереть?

— Да не особенно, — лёжа пожал плечами «тихий дурак». — Стеснительно, конечно. Буду один лежать в гробу, всё кругом торжественно, на меня все смотрят, все от разных дел оторвались из-за того, что я умер, а сейчас должны вздыхать и печальные лица делать, а ведь я знаю, всегда, когда такая напряжёнка, всякие смешные случаи вспоминаются и анекдоты, и все стоят, мучаются, улыбки сдерживая, — и я во всём этом виноват.

— Слишком ты мрачно смотришь на вещи, — сказала Сморкалова, — и тебе легче, наверное... А вот когда-нибудь бывал в ситуации, чтоб совсем рядом со смертью, один на один?

— Да, типа, почти нет. Разве что когда в дизентерийной больнице. Много о смерти тогда передумал и ревел ночами, что умру когда-нибудь.

— Я и сейчас из-за этого иногда плачу, — со вздохом призналась Люся.

— А я бросил. Примирился, — сказал Петя, удивлённо косясь на Сморкалову: неужели она, гроза директрисы, глава антишкольцев и вообще во всех отношениях отчаянный человек, ещё и плачет до сих пор. Невероятно! Но об этом Петя подумал лишь мельком, ибо душа его уже лежала на больничной койке. — Может, тогда я не был близок к смерти, но мне так казалось. И знаешь, это же только в книжках пишут, что экстремальные ситуации сближают людей. К нам в палату тогда двух братьев-дизентерийников положили, одному два года, другому шесть. Так младший старшего знаешь, как звал? — «Мамой». Бывало, нас со старшим выведут на уколы, а мелкий этот разревётся в истерику: «Мама! Мама!» — орёт. Медсестра хохочет: беги, говорит, мама. Ну, старший придёт, тот сразу успокоится. И из передач все давали мелкому, у кого какие сладости получше... Обычно же дети всегда из-за своего до крови грызутся, я тогда совершенно иные отношения увидел... Никогда потом такой человечности не встречал, как в больнице было. Стихи бы об этом написать! Да всё никак не могу зрелости поэтической набраться, боюсь эту тему трогать, — с горечью закончил Плешаков. Только сейчас он заметил, что Люся, приподнявшись на локте, смотрит на него во все глаза, застеснялся и потупился.

— Петя, — тихо заговорила Сморкалова, — ты как ко мне относишься?

«Тихий дурак» от волнения чуть не поперхнулся слюной.

— Не знаю, — сказал он, не поднимая глаз.

— А может, ты меня любишь?

— Не думаю... Да слово такое затёртое, даже неловко его повторять.

— Ой, Петя-Петя, — Люся приблизилась, и волосы её щекокнули плешаковскую щёку. — В тебе что-то есть... И чего-то нет. Может, обожгёмся поцелуем?

Предложение было сделано столь неожиданно, без подготовки, что «тихий дурак» не сразу осознал весь его потрясающий смысл. Поцеловаться! Да, Петя читал об этом в книгах, смотрел в кино, слышал от друзей, но чтоб это вдруг случилось в его собственной жизни, — даже представить не мог. Сердце замолотило рёбра, как голодный дятел. Петя поспешно облизал пересохшие губы, зажмурил глаза, почувствовал, как Люсины губы острожно коснулись его губ. Плешаков вздрогнул, расслабился, и вдруг то ли инстинкт, то ли память подсказали поэту, что при поцелуе полагается обнять девушку. Петя прижал Люсю к себе, губы их соприкоснулись более властно, щёку Плешакова больно кольнула соломина, но поэт, предавшись новизне ощущения, проигнорировал боль.

— Хватит, — с усилием отстраняясь, сказала Сморкалова. Она присела, подобрала ноги под себя и взглянула на Плешакова с игривым прищуром, — ты увлекаешься, Петя, как всякий поэт. Поменьше растрачивайся на женщин, больше работай — вот мой тебе совет на будущее.

Плешаков сидел, потупившись и не зная, что сказать. После поцелуя как-то неловко было встречаться взглядами. Люся же встала и, прижав к глазам полевой бинокль, долго смотрела на Сатанинское озеро.

— Пока на горизонте спокойно, — сказала она. — Петя? Ты помнишь свой долг?

— Да, — сказал «тихий дурак», поднимаясь на ноги.

— Тогда с богом. Вот тропинка. Свернёшь налево — выйдешь в Колпашино.

— Ну, типа, — Петя мялся, не зная, как деликатней попрощаться после того, что произошло, — я пойду...

— Вперёд! — подбодрила его Люся. — Я верю в тебя!

Плешаков махнул руками и, всё ещё затуманенный и взбудораженный, решительным шагом двинулся по тропинке.

Особняк Кондрата Лукича, оставшись вдруг без хозяина, казалось бы, должен был являть собой вид запущенный и скорбный. Но тем не менее жизнь в нём не только не сморщилась и не затухла, но продолжала бодро шуметь, пахло вином, слышались возбуждённые голоса, и лишь посаженный на цепь Шнапс молча скорбел по хозяевам, безутешно уронив голову на лапы. В спальне сидели Сонечка и Кошельков, уставшие, полуголые, злые. Работник мясокомбината непрерывно курил, любовница Кондрата Лукича тянула через соломинку искристое холодное шампанское.

— Всё, всё перерыто, — мрачно кряхтел Кошельков, — всё! Ну, где твой лысый дурак запрятал эти сокровища?

— Мой? С твоего разрешения — мой, — обиженно надула губки Сонечка.

— Скоро придётся отпускать лысого, — кипятился Кошельков, — и ни черта не узнали! Мрак! Идиотизм!

— Может, он ещё сознается...

— Ага, сознается... Если уж он тебе ночью не проговорился, бестия... Тоже мне называются, женские чары, — издевательски осклабился Кошельков.

— Не хаами! — надулась Сонечка. Кошельков вскочил с кровати, нервно пробежался из угла в угол, загасил сигарету об стол.

— Время сообщать Упырю! А что сообщать?! Глухо, глухо, мать...

Надо сказать, совесть Кошелькова и Сонечки была не совсем чиста. Оба они сильно отвлекались во время шмона сморкаловского особняка на другие, сугубо личные интересы. Преступным нутром своим, однако ж, оба чувствовали, что сокровищами здесь не пахнет. Бросив мимолетный взгляд в окно, Кошельков вдруг заметил очкастого парня, топчущегося возле калитки.

— Э! Пацан! — Кошельков решил воспользоваться моментом. — Ну-кась погоди!

Петя Плешаков, подошедший к особняку в поисках Сашки Буховцева, и не думал уходить. Он только сейчас начал по-настоящему осознавать весь ужас закрутившегося вокруг него переплёта, но, верный своему слову, не смел отступать. Кошельков выскочил из дому, и «тихий дурак» мысленно съёжился.

— Слушай, пацан, — сказал, подбегая, усатый жулик, — вот это отнесёшь по адресу: улица Мопра, дом 5, передашь, принесёшь ответ, получишь трёшницу. Понял?

С этими словами Кошельков вручил Пете вчетверо сложенный листок.

— Типа... — по инерции протянул было Плешаков, но, видя, что его уже не слушают, взял бумагу и поплёлся. Кошельков потёр ладони и вприпрыжку вернулся к распластавшейся на постели Сонечке.

Сашка Буховцев и Глистопродавец, развалившись на солнечной завалинке, сосредоточенно перемещали по доске подержанные, обкусанные шашки. Потомственный алкоголик глядел на доску, почти не мигая, лишь изредка отворачиваясь, выдыхая из груди столб беломорканальского дыма. Принципиальный трезвенник, напротив, держался беспокойно, ёрзал, шмыгал носом и поводил бровями. Ставки были не вполне равнозначны: Буховцев, выигрывая, выпивал 50 грамм глистопродавецкого разбавленного спирта, в то время как Глистопродавец, одерживая победу, бил Саню кулаком по лбу. Как крепко он ни ударял, однако ж, по-видимому, мысль выбить ему не удавалось, ибо пока Буховцев вёл в счёт. Вот и сейчас Глистопродавец сердито кривил нос, в то время как Саня, нежно косясь на пузырь, поставил очередную дамку.

— М-да, — выдохнул он, с победой взирая на противника, — мастерски я тебя делаю. А эту партию вообще потомки назовут бессмертной.

— Нет у тебя потомков! — злобно гавкнул Глистопродавец. — Сходил! Твой ход?

— Мой... Сходил. Ходи! — во весь рот расплылся Буховцев. — В туалете вы, маэстро! А всё потому, что мозгяк спиртом не продуваешь. Ну-ка набуль-кай мне положенное!

Саня опрокинул рюмку, Глистопродавец закурил и вновь принялся расставлять шашки.

— Эх, а где же сейчас наш дорогой Кондрат Лукич, — занюхав выпитое локтем, взгрустнул Буховцев. — Может, жив, а может, прибрал господь...

— У меня сучьи дети сеть прибрали, я и то молчу!

— Бессердечный ты человек! Кондрат Лукич был такой широкий мужчи-на! И водку тоже любил. А теперь... Как уж судьба решит...

— При чём тут судьба?

— Ну, судьба и прочие жулики.

Партнёры вздохнули, замолчали и вновь сосредоточились на шашках.

— Здравствуйте, — раздалось рядом чьё-то несмелое покашливание. У завалинки собственной персоной переминался с ноги на ногу Петя Плешаков.

— Вали дальше, мы не курим, — стряхивая пепел с папиросы, недвусмысленно процедил Глистопродавец.

— Тебе чего, милок? — поинтересовался вежливый Сашка Буховцев.

— Извините, я, типа, понял, что вы и есть товарищ Буховцев? — спросил Петя.

— Я! Есть такое дело! — обрадовался Саня. — И отец мой был Буховцев, и дед был Буховцев, а бабушка, та уж тем более Буховцевой была. А в чём дело?

— Это... Люся вам передавала что-то по поводу вурдалаков, — невнятно пояснил «тихий дурак».

— М-да? — задумался Саня. — А она тут при чём?

— Не знаю. И ещё, я только что одну записку отнёс по адресу и в том доме видел Кондрата Лукича.

— Кондрата Лукича! — встрепенулся Буховцев. — И как он там?

— Сидел грустный, и лысина синякастая, — продолжал выкладывать Плешаков, — меня вдруг узнал и шепчет тоже по поводу вурдалаков...

— Белые горячечники, тьфу! — нервно начал ёрзать Глистопродавец. — Саня, ты будешь ходить?

— Погоди! А по какому адресу ты носил записку?

— Мопра, 5.

— Ясно! Чирьев, собака, я чуял, он связан с этими... Да, а что было в записке?

— Одно слово: «Пусто. Шмель».

— Значит, уже два слова, — возбуждённо воскликнул Саня, — а там тебе что-нибудь передавали, в этом доме?

— Типа, да. Записку. К Сморкаловым отнести.

— К Соньке, — злобно процедил Буховцев. — Ну-ка дай сюда!

И Саня, не дожидаясь, выхватил из плешаковских рук листок бумаги. Автора послания тоже нельзя было обвинить в словоблудии. «Ночью. Упырь» — вот и всё, что прочитал Буховцев.

— Так-так-так, — Саня зажмурился и, мучительно принимая решение, впился себе ногтями в небритый подбородок. — Так! Всё ясно! Неси записку, куда сказали, неси, парень. Потом и тебе нальём!

— Ты будешь ходить?! — взбесился Глистопродавец.

— Да. Сейчас иду, по делам, — хмель будто выветрился из Буховцева, он разом стал деловой, сообразительный и подтянутый.

— Нет уж, доиграем!

— Ой, чёртова болячка, бессердечный ты человек! Ну, считай, сдался я, шлёпай мне по балде, только короче, короче!

— Да ну тебя, — сплюнул Глистопродавец, сметая шашки. — В чём дело-то?

— Кондрата Лукича выручать надо, башка! От уркаганов. Если выгорит, три банки есть шанс заработать, если нет... Утром, если я к тебе не зайду, звони в милицию, вызывай их по чирьевскому адресу, Мопра 5, бандиты, скажи. Понял?

Петя Плешаков потоптался ещё немного и медленно двинулся относить записку. Он решительно не мог разобраться в разворачивающейся катавасии — кто с кем, зачем и почему? А все вокруг понимают, думают, действуют. «Есть же умные люди, — с грустью думал поэт, — почему я такой дурак? Ну, ничего... Зато я сегодня поцеловался, это мне на всю жизнь теперь наука, впечатления и биографический багаж».

В Колпашино вновь вечерело. Рожин, Кожин и Поганкин, расположившись на холмике возле водокачки, наблюдали за сморкаловским особняком. Наши друзья выполняли Люсино поручение — следить и сообщить ей, если вдруг произойдёт что-либо экстраординарное. Особняк продолжал жить своей ненормальной жизнью, но ничего особо выдающегося не случилось, и бывшие одноклассники убивали время чинным разгадыванием кроссворда.

— Отрицательная эмоция! — вслух читал Рожин, склонившийся над газетой.

— Похоть, — не задумываясь, брякнул Поганкин.

— На букву «сэ»!

— Стыд!

— Пять букв, филин!

— Страм, — подсказал Кожин.

— Баран! — разозлился Рожин. — С вами не сварить пива. Ну-ка, Поганка, глянь, ничего новенького там не видно?

— Усатый ушёл, — сообщил Поганкин. Всё время он не сводил глаз со сморкаловского двора, где временами мелькала полупьяная Сонечка.

— Ладно, хрен с ним. Следующее слово: «Героиня поэмы Лермонтова «Демон».

— Люся Сморкалова, — сказал Поганкин.

— Это что, юмор? — мрачно уточнил Рожин.

— Ну а чё?

— Ха-ха. Тебе б, Поганка, в «Крокодиле» работать.

— В качестве крокодила, — хохотнул Кожин.

— Ну, на самом деле Тамара — героиня «Демона».

— Подходит, — кивнул Рожин, — а ты, Поганка, сам стал как демон. На днях тебя с такой девушкой видели у клуба. С Рябовой. Подкатить решил?

— Ненаказуемо, — усмехнулся Поганкин застенчиво, но хитро.

Ребята ещё немного попрепирались и уже хотели было переходить к разглядыванию следующего слова, как вдруг внимание их привлёк появившийся в конце переулочка кучерявый парень. Одежда на нём была основательно помята, но походка была пижонистой, даже вызывающей.

— Мужики! — оживился Рожин. — Гляньте, это тот самый филин, которому я Рябову за Сморкалову выдал!

— Бьём? — вяло уточнил Кожин.

— Наказуемо, — заметил Поганкин.

Когда Карманович подошёл к ним вплотную, ребята всё ещё не пришли к единому мнению о применении или неприменении насилия.

— Привет! — крикнул Рожин. Роберт сощурился, он был без очков, но по голосу и внешним контурам безошибочно узнал своего врага.

— Хэллоу, — сказал он, напрягившись, — опять ты?

— Я, — осклабился Федька, — а ты опять Сморкалову ищешь?

— Допустим, — выжидающе кивнул Роберт. Рожин молча закурил, остальные парни разглядывали чужака с презрительным любопытством.

— Повезло тебе, — наконец сказал Федька, — дома она. И одна.

— Ладно брехать-то! Я всё знаю — украли её!

— Ха! Проснулся! Она ж ещё с утра вернулась. Вон в доме мафон орёт!

Роберт прислушался, действительно, из окон особняка далеко разносились развязные мелодии.

— Тебе ж верить нельзя, — подумав, неуверенно вымолвил Карманович.

— Мне? Да, тогда надул я тебя славненько, — Рожин помнил, что Роберт, в случае чего, может обозвать его «мразью», и поэтому говорил крайне вежливо, даже не выражаясь, — но ведь в одну воронку снаряд дважды не падает. Да ты подумай, кто там ещё может быть, у неё дома? Соображай?

Товарищи Рожина с усмешкой переглянулись, как бы поражаясь такой несообразительности и недоверчивости. Карманович плотно сжал губы, задрал глаза вверх, задумался. Да, пожалуй, сейчас, совсем неожиданно он вышел к цели. Он прошёл все испытания и всё-таки обошёл всех! Сейчас он останется с Люсей наедине, против его мужских чар ей не устоять, и пусть потом этот поэт злобствует и кусает локти! Роберт победно усмехнулся, снисходительно подмигнул ребятам и направился к калитке.

— Филин, — усмехнулся Рожин злорадным полушёпотом.

— А собственно, кому мы навредили? — задумчиво произнёс Поганкин и тоскливо почесался.

Сонечка, оставшись в одиночестве, откупорила ещё одну бутылку ледяного шампанского, выпила половину и вконец потеряла совесть и чувство реальности. Развалясь на кровати, она выцеживала через соломинку четвёртый фужер, предаваясь лирическим размышлениям о блатной жизни, своей загубленной молодости и нестерпимой нимфомании, когда вдруг дверь тихо скрипнула, и в комнату заглянула насторожённая физиономия Кармановича. Сонечка удивлённо приподняла растрёпанную голову.

— Люся, это ты? — делая шаг вперёд, поинтересовался делец. Будь он в очках, он вправе был бы усомниться, ибо представшая перед ним женщина даже с натяжкой не подходила возрастом под десятый класс, но очки утонули в волнах Сатанинского озера, а с ними и бдительность и прозорливость.

Несколько секунд Сонечка смотрела на вошедшего разомлевшим взглядом, её лоб, подёрнувшись сетью морщинок, что-то мучительно соображал.

— Я, — мурлыкнула она и откинулась с грудью нараспашку. Роберт мысленно порадовался, что дело обошлось даже без декламации стихов и прозаических монологов.

Через тридцать минут Карманович, выброшенный разгневанной рукой воротившегося из плена Кондрата Лукича, летел из окна с растопыренными ногами и выражением оскорблённой невинности на подбитом лице. Делец приземлился удачно, молодцевато грохнув задницей о ступеньки, подтянул штаны и, обернувшись, крикнул с укором:

— Ай-я-яй! Что вы себе позволяете, взрослый человек?! Воспитанный человек в двери без стука не вламывается!

— Катись! Чтоб через три секунды во дворе и воня твоей не было, едят ты мухи! — ревел из окна разъярённый Сморкалов.

— И не повышайте, пожалуйста, голос, — Карманович держался истинным джентльменом, несмотря на синеву под глазом и путаницу в одежде, — подумайте, если случится, что мы обвенчаемся с Люсей, как вам самим потом будет неудобно.

— Как?! Ещё и с Люсей! Убью! — Кондрат Лукич едва не выпрыгнул из окна от гнева. — Кобелина ты кучерявая!

— Что значит, ещё? — на миг растерялся Роберт, и вдруг страшная догадка исказила черты его интеллигентного лица. — Опять! Надули!

— Шнапс! — не помня себя от бешенства, заорал Кондрат Лукич. — Кусь его, кусь!

Карманович побежал к калитке, пёс преследовал дельца, на бегу обращая в лохмотья его спадающие фирменные штаны.

— Не повезло чуваку, — констатировал Поганкин. Ребята, полёживая на холмике, с живым интересом наблюдали за развернувшейся во дворе драмой.

— Потому что филин! — заключил Рожин и самодовольно закурил.

...После этого ужасного случая Кармановича неожиданно и напрочь охватила полнейшая деморализация.

— Поверить трудно, — комкая лицо, говорил он отцу, — и в кино ходил, стихи читал, целовался, и тонул, и в стогу ночевал, и мокнул под дождём, и прелюбодействовал, и летал, и собаками был затравлен — всё, чтобы жениться на Люсе Сморкаловой! А её саму и в глаза не видел! Это что-то патологическое!

— Да, Роберто, это высшая патология, — злобно хрюкал Карманович-старший. Он тоже был не в духе — в столовую вдруг нагрянула ревизия, которая до сих пор не покупалась...

Сумерки сгущались. Тянуло холодноватым ветром, по небу шныряли расстрёпанные тучи, сосны чуть-чуть покачивались и шептались, словно подвыпившие солдаты в строю. Кладбище ночью, в противовес зловещему стереотипу, выглядело мирным, даже уютным. Скромно пестрели ряды пирамидок, с достоинством белели мраморные и гранитные памятники, венки в полумраке сливались с землёй. По главной аллее с лопатой в руках шли трое. Первым с фонариком в руках шёл могильщик — Чирьев. На кладбище проработал он не один год, был коренаст и тупоглаз, шагал вдоль захоронений уверенной поступью аборигена. Рядом с ним расхлябанной походкой поспевал Кошельков, и, хотя он и насвистывал залихватский мотив «А на кладбище всё спокойненько», чувствовалось, что работнику мясокомбината с непривычки немного не по себе. Замыкал шествие сам Упырёв, он чутко вслушивался в шорохи и временами оглядывался назад.

— Как-то туманно всё это, — вслух высказал Кошельков томившую его мысль.

— Никакого тумана! — усмехнулся Чирьев. — Мне Сморкалов триста колов отвалил, чтоб я могилу ему выделил частным порядком. Я ещё тогда заподозрил, думаю, кого он хочет зарыть. А он деньги похоронил!

— А Сморкалова-то зачем выпустили? — не унимался Кошельков.

— На чёрта он нужен, — равнодушно проронил Упырёв. — Денег, говорит, вы не найдёте. Понятно, из дома утащил, там бы мы вычислили. Пусть теперь гуляет, не хватало, чтоб хватились его и в мусарню позвонили.

— Туманно всё, — вновь повторил Кошельков, — деньги закопать на кладбище? Ребячество какое-то.

— Шмель, не забывай, что Кондраша — кретин, мнящий себя хитрее всех. Пусть теперь ходит и радуется, что всех наколол. Сонька присмотрит.

— Да, насчёт этой Соньки, в долю её берём? — спросил Чирьев.

— Не пори чушь, — сказал Упырёв, — за работу ей вполне хватит флакончика одеколona.

Все одобрительно усмехнулись. Голоса их далеко разносились по при тихшему кладбищу, на котором действительно было всё спокойно — не выли волки, не сновали по дорожкам мертвецы, Вий не хлопал веками и даже вороны не каркали, лишь летучие мыши чуть слышно шуршали над головами злоумышленников.

— Стоп! — глухо возвестил Чирьев. Луч фонарика остановился на пирамидке.

— Миллионов, — прочитал фамилию Упырёв, — Кондраша и здесь не мог без дури.

— Начнём? — спросил Чирьев и, не дожидаясь команды, вонзил лопату в рыхлый грунт.

— Начнём, — сказал Упырёв и, выплюнув сигарету, тоже взялся за лопату. Внешне он выглядел спокойным, и лишь по бегающим глазам, в которых то и дело вспыхивал яростный огонёк, чувствовалось, как он волнуется и сгорает от нетерпения поскорее вцепиться в соковище. — Предупреждаю, сейчас ничего никому не лапать. Расчёт на хате.

— М-да, — задумчиво проронил Кошельков, — м-да... А вдруг мы разроем, а там этот самый... Настоящий покойник?

— Обратнo закопаем, — хмыкнул Чирьев, — они ведь не кусаются.

— М-да, — ещё раз прогудел Кошельков. Где-то вдали громко и протяжно завyla собака.

— Бери инструмент, Шмель, — прикрикнул Упырёв на сообщника, — по работай чуть-чуть руками, а то ведь замёрзнешь.

Кошельков осторожно, будто боясь напороться на мину, стал копать.

— Гроб, мужики! — возбуждённо прошептал Чирьев. Лопаты остальных тоже стукнулись в твёрдое. Упырёв отшвырнул ногой пирамидку и медленно, будто смакуя каждое движение, стал очищать крышку гроба от земли.

— Не лапай — сурово прикрикнул он на взявшегося было за крышку Чирьева. — Я сам, сам...

Упырёв присел на одно колено, руки его любовно гладили крышку гроба.

— Предупреждаю, — сказал Упырёв, — не надо делать глупостей и бить меня лопатой по голове. Не пройдёт у вас этот фокус.

— Не томи, Упырь! — Чирьев начинал нервничать. Упырёв попробовал приподнять крышку, и она дрогнула, поднялась.

— Не заколочено, — прошептал Кошельков. Луч подрагивающего в руке Чирьева фонарика замер, уперевшись в поверхность цинкового ящика.

— А вдруг там всё-таки мертвяк, а, Шмель? — усмехнулся Упырёв. Он словно специально мешкал, смакуя сладострастное мгновение удачи.

— Ну, давай же!

Упырёв рывком приподнял крышку гроба, отшвырнул её в сторону. Жёлтый круг фонарика высветил белоснежную простыню, под которой лежало тело.

— Что же это? — пробормотал Упырёв. Чирьев растерянно выплюнул короткое ругательство. Скванный позорным страхом Кошельков стоял у могилы безмолвный и оцепеневший.

— Как так, — бормотал Упырёв, — он деньги к трупy положил, что ли. Ну-ка свети поближе. Как так...

Упырёв потянул на себя простыню. Кошельков судорожно захватил ртом воздух и чуть не подавился. Луч фонарика осветил серое, одутловатое лицо трупа.

— Сволочь! — скрипнул зубами Упырёв. — Я ничего не понимаю!

— Закапывать надо, — уныло заметил Чирьев.

И вдруг произошло такое, что бывает лишь в страшных сказках, фантазмагорических романах и белогорячечных галлюцинациях. Мертвец пошевелился и с тяжёлым вздохом стал приподниматься из гроба.

— А-я-а, — тонко вскрикнул Кошельков, будто мякнул. Чирьев уронил фонарик и немужественно попытался. Упырёв не издал ни звука, он лишь быстро отдёрнул руку, будто обжётся.

Мертвец открыл глаза.

— Вы что же это, бессовестники, покойников едите? — с укором прозвучал его усталый, хрипловатый голос.

— Мама! — взвизгнул Кошельков, закрывая лицо руками. Чирьев молча развернулся и побежал прочь, но в темноте споткнулся об оградку, с размаху бухнулся лбом о памятник и жалобно взвыл.

— Э! Вы! — прикрикнул было Упырёв, но тут рука трупа, почти невидимого во тьме, вцепилась в его плащ, и матёрый рецидивист тоже потерял самообладание. Он рванулся, плащ затрещал по шву, Упырёв вскочил и, испуганно рыча, как лань пронёсся вдоль могил. За ним пробился Чирьев. Уползающий в темноту Кошельков потерял контроль не только над собой, но и над своим кишечником...

Через пять минут кладбище вновь обрело свой привычный покой. В разворошённой могиле было пусто, мертвец бодро шагнул в сторону Колпашино, держа под мышкой скомканную простыню.

— Сегодня всё будет кончено, — сказал Упырёв, закуривая, — Кондраша, когда выгонял Соньку, показал ей коробку и сказал, что вот они, деньги. Дёшево они провели нас, дёшево... Ну, ничего.

Уже рассвело. В доме у Чирьева собралась вся шайка. Хозяин топил печь, Кошельков сидел за столом и пил «Варну», Упырёв курсировал вдоль стен. В соседней комнате лежала напившаяся до бесчувствия Сонечка.

— М-да, — с улыбкой покачал головой Кошельков, — весело вышло и глупо. Как пацанов, испугали нас! Я, правда, сразу почувствовал во всём этом подвох, а ведь всё равно страшновато было.

Кошельков, потягивая сладкое вино, устало жмурился и разглагольствовал о событиях на кладбище так, будто бы он не обделался там, а лишь ощутил на спине лёгкий холодок.

— Надо было вкатить перед этим, — убеждённо заметил Чирьев, — тогда бы не забоялись. Я хоть десять лет могилы рою, а всё равно нервишки сорвались.

Упырёв застоявшимся взглядом бесцветных глаз разглядывал своё отражение в зеркале. Жизнь проходит, а денег всё нет, нет. Сегодня надо взять реванш, — думал он, и сигаретный дым зловеще клубился у лица рецидивиста.

— Сегодня всё будет кончено, — ещё раз повторил Упырёв.

— Давно пора, — заметил расхрабрившийся Кошельков, — а то возимся, возимся. Да, а ведь у Кондраши есть злая собачка во дворе, с ней-то как быть?

— А вот так, — сказал Упырёв и свистом подозвал к себе дремавшую в углу собачонку Чирьева. — Жучка! Лови!

Кучая грязно-белая дворняга на лету схватила брошенный ей кусок колбасы, с жадностью сжевала, облизнулась и легла обратно в угол.

— Ну? — ничего не понял Кошельков. Упырёв усмехнулся. Собачонка вдруг беспокойно заволилась, заскулила и, упав на бок, засучила ногами.

— Эх, Жучка-Жучка, — задумчиво улыбнулся Кошельков, — что наша жизнь — игра, ловите миг удачи, — он с чувством выпил очередную рюмку. — Пусть неудачник плачет!

Упырёв хладнокровно закрыл скляночку с белым порошком, обтёр руки платком и бросил его в печку.

— Плачь, Шмель, плачь, — сказал он и, посмотрев в пьяненькие глазки сообщника, холодно усмехнулся.

— Плачь? — переспросил тот. — Почему? Ты хочешь сказать, Упырь, что у нас сегодня опять ничего не выгорит, или что? Я не понимаю!

— Сейчас поймёшь, — сказал Упырёв.

Кошельков вдруг замер, приоткрыл рот, с ужасом выкатил глаза.

— О-ой, — тихо застонал он, пальцы его рук судорожно стиснули шею, он потянулся и упал из-за стола. Упырёв молча закурил новую сигарету. На шум из сеней явился Чирьев.

— Зачем это? — спросил он, кивнув на труп Кошелькова.

— А зачем он был нужен? — пожал плечами Упырёв. — Лишний свидетель, да ещё и деньги давай ему. Пока скинь тело в погреб, пусть полежит, остынет, а там разберёмся.

Чирьев неодобрительно покачал головой, потом подхватил труп под мышки и потащил по полу. Упырёв шёл следом.

— Никудышный, впрочем, был мужик, — заметил Чирьев, скидывая труп в погреб. Голова Кошелькова с широко открытым ртом моталась, как колокольчик на коровьей шее.

— Подальше запихни его.

— Эхе-хе-хек, — побряхтывая, Чирьев спустился вниз. — Оно, конечно, труп мы легко зароем, но всё лишнее беспокойство. Хотя, если подумать, живой-то он, конечно, опаснее — и сболтнуть может, и заложить.

— Верно мыслишь, — сказал Упырёв. Чирьев поднял голову — в лицо ему смотрело чёрное дуло пистолета.

— А... Это... Нельзя так, — забормотал могильщик. Его рябое лицо стало вдруг жалким, по-детски испуганным. Пуля попала ему между глаз.

Упырёв постоял несколько секунд, словно бы оглушённый выстрелом, затем загасил сигарету, выглянул в окно. Всё было спокойно. Упырёв вошёл в комнату к Сонечке — та тяжело похрапывала во сне. Рецидивист задумался, затем спрятал пистолет в карман и взглянул на часы.

— Сегодня всё будет кончено, — вслух проговорил он и стал зашнуровывать ботинки.

— Первый тайм мы уже отыграли и одно лишь сумели понять, — старательно бляял Поганкин. — Как молоды мы были, как молоды мы были...

— Кончай душу травить! — не выдержал Рожин. Кожин равнодушно жевал папироску. Приятели загорали на берегу Сатанинского озера.

— А ведь и впрямь, мужики, как ни крути, а первый тайм мы отыграли, — прервав пение, вдруг задумался Поганкин, — и что поняли?

— Ни черта! — сказал Рожин. — А ты, Поганка, что-нибудь понял?

— Нет, — отрицательно махнул он головой.

— Я тоже не понял, — вздохнул Кожин, — непонятливые мы какие-то. Вон Петька с Люськой опять гуляют. Они-то, небось, что-то поняли.

— Ну и хрен с ними, — махнул рукой Рожин, — айда раков ловить!

Солнце входило в зенит. Распаренное Колпашино дремало и позёвывало. «Уймись, люди, — казалась, говорила ласковая природа, — умиротворись. Поглядите вокруг, красота-то какая!» Но люди не слушались и продолжали бороться, мучиться и метаться.

— Итак, Петя, я скоро уезжаю, — сказала Люся, ловко пустив плоский камешек по воде. — Раз, два, три, четыре, эх, мало, — она подняла с земли новый камень и вновь кинула.

Петя Плешаков, сбежавший с утра пораньше от зудящих родителей, ходил грустный, невыспавшийся, пожухлый. Сморкалова же, напротив, казалась преисполненной энергией, но в её звонком смехе временами слышалось что-то отчаявшееся и разочарованное. Шнапс, выведенный для прогулки, нехотя тащился за молодыми людьми, устало моргал и безысходно нюхал увядающие одуванчики.

— Дело сделано, отец вернулся, бабищу свою прогнал, — говорила Люся, без усталости продолжая упражняться в метании «блинчиков», — теперь можно и судьбу свою устраивать с чистой совестью, так?

— Да, типа, — рассеянно кивнул Петя. Сознание его утонуло в пессимистическом смоге. Не по себе было ему, после вчерашних треволнений пустота жизни проступила с огорчительной, удручающей отчётливостью.

— Ну, а ты что собираешься делать? — не отставала Сморкалова.

— Не знаю, — сказал Плешаков, — я ж тебе уже об этом говорил.

— Расскажи тогда стихотворение, — попросила Люся.

— Не хочется, — сказал Петя. Будь он посмелее, он бы непременно прочёл Люсе новый стих, рождённый им вчера ночью по горячим впечатлениям.

Затаил дыхание вечер,
Улыбнулся усталый закат,
Утки солнцу навстречу
Над водою летят.

А со мною твоё дыханье,
Слов от счастья сказать нельзя,
И зачем портить чувства стихами,
Лучше просто смотреть в глаза.

Громко выстрелы прозвучали,
Просто так, не со зла.
Утки мёртвые в воду упали,
А ты ушла...

Мог Петя прочитать стихи, но не стал этого делать. Во-первых, Люся могла возразить, что никаких выстрелов по уткам не было, мол, это неправда. Да и вообще всё стихотворение было неправдой, но для чего-то же оно родилось? Плешакову начинало казаться, что все его стихи каким-то непонятным образом лгут, и муторно было об этом думать.

— Я могу рассказать стихотворение, только оно не моё, — после долгого раздумья вымолвил поэт. — Оно моё любимое. Хочешь?

Сморкалова кивнула. Шнапс широко зевнул и присел отдохнуть. Петя негромко, медленно продекламировал:

Идёт бычок, качается,
Вздыхает на ходу:
— Ох, доска кончается,
Сейчас я упаду.

— Здорово, — помолчав, сказала Люся, — сильные стихи.

— Да, — оживился Петя и даже улыбнулся, — а ведь многие не понимают этого стихотворения. А ведь вся наша жизнь в этих четырёх строчках! Мы идём по жизни, спотыкаясь, качаясь, и видим впереди конец, но не можем свернуть, остановиться даже не можем. Можем только вздыхать. Весь трагизм человечества, а как образно, как кратко сказано! Доска кончается...

— Да, — сказала Люся, — а ты был бы счастлив, если бы мог так писать?

— А что такое счастье? Нет, слишком мало я видел жизни, чтоб писать такие прекрасные, страшные стихи. Доска кончается...

Сморкалова покосилась на поэта с недоверчивой улыбкой. Петя смотрел на озеро, глаза его были глубоки и серьёзны, а очки даже придавали взгляду своеобразную величественность. Лёгкий ветерок от нечего делать лениво перебирал на голове его нечесанные волосы.

— Ладно, Петя, пойду я, — решившись, сказала Люся, — наверное, не скоро теперь увидимся... А может, вообще...

— Типа, до свидания.

— Не грусти. Пиши. А если ты вспоминаешь нашу встречу в лесу, то ведь ничего же не было...

— Если бы только ничего не было, — сказал Плешаков, — самое грустное, что ведь ничего нет. Ничего нет.

— Ну, всё, пока. Шнапс! — бодро прикрикнула Люся и пошла вперёд. Петя не обернулся. Он смотрел на воду и думал, что у каждого человека должна быть в жизни своя любовь и своя дизентерийная больница. В голове привычно копошились, мешались, сталкивались, сортировались рифмы будущего стихотворения.

— Ну, за всё хорошее! — провозгласил Кондрат Лукич, поднимая рюмку. Сашка Буховцев кивнул, выпил и улыбнулся.

— Хорошо, — сказал он, хрустя маринованным огурчиком, — а хорошо всегда всё то, что хорошо кончается.

Сморкалов и Буховцев сидели за столом, пили, закусывали и вели беседу. Лица обоих светились умиротворением и чувством выполненного долга.

— А я вам всегда говорил, Кондрат Лукич, что Сонька — это стерва стервозная. А вы с ней волюнились всё, как мальчик. Пустили змею в дом!

— Хм, — Кондрат Лукич задумчиво погладил себя по лысине. — Я всегда догадывался, что она работает на Упыря. Но это была тактика, Саня, понимаешь, тактика. Упырь держал меня за дурака и хотел, чтоб я раскололся, где прячу деньги. Через неё он узнал, что деньги зарыты. Но где? Я долго готовился как следует одурачить этого гада, но думал, как бы сделать так, чтоб всё вышло естественнее. Пока я прикидывал, Упырь потерял терпение и пошёл ва-банк. Не очень уютно было у него в лапах, едят их мухи. Самое же неожиданное было то, что Чирьев, с которым я договорился по поводу могил, тоже работает на Упыря. Всё, конечно, было подготовлено, но как мне было связаться с тобой, Саня? Люськин дружок выручил. Памятник ему из золота.

— Выпьём за него, — не растерялся Буховцев.

— За него и за тебя, Саня! Как ловко ты сориентировался.

— А что особенного, — зарделся польщённый Буховцев, — сижу я, бьюсь в шашки с Глистопродавцем, вдруг подходит этот парень и долаживает обстановку. Узнаю, что вы у Чирьева дома томитесь. Записку читаю этому бандюге усатому и Соньке, а там написано: «Ночью». И парень говорит, что, мол, вы шепнули ему про операцию «Вурдалак». Я сразу смекнул, что игра началась, вы проболтались якобы этим гадам про кладбище, а когда могилу спокойно разреешь? Всё правильно, ночью. Ну, я сразу напрямиком к Гаврикову, выручай, говорю, гроб у меня есть, могила вырыта, только похоронить меня некому. Ну, у того сперва глаза на лоб, стал меня в белой горячке обвинять, а потом просёк, в чём суть дела. Пробрались на кладбище, я — в гроб, трубку водоплавающую в зубы, он меня сверху забросал, пирамидку вделал, как полагается. Лежу балдею, вздремнул даже чуток. Но потом слышу, подошли, пады, к могиле, тут уж меня натурально в пот бросило. Господи, шепчу, помилуй, а перекреститься по-человечески крышка гроба мешает. Ну, думаю, раскапывают, злодеи, и если они сейчас не обтрухаются, то мне натуральная хана. И ничего, получилось. Разбежались кто куда, сволочи, и я тоже дёрнул с кладбища от греха подальше. У Глистопродавца не показывался, он обещал милицию вызвать на чирьевский адрес в этом случае — пушай. Ну, давайте крикнемте, Кондрат Лукич!

Рюмки приподнято звякнули, глотки булькнули, губы причмокнули, лица поморщились, а руки потянулись за закуской.

— Знаешь, Саня, я не ожидал. Честно признаюсь, поражён я тобой, Саня. Какая оперативность, инициативность, сообразительность, едят тя мухи. Как же ты так?

— Так что вы хотите, Кондрат Лукич, — застенчиво расцвёл Буховцев, — и за одну бутылку, бывало, чего только не сделаешь, а вы ж мне шесть поставив обещались! Давайте крикнемте!

— Погоди. Покурим, — сказал Сморкалов, разминая в руке аппетитно похрустывающую «Приму».

— Покурим, — не стал перечить Саня. К потолку мирно потянулся синеватый дымок.

— Хорошо, — уже в который раз повторил Кондрат Лукич, — а ведь Упырь посмеивался, когда отпускал меня. Думал, что раскусил место клада, а я этого даже не понял. Но хорошо смеётся тот, кто смеётся последним!

И Сморкалов рассмеялся. Буховцев счёл своим долгом поддержать смех, но, пока Кондрат Лукич шурился, шустро опрокинул в рот внеочередную рюмку, оставшись при этом солидным и незамеченным.

— Хорошо смеётся тот, кто вообще не смеётся, — неожиданно прозвучало за спиной расслабившихся, упоённых победой мужиков. Сморкалову не надо было оборачиваться, он и по голову понял, что за недобрый гость вошёл в дом. Саня резко дёрнул головой, попытался вскочить.

— Сиди-сиди, — властно проговорил Упырёв, подсаживаясь к столу. — Значит, отмечаешь, Кондраша? Празднуешь? Упиваешься?

— Да так вот, в некоторой степени, — замялся Кондрат Лукич. Упырёв бесшумно усмехнулся и, как ни в чём не бывало, прикурил от Саниной сигареты.

— Значит, обманул меня, Кондраша. Даже испугал чуть-чуть... Интересная была наколка.

Сморкалов растерянно кивал в такт негромким словам рецидивиста.

— Одно непонятно, почему после всего этого ты решил, что окончательно переиграл меня, а, Кондраша?

Кондрат Лукич лишь пожал плечами, словно сам не мог понять, откуда вдруг у него появилась столь необоснованная уверенность. Буховцев смотрел на Сморкалова и мигал печальными глазами.

— Ну, ладно, — Упырёв решительно загасил сигарету, — сегодня я ставлю точку. Где коробка, Кондраша?

— Какая коробка?

Упырёв поднялся на ноги и вынул из кармана пистолет.

— Где коробка? — повторил он свой вопрос.

Сморкалов глубоко вздохнул и опустил под стол. Через несколько секунд он поднялся, в руках его была коробка из-под ботинок. Буховцев грустно потупился. Упырёв удовлетворённо усмехнулся.

— Открой! — приказал он. Кондрат Лукич медленно приподнял картонную крышку. Блеск золота не резанул глаза, и ветер не раздул по комнате сторублёвые бумажки. В коробке лежал моток лески и несколько рыболовных поплавков.

— А где клад? — не повышая голоса, поинтересовался Упырёв, на лице которого, по обыкновению, не дёрнулся ни один мускул.

— Нету.

— Не дури, Кондраша! — Упырёв пошевелил пистолетом.

— Ей-богу, нету, Упырь, — развёл руками Сморкалов. — Да, нашёл я клад. Года три назад это было. Одному барыге загнал за тридцать тысяч, дом вот отстроил, приборахлился, а остальное почти всё промотал. Люське на книжку пять тысяч положил. Ну, и осталось у меня триста рублей. Хочешь, пойду принесу.

Саня посмотрел на Сморкалова, затем на Упырёва и издал смех в виде хрюканья. Упырёв пристально всмотрелся в честные глаза Кондрата Лукича и вдруг понял, что тот не врёт. Трудно было перенести удар, но рецидивист справился с собой и не вскрикнул.

— Так, — проговорил он с одышкой. — Даже интересно. Сколько сил, нервов, трудов — и вот... Постой! Но, Кондраша, зачем ты рисковал жизнью, хитрил, извращался. Ради чего, спрашивается?

— Да ты же сам, Упырь, пристал ко мне как банный лист с этими деньгами. Я и не стал тебя разубеждать. Захотелось тебя подурочить как следует, я ж тебя ещё до школы терпеть не мог. Уж больно наглый ты тип, едят тя мухи, а вообще... — Сморкалов задумчиво поскрёб лысину. — Вообще, между нами говоря, это всё из-за одного типа. Ему для сюжета повести закрутка детективная понадобилась, вот мы с тобой и плясали, как дураки. Ладно, давай-ка лучше выпьем. Или принести триста рублей?

Буховцев, будто только и ждал этой команды, молниеносно наполнил водкой три рюмки.

— За хороший конец! — сказал он и подмигнул помрачневшему Упырёву.

— Так... Так, — словно в забытьи, бормотал рецидивист, — я ведь чувал, что что-то не так. Думал, следят за мной! А я, оказывается, просто персонаж! Что придумали, сволочи! Не хочу! Не хочу!

Упырёв разбил об пол рюмку и, отскочив, сорвал пистолет с предохранителя.

— Хорошо же, — задыхаясь, рассмеялся он диким смехом, — я сейчас вам заделаю хэппи энд!

Сморкалов закрыл лицо руками, Саня, видя близкий конец, поспешно опрокинул в рот свою рюмку, а также рюмку Кондрата Лукича — теперь было нечего. Ещё секунда, и стряслось бы непоправимое. Но как раз в этот миг прозвенел вдруг звонкий и твёрдый голос Люси:

— Шнапс, фас!

Упырёв обернулся, но было поздно. Огромный пёс прыгнул на него с порога, сбил с ног, рецидивист взвыл, лицо его обезобразилось и исказилось, грянул выстрел — пуля пробила стену. Разозлённый громким звуком Шнапс поймал зубами кисть Упырёва, раздался хруст костей.

— Кончено, — прохрипел Упырёв и от безысходности положения потерял сознание. Кондрат Лукич перевёл дыхание и вытер ладонью пот с перепуганного лица.

— Молодчина, Люсенька, — сказал он. — Вовремя ты спасла жизнь отцу!

— Комсомолка восьмидесятых, что ты хочешь, Кондрат Лукич, — облегчённо заулыбался Саня и, как бы между прочим, вновь потянулся за бутылкой.

Люся нервно подёрнула плечами и, взяв со стола кусок ветчины, угостила им верного Шнапса.

Эпилог

Ну, вот и наступил наконец традиционный момент, когда кончаются все сюжетные нити, и автору остаётся лишь поклониться и задёрнуть занавес. Партия сыграна, фигуры замерли на доске, но, закругляясь, я вдруг подумал, что читателю будет приятно, если я чуть-чуть пролью свет на дальнейший жизненный путь полюбившихся ему героев. Хотя это в общем-то и не обязательное дело, я, однако ж, напрягшись, подарю каждому какое-нибудь будущее. Я, конечно, человек жадный, но чужое будущее в карман не положишь, в стакан, соответственно, не нальёшь, поэтому прошу...

Упырёв. Я решил начать с этого негодяя, потому что судьба его в высшей мере однозначна — высшая мера наказания. Ну, а как ещё прикажете поступать с подобными товарищами? Остальные преступные элементы по милости Упырёва уже мертвы, и будущее их не вызовет у читателей сомнений, а вот Сонечка Нетопырева за все свои нехорошие дела и связи получит год исправительных работ на стройках народного хозяйства. Ничего, «химия» — это всё-таки не зона, а поработать ей полезно. Ну и, чтоб справедливость совсем уж восторжествовала, отправим Сашку Буховцева на принудительное лечение в ЛТП. А то совсем ведь записался, согласитесь?

Карманович-старший сядет на десять лет с конфискацией имущества. И поделом — доворовался. У сына же его Роберта после пережитых потрясений психика стала заметно отклоняться от нормы, не прошло и месяца, как он сыграл в психбольницу. В отделении для буйных он прославился тем, что бросался тискаться и объясняться в любви с медсёстрами, врачами и прочими существами женского пола, подозревая в каждой из них Люсю Сморкалову. В свободное же от подозрений и домогательств руки и сердца время он с апломбом распространяется перед соседями по койкам и помешательству о своём бурном прошлом, грандиозных связях и сверхчеловеческих возможностях. «Это что-то патологическое», — совещаясь, качают головой доктора.

Бедная обнадёженная, а потом покинутая Робертом Людмила Рябова так и останется старой девой. Правда, тут мне в окно заглядывает Поганкин и с ехиднейшим лицом говорит, что старой-то Рябова когда-нибудь будет, но вот девой — вряд ли. Понятия не имею, откуда у парня могут быть такие сведения?

Люся Сморкалова. Надо изрядно поморщить лоб, чтоб подарить ей достойную и подходящую судьбу. У меня, конечно, фантазии хватает, но она несколько однобокая, и жалко девчонку. Ладно, пусть живёт, как получится, но сообщу, что в театральном она не поступила.

На очереди Василий Африканович и Мария Семённа Плешаковы. Что про них сказать. Казалось бы, не сделали они особенного зла, но и добра тоже. Ладно, пусть живут, как жили, — с них и этого хватит.

Что сказать о Колпашино и его коренных обитателях? Кондрат Лукич, расшатав легендарные деньги, устроился копать могилы. Жизнью, работой и заработком доволен, поговаривают, что собирается найти спутницу жизни через брачные объявления, читает их, чешется, но никак не может выбрать достойную себя. Колпашино живёт, пьёт, не тужит и собирается жить так очень и очень долго. Глистопродавец по-прежнему промышляет браконьерством и опарышами, Гавриков теперь женат, и его дома бьют, Буховцев, вылечившись, навсегда забросил проклятую водку и принципиально перешёл на лосьоны. Рожин и Кожин, отслужив в Советской Армии, стали честными и семейными тружениками Колпашинского совхоза и сейчас, забыв про хулиганское прошлое, гордо выходят в передовики. А вот Поганкину повезло меньше, он погиб, выполняя свой интернациональный долг в ДРА. Жалко, конечно, но ведь кому-то там надо погибать. Впрочем, не такой уж и хороший был человек, чтобы жалеть, верно?

Так, всем я наметил контуры будущего, никого не забыл? Ой, Петя Плешаков, добрый мой приятель! Тебя я по благу устрою на должность мастера по ремонту телевизоров. В самый раз для тебя, Петя, — и работа всегда есть, и сачкануть всегда можно. Лады?

Что-что, Петя? Что ты так смотришь на меня, как будто бы я тебе три рубля должен? Хочешь сказать, что ты в какой-то степени поэт и я о своём коллеге так плохо побеспокоился? Ну, а чего бы тебе хотелось? Стихи писать — так ради бога. Что? Счастья? Что это ты вдруг выдумал?.. Понимаешь, никак не могу, Петя, потому что можно фантазировать, сочинять, но лгать... Лгать, конечно, тоже можно, но, кто не дурак, это сразу почувствует, да и вообще зачем это делать? Прощай, Петя, счастливо тебе...

Вот и кончилась килька пряного посола. Вкусная штука. Когда подвыпьешь, то уже ленишься потрошить её, проглатываешь с кожей, головой и кишками — всё полезно. Есть ли в этой кильке двусмысленность, иносказание, глубина? Не знаю. Пусть другие об этом подумают, может быть, что-нибудь и найдут. А вообще скажу вам по секрету, у меня дома есть ещё банка этой кильки. Приходите ко мне, если не к кому пойти и не о чем писать. Только, пожалуйста, с пивом. Я открою банку с килькой, мы выпьем по две кружки и тогда обязательно разговоримся о чём-нибудь. Только на слове никому меня больше не поймать.

Публикация Светланы Одинок

Юлия Токарева

Колыбель лебеда

1

над рожью косцы,
стынут к зиме журавли.

2

музыка глаз сквозит по степи —
спит наш малыш.
не разбуди.

яблоко дышит в руке,
заводь не перейти —
бог за спиной
как живой.

засыпаю и вижу
природы холодные руки;
так теплится в сердце память.
смыкаются веки.
шуршит у воды камыш.

закрываю глаза и вижу вдали:
сторбленная, морозом дышишь.
сердце моё, как прежде когда-то,
по-младенчески сопит.
зяблики дремлют в груди.

руку держи —
с пути не сходи.
журавли
будут петь над тобою.

обнимаю. вжимаю в себя, словно воздух,
прозрачные руки твои.
не вижу вокруг ничего — только остров —
скрипучие ветки сосны.

в поле мальчик один,
держит в руках щегла
и думает об отце.
вспоминает, как рано
пели иволги, на заре
шёпотом мама
с отцом говорила,
окно заметало пылью
тогда.

потом было лето.
вспомнились чёрные голоса,
запах свечей,
запах маминой головы
в окружении бабушкиных подруг.
«не скучай, я твой друг», —
и холодом руки грела.

лето закончилось,
иволги улетели.
щегол поселился у дома.
слеза покатилась от неба к полю.

на лицо мягко ляжет полуденный снег
и закроет глаза.
белой каплей сквозь теплоту
детских век
запоёт колыбель лебеда.

память плачет,
снег её утешает.
пеньё ручья весной.

застынет свет,
тьень укроет утро,
и затрещит гроза.
ладошкой прижму
тебя к себе —
настанет тишина.

лишь вечная вода —
как слёзы детские —
разбудит нас.

пей моё молоко,
хватай меня за рога.
спина моя как сукно.
холодная голова.
губою сухой по щеке.
слёзы как белый хлеб.
веди меня по тропе
божьих морозных век.

когда мир затихнет,
прорежутся голоса,
и настанет зима
слаще лета.

не забывай меня, прошу,
ребёнок.
я снегом вечность занесу,
утешу зябликов,
поющих колыбельные.

...о, ангел,
твои крылья
станут крепче любых ветвей.

Мария Райнер

История моего убийства

Рассказы

Возвращение отца

— Доченька, а зачем ты водку в компот наливаешь? — отстранённо спросил огромный человек с грубоватыми чертами лица, в рубашке защитного цвета, с большими натруженными руками, неподвижно лежащими на столе одна на другой.

— Мне врач прописал таблетку алкоголем запивать.

Я кивнула на пустую упаковку карбамазепина, скрючившуюся на подоконнике.

Сам подоконник был пылен и не по-житейски неуютен. Окно за ним запотело.

— Первый раз о таком слышу.

Человек продолжал говорить спокойно, чуточку равнодушно.

— Что тебе ответить? — я пожалала плечами. — Ты, папа, за это время много о чём не слышал. Почти двадцать три года прошло, как ты от нас ушёл.

— Дать бы тебе ремня, — осудил отец.

Я усмехнулась, допивая компот. Таблетки давно закончились, надо было бы съездить в аптеку, но у меня не было денег. Я смешала новый коктейль.

— Поздно меня бить, — смакуя пьяный вкус яблока, запоздало ответила я. — Мне уже не шестнадцать. И потом, ситуацию не изменить. Давай лучше я и тебе налью.

— Налей, — не стал спорить отец.

Выпив, он пристально рассматривал рюмку на свет.

— Не узнаёшь? Это вам с мамашей на новоселье подарили, когда вы только поженились.

— А мать дома?

Отец пододвинул мне пустую посудину.

Наполнив её, я не обделила и себя. Немного помолчав, раздумывая, сказать ли правду или солгать, я выбрала первое.

— Нету матери, бросила она нас, как и ты, — я выразительно посмотрела в окно. — Вот такой же день был, как сегодня...

Начинался дождь. Капли воды складывались в гигантскую стену, за которой не было ничего хорошего, как, впрочем, и плохого.

— Умерла?

Мария Райнер (1975) — родилась в Рубцовске Алтайского края. В 1992–1997 гг. училась в Барнаульском государственном педагогическом университете, факультет иностранных языков. Печаталась в журналах «Барнаул», «Культура Алтайского края», «Алтай» и др. В журнале «Урал» печатается впервые.

Отец произнёс это слово обыденно, будто спрашивал, сколько стоит один киловатт электроэнергии.

— Если бы, — рискнула сказать я. — Она из рода долгожителей, у неё бабка в сто лет, в свой день рождения, двадцатого мая, на тот свет отправилась.

— А брат твой с матерью теперь живёт? — продолжал интересоваться отец жизнью своей бывшей семьи.

— Ну, ты, папа, даёшь!

Я замерла, ошарашенно уставившись на ноготь большого пальца его правой руки, он был коротко и неровно подстрижен или обгрызен и чёрен наполовину. Возле моей рюмочки растеклась лужица.

— Вообще-то мой брат, он вроде как и твой сын, которого, ты, кстати, ждал. Я-то у вас так, для статистики росла.

Выпив, я становилась агрессивной.

— Придержи язык, — молвил отец, но удержать меня было невозможно.

— А ты мне рот не затыкай! — повысила я голос, одним глотком опрокидывая в себя бесовский напиток, подражая отцу, повторяя его движения. У меня даже ногти были неухожены и обкусаны, как у него. — У тебя нет права так со мной говорить, потому что ты меня бросил!

Отец молчал, вздыхал тяжело и пил. Бутылка быстро опустела.

Так как он не говорил ни слова, я, выпустив пар, немного успокоилась — в конце концов, это случилось давно — и, с досадой переворачивая вверх дном свою рюмку, сказала не о том, о чём хотела бы:

— Пьём мы быстро... Вот как в таком виде за добавкой идти? И Бамбинсона не пошлешь, ей не продадут. Б..., что за жизнь!

Я швырнула пустую бутылку в угол. Она разлетелась на осколки.

— А кто такой Бамбинсон? — поинтересовался отец.

— Это внучка твоя ... Сука крашенная! — вырвалось у меня.

— Я бы тебя ударил за такие слова, — укорил отец.

— Ударь, — презрительно отозвалась я. — Можешь убить, мне всё равно... Я знаю, что говорю. У неё жопа шире морды, она палец о палец ударить не хочет, всё на мне — дом, огород, а ещё с работы меня уволили, за растрату.

Отец сидел, нахмутив брови.

— Может, всыпать ей по первое число?

— Детей, папа, бить нельзя! За это семь лет тюрьмы могут дать. И за убийство семь лет. Вот пропью все деньги и сяду по статье. Пусть меня государство кормит. А дети — это наше будущее. Они теперь даже в школе полы не моют, потому что труд вреден для здоровья...

— А посмотреть на неё можно? — перебил меня отец.

— Бамбинсон!!! — закричала я так пронзительно, будто заблудилась в тёмном и сыром лесу.

Из недр дома показалась рослая девица с недовольным, заспанным лицом, в мятой футболке и модных джинсах.

— Ну, чё надо? — не стесняясь постороннего, буркнула дочь.

— Бамбинсон, — вежливо попросила я. — Сгоняй за бутылочкой. Я тебе записку дам.

— А ты мне на завтра справку напишешь, что я заболела, типа, встала, и голова у меня закружилась. Я в кино хочу сходить, на «Люси» Бессона. По утрам детям скидки.

— Вот и отлично!

Я вырвала из её школьной тетрадки по алгебре, валяющейся на микроволновке, листик и нацарапала знакомой продавщице писульку.

Бамбинсон накинула курточку, надела рэперку, взяла деньги и стала обуваться. На отца она не обратила ни капельки внимания.

— Кстати, Бамбинсон, — не выдержала я. — Познакомься, это твой дедушка.

Дочь с неподдельным удивлением воззрилась на стул, на котором восседал отец.

— Мам, — подойдя вплотную, она погладила меня по голове. — Может, тебе не надо больше пить? Хочешь, я на раскопки в Казахстан не поеду, а на эти деньги мы тебя закодируем? Я у папы ещё попрошу, если не хватит...

— Познакомься с дедом.

Я сделала вид, что не слышу дочери. Отец буравил нас тёмными глазами и молчал.

— С каким дедом?

Бамбинсон перестала меня жалеть.

— С твоим дедом. С моим отцом

Я погладила его по руке. Она была сухой и прохладной.

— Он умер, мам!

Дочь покрутила пальцем у виска.

— Ладно, иди, с тобой бессмысленно разговаривать, — сказала я дождливому стеклу. — И это, зонтик там открой.

С миной подростка, которого все достали, она вышла.

— А я тебя за пивом не гонял, сам ходил, — укоризненно заметил отец.

— Я же сказала, что я в таком виде не могу на улицу выйти. Я же пьяная, как сука. А ей продадут, меня тут все знают и уважают, между прочим.

— За что же тебя, доченька, уважают? — усомнился отец.

Окно совсем заволочло дождём, как мокрой и грязной пелёнкой.

— За то, что я людей уважаю не по их должности, а по их человечности. За то, что я вежливая и культурная. За то, что я всегда здороваюсь первая с этими старыми каракатицами и дверью не хлопаю, а закрываю аккуратно, как ты учил. Я только в транспорте место уступать перестала, мне ведь уже сорок, у меня косточка на ноге выросла, мне стоять тяжело. Я с десяти лет, как нам в школе долдонили, беременным и старикам место в троллейбусе уступала! Я своё отработала. Пусть малолетки встают, хотя они даже не шевелятся, устанут в свои смартфоны, как бараны, типа, я за место плачу, значит, сижу, а ты там хоть сдохни. Внучка твоя, кстати, с тобой даже не поздоровалась. Сейчас поколение такое — наглое, хамское, ленивое.

— Дочка твоя на отца, кажется, похожа? Жаль, не довелось встретиться...

— Жаль, жаль, — подтвердила я. — Ты бы ему врезал пару раз, и, может, у меня жизнь по-другому бы сложилась. Защитить-то меня некому было.

— Он что, бил тебя?

У отца сжались кулаки.

— Да бить-то он меня не бил. Так, врезал как-то в ухо, я им теперь плохо слышу, когда нервничаю. Он меня за человека не считал. Всё супружество бубнил, что есть только одна женщина — Богородица, а все остальные проститутки. Они ему везде мерещились. Как-то мне куртку надо было на весну купить, а я очень сильно хотела кожаный плащ. Пришли на рынок, выбрали, деньги у нас были, а он меня в сторонку отвёл и серьёзно так говорит: «В кожаных плащах ходят только проститутки. Хочешь пополнить их число?»

А ещё как-то ужинать сели, а он меня приподнял над столом, держит за ворот халата и приговаривает: «А чего на столе не хватает?», а я уже не соображаю, хриплю только. Оказалось, вилки забыла положить. С тех пор я всегда про них забываю. Бамбинсон говорит, что это — моя фишка.

Отец слушал молча, сурово хмурия брови.

— Я тогда повеситься решила. У нас на кухне крюк был вбит для телевизора. Я верёвку скрутила, на табуретку встала, голову уже в петлю сунула, и вдруг Бамбинсон на кухню забежала, ей года три было, хлопает глазёнками, ничего не понимает. Я передумала тогда. Хотя временами жалею, что передумала.

— А чем твой муж занимался? Он секретарём райкома работал? — спросил отец.

— Нет, папа, он уважаемый человек, скульптор, ему недавно звание присвоили, народного мастера, что ли. Он на Аляску ездит, в Китай, в Прибалтику. Женился. Бабу себе нашёл нормальную, богатую, владелицу магазинов. Она ему машину купила, за границу возит его отдыхать, а мне он раньше твердил, что за границу отдыхать ездят только буржуи и недалёкие люди. А про богатство говорил, что это грех, и расстраивался, что у нас квартира трёхкомнатная и техника бытовая вся есть, жаловался, как же он перед богом будет за это отвечать, в катакомбы хотел уйти жить, когда я на развод подала. А родители его как довольны-то были! Они меня никогда не любили, потому что ты — обычный работяга, мамаша — счетовод, люди без связей, возможностей, короче, никто. И на мой диплом им плевать было, они за мной всегда проверяли, правильно ли я им документы заполняю.

— А ты училась? И какая у тебя профессия?

Я вышла, разыскала в серванте дипломы, принесла их на кухню и бросила на стол.

— Вот, можешь полюбоваться.

Папа развернул оба диплома — бакалавра филологии и преподавателя немецкого и английского языков — и посмотрел на меня с гордостью. Рассмотрел их внимательно, сложил, провёл грязным пальцем по корочкам и впервые улыбнулся.

— Молодец, дочка! Учитель — это очень почётная профессия.

— Сейчас не то время, папа. Сегодня ты учителя от базарной торговли не отличишь. Они детей учат говорить «лóжить» и «звóнит», жопы обтягивают так, что резинка от трусов просвечивает. Вот Бамбинсон говорит: «Наши пацаны на географию ходят, чтобы посмотреть, какой у географички лифан».

А я учителем не работаю, потому что дети — дебилы. На них орать надо или скакать перед ними, а я себя уважаю. Зря я вообще поехала в этот институт поступать. Был бы ты рядом, ты бы меня не отпустил, я уверена. Учиться-то было интересно, а в общаге я столько ужасов натерпелась... Всякое было. Иногда жрать было нечего. Как-то неделю на кофе и сале жила, стипендию задерживали. А как я одевалась? Как чмо. На выпускной не пошла, потому что платье не на что купить было. У меня тогда были джинсы чёрные, маечка и босоножки рваные. Их даже в ремонт не брали, я сама через день зашивала...

Хлопнула дверь. Вернулась дочь, промокшая и продрогшая. Оставляя грязные следы, она подошла к столу и поставила у меня перед носом бутылку водки.

— А ещё нам на первом курсе ночью какие-то подонки дверь выбили, я потом несколько лет стуков пугалась.

— Mam, хватит уже рассказывать, как тебе там было плохо. Слушать уже надоело. Хватит себя жалеть! — перебила меня Бамбинсон.

— Нет у неё совести, — пожаловалась я отцу.

Он грустно смотрел на нас, своих потомков.

— Конечно! — скептически отозвалась дочь. — Ты как-то всё время забываешь, что я еду готовлю, полы мою...

— Как ты их моешь! После тебя потом горы грязи остаются.

Бамбинсон засопела и затрясла чёлкой.

— Я поем у себя?

— Ешь, — разрешила я, отвинчивая пробку. — Только тарелку под диваном не оставляй, из неё потом твоя кошка ест.

Дочь разогрела в микроволновке какую-то снедь и ушла к себе. Вернулась она тотчас же.

— Mam, в моей комнате опять потолок протекает!

— Подставь таз, — ответила я, наливая неизвестно какую по счёту рюмку.

— Mam, тебе уже хватит, ты уже и так пьяная! — взмолилась дочка.

— Я не пьяная, — возразила я, — мне просто не повезло... Ох, опять эта крыша. Хоть ты бы починил, что ли?

Я дотронулась до руки отца. Она была горячей.

— Я почию, — он встал. — Где у тебя, дочка, инструменты?

— Да на веранде где-то, — озадачилась я. — Молоток есть точно, гвозди, пила циркулярная, доски под навесом... Да сейчас-то не ходи, ты же в одной рубашке, а у нас одежды мужской нет, ты промокнешь...

Не слушая, отец решительно направился к выходу. Открыв дверь, он обернулся и посмотрел на меня таким взглядом, от которого мне захотелось заплакать.

— Мама, — Бамбинсон обняла меня и прижала мою голову к животу. — Пожалуйста, не разговаривай с чайником. Ты меня пугаешь... Давай будем тебя лечить.

— Бамбинсон, ко мне отец вернулся! Теперь у меня всё будет хорошо.

Дочь заплакала.

— Мама, твой отец давно умер, а ты разговариваешь с чайником.

— Нет, доча, — не согласилась я. — Он вернулся. Он крышу пошёл ремонтировать. Слышишь, стучит?

— Это дождь...

— Нет, это он гвозди забивает.

— Пойдём спать, пожалуйста, — она отняла у меня бутылку. — Я очень тебя прошу. Я завтра приберусь и бельё постираю. Ну, пожалуйста!

Я обмякла и позволила ей увести себя в комнату. Я рухнула на незаправленную кровать и поджала под себя ноги. Бамбинсон набросила на меня одеяло и тихо вышла. В ноги прыгнула кошка и, урча, свернулась клубочком.

Я стала проваливаться в глубокий, счастливый сон. Ливень молотком бил по шиферу.

«Это папа чинит крышу. У нас теперь всё будет хорошо!» — успела подумать я, прежде чем тьма накрыла меня.

Гороховый суп

Катька сонно потянулась на кровати, едва разодрав глаза. Голос мужа, как окрик надсмотрщика, выстегнул её из мягкой, доверчивой реальности онлайн. Так Катька называла сны, вызванные действием антидепрессантов. Вместе с криком мужа звенел и плющился в мелкие блестяшки голосок пятилетней дочери Маши.

Они искали Машину ветровку. Муж орал на Катьку: «Где её ветровка?» Катька, с трудом соображая, где она и кто эти крикливые создания, с тем же трудом вспомнила, что ветровка может висеть на крючке на полке для одежды в коридоре. Она раскрыла рот и едва произнесла: «Посмотри там...» — она забыла, как сказать «на полке», и, пока вспоминала, муж наградил её новой серией окриков.

Самым обидным была его следующая фраза: «Мы уходим из-за тебя». — «Почему?» — глупо моргая длинными ресницами, удивилась Катька. «Потому что ты всё утро развлекалась», — голос мужа был похож на голос прокурора, который, вопреки свидетельским показаниям в пользу обвиняемого, решил во что бы ни то ни стало отправить его на электрический стул. «А теперь ты завалилась спать без зазрения совести, и я ВЫНУЖДЕН идти и работать, чтобы не видеть твоего наглого безделья». В предложении содержалась и ложка правды: Катька уснула, но при чём здесь совесть и вынужденность, она никак не могла взять в толк. Может, это реальность онлайн затормозила в ней быструю соображения.

На Катькино счастье, Маша разыскала ветровку в ворохе брошенной верхней одежды на нижней полке стенного шкафа. Потом возникла новая проблема: где Машин берет... Муж, заглянув в спальню и увидев, что Катька тупо лежит на боку, как выброшенная динамитом на гладкую поверхность вод

рыба, замахнулся кулаком и наугад опустил его в массу Катькиного тела. Но Катькина реакция оказалась быстрее, она увернулась и слетела с кровати в противоположную сторону. Упала боком, как дзюдоист, не испытывала боли. Муж кричал тонким злым голосом, что ему хочется раскроить Катькину черепушку, и что его сдерживает, знает только бог.

В реальности онлайн Катьке приходилось бывать и не в таких переделках. Здесь всего лишь пообещали раскроить башку. Спасла положение пятилетняя Маша. Робко появившись в дверях спальни, она протянула отцу берет со словами: «Вот, папа. Он в грязном мешке лежал». Несколько мгновений Катька и муж смотрели друг на друга, как заклятые враги. Катька с ненавистью во взгляде, муж с яростью. Катька боялась пошевелиться.

Выручила Маша. Она крикнула из недр прихожей, что обулась и что не может завязать шнурки. Муж повернулся и вышел. Катька не спеша надёрнула на себя старый, штопанный вышитым свитером плед и вытянулась на полу, как покойник. Ей было всё равно, где лежать: на мягкой кровати или на твёрдом полу. Звуки в прихожей заставляли её сжиматься, как дрессируемый зверек. В голове вертелись трудные пассажи какого-то вальса Шопена.

Прежде чем звякнул в замке ключ, муж одарил Катьку последним приказом: «Чтобы к нашему приходу сварила суп... И так ничего не делаешь целыми днями». Это было правдой. Год назад Катька заболела неврозом и потеряла интерес ко всему происходящему. Мужа бесила её болезнь, её равнодушие ко всем и вся, и в первую очередь — к себе, любимому.

Катька несколько минут, не мигая, смотрела в потолок, не найдя ничего предосудительного в прошлогодних пятнах от убитых комаров. Она готовилась к тому, чтобы встать и идти варить суп, как парашютист готовится выпрыгнуть в пустое пространство неба впервые в жизни. Телефонный звонок вытолкнул её из кабины самолёта неожиданно и грубо. Мёртвым голосом Катька сообщила незнакомому мужчине, что муж вышел. Ей никто не звонил вот уже пять лет.

Катька пришла на кухню, тоскливо оглядела остатки ужина, бесившие её хлебные крошки; обилие чайных чашек на столе рисовало картину ужинавшей в этой кухне многолетней семьи. Катька сдвинула сковороду с тарелками в угол стола, достала топорик и огромную голенную коровью кость для супа. Подложила доску и с ожесточением принялась делить кость на две половины. То ли сил у Катьки совсем не осталось, то ли корова была при жизни крепкой, но дело продвигалось тяжело.

Катька быстро вспотела. Теранув пальцы о белоснежную марлечку, которой Катька вытирала стол и за смену которой раз в неделю ей постоянно доставалось от мужа как за расточительность, Катька включила кассету, записанную днём раньше с любимой радиостанции. Полились зажигательные аккорды «Come with me to Pasadena». Катька представила себя в цыганском платье с пышной, метров на шесть в обхвате, юбкой, отбивающей ритм тонкими умопомрачительными каблуками. Обязательно чёрными и с ремешком вокруг лодыжек.

Представление помогло разделаться с костью без осложнений для пальцев. Пока Катька добивала кость, кружки сбились в кучу вместе и при каждом ударе топора подпрыгивали, как накачанные травой, молодостью и дискотечной атмосферой подростки. Катька убрала половину кости обратно в морозилку, другую окатила холодной водой и бросила в кастрюлю. Почистила лук. Порылась в шкафике с крупами, вынула мешочек с горохом и целую песню из «Армии любовников» промывала его в старой, с выщербленным дном, эмалированной миске.

Начистила картофель, потёрла морковь. Катька любила сразу приготовить ингредиенты для любого кулинарного блюда, хотя изыском и разнообразием её кухня не отличалась. Убрала очистки в мусорное ведро, пакетик в котором пах клубникой, Катька уселась на любимое место на кухонном полу возле

плиты на коричневый матрасик, который когда-то подкладывали Маше в коляску.

Десять лет назад Катьку от всего на свете спасала музыка. Десять лет спустя Катьку от всего на свете спасали «колёса», а музыка была отголоском из прошлого, странным и ненужным в сложившейся ситуации. Когда заиграла песня «Brothers in arms», Катька не выдержала и заплакала. Десять лет назад она плакала, уткнувшись головой в подушку, как страус, стыдясь своих слёз и коря себя за слабость. Десять лет спустя Катька плакала открыто, повиснув в окне лоджии их последнего этажа.

Катька плакала, потому что закат бывал красивым, золотым, как сусальный петушок на палочке в далёком, бедном, но счастливом детстве; слёзы лились, когда до их этажа долетали белые бабочки капустницы, которых Катькина свекровь травила в саду химикатами. Для Катьки капустницы были не просто красивыми бабочками.

«Когда бабочка пролетает мимо меня, это ТВОЯ мысль обо мне. Когда дождь касается ТВОЕГО лица, это плачет о ТЕБЕ моё сердце», — вывела Катька аксиому два года назад. И верила в бабочек, как дети верят в Санту.

Последний год Катька мало разговаривала. С окружающими, с мужем, с собой, даже с Машей. Суп закипел, и гороховая пена вылилась на плиту, свободная и независимая, как морская волна. Катька равнодушно поднялась, убавила накал, вытерла потёки губкой, мечтая по ходу, чтобы в их подъезде поселился убийца-маньяк, и чтобы она, Катька, с ним рассорилась, и чтобы он взял и отомстил. Долгие мучения, при условии, что они закончатся смертью, Катьку не пугали.

Пугала тишина квартиры, пугало молчание телефона. Ей надоело пять лет подряд вздрагивать от каждого телефонного звонка и отвечать хрипнувшим голосом, что «мужа нет», или диктовать номер его мобильного.

В минуты самобичевания Катька обзывала себя «шизанутым романтиком», включала уровень шума выше допустимого и слушала что-нибудь угнетающее сознание, например «Нирвану». «Нирвана» помогала Катьке оплёвывать свои светлые, чистые мечты о высокой платонической любви.

Через час Катька решила, что горох сварился достаточно, закинула в кипящую воду толсто нарезанные ломти картошки, морковь и подумала, что если она вдруг внезапно умрёт, то муж после смерти легко прочтает её компьютерный дневник, многие рассказы и редкие стихи. И тогда будет о ней ещё более худшего мнения, чем при жизни. И вообще, кому нужны её глупые рассказы, кроме неё самой?

Когда Катькой овладевала жажда самоуничтожения, она рвала свои дневники и черновики стихов. В последний приступ она изорвала в клочья фотографию человека, звонка которого ждала вот уже пять лет, и, как старая Роза из «Титаника», с некоторой гордостью иногда говорила себе в моменты просветлённой грусти: «А у меня даже нет его фотографии».

Катька включила компьютер и, не особенно раздумывая, сразу удалила папку «Мои документы». Потом открыла корзину и очистила её. Из наушников шаркнуло движением воображаемой метлы. Компьютер потерял индивидуальность. Катька ещё немного подумала и поменяла фоновый рисунок рабочего стола: вместо серой и безжизненной лунной поверхности поставила преувеличенно яркие кувшинки. Пусть думают, что компьютер ей служил только для игр, и что она любила не безжизненные планеты, а обывательские цветы.

Выключив компьютер, Катька полезла в шкаф с одеждой, где под сногшибательными платьями в старой коробке из-под печенья лежали её старые дневники. Тех времён, когда она ещё не изучила машинопись. Дневников осталось три. «Если их рвать, — уйдёт часа три, а потом я расплачусь и раздумаю», — сказала себе Катька. Не найдя тапочек, босиком выскочила на лестничную клетку и отправила дневники в мусоропровод. «Пусть читают бомжи на помойке, может, развлекутся», — мстительно и гадко думала она.

Вернувшись в квартиру, Катька попробовала суп на соль и погасила плиту. В коридоре между детской и спальней валялась упавшая с крючков бельевая верёвка. Катька схватила свои портновские ножницы с гладилки и отрезала достаточный, по её мнению, кусок. Намылила. То, что у неё после смерти посинеет лицо и вывалится язык, её не пугало, как и то, что после повешения самопроизвольно опорожняется кишечник.

Фотографии повешенных из учебника по судебной медицине не действовали на Катьку, она не считала себя при жизни особенной красавицей, и ей было совершенно наплевать, что смерть обезобразит её ещё больше. В эту квартиру они переехали два года назад. И не Катькина вина, что у предыдущих соседей на кухне, на специально вбитом в потолок крюке, висел маленький телевизор. Два года крюк пустовал, бездельничал.

Как смогла, Катька скрутила петлю, подвесила её и расчистила пространство внизу: перекинула в другой угол кухни большую коробку из-под лука, перекатила ногой бутылки, мышеловку пихнула ещё глубже за холодильник. Чтобы не быть последней сволочью, Катька подстелила вниз на пол огромный пластиковый пакет для испражнений, чтобы облегчить уборку родственникам.

Катька решила, что переодеваться в красивое платье глупо и ни к чему. Сойдёт и старый, разорванный, вылинявший розовый халатик, который она надевала в минуты особенно острой тоски. Зазвонил телефон. Из принципа она даже не вздрогнула. И, естественно, подходить к трубке не стала. Телефон звонил долго и настойчиво. Его настойчивость подвигла Катьку на написание предсмертной записки. Писать набившее оскомину «В моей смерти прошу никого не винить» не то что не хотелось, а вызывало гадливое чувство, будто расчёсываешь чисто вымытые волосы чужой, откровенно грязной расчёской.

Катька думала. В кухне пахло сваренным горохом. Катька для вдохновения и веселья приложила к распечатой бутылке красного вина, которое пилось быстро и вкусно, как сок в общественной столовой. Строки сложились сами собой. И, недолго раздумывая над этической стороной предсмертной записки, она огрызком карандаша набросала на завтрашней программе первого канала: «Суп на плите. ЖРИТЕ».

Больше ничего не осталось. Снова затрезвонил телефон. И снова Катька не стала снимать трубку. ЗАЧЕМ? Ей уже не хотелось ворочать языком. Язык готовился к смерти вместе с Катькой. Кассета закончилась и оборвала неинтересную песню, в которой певец, похожий на Бутусова, повторял одно и то же: «Гибралтар... Лабрадор...» Катька поняла, что может повеситься и в тишине.

Она подставила табуретку, влезла на неё, набросила на шею петлю, подкручивая верёвку в разных направлениях, как будто это способствовало безболезненности. Взгляд её упал на девятиэтажку напротив. На восьмом этаже, в залитой светом стоваттной лампы комнате, на широком столе лежал младенец и смешно дёргал ножками и ручками.

Закат в просвете между девятиэтажками был обычным, будничным, без волшебства уходящего солнца, без окрашенных в розовый цвет облаков и без чёрных силуэтов хищных птиц. Катька закрыла глаза и оттолкнула табуретку.

Игорь весь вечер набирал Катькин номер. Он собирался сделать это каждый день в течение пяти лет. Но сначала была жена, потом орущий сын, потом попреки тещи; потом было молчание Катькиного телефона, иногда трубку брал муж, и никогда Катька. Тогда Игорь вежливо спрашивал какого-нибудь Петю, так же вежливо извинялся, и больше полугода не подходил к телефону.

Неделю назад жена собрала вещи и ушла к матери, потому что проживала в квартире Игоря. Игорь позвонил Катьке, но трубку взяла маленькая девочка и сказала, что «мама ушла на почту». Когда, по мнению Игоря, «мама пришла

с почты», он допивал остатки спиртного, не тронутые спешно собравшейся и исчезнувшей женой. Пьяных Катька не любила.

Пил Игорь и на следующий день, и ещё на следующий, и ещё... Вскоре счёт дням был потерян. В пьяных снах ему снилась весёлая, довольная Катька в белом платье, невестой бежавшая ему навстречу. Игорь заглядывался на развевающуюся Катькину фату, которая постепенно превращалась в туман, а Катька пробежала мимо и исчезла в шлейфе белого, как каление, платья, и откуда-то издалека доносился её смех, презрительный и гордый, как будто она скрывала за ним горечь и тоску.

В тот вечер, когда Катька, уставшая от утреннего шопинга, уснула на свою беду, вместо того чтобы посвятить себя семье, Игорь решился. Пока Катька рубила говяжью кость, видя себя в широченной юбке с оборками и воланами, Игорь словно родился заново. Он тщательно и долго брился, чтобы не осталось порезов от дрожащих рук, потом наскоро вымыл полы, оделся в новую рубашку, подаренную матерью и не одобренную женой, отчего рубашка лежала с фабричной этикеткой на его полке с одеждой много лет.

Новых джинсов у Игоря давно не было, и он, морщась, натянул свои старые, когда-то синие, с обремкавшимися краями. Он надеялся, что Катька, любившая длинноволосых мужчин, ослепится его роскошными, спускающимися уже ниже лопаток волосами, которые она никогда у него не видела и которые были вечным поводом для раздражения тёщи, а потом, со временем, и жены.

Игорь набрал Катькин номер с гулко бьющимся сердцем, будто от ответа зависело будущее целой нации.

Телефон не ответил. «Наверное, вышли на прогулку», — без обиды подумал Игорь. Покурил, подставив ветру свои длинные, ничем не скреплённые волосы. Снова позвонил. Долго держал трубку возле уха. «Если сейчас ответит её муж, спрошу не Петю, а КАТЮ», — внушал себе Игорь.

Катькин номер не отвечал. Игорь порылся в ворохе видеокассет. Жена забрала мелодрамы и боевики. Слава богу, оставила «Оно». Катькин любимый фильм, про который она упорно говорила, что это фильм не про ужасы, а про дружбу.

Цифры Катькиного телефона стали для Игоря как номер на руке узника из Освенцима или Бухенвальда. Эти шесть цифр были вырезаны в сердце Игоря мучительным, реальным НАСТОЯЩИМ. Но цифры подвели и в третий раз. Наверное, Катька уехала с семьёй на дачу или ушла в гости.

Игорь вставил кассету в видик, начался фильм «Оно» по роману Стивена Кинга. Фильм оживил все воспоминания, связанные с Катькой — непредсказуемой, неуправляемой, бунтарской, взрывной и непонятной. И целых три часа Игорь был счастлив, как никогда в жизни.

История моего убийства

Если хотите, я расскажу вам историю моего убийства. Но сначала вам придётся послушать о человеке, которого я люблю.

Человек, которого я люблю, всегда находится рядом со мной.

Он поселился во мне, как в обветшалом готическом особняке, доставшемся в наследство от дальнего родственника. Он безвылазно проводит время за высокими стенами дома в безнадежном полумраке. Он не сорит, не бьёт посуду, всегда моет за собой тарелки, и ещё он любит свой дом, за что я ему благодарна.

Я часто видела его во сне: мы всегда оказывались вдвоём в запертом подземелье.

У него был вид человека, который сдался судьбе, и он любил меня с покорностью, с которой средних лет женщина — *ne pas jolie, ne pas jeune* — замазывает дешёвым тональным кремом ссадины на скулах, а потом как ни в чём не бывало становится у плиты и готовит ужин.

Ей даже не приходит в голову мысль, что она может собрать свои вещи в течение получаса и уйти, чтобы попытаться снова быть счастливой. Проблема лишь в том, что идти ей некуда.

Вы, кажется, собираетесь возразить мне, что так не бывает, что эта фраза — «Мне совершенно некуда пойти» — является частью тщательно продуманного плана, целью которого является вызвать жалость к своей ничтожной персоне. Я тоже раньше так думала, пока сама не оказалась в этом глупом положении. А в том, что оно глупое и к тому же ещё и смешное, я не усомнилась ни разу.

Вы, конечно, не знаете, что говорили обо мне люди. Что я стерва, доводящая своими подлыми штучками до умопомрачения даже тех, кто этого не заслуживает, что я нонконформистка, скандалистка, злючка; что я наглая и бессовестная.

Что, я довольна мила? Знаете, фоном любого комплимента всегда служит ложь, уж поверьте мне. Нет, милой я никогда не была. И только потому, что я сижу вот тут перед вами и говорю всякие глупости, это ещё не значит, что я мила.

Меня никогда не волновало, что думали обо мне другие и что думаете вы. Вы не поверите, как я устала доказывать обратное. Наверное, вы также не поверите, если я скажу, что в глубине души я благожелательный человек, который верит в людскую доброту с упорностью скалолаза, штурмующего Эверест. И вы точно не поверите мне, когда я скажу вам, что только он — человек, которого я люблю, — способен сделать из меня кроткую овечку.

Так случилось однажды.

Он был профессором в моём университете.

На церемонию вручения дипломов я сшила роскошное платье из тафты цвета блёклой розы. Я училась на отлично, ведь только так он мог вообще заметить меня.

Казалось, я должна была радоваться тому, что именно мне поручили открыть церемонию торжественной речью, но, когда я увидела, что он встал со своего кресла и покинул аудиторию, я вышла из себя.

Я орала на умных профессоров в черных квадратных шапочках, как сумасшедшая, обуреваемая порывом нечеловеческой ярости. Я швырнула в профессора философии свою любимую ручку, продолговатую, как веретено, с которой я не расставалась больше десяти лет, но только у него хватило ума объяснить мою истерику тем, что, как лучшая ученица курса, я перезанималась и просто устала. Он смотрел на меня так, как будто это не я минутой ранее закатила отвратительную истерику с ругательствами и параноидальными обвинениями.

И вы не поверите, но дальше случилось вот что: он поднял мою ручку, скатившуюся с центра стола к ногам учёной дамы в золотом пенсне, которую пригласили из академии античных искусств. Человек, которого я люблю, приблизился ко мне, и уже само его приближение подействовало на меня как успокоительное.

Я почувствовала, как в моей груди поднимается новая волна, волна искренней доброты, и как злость постепенно выкатывается из меня, подобно тому, как из прогрызенного мышами пакета не спеша высыпаются горошины.

Он ничего не сделал, он протянул мне мою ручку и вернулся в своё кресло. Я прочла вступительную речь, и в глазах у меня блестели слёзы, мне аплодировали стоя.

А потом начался банкет, и я пригласила его на танец, и если вы думаете, что я была счастлива, то вы ещё не так основательно изучили психологию таких людей, как я. Я хоть и одинока, но уверена, что не единственная на земле, кто расстраивается и впадает в тотальное безумие от вечера, похожего на рождественскую сказку.

Хотите знать, в чём выразилось моё безумие? Ни в чём особенном оно не выразилось, и если вы всё ещё считаете, что выражения безумия могут быть интересными, то вы явно зря протирали штаны на лекциях в своём институте.

Когда мы танцевали, я хотела сказать ему, что люблю его, но так и не решилась. Я разглядела его глаза: они в точности повторяли цвета моих глаз. У меня были глаза двух цветов — зрачок окутывал глубокий коричневый слой с прожилками, которые встретишь иногда на обратной стороне грибной шляпки. А крайний слой был зелёным и резным.

У него были очень грустные глаза. В университете болтали, что много лет назад у него умер ребёнок, а потом его жена ушла от него. А я наивно полагала, что займу её место...

На другой день я едва притронулась к завтраку, выпив лошадиную дозу безвкусного кофе с тремя ложками сахара, уткнувшись в Клиффорда Саймака, как в уютную вязаную жилетку все понимающей матери.

После завтрака — мне просто удобно называть это действие завтраком, я сидела в позе лотоса на своей кровати и читала вчерашнюю газету. Помню, там была интересная статья о мобильных телефонах, в которой упоминалось о том, что эти чёртовы телефоны воздействуют на область мозга на уровне висков, где с внутренней стороны полушарий расположен отдел коры, отвечающий за память. Как я поняла, если травмировать этот участок, то мозговая деятельность человека приведёт к тому, что он, зная все слова в отдельности, не сможет понять смысл фразы, сложной из этих слов. Забавно, правда?

Я ещё подумала, что если бы решила потратить свои драгоценные усилия на то, чтобы обезопасить общество от здоровых и думающих его членов, то трудно было бы найти более выгодный и действенный способ. Вы не верите, что это возможно? Кстати, у вас есть сотовый телефон во внутреннем кармане или в дипломате? Да? Вы не могли бы удалить его от меня не меньше чем на десять метров? Спасибо.

Да, я понимаю ваше недоумение, ведь я уже мертва, и по логике событий мобильник, болтающийся на вашей шее, не может причинить мне вреда. Но раз я мыслю, поверьте, как бы плохо мне ни приходилось, я не хочу потерять остатки своего разума. Я не хочу видеть своё прошлое как рассыпанные по столу кусочки пазлов. Яркие собранные картины былого — всё, что у меня есть, и я прошу вас об элементарной жалости, хотя всю жизнь была уверена, что жалость — это самое дорогое из всех чувств, которые человек может подарить человеку.

Вы спрашиваете, раз я могу так спокойно сидеть на краешке вашего стола и, когда мне вздумается, вылететь в форточку, то уж наверняка я много раз посещала человека, которого я люблю. Да, вы правы, я не отхожу от него ни на шаг.

Что? Почему я решила его покинуть и поболтать с вами? Знаете, захотелось перекинуться парой слов с кем-то, а вы, на беду, можете меня слышать и даже видеть. Как я вам? Хотя мне всё равно. Но я знаю, что у меня красивое платье. Это моё любимое. Мне повезло, что меня убили в моём любимом платье цвета блёклой розы.

Вы думаете: почему я так спокойно разгуливаю по улицам, вместо того чтобы лежать в могиле и ждать часа страшного суда? Не догадываетесь? У меня нет могилы, а моё тело надёжно укрыто от постороннего взгляда и надёжно упрятано. И я не думаю, что его отыщут в ближайшие сто лет. Нет, я не скажу вам, где оно лежит. Я пока не готова отправляться на тот свет. Меня и этот вполне устраивает.

Зачем вам вообще это надо: копаться в моём прошлом? Неужели интересно? Нет, я не скажу вам своего имени. При жизни оно никогда мне не нравилось. Ну, если уж вам так хочется звать меня по имени, извольте, придумайте его себе сами. Аурелия? Любите медуз? Нет-нет, мне совершенно всё равно, как вас там зовут. Может, мы больше никогда не увидимся в материальном мире.

Почему он меня не видит? Что-то вы задаёте слишком много вопросов... Откуда я знаю, почему вы контактируете со мной, а он нет. Наверное, у вас есть способности. Почему вы не видите других духов? Да откуда же я знаю? Может, у нас с вами волны одной длины, а вообще я в этом ничего не смыслю.

Как это случилось? Что, убийство? Так я же вам и начала про это рассказывать. Да, я позавтракала, прочитала газету, а потом всё пошло не так. У вас бывает такое чувство, что внешне всё хорошо, а внутри вас сидит наглый маленький червячок по имени страх и гложет вас, истачивает стенки вашего организма, проедает ваши ткани, а причин для страха нет? Не бывало? Считайте, вы просто счастливчик.

А меня этот гадкий червячок прогрыз настолько, что ему уже мало было моего тела, и он взялся за мою душу. Да, пожалуй, вы правы. Причина всегда есть. Это я просто хотела поговорить красиво, блеснуть образностью мышления. А вы молодец, мне нравится, что вы не слушаете меня, раскрыв рот и веря каждому моему слову.

Да, причина у моего страха была. Знаете, что самое ужасное, что может произойти с человеком? Конечно, у каждого есть свой ответ на этот вопрос. А у вас какой? Боязнь одиночества? Нет, больше всего на свете я боялась, что он — человек, которого я люблю, — не полюбит меня никогда. Да, именно так всё и случилось.

Вы говорите, любовь — это высокое чувство? Я вам даже завидую... Для меня это обернулось кошмаром. Каким? А разве не кошмар — ненавидеть всё вокруг себя потому, что кто-то не влюбился в тебя? Смешно.

Спасибо, что вы не находите это смешным.

Пыталась ли я хоть пальцем ударить для того, чтобы он меня полюбил? Ха-ха. Да я горы свернула. Маячила у него перед глазами, как реклама, бегала за ним, как шаровая молния, попробовала все средства в мою пользу. Нет, у меня ничего не вышло. Вам жаль? Мне раньше тоже было жаль. Намекала ли я о своей любви? И да и нет. Знаете, я создавала столько ситуаций, что он мог, пожалуй, сотню раз положить начало взаимному чувству.

Я из породы женщин, которые никогда не скажут о своей любви мужчине, даже если будут умирать. Я считаю, что это унижение. Я сказала и «да» тоже? Если есть много способов обойти закон, так почему же нет хотя бы одного, чтобы обойти чувство унижения?

Как мне удалось? Я узнала его электронный адрес и писала ему длинные, полные чувства письма, он их получал. Что? А ничего. Я ни разу не получила ни одного ответного письма. Наверное, ему нравилось такое внимание к своей скромной персоне. Вот мне бы явно польстило, если бы я получала каждодневно письма, исполненные высокого слога, повествующие о любви ко мне. Вы бы ответили? Но, вам, наверное, таких писем не пишут. А так всегда бывает, поверьте мне.

Почему я разговариваю с вами, будто вы ребёнок? Ну, взгляните вы чуть постарше меня. Вы с какого года? С 19..? Я на два года старше вас. Да откуда вы этот бред взяли, что женщины считают ниже своего достоинства сообщать год своего рождения? Жаль, что вам такие попадались. Уж поверьте мне, достоинства при жизни у меня было на троих, но я никогда не скрывала, сколько мне лет. И это вы называете оригинальностью?

Мне было двадцать три, когда меня убили, официально я числюсь пропавшей пять лет. Бываю ли я у себя дома? Бываю, но редко. И знаете, меня радует, что моя комната стоит такой же, какой я её покинула в тот день, когда всё пошло не так. Моя мать считает, что раз тела не нашли, то я могу объявиться в любое время, и она знает, что мне бы не понравились изменения в ящиках моего стола или на полках моего бельевого шкафа.

Мне приятно знать, что моя одежда — выстиранная и тщательно выглаженная — весит на плечиках, что моя обувь всегда начищена, что мои кни-

ги не покидают своих полок. Моя мать даже купила специальный спрей для очистки от пыли монитора моего компьютера. И если бы она знала, как я это ценю!..

Мне тяжело находиться рядом с матерью. Мне её жаль, после моей смерти она осталась совсем одна. Хоть бы собаку завела. Но она знает, что я не люблю собак. Почему? Мне не нравится, как от них пахнет, когда они возвращаются в квартиру после прогулки под снегом или дождём. Как? Ну... Это трудно описать, попробуйте как-нибудь сами, если вам так интересно это узнать.

Давайте я вам всё-таки расскажу ещё кое-то. Про тот день, когда всё пошло не так. Я уже говорила, что я прочла в газете о вреде сотовых телефонов. У меня всегда они вызывали неприятные эмоции, и, конечно же, я не страдала манией носить эту чёртову трубку на шлевке джинсов или в специальном кармашке своей сумочки.

Потом я вышла в интернет, в сотый раз прочитала сообщение в своём почтовом ящике, что «У вас 0 входящих сообщений». А может, оно и к лучшему, что он не отвечал на этот глупый интернетный интерес. Может, я бы тоже не отвечала. Я его выгораживаю? А как ещё? Ведь я же люблю его.

Так вы хотите услышать дальше? Тогда не перебивайте, мне трудно об этом говорить. Я вообще не понимаю, зачем я вам всё это рассказываю. Вам тоже не с кем общаться? Мне жаль. Нет, мне правда искреннее вас жаль.

Потом я неожиданно для себя написала ему прощальное письмо. У меня хватило ума понять однажды, что раз он не отвечает на мои послания, то я ему не нужна ни в каком виде: ни в живом, ни в виртуальном.

Что? А, в мёртвом виде я ему тоже не нужна. Он даже не знает, что я пропала без вести.

Ну, так я хотела перестать ему писать. Просто перестать писать. Но в тот день на меня нашло, злость выпирала из меня, как иголки из куклы вуду. И я подумала, почему бы не заставить его почувствовать себя виноватым в смерти незнакомой ему девушки?

Вы говорите, что это жестоко? А я вам уже сказала, что у меня всегда был скверный характер, и друзей у меня не было, и вообще, когда меня настигали порывы злости, я делала людям гадости. Какие? Ну, как-нибудь расскажу.

Почему? Я думала об этом и пришла к выводу, что это была самозащита организма на уровне инстинктов. То есть я хочу сказать, когда меня злость распирала, как мокрый горох распирает узкие бальные туфли, то мне самой было от этого ужасно плохо, больно, тоскливо... А когда я выплёскивала часть своей злости наружу, то мне становилось легче. Это такая терапия.

Ну, так вот. Я написала ему прощальное письмо, в котором уже без излишней помпезности сообщила, что я больше не в силах выносить его молчание и собираюсь после отправления письма свести счёты с жизнью. Что? Да, он читал мои письма. И последнее тоже прочёл. Он теперь вообще мало что делает без того, чтобы я не присутствовала рядом. А вы, однако, циник! Нет, когда он принимает душ, я нахожусь за дверью.

Чувствует ли он моё присутствие? По-моему, он уже не способен что-то почувствовать. Он же не меня любит. Он любит другую женщину. Вот, кстати, скажу вам по секрету: я собираюсь её убить.

Зачем? Из принципа. Пока она жива, у него есть надежда, что она вернётся к нему когда-нибудь. А с её смертью надежд больше не будет. Ну и что, что ему будет очень больно? Да, я понимаю и осознаю, что мы находимся в равном положении, хотя я доподлинно знаю, что он всё бы отдал, чтобы находиться рядом с нею в качестве духа.

Нет, мысли я не читаю. Я просто читаю. Стою за его спиной и читаю, когда он ведёт дневниковые записи. И я его, уж поверьте мне, оберегаю и от несчастных случаев, и от хулиганов, и даже от суицидальных попыток.

Что я могу сделать? Я могу двигать предметы, могу нагнать страху, могу сделать свой шаг слышным. Мне пройтись? Нет, в вашем случае ничего не вы-

идет. Видите ли, я обладаю способностью материализовываться только в том случае, если мной владеет злость. А вы не причинили мне ничего дурного. Ну, если только вы свой мобильник обратно принесёте...

Эй, эй, я пошутила. Я же его просто уничтожу. Вам придётся новый покупать. Что будет? Да я тресну им хотя бы вот об угол книжного шкафа, и поверьте моему опыту, что, когда вы принесёте его в ремонт, то окажется, что повреждена его чёртова микросхема, которой в продаже нет. Нет, давайте не будем экспериментировать.

Вы это хорошо сказали про смену темы.

Что у меня на компьютере? Я вела дневник, записывала события, случающиеся со мной, в литературном ключе. Пыталась, по крайней мере. У меня всегда была склонность к письму, с детства. Нет, я не боюсь, что кто-то прочтёт мой дневник. У меня на этой папке стоит пароль, и я больше чем уверена, что никто никогда не догадается, какой именно. Я же не настолько глупа, чтобы использовать в качестве пароля кличку любимого попугая или университетское прозвище человека, которого я люблю.

Вы хотите знать, как его зовут? Не понимаю, зачем. Вы с ним познакомитесь? Могу я спросить, для чего? Ах, вы расскажете ему обо мне. А потом будете вместе ломать головы над паролем? Вы мне симпатичны, поэтому, прошу вас, не заставляйте меня играть главную роль в дешёвом мистическом сериале.

Что? Вы пытаетесь меня разозлить, чтобы я что-нибудь тут сломала? Вам разве недостаточно того, что вы меня видите и понимаете? Я вам настоятельно не рекомендую меня злить.

Я принимаю ваши извинения. Надеюсь, что вы были искренни, когда говорили эти слова. Да, мы и правда крутимся вокруг этого чёртова дня, когда всё пошло не так. Давайте я вам вкратце расскажу, как это случилось, но вы не задавайте вопросов, а то я собьюсь и чего доброго не захочу продолжить.

Значит, я отправила ему фальшивую предсмертную записку, потом позвонила своей знакомой, которая накануне приглашала меня на дачу к своим новым друзьям.

Вначале я отказала, но, попросившись с иллюзорной возможностью того, что человек, которого я люблю, сможет полюбить меня посредством интернета, я набрала её номер и сообщила, что передумала. Маме я оставила записку, что проведу выходные на даче родителей своей знакомой. Когда я вышла из подъезда, то кожей ног почувствовала, что что-то не так. Вытащить бы это «что-то» из своих предмыслей... Но я даже не предприняла такую попытку.

Внешне не было поводов для беспокойства, абсолютно никаких; это теперь я понимаю, что когда внешне всё воспринимается вырезанной без изъянов скульптурой, то именно это внешнее отсутствие несовершенств и должно подозрительно бросаться в глаза. Увы, меня погубило то, что я была наивной Серой Шейкой.

А с того момента, как я села в машину, то я вообще не сказала ни одного слова и не сделала ни одного жеста, по которому можно было бы предположить, что в машину садилась именно я, а не другая девушка. За рулём сидела Света, моя институтская знакомая. В своё время мы были одноклассницами, потом учились на одном курсе, и до дня моей смерти мы встречались иногда, но не в силу общности наших интересов, а в силу привычки и, думаю, одиночества.

Я села на переднее сиденье, и первое, что сказала, было:

— Какая классная музыка!

Из Светкиного плеера звучала тупая иностранная попса. На заднем сиденье охали и ахали два придурка, типа, какая у Светки клёвая подружка, с талией, как у Барби. Я промолчала, и это было моей ошибкой, но уже не первой за этот день: я не была её подружкой, и я не была клёвой в их понимании этого слова.

Это был последний раз, когда меня видели живой.

Что было потом? Не совсем то, что вы подумали. На самом деле это убийство было несчастным случаем. Я написала в записке, что проведу выходные на даче у Светки, но мы там так и не появились. Мы поехали на дачу к Вова, кажется, так его звали. Я не буду описывать вам это лишнее смысла времяпровождение. Единственное, что мне грозило, так это очнуться пьяной в постели с малоознакомым парнем. Но до этого даже не дошло.

Светка нашла под диванной подушкой в гостиной пистолет и стала дурачиться, наставляя его то на меня, то на второго парня. Я даже имени его не помню. На тот момент, когда я потягивала через соломинку абсолютно невкусный алкогольный коктейль, мне было тотально всё равно, как зовут этих гостеприимных придурков.

Пока Вова приготавливал на кухне затейливый ужин, мы трое по очереди подержали в руках пистолет, и каждый выбрал себе живую мишень. Вова, хозяин дачи, клятвенно уверил нас, что пистолет не заряжен.

— Ну, стрельни в меня, — предложила Света в тот момент, когда Вова целился ей в голову. Я равнодушно пила коктейль, и это тоже было моей ошибкой. Если бы я соображала трезво, то не сидела сейчас бы перед вами в полупрозрачном виде.

Но я открыла рот и сказала свою самую последнюю в жизни фразу, умную, но презрительную:

— Да ему слабо в муху попасть, не то что в тебя.

Вовин друг перевёл пистолет на меня и нажал на курок. Пистолет выстрелил так оглушительно, что я сначала почувствовала боль в ушах, а потом уже в груди. Пуля пробила мне грудь и засела в позвоночнике. Я умерла почти мгновенно.

То есть я хочу сказать, что на самом деле я всё слышала и видела, но не могла шевельнуть даже кончиком пальца, мой язык намертво прилип к гортани, а веки перестали моргать. Вслед за выстрелом дико завизжала Светка, в дверях гостиной в кухонном фартуке появился испуганный Вова. Испуганным он выглядел ровно столько, сколько нужно умному и холодному уму, чтобы оценить чрезвычайную ситуацию и мгновенно найти из неё выход.

Вова осторожно приблизился к моему сползшему со спинки дивана телу. Бокал я так и продолжала сжимать в руке, но содержимое его вылилось на бледно-жёлтую обивку. Кстати, мне этот цвет никогда не нравился. Светка орала, что нужно вызвать «скорую», и судорожно рылась в своей сумочке, пытаюсь вытащить розовую мобилу-«раскладушку».

Вова потрогал мой пульс, потом приложил ухо к груди, и, как только он коснулся ухом моей простреленной груди, Светка замолчала и перестала копаться в сумке. Она так и застыла в ней руками, вцепившись в пачку увлажняющих салфеток, а Вовин друг бессмысленно стоял с опущенным пистолетом, раскачиваясь, как маятник.

Вова убрал ухо с моей груди и сказал тем двоим:

— Не надо куда звонить. Ей уже ничем не поможешь.

Голос у него был тихий и ожесточённый, как будто я своей смертью изгадила ему не только остаток дня, но и остаток дней. Хотя, похоже, так и было. Убийство по неосторожности, незаконное хранение оружия — мне кажется, что они трое это очень хорошо понимали; как и понимали то, что даже если им удастся отмазаться от тюрьмы, то в любом случае, моя смерть стала бы пятном на репутации будущих юристов.

Мне кажется, что Вовин друг понял, что не высказал Вова. Но Светка не поняла. Она вытащила мобилу и, собираясь набрать самый простой и короткий номер в мире, тихо сказала:

— Надо вызвать милицию.

— И что ты ей скажешь? — ожесточился Вова ещё сильнее.

— Дай сюда пистолет, — обратился он к моему невольному убийце. Тот отдал. Вова засунул его в карман фартука и сказал двум оставшимся в живых: — Берите её за ноги.

Сам Вова взял меня за подмышки, немного приподнял.

— Тяжёлая, сука, — констатировал он. Я разозлилась, но уже никак не могла выразить своё негодование.

Светка рванулась к двери вместе с сумочкой. Вова бросил меня обратно на диван, и я больно ударилась затылком о деревянный подлокотник. Вовин друг тупо стоял у меня в ногах и хранил молчание. Я пыталась донести до его одурманенного ума, что я ещё жива, и что ещё не поздно изменить принятое решение, но я ошибалась. Я была мертва, и умерла мгновенно, как я уже говорила. Это я поняла позже.

Вова вернулся в комнату без Светки.

— Бери её, и потащили в подвал, — коротко приказал он.

Парни взяли моё обмякшее тело и, не особенно церемонясь, потащили на выход. И тут я поняла, что и после смерти всё развивается не так, как должно. Я осталась лежать на диване, в то время как моё тело, болтаясь и задевая за мебель откинутой правой рукой, плыло к дверям. В левой руке оно всё ещё сжимало бокал. Я потянулась и потрогала затылок. Болело, хотя я не ощутила ни припухлости, ни боли.

И тут поняла, что меня стало две. Одна я лежала в обмороке, и меня тащили двое хилых парней вниз по лестнице, а другая я — совершенно живая и невредима — села на диване, коснувшись ладонью винного пятна. Надо было что-то делать. Я побежала вслед за ними и, не особенно раздумывая, размахнулась и ударила Вову обеими руками в спину. По логике вещей Вова должен был упасть, но он удержался на ногах и даже не пошатнулся. Упала я, споткнувшись о Вовину спину как о каменную ограду.

Они вынесли меня во двор. Во дворе лицом вниз лежала Светка, чуть поодаль валялась её расплющенная сумочка. Я подошла и попробовала её поднять, но она словно налилась свинцом, и я чуть не надорвала мышцы. Вовин друг уставился на меня с таким видом, что мне подумалось, что он сейчас завизжит тонко и пронзительно, как женщина. Вова спустил меня на землю и очень медленно произнёс:

— Мы их не видели, понял? Мы приехали на автобусе, потому что я куда-то засунул свои права, а ты напился. Мы поели, посмотрели телевизор, выпили ещё, потом легли спать. И вообще мы с ними даже знакомы не были. Ты понял?

Его друг кивнул. Они быстро занесли моё тело в подвал, бросив его на цементный пол.

Я шла за ними след в след, но они оказались быстрее и, кинув меня на пол, захлопнули дверь прямо перед моим носом. Я бы, может, осталась в этом подвале наедине с собой, но там было холодно и темно, как в моих снах. Я рванулась вперёд и прошла через дверь. И этот факт помог мне окончательно убедиться в том, что я мертва.

Они затащили Светкин труп в машину, потом Вова сел на переднее сиденье и завёл мотор. Машина спокойно выехала в ворота. Вовин друг закрыл их и сел рядом с водителем. Мне не улыбалось бежать за ними по лесу, и я удобно расположилась между ними.

Мне было страшно сидеть рядом с мёртвой Светкой. И вот, возможно, вы можете подумать, почему я не видела её так же, как и себя. Но я не знаю. Я осталась после смерти, а Светка, может, тоже осталась и переживала то же самое, но я её не видела. Ребята подогнули машину к обрыву реки и дальше работали как профессионалы: пересадили Светку за руль, закрыли дверь и спихнули машину вниз. Мы втроём наблюдали, как машина медленно погружается в воду.

Я слетела с обрыва и встала на капот, уже скрытый в тёмных волнах реки. И тут же перебралась на крышу. Машина уходила на дно всё быстрее, а вме-

сте с ней и я. Знаете, я очень боюсь воды, до сих пор боюсь, хотя мне уже не грозит смерть от утопления. Но я решила опуститься на дно вместе со своей несостоявшейся подругой, чтобы определить, как глубока река в этом месте. Меня скрыло с головой, а машина всё ещё не достигла дна. Я стала медленно считать, и, когда насчитала до десяти, мы приземлились.

Наверное, метров пять здесь было точно. А если учитывать, что на этом участке реки нет пляжа, и здесь никто не купается, и по этому притоку не ходят катера, то шанс, что Светкину машину найдут, равнялся один к миллиону. Вечерело, и я больше никого не заметила.

Свидетелей не было. Под водой было темно как в могиле. И вот, пожалуй, первый раз после смерти меня разобрал смех. Я беззвучно тряслась, присев на корточки и держась за верх.

Потом мне пришла в голову оригинальная идея, я спустилась с верха машины и запустила руку в открытое окно со стороны водителя. Моя рука нащупала Светкину голову, она лежала откинутой на спинку. Я нашла её ухо, потом её серёжку, я осторожно вынула её из уха, зажала в кулаке и, подпрыгнув, медленно полетела вверх.

Я вынырнула так бесшумно, что даже не поколебала восстановившееся течение волн: плавное и неспешное. Серёжка всё ещё была в моём кулаке, но по мере того, как я поднималась по обрыву, серёжка наливалась тяжестью и тянула меня вниз, к хозяйке.

Эти двое всё ещё стояли у обрыва, и я догадывалась почему. На даче их ждал ещё один труп, хотя мне было совершенно непонятно, почему они не посадили рядом со Светкой меня? Это было бы проще и быстрее. Оказалось, что Вове эта мысль тоже пришла в голову, и он высказал её вслух, выругав себя неприличным словом. Я едва доползла до обрыва и всё-таки смогла положить серёжку у ног убийц. Но они её не заметили, может, потому, что солнце закатывалось за горизонт быстрее обычного.

Шутка не удалась, и я старалась напугать их, пока они шли по тёмному лесу обратно на дачу. Увы, в первый день моей жизни после смерти я ещё ничего не умела. Это сейчас я могу производить звуки, ронять предметы, разжигать газ в отключённой плите, а тогда я не могла даже дышать им в затылок и не могла создать вокруг них тягостную, жуткую атмосферу. Они ничего не боялись.

Вернувшись, они сразу спустились в подвал. К моему неподдельному ужасу, я обнаружила, что он толком ещё не отстроен. Вова спихнул меня в небольшое углубление и замесил в тазике цемент. Они работали чуть ли не до зари. Оба молчали, когда замешивали цемент, когда откидывали со лба потные волосы, когда мастерком выравнивали пол. Эта часть подвала, куда они зацементировали меня, представляла собой неровную поверхность с небольшими ямками.

Когда от меня осталось только воспоминание, они продолжали упорно разводить цемент и, заложив углубления старыми досками, каким-то тряпьём и старым барахлом, продолжали работать, как будто торопились отделать подвал к приезду хозяина. Рядом со мной зацементировали ящик старых игрушек — похожими я играла в детстве. И именно это соседство подействовало на меня печальным образом. Я вернулась в гостиную и просидела там до тех пор, пока солнце не вернулась к нам в виде рассвета.

Я не знала, что мне делать. Я поняла, что невидима, что я могу летать, что я не могу спать и не хочу есть. Оставаться в этом мрачном подвале мне не хотелось вообще, и, когда эти двое вернулись в дом, голодные и обессиленные, я выплыла в окно и отправилась в город. Всё, извините, но я больше не могу говорить об этом. Когда это вспоминаешь, то это совсем другое, чем когда ты это рассказываешь. Мне снова стало грустно. Вы молчите? Ошеломлены? Хотите знать, что было потом? С ними?

Я точно знаю, что дача была продана в конце лета, то есть через полтора месяца после совершенного убийства. Меня и Светку объявили в розыск, но

на нашу беду в тот день никого из соседей Вовы на даче не было, а машина у Светки была с тонированными задними стёклами, и бабки, которые покидают лавочку возле подъезда только с наступлением холодов, не могли сказать точно, сидел ли кто-то на заднем сиденье, когда я садилась в машину.

Такова история моего убийства. Жалею ли я? Нет, точно не жалею. Я ведь много времени размышляла над тем, почему я осталась жить в качестве духа, и пришла только к одному выводу: я так долго просила бога о том, что хочу быть рядом с человеком, которого я люблю, быть рядом всегда, без усталости, без своих желаний и капризов, что, по-моему, он нашёл лучший и единственный в сложившейся ситуации выход. Чего мне не хватает? Вы не поверите, но мне не хватает снов. Я ведь больше не имею возможности спать...

Знаете, пожалуй я полечу. Мне кажется, я впервые за три года так надолго оставила его. Только не говорите мне, что это первый признак того, что я перестала любить его так сильно, как любила во время жизни. Не говорите мне этого, пожалуйста, хотя бы из простого человеколюбия. Не убивайте меня ещё раз, я пока не готова разлюбить его. Спасибо.

Вы будете обо мне скучать?..

Я не обещаю, что появлюсь у вас снова. Но всё может случиться. Сомнительно, что новые владельцы дачи решат расцементировать пол в подвале, да и у них там в углу свалено уже столько барахла, что для того, чтобы пройти по мне, надо отодвинуть старинный кухонный шкаф.

Я мирно покоюсь в углу, но, пока меня не похоронят по-христиански, я буду жить на земле как дух.

Когда он умрёт? А вы смелый, если отважились задать мне такой вопрос. Пожалуй, к тому времени я научусь проникать в сознания людей в виде навязчивого образа. Разве я не смогу явиться какому-нибудь одержимому с явлением о том, кто я и где меня искать?

Что? Вы будете меня ждать?..

Павел Сидельников

Перетечь бы в пространство иное...

пейзаж так сказать стёрся и свыкся
со всем происходящим безумием
деревья вырастающие в пиксель
прогалины выключенных сумерек
слабеют и слепнут словно свечи
в моём пребывании обыденном
на кухне за обедом и вечер

в движении своём электрическом
хромом и хранящем вдалеке
очищенное яблоко спелое
ворочается как неспешный свет на языке

как будто игрушка «юла»
то вправо то влево пошевелиятся
два трепещущих крыла

Не помня детства,
провалы в памяти лечить —
соединить оборванную нить
из старых лоскутков и соответствий.

Мне было три,
когда в трёхмерный космос
вернулся (в тридцать первый раз!)
МТКК «Дискавери».

Павел Сидельников — родился в Тюмени. Учится на юридическом факультете Российского университета правосудия. Выпускник школы литературного мастерства им. В. Крапивина. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Урал», «Кольцо А», «Наш современник», «Сибирские огни» и др. Участник всероссийских совещаний и семинаров. Живёт в Воронеже.

Публикация осуществляется в рамках проекта «Мастерские» Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

Мне было пять,
и будучи ребёнком зорких глаз
ещё не знал, что пустится опять
космический корабль в дальний космос.

И я не знал, что прерванный полёт,
как пешеход без возраста и цели —
идёт себе,
идёт в нешуточном апреле,
в пространство выходя вневременное.

И вот —
стою, отбросив кости,
осмысливая всё пережитое,
и задаю Ему вопрос:

*«Когда настанет мой черёд
увидеть звёзды?»*

Горит звезда, но не во лбу,
как следует земным художникам,
а в небе — зимнем и воронежском —
в циничном цинковом гробу,

где и не спросят «Whoiswho?» —
одни глаза твои навыкате.
И не чирикает о выгоде
птенец, уткнувшийся в труху.

У страха — велики глаза,
но не величественней космоса,
где звёзды говорят вполголоса,
когда ничто нельзя сказать.

согласен-согласен-согласен
по сути — мир кругообразен

и коршуны кружат-кружат
где гуще растёт виноград

где гуще растёт виноград
и коршуны кружат-кружат

по сути — мир кругообразен
согласен-согласен-согласен

Красные и белые,
мои карлики-звёздочки,
цветущие комнатные камелии —
на том подоконнике,
в той же квартире
стояли в миру и цветут в новом мире.

Женщина — не образ,
надуманный в мужской голове,
раненной любовью голове.
И от того — всего больней.

Как переломанные рёбра —
во всех местах одновременно —
болят! Болят неимоверно,
и при дыхании — сильнее...

Странно говорить о том,
чего и сам ещё не прожил.

Этот воздух — невесом.
И невесомый воздух сложен.

Слово — дышишь им,
живёшь,
как птицы в позабытых гнёздах.

Верю, человек, поймёшь
как дышит воздух

Андрей Горбунов

Великая кошачья война надежда

Глава из романа «Великая кошачья революция»

1

Пушок отдал приказ. Он заказал киллеру истребить всех котов на земле. Но идеальный, как казалось экс-президенту, план пошел псу под хвост. Коты не хотели умирать. Наемный убийца Дунай Васильевич, как мог, оправдывался перед Пушком: говорил, что у кошек девять жизней, поэтому проблематично справиться даже с одной шкурой, а тут 30 миллиардов котят. Да и вообще, о каком ускорении процесса может идти речь, когда у киллера — лапки?!

С каждым днем промедления ненависть Пушка разгоралась всё ярче и жарче. Очень давно, когда кошквизиторы отправили на казнь всю его семью, озлобленность в душе беляка из крохотного уголька превратилась в пылающий факел. Но сейчас, спустя годы, которые экс-президент потратил, скажем прямо, не на помощь своему пушистому электорату, ненависть сияла в сердце беляка ядерным реактором, работающим на пределе своих мощностей и готовым вот-вот взорваться.

Разум уже давно сыграл с экс-президентом злую шутку. Мозг напрочь вытеснил воспоминания о его первой жене Мурке и их котятках — о тех единственных, кого беляк любил. Плавно, как самая длинная ночь, всё сознание Пушка захватила всепоглощающая ярость по отношению к другим котам. Однажды, еще будучи главой государства, беляк обнаружил странные изменения в своей внешности. Если раньше, за исключением черных ушей, кот был абсолютно белым, то теперь неожиданно потемнела шерсть вокруг его глаз. Пушок даже собрал консилиум из лучших светил врачебного мира, чтобы выяснить, в чем причина этого странного изменения его облика — не симптом ли это какой-то неизлечимой болезни, или (того хуже) не попытался ли кто-то его отравить. Светила чесали свои мохнатые уши и затылки, проводили тесты и анализы. У каждого из них в голове была одна и та же мысль, но никто не решался ее озвучить. Во-первых, эта гипотеза была антинаучна. Во-вторых, эта гипотеза была опасна для их собственных шкур. Но при всем при этом гипотеза была самой логичной: шерсть вокруг глаз Пушка стала черной из-за той самой ненависти, с которой он смотрел на весь кошкиный мир. Не получив ответов, президент спустил с карьерной лестницы каждого участника консилиума. А сам пришел к выводу, что с черной шерстью вокруг глаз он стал выглядеть еще краше...

Андрей Горбунов — писатель, главный редактор радио «Комсомольская правда». В 2021 году у автора вышел роман-антиутопия «Великая кошачья революция» — о том, как домашний кот Пушок превращается в страшного тирана. На последних страницах книги главный герой теряет жену и детей. После этого смыслом его жизни становятся власть и ненависть. Миллиардер и экс-президент Пушок нанимает киллера, чтобы тот уничтожил всех на котов на земле... Публикуемая глава была написана после выхода романа и является дополнительной.

Собственно, и сейчас, спустя пару лет после той истории, уже не президент, а экс-президент Пушок придерживался мнения, что он краше всех.

— По-хорошему, я должен быть краше всех, не потому что я краше всех. Хотя я, конечно, краше всех. А я должен быть краше всех, потому что гребаных котов больше не должно быть на этой гребаной планете. Кроме меня, разумеется. Но эти пыльные шкуры продолжают цепляться за свои никчемные жизни! Какие мыши у них в головах? Они ведь назло мне отказываются подыхать! Специально, чтобы напакостить мне... — Пушок сидел в своем укрепленном пентхаусе и ждал звонка от Дуная Васильевича. Каждую неделю киллер рапортовал заказчику о том, как продвигается работа. Но сегодня наемный убийца что-то молчал.

— Опять своими беспомощными лапами не может мой зашифрованный номер набрать! — начинал свертх обычного злиться бывший президент. Чтобы немного успокоиться, беляк погладил домашнего питомца, обезьянку по имени Леопольд Иванович. Иваныча, как ласково называл капуцина хозяин, Пушок завел, когда разжаловал всех своих психоаналитиков. При увольнении беляк сказал им прямо и лаконично: «Такие советы мне может дать даже обезьяна». Так, в пентхаусе главы государства и поселился смысленный зверек, которого ему доставили шаманы из дремучей тайги. Именно Иванычу Пушок рассказывал все свои мысли, планы и чаяния. Правда, в последнее время его речи всё чаще стали сводиться к истреблению рода кошачьего. Но обезьянка очень быстро освоила риторику своего кормильца и стала котоненавистницей еще похлеще, чем сам Пушок.

Наконец зазвонил спутниковый телефон.

— Ну, что там у тебя? — раздраженно бросил в трубку заказчик.

— У меня две новости, Пушок. Обе хорошие, — хищно ответил Дунай Васильевич. Не дожидаясь, что скажет на это экс-президент, киллер продолжил: — Хорошая номер раз: всё южное полушарие планеты наконец зачищено! Хорошая новость номер два: я теперь действую не один!

— В смысле? — насторожились беляк и Иваныч.

— Нашлось несколько котяр, которые готовы мне помочь с вашим заказом!

— Ты debil? — рявкнул Пушок. — Не отвечай, я и так знаю ответ. Перефразирую вопрос. Эти твои новые помощники — они что, еще более тупые, чем ты?! Они не понимают, что ты должен ликвидировать всех котов на земле, в том числе и их? И как они вообще узнали о нашей с тобой сделке? Ты что — треплешься об этом на каждом углу? Тогда понятно, почему ты так долго не можешь выполнить свою элементарную работу!

— Спокойно, начальник. Не надо гладить против шерсти. А то сами окажетесь все в шерсти, — ничуть не смутился из-за крика заказчика киллер. — Мне просто стало обидно, что журналисты называют меня этим нелепым штампом «маньяк — серийный убийца». А я ведь не такой. Я в своем уме. Я профессионал своего дела...

— Что-то не заметно, — хмыкнул Пушок. Иваныч одобрительно кивнул и зашипел на телефонную трубку.

— Я профессионал, который выполняет главный заказ в своей жизни, — не заметив колкости собеседника, продолжил киллер. — Чтобы объяснить журналистам свой, то есть ваш замысел, я записал видео и выложил его в муртырнет. Не беспокойтесь, о вас там не было ни слова. Если кратенько, я рассказал, что моя миссия — очистить планету от котов... Даже странно, что вы не видели этот ролик. У него уже 10 миллиардов просмотров!

— Я не пользуюсь муртырнетом. Он меня нервирует, — пробурчал Пушок.

— Я вас прекрасно понимаю, — кивнул Дунай Васильевич. — В общем, выложил я этот ролик. И что тут началось! Нарисовались коты, которые одобрили мои слова. А к тому моменту, когда КотЛапНадзор заблокировал по-

слание, уже появилось целое движение «Царапанцы Дуная», которое стало заниматься тем же, чем и я. Здорово ведь, да?

— Почему царапанцы?

— Что?

— Почему эти идиоты назвали себя царапанцами.

— А-а, вы об этом. Для устрашения, наверное. Царапанцы же вроде были все такие суровые, сосредоточенные и непримиримые. Вот мои последователи и назвались в честь тех царапанцев.

— Твари они были, эти царапанцы, — скривился Пушок. — Но твои новые царапанцы еще хуже. Старые хотя бы не были тупицами. А новые совсем одноклеточные. НЕ-НА-ВИ-ЖУ!!

Иваныч одобрительно захлопал лапками.

— Но вы, Пушок, можете не волноваться! Как только «Царапанцы Дуная» станут не нужны, я быстро их ликвидирую...

2

Прошло три года. Ситуация окончательно вышла из-под контроля. В ряды «Царапанцев Дуная» вступали всё новые безумцы. Они целыми ордами нападали на города. Но местные жители неизменно давали отпор. Разбитые стаи фанатиков забивались в щели, норы и подвалы. Однако все равно выползали обратно и снова атаковали. Мирным мурлыкам пришлось создавать огромные армии для борьбы с царапанцами. В какой-то момент весь мир погрузился в войну. Коты по всей планете, не сговариваясь, назвали ее Великой кошачьей войной...

А экс-президент Пушок и Иваныч продолжали коротать время в своем укрепленном пентхаусе. Провизии у них было достаточно, чтобы дождаться окончания кошачьего кровопролития, длись оно еще хоть сотню лет. Но терпение беляка было уже на исходе. На спутниковой связи с ним был Дунай Васильевич с очередным бессмысленным докладом. «Идут ожесточенные бои», «коты отказываются умирать», «Заказ будет выполнен почти согласно плану». Но в этот раз ко всем стандартным отговоркам киллера добавилось нечто новенькое. Убийца вдруг заговорил непривычно смущенно:

— Пушок, тут такое дело. Объединенная армия мирных котов уничтожила последний отряд «Царапанцев Дуная». Ммм. Мне снова придется действовать одному. А учитывая, что все коты, вплоть до малых котят, теперь умеют обращаться с оружием и могут накрутить хвост любой шкуре, мне понадобится на завершение миссии чуть больше времени. Думаю, лет так 10–20. Ну, максимум 30. Или 40. Через 50 годков — сто процентов со всеми закончу!..

Пушок в бешенстве швырнул трубку в стену. Та разлетелась на мелкие кусочки.

— Ничего. Никому. Нельзя. Доверить! — рычал экс-президент. — Всё нужно делать самому. Одни бездари кругом. Ну как можно жить в таком мире? Но не переживай, Иваныч. Сейчас я быстро закончу эту кошачью возню.

Пушок полез в шкаф. Выкинув оттуда всё содержимое, он наконец нашел искомое. Кряхтя, стряхивая с себя ошметки пыли, кот вынырнул из груды хлама с чемоданчиком. Ядерным чемоданчиком.

Оружие с красной кнопкой экс-президент прихватил с собой, когда ему пришлось ретироваться с поста главы государства. Естественно, его никчемный преемник, да и весь такой же никчемный кошачий народ ни в жизнь бы не отдали ему ядерные боеголовки. Но кто их, пыльных шкур, будет спрашивать. Пушок оставил в хранилище неплохой (очень неплохой) муляж. А настоящее оружие тотального уничтожения переехало в укромное место, вырытое вручную слепыми бездомными котами. Чутье подсказывало, что с такими весомыми отступными уходить на заслуженный отдых гораздо спокойнее. На всякий случай. И на тот же всякий случай без пяти минут безработный главнокоман-

дующий приказал укрепить свой родной пентхаус новейшими оборонными разработками, способными выдержать взрывную волну самой разрушительной силы.

Периодически вечерами на Пушка накатывали приступы заливистого смеха, которые очень нервировали Иванаыча. Но беляк ничего не мог с собой поделать. Каждый раз, когда он вспоминал, что администрация нового главы государства так и не заметила подмену, его пробирал сардонический хохот. И вот теперь, когда кошачья популяция вероломно отказалась исчезать с морды Земли, экс-президент понял, что тотальное уничтожение жизни на планете — это пустяк, на который он готов пойти.

Пушок со смертельным саквояжем в лапах и Иванаычем на плече отправился на смотровую площадку, укрепленную не хуже, чем и сам пентхаус. Там он уселся на просторный диван.

— Ну, что, обезьяна, хочешь нажать на красную кнопку, — распахнув чемоданчик, предложил своему питомцу беляк. Иванаыч вне себя от радости потянулся к красному блестящему кругу в центре «черного ящика»... Но в этот момент сзади раздался грохот. Пушок от неожиданности выронил чемодан. Тот рухнул на мягкий ковер и захлопнулся, не причинив кошкиному миру никакого вреда. Иванаыч с досадой принялся пинать закрывшуюся «игрушку» своими крохотными лапками. А Пушок быстро схватил автомат, который прятал под диваном как раз на случай появления незваных гостей. Хотя, по всем законам физики и техники безопасности, никто и близко не мог подойти к жилищу беляка. Но в пентхаус явно кто-то проник. Да еще и гремит, как жирный кот в посудной лавке.

— Сейчас я преподам этим непрошеным тварям урок этикета, — прошипел Пушок и рванул на себя дверь со смотровой площадки. На пороге стоял... Томас Флаффи! Тот самый изобретатель Флаффи, у которого ничего не работало. Тот самый Флаффи, который рассказал беляку, что его лежанка — это камера криогенной заморозки. Тот самый Флаффи, который нечаянно устроил Великую кошачью революцию. Тот самый Флаффи, который остался далеко в прошлом... Но тем не менее именно этот Флаффи стоял сейчас на пороге.

— Сопляк, ты откуда здесь? — скрипя клыками, прохрипел Пушок. Впрочем, слово «сопляк» уже не особо подходило Томасу. Он был гораздо старше того выскочки ученого, которого знал Пушок. Его дымчатый окрас порядком поблек и покрылся предательской сединной. Фигура, раньше натянутая как струна, стала клониться к земле. Тем не менее перед Пушком определенно стоял Томас Флаффи. Его шерсть все так же стояла дыбом, словно в кота только что угодила молния. У него постоянно дергались левый глаз и правое ухо. А усы торчали настолько невпопад, что казалось, будто они вот-вот сбегут.

— Пушок, я, конечно, понимаю, что у вас тут последний акт трагедии «Закат диктатора». Но для начала опустите, пожалуйста, ваше ружье! — Осталась при Флаффи и его манера говорить. Он начал фразу очень медленно, растягивая каждый слог, но с каждым последующим словом скорость речи все увеличивалась и увеличивалась. — Да-да, уберите ваше оружие. И ядерную катастрофу я тоже попросил бы вас не совершать! Собственно, для этого я здесь.

В Пушке боролись два чувства — ненависть к этому заморышу и любопытство. Второе пока побеждало.

— Как ты попал сюда, Флаффи? Ты ведь давно должен был умереть от одного из своих горе-опытов или, на крайний случай, от старости.

— Но я же вам уже ответил! — затараторил Томас. — Ой, точнее, я в своей голове вам ответил, по дороге сюда. То есть я мысленно уже прокрутил в своей голове наш с вами диалог. А на самом деле еще не ответил. Хотя, конечно, надо вам все рассказать. А то вы конец света собираетесь устроить. И тут я такой, как снег на голову. А у вас нервы и так ни к черту. И я еще, как раздражитель и катализатор... Ай! Как больно!!

Флаффи не заметил, как раздосадованный Иваныч, так и не совладавший с замком на ядерном чемоданчике, шмыгнул ему под лапы и впился острыми зубками изобретателю в хвост. Томас попытался стряхнуть с себя капутина. Но тот уже записал хвост ученого в свою собственность и не намерен был с ней расставаться.

— Обезьяна, отстань от этого пылесборника. Иваныч, фу, я сказал! Да не ешь ты эту гадость, — экс-президент схватил питомца за шкурку и бросил на диван. — Сопляк, давай как-то порасторопнее. Видишь, до чего ты довел мою обезьяну. Мы с ней на ядерную зиму хотели посмотреть. А тут ты пожаловал. Как ты сюда попал? И что тебе надо?

Томас затарахтел:

— Через 50 лет после того, как вы, Пушок, исчезли, бессовестным образом выкрыв у меня криогенную камеру, я благодаря собственным разработкам и научным трактатам создал агрегат, который позволяет материальным объектам описывать траектории, замкнутые не только в пространстве, но и во времени. Грубо говоря, я создал машину времени! Пушок, вы помните, какое сегодня число?

— Эээ. 24 октября вроде бы. 24 октября 2036 года.

— Именно! А завтра не наступит. Вообще не наступит! Создав свой невероятный перпетуум мобиле, я начал странствовать по столетиям. Страшно сказать, в скольких эпохах вы наследили! Но сейчас, Пушок, вы можете стать (а если бы не мое вмешательство — уже бы стали) причиной планетарной катастрофы. Если вы приведете в действие ядерное оружие, это спровоцирует такую чудовищную цепочку событий, что Земля разрушится. В прямом смысле перестанет существовать. Я был в 25 октября 2036 года. Я там был. А 25 октября там не было! Понимаете?

— Не мели чушь, Флаффи, — отмахнулся экс-президент Пушок. — Мои боеголовки всего лишь уничтожат котов и чуть-чуть другой живности. Ну, трава поляжет. И деревья слегка подвялятся. А мы с Иванычем спокойно полюбоемся на это с нашей смотровой площадки.

— Какая смотровая площадка?! Это будет не просто крах цивилизации! Планете придет фатальнейший конец. А даже если бы вы и уцелели, зачем вам жить в мире, где нет котов?

— Потому что я их НЕНАВИЖУ! — Шерсть вокруг глаз Пушка заколыхалась черными осминогами.

— Пушок, что с вашей мордой? — только сейчас заметил изменения в облике старого знакомого Томас. Но беляк пропустил реплику мимо черных ушей. Не теряя времени, изобретатель продолжил: — Что значит, вы ненавидите котов? Я тоже много кого не люблю. Знаете, сколько научных открытий у меня украли (хотя, ммм, они все равно бесполезные были). Но это же не значит, что котов нужно стирать с морды Земли! Что вам сделал кошкин мир?

— Коты забрали у меня молодость. Коты забрали у меня здоровье. Коты забрали у меня власть. Коты забрали у меня жизнь. Много жизней. Коты забрали у меня... — На мгновение что-то изменилось в горящих угольках зеленых глаз Пушка. — Коты забрали у меня Мурку! Коты забрали Пушанну! Коты забрали Лансекота и Персиваля.

Экс-президент впервые за много лет вспомнил свою семью. Может, дело было в Томасе Флаффи, который в свое время и рассказал беляку, что его родные мертвы. А может, горькие воспоминания давно пытались сорваться с цепи, но Пушок старательно держал их за забором своей памяти. А теперь, когда настало время воздать кошачьей братии по заслугам, страшное горе само сорвалось с привязи.

— Коты меня уничтожили. И сейчас я отвечу им взаимностью! — каменным голосом огласил приговор кошкиному миру бывший глава государства. Но тут на морде Пушка появилась, казалось, давно атрофированная эмоция. Это была надежда!

— Ты говоришь, машину времени изобрел. И на ней можно отправиться в прошлое? В любой год? В любой день?

— О, нет-нет-нет, — с утроенной скоростью затараторил Флаффи. — Кажется, я понял, о чем вы думаете. Вам нельзя спасать свою семью! Путешествовать во времени можно. Но менять ни в прошлом, ни в будущем ничегосеньки нельзя!

— Сопляк, ты совсем оборзел?! — вскипел беляк. — Ты заявился ко мне, как раз чтобы изменить будущее! Как любил повторять электорат в конце моего седьмого президентского срока, какие-то двойные стандарты у нас получаются.

— Но у меня не было другого выбора! Ваш ядерный чемоданчик — точка невозврата. Хуже все равно уже не будет. Любой другой расклад — лучше небытия. А если вы измените прошлое, не исключено, что тем самым приблизите конец света. Вдруг случится что-то такое, что уничтожит нас всех еще раньше? Я категорически против нецелевого использования моего изобретения, и клянусь своей ученой степенью, ни за что в жизни не позволю вам...

Спустя десять минут и пару сверхэффективных попыток, которые Пушок прекрасно помнил со времен службы в отряде кошквизиторов, Томас Флаффи представил экс-президенту машину времени и подробнейшую устную инструкцию по ее использованию. Агрегат материализовался в 5-й гостиной пентхауса. Внешне машина очень сильно напоминала старую добрую криогенную камеру беляка. Только в размерах изобретение Флаффи оказалось гораздо больше, и стояла эта конструкция не горизонтально, а вертикально.

— На свой дизайн ума совсем не хватило, да? — при виде знакомых очертаний съязвил экс-президент.

— Это не плагиат, а продолжение научной традиции, заложенной моими древними коллегами, которые создали ваше потрясающее устройство, — немного смущенно, но столь же быстро, как обычно, заверил владельца пентхауса Томас.

— Сопляк, слушай, как мы поступим, — скомандовал верховный главнокомандующий на пенсии. — Ты отправишься со мной и Иванычем в прошлое. Я, понятно, не горю желанием брать тебя с нами. Но вдруг что-то пойдет не так. А при твоём таланте создавать неработающий металлолом в твоей развалюхе обязательно что-то коротнет. На свою обезьяну готов поспорить, что коротнет!

Иваныч тут же приуныл. А Пушок продолжил излагать план:

— В общем, если твоя кастрюля с болтами забарахлит, ты быстро это исправишь! И раз уж машина времени весьма вместительная, я сейчас возьму из своего домашнего оружейного склада охотничий нож, 10 наступательных ручных гранат класса «Цап-Царап», пистолет-пулемет «Тыгыдык», пять дымовых шашек и два автомата Котофея (в простонародье известных как АК-40-кусь). А! Чуть не забыл. Надо еще для Иваныча взять мини-автомат Котофея. Я ему на заказ делал. Выглядит как игрушечный. А убойная сила как у настоящего АК-40-кусь... Дальше мы садимся в твой чудо-ящик и отправляемся в 19 мая 1235 года. Там разбираемся с гребаными кошквизиторами, спасаем мою семью и переносим их в 2036 год. Тебе, кстати, придется тоже остаться здесь. Я планирую уничтожить машину времени после завершения нашего марш-броска. А то взбредет тебе в голову еще раз подправить какие-нибудь мои действия. Нет уж, дружок. Всё — отлетал ты свои часы! Вопросы?

— Только один. Вы передумали убивать всех котов на Земле?

— Ни в коем случае! — шерсть на морде Пушка запульсировала черными осьминогами.

3

Машина времени сработала как часы и перенесла котов в 19 мая 1235 года. Мало того, Флаффи даже со временем не напортачил. Они прибыли аккуратно в полдень. Выйдя из мудреного агрегата, экс-президент довольно

потянулся. Сегодня здесь впервые за пять лет перестал идти дождь, и выглянуло солнце...

До казни на Ливерном проспекте оставался примерно час. Они спокойно доберутся до места максимум за 30 минут.

— Сопляк, за мной. Хватит суетиться возле своего металлолома! — цыкнул на Флаффи беляк.

— Я определенно не понимаю, зачем вы взяли с собой столько оружия, — взорвался Томас. — Я же вам объяснил, что даже малейшее изменение в прошлом может привести к катастрофическим последствиям! Вы пытаетесь сохранить жизнь, которой не должно быть. Да еще и собрались бойню устроить! К сожалению, вы подло взяли меня в заложники ваших шкурных интересов. Но я вас очень прошу, давайте хотя бы постараемся минимизировать последствия этой страшной авантюры.

— Флаффи, тебе опять пояс весельчака устроить? — почти беззлобно спросил экс-президент. Изобретатель вздрогнул и молча побрел рядом.

С первого шага, который Пушок сделал по разбитой мостовой, он ощутил себя владыкой этого забытого Хозяином места. Когда-то беляк боялся в Мурлеане всего. Он боялся, что его котята останутся голодными. Боялся, что коллеги-кошквизиторы, не выполнив план по аресту пессимистов, запишут в нытики его самого. Боялся, что его уволит верховный весельчак Клыквемада. Но сейчас, когда у Пушка в каждой лапе было по автомату Котофея, а на плече сидел Иваныч и прикрывал его своим мини-АК-40-кусь, экс-президент смело шагал вперед.

Вдруг из подворотни вырулил отряд кошквизиторов. Пушок расплылся в улыбке. Она сияла практически так же хищно, как начищенные стволы автоматов в его лапах. Спohватившись, беляк быстро спрятал ухмылку. Разумеется, он планировал разобраться с бывшими коллегами. Но сперва ему хотелось понаблюдать за классическими приемчиками правдоверных оптимистов. И те не разочаровали!

— Коты, ну и куда мы спешим? — кошквизиторы направились напрямиком к путешественникам во времени. Самый веселый весельчак строго поинтересовался:

— Неужели вы не знаете, что по указу короля Лютика-Котика Десятого запрещено выходить на улицу?

Второй кошквизитор как по нотам добавил:

— А вы чего такие грустные? Не пессимисты ли вы случаем?

Третий, выждав необходимую в таких случаях паузу (чтобы у предполагаемых нытиков окончательно уши прижались к пяткам и усы упали ниже хвоста), филигранно завершил процедуру:

— Отрекаетесь ли вы от депрессии, коты? Отрекаетесь ли вы от вашей печали, которой вы предаетесь каждый день в своих уютных квартирках, через потолок в которых вас освежает прекрасный дождь? Знаю я вас! Вместо того чтобы радоваться жизни, вы умываетесь не дождем, а своими слезами!

— Отрекаемся! Еще как отрекаемся!! — старательно закивал Пушок.

Кошквизиторы радостно потеряли лапы. Задержанных даже не пришлось пытаться. Вон один уже всюду дает признательные показания. Смена определенно задалась!

— Так, значит, вы отрекаетесь от депрессии? — на всякий случай для протокола переспросили кошквизиторы.

— Да-да, отрекаемся, — заверил Пушок. — Мы закоренелые пессимисты-рецидивисты! И я, и вот этот дерганый кот рыдаем каждый вечер от безысходности нашей жизни и клянем последними мяками Лютика-Котика. А наша обезьяна вообще грустит, как не в себя.

Иваныч удивленно посмотрел на хозяина. Он уже пять минут ждал, когда наконец можно будет воспользоваться его любимым мини-АК-40-кусь. Но котмилец не давал команду. Он продолжал:

— Только костер согреет наши холодные сердца. Скорее приговорите нас к смертной казни через хворост и факел. И пусть это будут самые яркие минуты в наших серых буднях. В эти мгновения мы наконец поймем, как прекрасна жизнь!

Весельчаки с уважением посмотрели на разговорчивого пессимиста. «Из него мог бы получиться отличный кошквизитор», — пронеслась мысль в их тщательно выбритых головах. Но план по казням сам себя не выполнит. Поэтому спустя мгновение защитники оптимизма уже распаковывали вязанки хвороста и высекали искры из кусочков кремня, чтобы зажечь факелы.

— Напоследок у меня к вам тоже вопрос, уважаемые весельчаки, — перестал скрывать свою ухмылку Пушок. — А сами-то вы не предаетесь депрессии каждой ночью? Не плачете ли вы в подушку, что приходится стучать на своих лучших друзей? Не страшно ли вам, что завтра коллеги придут за вами? Или того хуже — за вашими женами и котятками? А может, вас гнетет, что вами правит бездарный садист Лютик-Котик? А, кошквизиторы? Что скажете? Чего это вы приуныли? Ой, Иваныч, смотри, на их мордах отчетливо проступила печать депрессии! А значит, что? Правильно, Иваныч, мы приговариваем этих жалких шкур к смертной казни через пули и пули. Огонь, обезьяна!!

Не успели кошквизиторы даже испугаться, как Пушок и капуцин изрешетили их из автоматов Котофея. Увлечшись казнью, беляк выпустил из вида Томаса Флаффи. Когда дело было сделано, оказалось, что тот куда-то пропал. Экс-президент с досадой сплюнул: изобретатель, видимо, сбежал. Но тут взгляд кота скользнул по углу ближайшего дома.

Старенький Томас сидел там, обхватив себя лапами, и дрожал:

— Зачем? Зачем вы это делаете? Каждая жизнь бесценна! А вы вторгаетесь в пространство, которое вам не принадлежит, и просто сеете смерть! Вы сами превратились в смерть, Пушок...

— Закончил? — невозмутимо перебил изобретателя Пушок и протянул ему лапу. — Вставай, старый сопляк. Самое интересное еще впереди.

4

Тем временем в квартале от экс-президента Пушка другой Пушок, еще не возненавидевший всю кошачью братию, в последний раз разговаривал со своей дочкой.

— Папа, они их забрали! — разрыдалась Пушанна. — Твои коллеги забрали всех!!

— Как всех?

— Мама открыла дверь. Думала, это ты что-то забыл и вернулся. А кошквизиторы с порога объявили ее изменницей Родины и попытались арестовать. Я, естественно, побежала ее выручать. Но Персиваль запер меня в шкафу, сказал: «Ты-то хоть не лезь». А сам ведь полез! Я в щель все видела. Братик уложил двоих, но этих тварей было котов десять. Они скрутили Персиваля и сразу три обвинения предъявили: измена Родине, пессимизм и подозрение на короначумку.

Пушанна больше не могла говорить. Ее грудь то и дело вздрагивала от всхлипов.

— Дорогая, а с Лансекотом что?

— Говорю же: всех забрали, — наконец смогла успокоиться дочка. — Когда Лансекот увидел, что маму и Персиваля арестовали, он разревелся. Тогда кошквизиторы арестовали его за уныние. Крысы кошачьи...

— Дочка, не плачь. Все будет хорошо. Я всех освобожу... — Тело Пушка пронзила судорога. Оказывается, самочувствие заболевшего черной короначумкой ухудшается даже быстрее, чем ему рассказывали. — Сейчас, Пушанна, я только дух переведу и пойду спасать маму с братьями.

— Пап, о чем ты вообще говоришь? Видел бы ты себя. Тебя самого спасать надо. Я сама их освобожу.

Пушок попытался подняться, но лапы предательски онемели. И в этот момент глава семейства понял: он уже никого не спасет. Теперь вся надежда только на Пушанну. Отец обреченно кивнул:

— Хорошо. Ступай! Но будь очень осторожна. И еще, дочка. Загляни под нашу с мамой кровать. На день рождения я хотел подарить тебе доспехи. Кузнец для тебя их выковал. Говорят, заранее не дарят. Но нам сейчас не до примет, — беляк скривился в горькой усмешке. — Первым постарайся освободить Персиваля. Он поможет. Чаще всего сейчас казнят на Ливерном проспекте. Скорее всего, маму и братьев повели туда.

Дочь примерила доспехи, надела шлем и выскочила из квартиры. Три улицы Пушанна даже не пробежала, а пролетела. Тяжесть лат только прибавляла ей смелости и сил. Меч в лапе был готов разить кошквизиторов направо и налево. Но когда до Ливерного проспекта осталось полкилометра, юная кошка сбавила шаг. Доспехи при беге издавали столько грохота, что Пушанну заметил бы даже самый старый и глухой кошквизитор. А ей предстояло столкнуться с предельно молодыми силами весельчаков.

Дочка Пушка, крадучись, подобралась к концу Ливерного. Проспект венчала площадь Первого Лютика-Котика. Здесь уже стояли столбы для казни. У подлупия каждого был аккуратно разложен хворост. Пушанна чуть не вскрикнула. Кошквизиторы привязывали к плахе маму. Ее мордочка была в кровоподтеках, огненно рыжая шерсть испачкалась в грязи, а платье порвалось. Но, несмотря на это, Мурка оставалась прекраснее любой королевы. Даже на эшафоте она была совершенством. В окнах ближайших домов виднелись испуганные морды горожан. Они неотрывно смотрели на Мурку. Кто-то откровенно пожирал кошку взглядом, кто-то искренне переживал за нее. Но духу броситься ей на помощь не хватало никому.

Мурка не пыталась вырваться и не молила о пощаде. Она гордо смотрела вперед, периодически бросая презрительные взгляды на своих палачей. Но когда по обеим сторонам от нее поставили сыновей, миудейка не выдержала. Она разрыдалась. В голову тут же полезли ужасные воспоминания, как мурские солдаты пытались казнить Пушка, заставляя всех котов бросать в него камни... Справа зашипел Персиваль. Кошквизиторы безуспешно пытались привязать его к бревну. Как только весельчаки с веревкой приближались к юному пессимисту, тот отчаянно кусал их за уши, лапы, шею. Тут в морду Персивалю прилетела увесистая лапа. Удар оказался настолько мощным, что котенок потерял сознание.

— Сразу видно, сын Пушка. Такой же глупый, — рядом с Муркой оказался верховный кошквизитор Клыквемада. Он потерял лапу, которую отбил, отправляя Персиваля в отключку.

— Приказ из столицы — чтобы я лично разжег хворост под тобой. Видишь, какие последствия бывают, когда затеваешь разговор с королевой. Она просила тебе передать: «Королевская красота должна быть только у королевы!» Думаю, ты понимаешь, о чем речь...

Слева от Мурки раздался дрожащий голос Лансекота. Ему было жутко страшно. Но от того, что котенок всю свою недолгую жизнь боялся каждого шороха, его судьба не стала более счастливой. Поэтому Лансекот собрал всю свою смелость и тихо сказал:

— Сам гори в костре, марионетка короля!

Клыквемада хищно улыбнулся:

— Пожалуй, и твой хворост я тоже разожгу лично.

Оптимисты продолжали неспешно готовиться к расправе над пессимистами. На древках начали появляться радостные языки пламени. К верховному весельчаку подошел щуплый кошквизитор. Он нес перед собой увесистый факел, закрывавший практически всю его фигуру.

— Младший кошквизитор, почему одет не по уставу? — возмутился Клыквемада. — Где это видано, чтобы весельчак на казнь пришел в противокорона-

чумкиных латах? Да еще и забрало опустил! Приговоренные должны видеть твою лучезарную улыбку! Эти шкуры должны понимать, от какой прекрасной жизни в компании приятных котов они отказались.

Щуплый весельчак неожиданно заговорил голосом Пушанны:

— Ох, как я сейчас согрею тебя своей лучезарной улыбкой! — Горящий факел со всей силы прилетел аккурат Клыквемаде по носу. Верховный взвыл от боли, пошатнулся, но удержался на лапах. Пока он окончательно не пришел в себя, Пушанна с разбега ударила его лапой в стальном сапоге. Кошквизитор рухнул с эшафота на брусчатку.

Первой Пушанна освободила маму. Дальше, не теряя ни секунды, бросилась на помощь Лансекоту. А Мурка в это время развязала Персиваля, который до сих пор не пришел в себя. Но на этом их ходы закончились. К эшафоту тут же потянулись десятки весельчаков, еще секунду назад скучавших по всему периметру площади. Они понимали: за то, что прозевали лазутчика, им как минимум грозит увольнение, а как максимум — разжалование в пессимисты и скорая казнь через хворост и факел. Поэтому кошквизиторы изо всех сил рвали когти, доказывая опозоренному верховному свое рвение и работоспособность.

За считанные минуты деревянный постамент, на котором ютилось семейство Пушков, оказался полностью окружен. Кошквизиторы напирали со всех сторон.

— Не волнуйтесь, котятя! — попыталась приободрить детей Мурка. — Папа нас вытащит. Такое ощущение, что здесь на площади уже все кошквизиторы Мурлеана. Значит, Пушок тоже в курсе, что произошло. Он обязательно что-нибудь придумает!

— Мам, — с горечью начала Пушанна и уткнулась мокрым носом кошке в платье. — Папа не придет на помощь. Он заразился короначумкой. Ему очень плохо. Настолько плохо, что он не смог даже подняться. Последняя надежда была на меня. А я не справилась. Я подвела папу. Я нас всех подвела.

— Дурёха, ты самая смелая девочка-кошка на свете, — Персиваль наконец открыл глаза. — Я и мечтать не мог о такой смелой сестре. Ты — мой образец для подражания, Пушанна. Помоги мне встать, сестренка. Сейчас мы еще покажем этим трусливым шукурам!

Под эшафотом вперед выступил Клыквемада. Верховный уже не пытался излучать оптимизм. На его обгоревшей морде правила бал ярость (за нанесенный ему позор) и тоска (по безвозвратно потерянным усам). Впрочем, вкрадчивый голос кошквизитора звучал даже дружелюбно:

— Такая казнь определенно понравится королеве. Ну что за банальность — привязать к столбу и поджечь? Слишком тривиально. А вот поразить грустителей огненным дождем — в этом уже прослеживается поэзия и эстетика. Итак, я — верховный кошквизитор Клыквемада — признаю семью Пушков — Мурку, Персиваля, Лансекота и Пушанну — виновными по статьям «измена Родине» и «пессимизм». И приговариваю их к смертной казни! Кошквизиторы, слушайте меня! Поджигайте свои факелы и по моей команде бросайте на эшафот. Подождли? Три. Два...

Клыквемада осекся. Где-то рядом раздался гром. Раскаты приближались. Дальние ряды кошквизиторов вдруг начали истошно кричать. Всеобщая паника пожаловала так же внезапно, как и эта странная гроза, в которой не было ни дождя, ни молний. Канонады грома гремели с дьявольской частотой. Весельчаки теперь были мало похожи на весельчаков. Они в ужасе метались по площади Первого Лютика-Котика. Каждую секунду всё новые и новые шкуры замертво падали на землю.

Но Клыквемада был не из робкого десятка. Чувство страха само боялось верховного и всю жизнь обходило этого котяру стороной. Собственно, благодаря бесстрашию он и умудрился 20 лет продержаться на своей лакомой должности, где его предшественники выгорали за месяц, а сгорали и того

чаще. Когда возникали проблемы, главный кошквизитор хладнокровно ликвидировал их, а заодно и всех котов, стоящих за ними. Вот и сейчас, когда другие кошквизиторы в панике бросились врассыпную, Клыквемада остался на месте, стреляя голубыми глазами по сторонам и выискивая закономерности в странных раскатах грома. «Это некое оружие, — догадался весельчак и еще раз оглядел площадь, усеянную телами подчиненных. — Очень эффективное оружие. Надо его заполнить. Во славу оптимизма!»

Клыквемада лег и притворился мертвым.

5

Иваныч был далеко не самым идеальным питомцем. Он часто путал команды, регулярно рвал обои или швырял в них еду. А еще капуцин страдал крайней формой неуклюжести, из-за которой разбил в пентхаусе Пушка не один уникальный средневековый сервиз. Но все свои недостатки обезьянка искупала фанатичной преданностью по отношению к Пушке. Капуцин с обожанием ловил каждое движение, каждый жест своего кормильца и тщательно копировал. Заснуть на коленях или на плече у родного кота — было главной наградой для обезьянки. Пушок понятия не имел, чем он заслужил такую любовь (да особо и не задумывался об этом). Не сказать, что экс-президент как-то рьяно заботился о своем питомце. Но так уж вышло, что с первого взгляда на Пушка Иваныч понял: перед ним божество, которому он будет самозабвенно служить.

Вот и сейчас на площади Первого Лютика-Котика обезьянка то и дело поглядывала на хозяина. Она любовалась, как тот уверенно, с кривой ухмылкой в уголках губ, выпускает обойму за обоймой по этим мерзким кошквизиторам. Больше всего на свете Иванычу хотелось, чтобы Пушок его похвалил и потрепал по холке. Чтобы заслужить одобрение, обезьянка не отставала от своего образца для подражания. Капуцин методично поливал весельчаков свинцом из своего мини-АК-40-кусь. Когда очередной рожок с патронами заканчивался, питомец снова во все глаза смотрел на любимого хозяина, потом спохватывался и тянулся в свой маленький рюкзачок за следующим «магазином».

Едва появившись на площади, путешественники во времени тут же взялись за дело. Пушок быстро сказал Флаффи, чтобы тот прижался к ближайшему столбу и не отвечивал. Не успел изобретатель воспользоваться советом старого знакомого, как тот уже вовсю косил бывших коллег. Томас вглядывался в глаза беляка — пытался увидеть там хотя бы намеки на горечь и сожаление. Но по белой морде экс-президента черными всполохами гуляла только ненависть. Пушок упивался творимой им расправой.

— Ну что, коллеги, давно не виделись! Соскучились по кошквизитору Пушке? — шипел кот. Весельчаки пытались дать отпор. Но их мечи, пусть и с наточенными до совершенства лезвиями, были абсолютно беспомощны против огненной силы из будущего.

Эшафот становился все ближе. Пушок уже мог разглядеть всю свою семью. Вот Мурка в ужасе смотрит на происходящее. Такое же выражение морды у Лансекота. Как же он похож на мать! Вот Пушанна в новеньких доспехах размахивает мечом и готовится дать отпор любому, кто решит обидеть ее родных. Вот Персиваль схватил самую крепкую ветку хвороста и присоединился к сестре. Пушок выпустил еще две очереди по кошквизиторам и ускорил шаг. Хотя Флаффи не заметил никаких светлых чувств у него на морде, на самом деле в душе беляка бушевали бури, ураганы и тайфуны эмоций. Пушок уже давно смирился с тем, что его семья умерла. Эта простая в своей безысходности мысль заполнила всё его существо. И вот он видит их живыми! Не во сне. Не в наркотическом или валерьяновом дурмане. Он видит родных в настоящей жизни (сколько бы Флаффи ни повторял, что этой жизни не должно быть)!

Кот сделал еще несколько точных выстрелов. А затем, не выпуская автомат из лапы, помахал Мурке. Та в ответ лишь нахмурилась.

«Неужели она не узнала меня, — цыкнул беляк. И тут же сам посмеялся над собой. — Да ты же весь в шерсти! А Мурка привыкла, что ты — кошквизитор и каждый день бреешься налысо... Но все равно могла бы узнать! Жена, называется».

От надвигающегося раздражения экс-президента отвлек Иваныч. Зверек не удержал в лапках свой мини-АК-40-кусь, и автомат, хорошенько звякнув, упал на брусчатку. Капуцин был готов сквозь землю провалиться от стыда. Хозяин бы никогда не выронил оружие. Хозяин — самый ловкий и меткий. А он — глупая-глупая-глупая обезьяна. Иваныч хотел броситься с плеча кормильца на землю, чтобы исправить свой конфуз. Но Пушок снисходительно его остановил:

— Ладно, сиди уже и не дергайся. Все равно кошквизиторов почти не осталось.

Из автоматов беляка полетели очередные смертоносные послания весельчакам. Наконец кот добрался до эшафота. В горле пересохло. Он столько всего хотел сказать Мурке и котяткам. Но не мог выдать из себя ни слова. А вот у домохозяев такой проблемы не возникло.

— Что ты за чудовище?! — в ужасе отшатнулась Мурка.

— Чудовище? — прохрипел Пушок. — Я — твой муж. И я сделал то, что давно уже должны были сделать жители Мурлеана, если бы не оказались жалкими трусами! Я освободил город от страха.

— Вообще-то мой муж — тоже кошквизитор! — кричала миудейка. Но Пушок даже не пытался понять смысл ее слов. Кот просто наслаждался звуком голоса своей жены и любовался ею. А Мурка продолжала сыпать проклятиями:

— Да, от мужа я знаю, как много зла творят кошквизиторы. То, что они чуть не казнили меня с котятками, — это еще цветочки. Но ты еще страшнее! У большинства кошквизиторов хотя бы есть оправдание. Только работая на корону, они могут прокормить свою семью. Думаешь, им нравится служить королю? Нет, конечно! А ты хуже весельчаков. По тебе видно, как тебе нравится сеять смерть. Мой муж, которым ты, монстр, представился, даже будучи кошквизитором, остается порядочным котом. А ты... Чего ты улыбаешься? Не приближайся! Хочешь и нас убить?!

— Вообще-то вас хотели убить те самые кошквизиторы, которых ты пытаешься оправдать. А я вас спас! И улыбаюсь я просто потому, что очень рад тебя вид... — Пушок не успел договорить. На него бросились Пушанна и Персиваль.

— Мама, мы защитим тебя! — закричали они.

На Пушка обрушился вихрь из ударов хворостинной и мечом. Дети экс-кошквизитора действовали как единое целое, дополняя каждое движение друг друга. Глава семейства еле успевал уворачиваться и подставлять автоматы, чтобы дочь не порубила его на мелкие пушистые кусочки. Иваныч обхватил шею хозяина и изо всех сил старался не упасть. Даже будучи не особо сообразительным, капуцин сразу понял, что в эту драку вмешиваться не стоит. Здесь происходило нечто, что выходило за рамки стандартной ненависти его кормильца ко всей мурлыкающей братии.

— Пушанна, — попытался достучаться до своей любимицы Пушок, ставя очередной блок на атаку отпрысков. — Что сказал тебе папа час назад?

— Что? — Юная кошка решила, что это какой-то обманный маневр, и наконец пробил оборону противника. Лезвие полоснуло беляка по щеке. По белой шерсти побежали алые струйки.

— На день рождения я хотел подарить тебе доспехи. Кузнец специально на заказ выковал маленькие латы. Говорят, заранее не дарят. Но нам сейчас не до примет, — вытирая кровь, произнес Пушок.

— Откуда ты это знаешь? В доме мы с папой были вдвоем!

— Я и есть твой папа, дуреха! Только из будущего. Ну, посмотри на меня, Пушанна. Неужели ты меня не узнаешь?

Пушанна замахнулась. Беляк в ответ и не думал применять свое смертоносное оружие, которым за десять минут положил большую часть кошквизиторов Мурлеана. Кот стоял, опустив лапы, и внимательно смотрел на юную кошку. Пушанне вдруг показалось, что в его взгляде читается нежность. Она осторожно опустила меч. Но в этот момент отца сбил с лап Персиваль. Иванныча тоже отбросило в сторону.

— Вот тебе, гадкая шкура! — котенок со всей силы лупил беляка хворостиной.

— Так, Персиваль, я, конечно, понимаю, что ты мой сын, — закрываясь от тумачков, проворчал Пушок. — Но еще один удар, и я этой палкой так тебя повоспитываю, что никакие Катрина и Мишель не узнают.

Персиваль и Пушанна переглянулись. Это определенно был папа. Интонации, жесты, взгляд — их брюзжащего отца ни с кем не спутаешь! Котята озадаченно изучали морду Пушка. Они ведь видели его с шерстью только в очень юном возрасте.

— Вы скоро дырку во мне прожжете своими взглядами! — совершенно не злобно произнес глава семейства, продолжая лежать на мостовой. — Помогите отцу подняться.

Пушанна и Персиваль смущенно протянули свои лапы. Пушок схватился за них и быстро встал. Но он не спешил отпускать мягкие подушечки своих котят. Кот держался за них, будто опасаясь, что, как только отпустит, его дети исчезнут. Больше не сдерживая эмоции, экс-президент притянул сына и дочку к себе и крепко-крепко обнял.

Иванныч с земли внимательно наблюдал за этой сценой. У него были двойные чувства. С одной стороны, обезьянка радовалась, что ее хозяин счастлив. С другой, зверька до глубины капучиновой души возмущало, с какой нежностью Пушок обнимает этих мелких шкур, которые еще совсем недавно пытались его убить! А вот он, Иванныч, ни за что в жизни не причинил бы хозяину вред. Но его почему-то хозяин никогда не обнимал с такой теплотой. Да ладно, кого Иванныч обманывает. Пушок вообще никогда его не обнимал. Капучин с досадой отвернулся от семейной идиллии. Сделал он это как раз вовремя, чтобы заметить, как один из котят, распластавшихся на площади, неожиданно приподнялся и дополз до мини-АК-40-кусь...

Клыквемада хоть и лежал ничком, его взгляд тщательно фиксировал всё, что происходило вокруг. Он отлично видел, как существо, которое сидело на плече у опасного кота, уронило оружие. Верховный возликовал, когда эта странная парочка не подобрала смертоносную вещицу. Он выжидал. Когда незнакомец вступил в схватку с котятами, Клыквемада не рискнул сделать свой ход. Все-таки чужак легко мог переключиться с мелюзги на него. Но едва троица принялась обниматься (нашли время, глупцы!), весельчак ползком рванул к оружию. На то, чтобы понять схему действия разящего устройства, ушла пара мгновений. Главный кошквизитор детально рассмотрел, как им пользовался враг. Да, этот экземпляр оказался значительно меньше. Но суть была та же. Наводи ствол на мишень и нажимай на маленький рычаг в нижней части оружия. Клыквемада встал во весь рост. В первую очередь он хотел расправиться с чужаком. Но мелкие выродки закрывали обзор. Ничего. Все равно их надо казнить. «Сперва разберусь с котятами, а следом со здоровяком. Во славу оптимизма!» — промурлыкал верховный.

У Иванныча в его крохотной голове не было ни малейшего сомнения — прыгать или нет. Да, обезьянку расстроило, что Пушок сюсюкается с парочкой блохастых котят. Но это был его Хозяин, его Кормилец! Иванныч жил именно ради такого момента. Ради того, чтобы защитить свое божество. Ну, а то, что он ненароком спасает еще и этих карликовых шкур, — что ж, на это нечаянное добро капучин готов был закрыть глаза.

Иваныч бросился вперед. Прыгнул на дуло автомата. И в ту же секунду раздался выстрел. Первый, второй третий, четвертый. Мини-АК-40-кусь в лапе у Клыквемады стрекотал до тех пор, пока не закончилась вся обойма. Кошквизитор пытался стряхнуть со ствола обезьянку. Но та железной хваткой вцепилась в автомат. Тельце капуцина приняло на себя весь свинец. Лишь когда из дула вылетела последняя пуля, Иваныч отцепился от автомата и рухнул на землю. Умирая, он в последний раз с надеждой посмотрел на Пушка. Может, хотя бы сейчас хозяин им гордится.

Но на морде Пушка была не гордость. А БЕШЕНСТВО. Услышав первый выстрел, беляк бросился на мостовую, закрыв своим телом Пушанну и Персиваля. Тут же перевел взгляд на эшафот. Мурка и Лансекот в порядке. Выстрелы их не задел.

— Мурка, Лансекот, ложитесь. Быстро-быстро! — закричал экс-президент. — Пушанна, Персиваль, не вставайте!

Пушок схватил свои автоматы Котофея и ринулся к верховному кошквизитору.

— Ты! Хотел! Убить! Мою! Семью! Тварь! — на всю площадь рычал Пушок. Казалось, черная шерсть вокруг глаз пожирает пространство. — Ты! Убил! Мою! Обезьяну! Выродок! Ненавижу! Ты! Кусок кошачьего мяса! НЕ-НАВИЖУ! Бесплезная шкура! Тупой половик!

Клыквемада продолжал нажимать на курок. Снова и снова. Он хотел, чтобы жуткий кот, который с неминуемостью фатума приближался к нему, рухнул раз и навсегда. Но оружие не работало. Огонь больше не вылетал оттуда, как бы сильно Клыквемада ни старался. Верховный кошквизитор насторожился. Его посетило какое-то новое чувство. И оно ему жутко не понравилось. Весельчак почувствовал даже не страх, а первобытный ужас. Впервые в жизни.

— Смерть покинула это оружие, — обреченно прошептал кошквизитор.

— А тебя, животное, сейчас покинет жизнь! — почти в упор прорычал бывшему начальнику Пушок и открыл огонь на поражение. — Иваныч, спи спокойно, мой верный товарищ. Только на тебя и можно было положиться! Тебе бы понравилось это возмездие...

Сбоку застонал выживший салага-кошквизитор. Из другого конца площади тоже доносились мольбы о помощи. Пушок осмотрелся: Томас Флаффи в эпицентре побоища оказывал помощь раненым. Изобретатель рвал на лоскуты балахоны весельчаков и делал перевязки.

— Сопляк, а ну отошел от них! Ты кому помогаешь, гад! — рассвирепел Пушок и прицельно начал добивать раненых. Одна из пуль угодила в бедолагу, которого пытался спасти Томас. Изобретатель застонал от бессилия и, весь испачканный чужой кровью, побрел к эшафоту, чтобы самому не попасть под огонь.

Обойдя площадь, экс-президент с телом Иваныча на лапах вернулся к Мурке и котяткам. Рядом с его семьей стоял Флаффи и что-то быстро им рассказывал. Домашние обеспокоенно посмотрели на Пушка.

— Все целы? — не обращая внимания на пристальные взгляды родни, спросил беляк.

— Прости, что не поверила тебе, — вздохнула миудейка. — Твой друг нам рассказал про путешествие во времени.

— Да какой он друг! Так — случайный попутчик, который, кстати, был категорически против, чтобы я возвращался за вами, — цыкнул муж.

— Для меня всё это так неожиданно, — Мурка пыталась быть дружелюбной. Но голос дрожал. Она не могла скрыть, что боится этого существа, которое когда-то было ее любимым Пушком. — Томас сказал, что ты хочешь уничтожить всех котов на земле. Это правда?

— Ну, уж не всех, — отмахнулся беляк. — Вас вот я хочу спасти.

Пушок попытался обнять Мурку, но та сделала шаг назад.

— Послушай, Пу... — миудейка запнулась. Ей сложно было назвать чужака именем ее мужа. В ее сознании это были два совершенно разных кота. Но кошка сделала над собой усилие. — Послушай, Пушок. Если ты меня правда любишь, прислушайся, пожалуйста, к моим словам. Не надо никого убивать. Просто возвращайся в свой мир и живи для себя...

— Что значит, возвращайся?! — опешил беляк. — Мы вернемся в мое время все вместе!

— Но у нас ведь здесь жизнь. Тут мой Пушок. Пушанна говорит, что он, то есть ты, заболел черной короначумкой. Тебя надо срочно лечить.

— О, об этом можешь не беспокоиться. Твой Пушок уже закупорился в нашей ночной лежанке, которая на самом деле оказалась камерой криогенной заморозки. Его, то есть меня, в ближайшие 600 лет оттуда уже не выцарапать. Я, то есть он, сплю беспробудным сном. Поэтому, Мурка, давай не будем спорить на пустом месте.

Пушок опять попробовал дотронуться до жены. Но та вновь увернулась.

— Мы останемся здесь.

— Здесь королева хочет тебя убить!

— Мы с котятками уедем из Котовропы.

— То есть лучше скитаться по свету, как какие-то бродяги, чем жить со мной?! — Черные кляксы на белоснежной морде Пушка злобно уставились на Мурку.

— А что с твоей мордой? — еще больше испугалась рыжая красавица.

— Постарел, в отличие от тебя! — огрызнулся экс-президент. Ему очень хотелось обнять и поцеловать Мурку. Да хотя бы просто прикоснуться к ней, вдохнуть ее запах! А она воротит нос, будто они совсем чужие друг другу. Неожиданно на помощь пришел Томас Флаффи.

— Не надо ссориться, — затараторил изобретатель. Он был все еще сильно подавлен. Но уже взял себя в лапы. — Мне кажется, идея Пушка отправиться в его время — не такая уж и плохая. Я бы даже сказал, что в сложившихся условиях она — м-м-м — хорошая. Ну, посудите сами, Мурка. Что вас связывает с этой действительностью? Когда король и папа Мурский узнают, что в Мурлеане перебили всех кошквизиторов, здесь начнутся такие репрессии, что жестокость Пушка покажется нам детской шалостью. А в 2036 году вы будете в безопасности. Да и ваш муж, я очень надеюсь, под вашим пристальным вниманием и благотворным влиянием изменится в лучшую сторону. Мне кажется, он уже близок к тому, чтобы одуматься уничтожать кошкин мир!

— Вот видишь, дорогая. Изобретатель дело говорит! Вам понравится в моей жизни. Я вас буду на лапах носить. Мне вам столько нужно рассказать и показать. Наверстаем все 800 лет, которые я провел без вас! — Пушок старался произвести на Мурку самое приятное впечатление. Но в какой-то момент котяру понесло. — Флаффи только немного ошибся. Чтобы вы у меня жили в безопасности, от котов и следа не должно остаться! А то опять начнут строить козни, убийц подсылать. Нет уж. Пора решить кошачью проблему раз и навсегда. Ненавижу мерзких котов!

Мурка от ужаса закрыла мордочку лапами. Персиваль и Лансекот недоверчиво уставились на новую версию отца. Только Пушанна потихоньку начала узнавать в этом жестоком, потерянном одиночке своего папу. У нее сердце разрывалось, когда она видела Пушка в таком состоянии. Дочка взяла у мамы платок и аккуратно вытерла кровь на щеке беляка.

— Прости, папа, что поранила тебя, — виновато произнесла юная кошка и поцеловала родителя в порезанную щеку.

— Пустяки, дочка, — замурлыкал Пушок. На миг всем показалось, что от радостных трелей черные осьминоги вокруг глаз экс-президента стали меньше.

— Я согласна с дядей Томасом, — повернулась к семье Пушанна. — Нам нужно пойти с папой. Мы должны ему помочь. Но! Сначала мы отправимся

не в 2036 год. Папа однажды мне рассказал, как он переживал из-за убийства Ученого Кота.

Мурка уставилась на нового/старого мужа:

— Ты в своем уме? Ты правда поведал маленькой дочке, что убил своего лучшего друга?! Псих!

Пушок пожал плечами:

— Да ладно, это так давно было. Пушанна спросила, что меня гложет. Ну, вот я и рассказал.

— Мама, не ругай папу! Ему нужно было выговориться, — заступилась за главу семейства дочь. — Я хоть и была совсем маленькой, но сразу почувствовала, как папа страдает. Мне кажется, именно после смерти Ученого Кота в папином сердце поселилась озлобленность на весь мир. А наша гибель его окончательно доконала. Нас папа уже спас. Теперь нужно сделать то же самое и с дядей Умником. Давайте отправимся на этой вашей машине времени в древнюю Цап-Царапту.

— Самая прекрасная идея, дочка! — Пушок принялся мурлыкать еще громче. — Как я сам об этом не подумал?

— Только не это! — хаотично замотал головой и хвостом Флаффи.

6

Перемещение из одной эпохи в другую занимало около пяти минут. Вся семья Пушковых и Томас легко поместились в просторной машине времени. В углу валялся боевой арсенал беляка. Там же экс-президент аккуратно положил тельце Иваныча. Он решил похоронить обезьянку в живописных валерьяновых полях Цап-Царапты. За стеклянной дверью агрегата творилось нечто неопишное. Слепящий свет сменялся полной чернотой. Тут же ее прорезала огромная радуга. Разноцветные лучи складывались в очертания котов, а иногда путешественникам казалось, что они видят падающие звезды, моря и горы.

Пушанна, Персиваль и Лансекот заворуженно смотрели на эти изощренные пейзажи. А вот взрослым было не до окружающих красот.

— Почему ты не разрешаешь мне тебя поцеловать? — допытывался до жены Пушок.

— Потому что ты чужой мне кот! — страх у Мурки уже прошел. А вот симпатии к экс-президенту не прибавилось.

— А помнишь, как хорошо нам было в Котовифании? Как мы гуляли с тобой ночи напролет? Я тогда показал тебе все созвездия, о которых мне рассказал Ученый Кот. Я еще уверял тебя, что есть созвездие Мурки. И ты поверила! Потом правда обиделась, когда узнала, что я пошутил.

— Конечно, помню, — впервые улыбнулась Мурка. Машину времени хорошенько трянуло на межпространственной кочке. Миудейка чуть не улетила в угол к оружию и Иванычу. Пушок тут же поймал жену и прижал к себе. Кошка отстранилась, но не слишком быстро.

От мыслей о самых приятных моментах семейной жизни беляка резко отвлек изобретатель.

— Пушок, я вас очень прошу. Пока еще не поздно, давайте я вас перенесу в 2036 год! Не меняйте, пожалуйста, ничего в древности. Это плохо кончится.

— Как скажешь, Флаффи, — кивнул Пушок и невзмутимо потянулся за пистолетом-пулеметом «Тыгыдык». Машина времени прибыла в Цап-Царапту.

— Котятя, послушайте меня, — пока дверь не открылась, обратился к детям беляк. — В том времени, где мы сейчас окажемся, у папы были оооочень большие проблемы с валерьянкой. Я был тогда сильно больным котом. Я хочу, чтобы вы это понимали и не разочаровались в отце.

Мурка громко цыкнула:

— Ты на их глазах убил десятки котов. Поверь, разочароваться еще сильнее в тебе невозможно. Так что не беспокойся...

Стеклянные створки распахнулись. Снаружи был закат теплого летнего дня. Спинай к путешественникам расположился старый жирный кот. Перед ним стояла большая клетка. Пузан заговорщицки обращался к кому-то в ней:

— Ученый Кот предал тебя. Такой кот не достоин жить, Пушок. Убей его! И валерьянка польется рекой, морем. У нас будет целый океан валерьянки!

Котяра немного сместился в сторону, и Мурка с котятками увидели того, о ком мгновение назад их предупреждал экс-президент. Если бы старик не назвал Пушка по имени, они бы, пожалуй, и не узнали его. Да, глава семейства оказался совсем юным. Но дело было вовсе не в возрасте. Перед гостями из Мурлеана предстало дно кошачьей породы. Трясущееся существо, сидевшее в клетке, являлось уже не котом, а лишь тенью, которая жила ради одного — ради поглощения ВАЛЕРЬЯНКИ.

Седой пузан достал из ножен кинжал и хотел уже протянуть его поистрепаншемуся повесе. Но...

— Эй, Лаврентикл! — окрикнул пожизненного председателя не пожизненный президент. Котафинянин вздрогнул от неожиданности и раздраженно повернулся. У Пушка не было никакого желания выяснять с ним отношения. Он лаконично сказал:

— Привет тебе из будущего, морда!

Затем беляк поднял «Тыгыдык» и три раза выстрелил в Лаврентикла. Председатель рухнул на траву. Валерьянник Пушок, ничего не понимая, забился под подстилку в своей клетке. Флаффи схватился за голову. «Этот психопат превратит пространственно-временной континуум в труху!» — со скоростью света бегали в его голове сотни вариаций этой неутешительной мысли.

Мурка отвесила мужу тяжелую пощечину с когтями.

— Немедленно прекрати всех убивать! — потребовала миудейка. Пушок примирительно кивнул. Он хотел положить «Тыгыдык» на землю. Но пистолет сам выпал у него из лапы. Беляк увидел, как вдалеке на гору поднимается Ученый Кот. Он катил за собой криогенную камеру. Пушок бросился другу навстречу.

Экс-президент и в старые времена терпеть не мог физические нагрузки. А к своей отставке с поста главы государства и вовсе начал принимать любого фитнес-тренера за террориста, жаждущего подорвать здоровье правителя (из-за неприязни к инструкторам в 2034 году даже появилось знаменитое «дело физруков»). В общем, до Ученого Кота беляк добрался в компании своих старых знакомых — одышки и резкой боли в правом боку. Но они не могли испортить Пушку настроение.

— Ты живой. Ты живой. Ты живой, — жадно глотая воздух, радостно повторял экс-президент. Ученый Кот ничего не понял. Но решил не применять против незнакомца силу. Тот вроде ничего плохого не хотел. Точнее, очень даже наоборот — всячески выказывал свой дружеский настрой. Умник протянул коту лапу.

— Позвольте поинтересоваться, милейший. А мы с вами не знакомы? Черты вашей физиономии кажутся мне весьма примечательными. Но где мы с вами могли пересекаться, затрудняюсь сказать.

Со стороны вершины раздалась встревоженная скороговорка Флаффи:

— Пушок, я вас предупреждал...

Беляк наконец отдышался и раздраженно крикнул в ту сторону, где стояла машина времени:

— Отстань, сопляк! Видишь, я с другом общаюсь...

— Ага, так, значит, мы знакомы, — Ученый Кот поправил очки и прищурился.

— Умник, все-таки не самый ты сообразительный кот в мире, — улыбнулся Пушок. — Не всё ты можешь понять и разгадать!

Нижняя челюсть Ученого Кота отвисла от удивления:

— Пушок? Но как?!

— Я знал, что ты оценишь! Представляешь, да? — хохотнул экс-президент. — Да, я — Пушок. Но из очень далекого будущего. Я живу в 21-м веке. А в Цап-Царапту я переместился на удивительной штуковине — мы называем ее «машина времени». Машина — это как телега. Только более быстрая.

Ученый Кот с упоением слушал друга. Его безумно увлек рассказ Пушка. Эта информация кардинально меняла представления мурлыкающей братии об окружающей действительности. Умник уже всюю представлял, как будет путешествовать не только по миру, но и во времени!

— О сколько мне открытий чудных готовит мой пушистый друг, — замечтался Ученый Кот. Глядя на старого товарища, Пушок поймал себя на мысли, что впервые за долгое время счастлив. Его семья в безопасности. И он смог исправить главную ошибку в своей долгой жизни. Рядом с ним стоял лучший друг. Живой!

— Я здесь вместе со своей семьей — с женой Муркой и котятками, — похвастался беляк. — Сейчас я вас познакомлю.

— А кто тебе кричал с вершины? Твой сын?

— Не. Это, скажем так, просто попутчик. Он, кстати, твой коллега. Тоже ученый. Долгая история. Лучше Флаффи сам тебе всё расскажет.

Но Умнику не терпелось получить ответы прямо здесь и сейчас.

— А как работает телега времени? На основе какой системы происходит перемещение? Какая сила приводит конструкцию в движение? Это ж какую скорость нужно развить, чтобы преодолеть время! — в кой-то веки не Пушок засыпал Умника вопросами, а наоборот. — А кто сделал эту телегу? Наверное, мы с этим твоим Флаффи, да? Ох, сколько же у нас ушло времени на создание такого механизма! Слушай, а я тоже прибыл сюда с вами? Вот это приключение у нас, дружище! Не жизнь, а мечта. Я всегда знал, что нам с тобой уготованы великие дела!

Пушок опустил глаза. Из задумчивости его вывел очередной крик Флаффи.

— Пушок, идите скорее сюда! — голос изобретателя стал еще настойчивее.

— Да ничего не случится с твоим пространственно-временным континуумом! — зарычал экс-президент маленькой точке на горизонте.

— Послушай меня, Ученый Кот, — нехотя произнес беляк. — Я прибыл сюда, чтобы спасти тебя.

— Спасти? Очень интересно. А от чего? — нахмурился Умник.

— От кого, — мрачно поправил Пушок.

С горы страшно закричала Мурка:

— Лансекотик, что с тобой???!!!

Пушок наострил черные уши. Это уже не просто бесполезные назидания Томаса. На вершине определенно происходило что-то нехорошее.

— Потом договорим, — оборвал разговор беляк и помчался обратно в гору. Лапы тут же заныли, боль в боку и одышка вернулись в тройном объеме. Но Пушок плевать хотел на свое самочувствие. В голове было одно: скорее выяснить, что там случилось! Ученый Кот бросился вслед за другом. Правда, вскоре отстал. Он продолжил тащить за собой криогенную камеру. «У старого Пушка семья вон есть. А кто позаботится о молодом Пушке? Только я, — рассудил Умник. — Надо поадовать бедолагу его любимой лежанкой. Сколько еще он будет спать на грязной подстилке. Кот и так настрадался»...

Пушок быстрее пули из автомата Котофея добрался до вершины. Рядом с клеткой творились странные вещи. Мурка и котята таяли на глазах! Как будто невидимый шершавый язык слизывал их с блюдца реальности. Больше всех досталось Лансекоту. Он стал практически прозрачным! Можно было разглядеть лишь контуры его фигуры.

Пушок принялся трясти изобретателя:

— Флаффи, что случилось??

— А я вам говорил! Говорил!! — с досадой затараторил Томас. — Но как я сам не просчитал такой исход уравнения? Мозг к старости уже совсем плох стал. А ведь всё элементарно. Очевиднейший результат.

— Флаффи! Быстро объясни, что происходит, — взмолился беляк.

— Вы спасли Ученого Кота, — запыхтел изобретатель. — Следовательно, молодой Пушок останется в этом времени. Он не залезет в криогенную камеру, и никакие внешние факторы не приведут ее в действие. Он, то есть вы, не окажетесь в Миудее, не встретитесь с Муркой и вместе с ней не попадете в среднекотовье, и там она не родит вам котят. Проще говоря, в той реальности, которую вы только что создали, вашей семьи не существует...

— Мама, — испуганно мяукнул Лансекот. И растворился в воздухе. Убитая горем миудейка опустила на примятую траву, на которой еще оставались следы ее сына.

— Я, кстати, тоже скоро исчезну, — продолжал свою скоростную тираду ученый. — Я ведь создал машину времени на основе технологий из вашей криогенной камеры. Но раз вы останетесь в Цап-Царапте, значит, не попадете в Ливермур. И все мои изобретения не получают нужного импульса. То есть не будет никаких путешествий во времени. Если честно, Пушок, очень контрпродуктивно заканчивать свою научную деятельность так безд...

Впервые в жизни Флаффи не договорил. Его неизменная скороговорка исчезла вместе с ним самим. У Пушка подкосились лапы. Он присел рядом с Муркой. Та прижимала к груди Пушанну с Персивалем и плакала. Слезы капались у миудейки из глаз и тут же пропадали. Кот поцеловал жену в губы. Но это была уже не Мурка, а просто бестелесный воздух. Самая красивая кошка в мире исчезла. Практически одновременно с мамой не стало и Персиваля. Тот во весь голос закричал:

— Я не верю в смерть! — И ничто поглотило котенка.

— Папа, мне страшно, — прошептала Пушанна. Отец крепко-крепко обнял ее.

— Дочка, я обещаю тебе. Слышишь? Я клянусь тебе! Я не позволю, чтобы всё ТАК закончилось. Я всё исправлю, дорогая. Не бойся. Папа с тобой.

Пушок шептал дочери, что все будет хорошо. Шептал и не замечал, что Пушанна тоже исчезла. Не хотел, отказывался это признавать. Наконец к нему пришло осознание полного краха. Беляк задыхался, он ругался самыми грязными ругательствами, он ревел самыми горючими слезами. Но он обещал Пушанне. Обещал всё исправить. Поэтому кот заставил взять себя в лапы. Он знал, что необходимо делать. И сделать это нужно как можно быстрее — экс-президент тоже начал исчезать.

— Паскудная жизнь!! — Пушок завыл яростнее, чем раненый саблезубый волк. — Всё ведь только наладилось. Только всё стало идеально. Все были живы. Всё было так хорошо...

Беляк подошел к телу Лаврентикла и взял из его холодной лапы кинжал.

— Сучья, е...ная жизнь! — сжав лезвие в лапе, прошипел загнанный в угол кот.

— Пушок, у тебя всё хорошо? — за спиной раздался голос лучшего друга. Он дотащил лежанку до вершины. — Что случилось? Что за крики тут были? И где твоя семья?

— Семья. Семья... Прости, дружище, — одними губами, почти беззвучно, ответил Пушок. Его разрывало на мелкие кусочки от осознания того, что ему предстоит сделать. Но жизнь не оставила другого выхода. «Ты готов был уничтожить всех котов на Земле, а убить одного духу не хватает», — горько усмехнулся беляк. И во второй раз лишил жизни Ученого Кота. Пушку казалось, что кинжал пронзает и его сердце тоже. Вместе с последним жадным вдохом Умника беляк почувствовал, что он тоже мертв. Убийца осторожно опустил тело друга на землю. Но попрощаться времени не было. С каждой се-

кундой лапы Пушка становились всё более прозрачными. Надо спешить!

— Эй ты, валерьянник недобитый! — заорал экс-президент помятому повесе, изнывающему от ломки под подстилкой. Он достал из кармана Ученого Кота ключи от клетки и открыл дверь. — Давай быстро выходи сюда. Полюбуйся, что ты натворил!

Валерьянник на трясущихся лапах заковылял из своей темницы.

— Ты убил Ученого Кота, гад! — старый Пушок вложил в лапы молодому себе окровавленный кинжал.

— Я бы никогда... Я не мог... Я не помню... — У беляка даже не возникло вопроса, кто этот незнакомец, который обвиняет его в столь жутком преступлении. Сознание Пушка, истерзанное нехваткой валерьянки, было готово поверить во что угодно.

— Еще бы ты это помнил! Ты же не просыхаешь уже месяц, — каждое слово экс-президент чеканил как приговор. — Полюбуйся, что ты натворил...

Отгулявший своё повеса опустил голову и увидел тело убитого друга.

— Это правда сделал я? — упавшим голосом спросил он.

— Я сам видел! Ты вонзил Ученому Коту лезвие в сердце! А ведь Умник был твоим лучшим другом.

Молодой Пушок выронил кинжал. В его мозгу что-то щелкнуло. Сознание стало кристально ясным. Единственное, что сохранилось от бывшего валерьянника, — это дрожь в лапах. Но она не имела к валерьянке никакого отношения. За секунду в голове беляка сложились все кусочки утерянной реальности, и Пушок понял, ЧТО он сделал. Беляк долго, очень долго пытался докричаться до мертвого, уже не ученого, кота. Дрожь была страшно и беспощадно. Но ей было не сравниться с самим Пушком, который причинял себе адскую боль одним краешком фатального воспоминания. Раздавленный повеса, съжившись и сгорбившись, подошел к родной ночной лежанке, с десятой попытки открыл ее и залез внутрь.

Старый Пушок заглянул в криогенную камеру. Его молодое «я» не обратило на него ни малейшего внимания. Повеса свернулся в жалкий комочек и пытался перестать существовать. Экс-президент поднял кинжал, которым убил лучшего друга, и дал клинку шанс спасти другие жизни. Кот выцарапал лезвием на внутренней стороне крышки: «МУРКА, НИ ЗА ЧТО НЕ РАЗРЕШАЙ ПУШКУ РАБОТАТЬ КОШКВИЗИТОРОМ. ЭТО СМЕРТЬ!» Затем беляк захлопнул криогенную камеру и нажал на клавишах «4», «3», «1»...

Пушок даже не заметил, как черные осьминоги исчезли с его морды. Как будто их никогда и не было. Затем не стало и всего экс-президента.

Екатерина Ермакова Неотраженный свет

Прошлое точно в прошлом,
В будущем — Небеса.
Будь, новый день, хорошим,
Будь с сединой, коса...

Утро разбудит синью,
Век изжитой бедой,
Зимней сухой полынью,
Вмерзшей в декабрь рекой.

Смотри, как пробивается трава,
Как красоту вынашивает время.
В безмолвии рождаются слова —
Как будто бог тебя целует в темя.

...Как будто бог звучит в огне печи —
И рвётся ввысь домой. Под божьим взглядом
Возможно все...

Перенести опору на иное.
На небеса, молчание вдали.
И, обнимая утро ледяное,
Коснуться нераспаханной земли.

Шагнуть в рассвет, в тоску и неизбежность
И, старясь на невыбранном пути,
Смешав тоску, безумие и нежность,
Дойти.

Екатерина Ермакова — родилась и живет в Екатеринбурге. В «Урале» публикуется впервые.

...Лето поет протяжно,
Век у него короткий.
И от тумана влажно
Дно проржавевшей лодки.

За границей потерянной правды
И улыбок притворно слепых
Выход в жизнь из холодного ада,
Выход в смерть из оков вековых.

Сто первый день. Сто первый километр.
К земле холодной тянутся ладони, —
Врасти, дойти до самых древних недр,
В родное лоно.

Сто первый путь. Как будто без конца.
Сквозь дым дорог, с туманами по рекам.
От белой люльки до разбитого крыльца
И до монеток на усталых веках.

За гранью напряженья тишина.
И вихрь. И окончанье слова.
Идея о весне, но не весна,
Глубинной вечности основа.

За гранью напряженья пустота —
Озарена не отраженным светом —
Предвечного создателя холста,
Где нарисован мир и все планеты.

Я люблю приглушенный свет,
Тихой комнаты пустоту.
Я люблю слушать ход планет
Сквозь морозную чистоту.

Я люблю за окошком лес,
Толстых книг золотую пыль,
Мудрость слова, и глас небес,
И сухой на снегу ковыль.

Алине

А чудо вновь не происходит,
И серебрит луна дома.
Змей вьется, вьется, не уходит.
Одна. Одна. Одна. Одна.

Змей вьется сумрачной поземкой
По полю, полю без конца
До полыньи, пустой и ломкой,
До ледяного изразца.

Огнём небес колышется пространство.
И тишина. И тишина. И тишина.
Сонм ангелов в светящемся убранстве.
Ты не одна. Ты не одна. Ты не одна.

Через века, святая и босая,
С простою истиной, зажатою в горсти,
Бежишь легко, косички распуская...
Свободная. Лети.

Сквозь времена... Любила, как дышала,
Созвездия держала на руках.
Ночами пела, пела и летала
В иных мирах.

А утром свет серебряный по склонам —
Рассветным миром правит чистота —
И иней на листе вечнозеленой.
И тень Христа.

Не уйдёт эта вечная нежность
Сохранённым цветком в букваре...
Как святым небесам принадлежность,
Как сияние звёзд на горе.

Не уйдёт. Сквозь потопа забвенья
И потоки земного огня...
Нежность глины — как в первом творенье, —
Из которой Он лепит меня.

Я все отдам за голос Твой,
Густую тишь седого луга,
Где непреложный Ты — со мной,
А время снежное упруго
Листает дни... Метели плат
Кружится, укрывая боли,
Когда босая возле врат,
Когда нет выше Твоей воли.

За темнотой души, за гранью ада,
За болью бездны, пишушей стихи, —
Осенняя нездешняя прохлада
Свободы, отпускающей грехи.

Протяжный дождь — до пряного озноба, —
И ты сквозь мрак — закушенной губой, —
И ледяная ночь. Тоска, тоска, тревога...
И пасмурный рассвет, и пруд — до слез — рябой...

Анастасия Журавлева

Рассказы

Жили бы да жили

— И зачем уезжать? Жили бы да жили, — говорила она в свое последнее лето. Маленькая, сгорбленная, в неизменном темно-зеленом платке.

А под платком...

— А под платком у вашей бабушки коса вокруг головы, — с завистью, даже с нотками злобы рассказывала мама, — длиннющая, толстая, черная-пречерная, ни одного седого волоса. Хоть бы кто-нибудь из вас — она поочередно оглядывала нас, детей, — в их родню пошел, не в нашу. Мы-то вон — седые с молодости.

И мама нервно оглаживала свои виски, словно желая смахнуть седину.

— А однажды я случайно подглядела, — продолжала она заговорщицеским тоном, — распустила ваша бабушка перед сном косу. Волосы до пояса, блестящие, вьются, со спины — девушка девушкой!

Мама недолюбливала папиных родственников и всегда называла их так: «ваша бабушка», «ваша тетя», «ваша двоюродная сестра», словно желая отгородиться.

Бабушка была старая. По возрасту она скорее годилась нам в прабабушки. Папа — поздний ребенок, мы тоже — поздние.

Большую часть дня она сидела на диване. Обувалась в валенки даже в самые жаркие дни. Волосы были убраны под платок так тщательно, что ни один волосок ни разу не выбился.

— Жили бы да жили, — шамкала беззубым ртом.

— Так мы же не сегодня уезжаем, ба. Еще побудем.

— А потом-то, — вздыхала она укоризненно, — все равно уедете.

Уедем.

Иногда она впадала в беспамятство. Чуть прикрывала глаза и еле заметно покачивалась: вперед — назад.

Принесешь ей какую-нибудь старую фотографию:

— Ба, кто это?

— А? Что?

— Кто это на фотографии?

— Что ты говоришь-то? Я не понимаю, что?

Анастасия Журавлева — поэт, прозаик. Родилась в Нижнем Тагиле, окончила Нижнетагильский государственный педагогический институт. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Волга», «Урал», в поэтическом альманахе-навигаторе «Паровозь» (М., 2017), в четвертом томе «Антологии современной уральской поэзии» (2012–2018). Проза публикуется впервые.

Публикация осуществляется в рамках проекта «Мастерские» Ассоциации союзов писателей и издателей России (АСПИР).

А ведь на фотокарточке она сама. Двадцать пять лет, если верить подписи на обороте. Стоит, строго смотрит в объектив. Без платка. Волосы вьющиеся до плеч. Держит за руки двух маленьких дочерей. Девочки улыбаются не натянуто, как это часто бывает на старых фотографиях, а так радостно и доверчиво, словно ждут чего-то хорошего. Обе не знают, что ждать им, в сущности, нечего, что у них будет тягостная и монотонная жизнь. Жизнь без событий. Медленный поезд, который идет в тупик.

А порой бабушка как будто возвращалась откуда-то издалека, становилась деловитой и говорливой.

— Вы в какой лес-то ходили?

— Да вот, в соседний. Так, по краешку побродили.

— Каких ягод-то набрали, покажите-ка, — зачерпывала худыми жилистыми руками горсть черники, разглядывала каждую ягодку, словно желала найти какую-то одну особенную, необыкновенную.

— Мелкая нынче ягода пошла, — вздыхала она. — Вот я, бывало, раньше собирала... Не поверите, величиной с эту пуговицу.

Она потеряла крупную пуговицу на старой, но чистой и опрятной кофте. И вот она уже маленькая девочка, лет восьми от роду. Они с бабушкой идут через лес в гости к родне на дальний хутор. До хутора двадцать два километра. По пути едят ягоды, чтобы не упасть от голода.

— Я-то не больно и устала, — вздыхает, — а вот бабушка моя старенькая, бедная, еле живая пришла.

Верится с трудом.

Как это — она была маленькая? И у нее была своя старая бабушка? Интересно, чья мама, папина или мамина? Седая — или с волосами, черными как смоль? Прятала косы под платок — или распускала на зависть всем?

— Вот было лето, — наша бабушка мечтательно смотрит куда-то, не вдаль, но внутрь себя.

А потом словно спохватывается:

— Так и сейчас... так ведь и сейчас...

Она изо всех сил пытается сказать еще что-то. Бабушка понимает — это единственный шанс удержать нас в деревне, другого не будет. Она шевелит губами, словно пытается вылепить слова, но они получаются какими-то бесформенными, сами на себя не похожими.

Но это тогда не поняла ни слова, а теперь с легкостью могу подхватить ее мысль, высказать до конца.

...Так ведь и сейчас лето. Яблоки величиной с кулак. Лопухи такие, что под ними можно стоя прятаться от солнца. А впрочем, что от него прятаться, вон оно какое — мягкое, августовское, уже уходящее.

И зачем уезжать? Жили бы да жили.

Облака

— Сережа, внук вашей Марины Алексеевны, к нам в отделение сегодня поступил, — сказала мама за ужином буднично и даже как-то безучастно.

— А что с ним такое?

— Обычная история. Пищевое отравление. Рвота, высокая температура. Накормила его бабушка чем-то несвежим или плохо вымытым. А ты почему не ешь?

— Что-то расхотелось.

— Сережу жалко? Ничего, за три-четыре дня вылечим, а еще через неделю — и думать забудет об этом. Вот кого правда надо пожалеть, так это Марину Алексеевну. Сын в тюрьме, сноха пьет, внук на ней полностью. Хоть бы вы ей нервы не мотали...

— А я-то что ей сделала?

— Да все ты не так сделала! Посмотри хотя бы на свой почерк. Пишешь как курица лапой, а она до ночи проверяет ваши тетрадки, разбирает каракули...

Мамин прогноз не оправдался.

Сережу не выписали ни на третий день, ни на четвертый, ни даже на пятый. А еще через неделю — перевели в другую больницу.

Опухоль мозга.

Операция возможна. И сделали ее довольно-таки быстро.

— Сделали-то сделали, да только долго он не протянет, — вздыхала мама.

— Почему?

— Ну... как тебе сказать... Такие долго не живут.

Но Сережа, вопреки ее предсказаниям, быстро набирался сил после операции.

Марина Алексеевна, вся сияющая и какая-то отрешенная, рассказывала на уроках все новости о нем.

— Пришел в себя...

— Улыбнулся мне — значит, узнал.

— Поел сегодня сам, первый раз после операции.

Десятилетний Сережа — наш ровесник — снова стал для нее младенцем. Не знаю, сравнивала ли она внука с нами. Вряд ли. Скорее — смотрела сквозь нас на него. Мысленно всегда была только с ним. А нам разрешала все. Или попросту не замечала ничего. Мы превратились в настоящих дикарей, прыгали по подоконникам, залезали в шкафы, изрисовали парты так, что они из грязно-белых превратились в темно-синие.

А Сережа потом мало-помалу восстановился. Через полтора года после операции он уже внешне мало чем отличался от нас. Худой, подросток, загорелый даже в мае — много времени проводил на даче.

Только вот потерял слух и говорить перестал. Марина Алексеевна возила его в Москву к какому-то профессору, тот уверял, что это временно, обещал помочь, велел собирать деньги на лечение.

А летом Сережу даже взяли в обычный санаторий. Конечно, с бабушкой и с дедушкой, на смену «Мать и дитя». Я отдыхала там же с родителями, у нас и номера были по соседству.

Хоть и протекала наша жизнь бок о бок со взрослыми, а все равно было весело. Можно было построить шалаш или убежать в ближайший поселок, закупить дешевых сладостей в крохотном деревянном магазинчике, познакомиться с местными.

И у Сережи все было неплохо, пацаны даже брали его в футбольную команду, постоять в воротах. Но больше всего он любил сидеть один на берегу пруда. Однажды написал что-то палочкой на песке и подозвал меня посмотреть. Машет рукой, улыбается загадочно, как будто хочет сообщить нечто очень важное.

Подхожу, читаю. А там одно-единственное слово: «Облака».

Рассердилась я тогда страшно. Сама не знаю почему. Может, ожидала чего совсем другого. А может, просто оттого, что ненавидела пасмурную погоду.

Облака, — это, скорее всего, дождь. А значит, купаться не пустят не только сегодня, но и в ближайшие дня три, «пока вода не прогреется».

— Что это?! Ненавижу облака! Зачем ты вообще это написал?!

Мне почти сразу стало стыдно, и за обедом я хотела извиниться. Но он улыбался так, будто ничего не произошло. Да и как извинишься? Жестами? Глазами?

Иногда я пишу ему письма. Просто так.

...А знаешь, сегодня облака похожи на сливочное мороженое. Да я не люблю мороженое и никогда не любила. Но я помню, как ты его обожал, и

хотела бы поделиться с тобой хоть кусочком, хоть чайной ложкой этого бело-снежного лакомства. Как когда-то ты захотел поделиться со мной небом, до которого тебе было уже рукой подать. Извини, у меня ужасный почерк — как был, так и остался. Надеюсь, ты все разберешь. И дочитаешь до конца. И даже не разозлишься...

Говорят, с умершими надо беседовать. Можно и вслух. Но он же совершенно оглох в последние годы. А что с ним происходит там — я не знаю, и никто не знает. Может, по-прежнему не слышит и не говорит.

Но читать-то он мог до последнего. А значит, может и сейчас, я верю в это. И поэтому пишу.

Духи

Духи она покупала единственный раз, в юности. Это были духи с феромонами, и они почти не сработали. Наверно, подделка. Хоть и пришлось отдать за них почти всю повышенную стипендию, а все равно, если разобраться, — подозрительно дешевые.

Если уж рассказывать всю правду до конца, нельзя сказать, чтобы совсем не сработали. Однажды в переполненном автобусе маленький, щуплый, весь в бородавках мужичок пригласил ее за гаражи выпить пива. Она судорожно сглотнула и кивнула. Но уже ближе к выходу ее начало трясти. А на улице она, чуть не плача, прошептала, что передумала.

— Испугалась? — ухмыльнулся бородавчатый карлик.

Он был ожившим героем страшных детских сказок. Дети брошены в лесу, плачут, жмутся друг к другу, а злодей уже разводит костер или точит нож, чтобы зажарить и съесть их. Мама почему-то считала своим долгом вслух читать детям перед сном такие сказки. Младшей сестре нравилось до одурения, а она, старшая, убегала и пряталась в шкаф или под кровать.

— Не хочешь? — вернул ее из воспоминаний в реальность карлик. — Ну и ладно. Мне тоже не особенно хотелось... с тобой-то.

Духи с феромонами она в тот же вечер вылила в лужу. Станный сладковатый запах разливался по всему двору. Юные парочки на скамейках самозабвенно целовались

А она... Больше старалась не вспоминать ни о тех духах, ни о каких других.

Как-то все потом закрутилось. Работа в детском саду в две смены. Дети у сестры — один за другим. И по вечерам она зачастую спешила не к себе домой, а к сестре — помогать водиться с малышами. А в выходные — закупиться продуктами на неделю, сделать уборку, вдоволь нагуляться с племянниками... Какие уж там маленькие женские радости...

Но когда ей исполнилось сорок, она вдруг твердо решила снова купить себе духи.

В тот вечер старшая племянница, тринадцати лет от роду, пришла домой вся благоухающая.

— Хорошие духи, Сашенька...

— А ты в духах разбираешься? — съязвила девочка.

— Да, много читаю о них в интернете. А тебе мама купила?

— Читает она... Это освежитель воздуха, тетя! Я нечаянно на себя брызнула! А мама мне духи никогда не купит. У нас семья нищая, или ты не знала?!

И в тот момент что-то словно перещелкнуло у нее в голове.

— Нищие-то нищие, — пробормотала она, — но духи у меня теперь будут!

А тут как раз день рождения. Девочки, как она называла коллег, прибежали в тихий час, сунули ей в руки букет хризантем и поздравительный конверт.

— Ну вот, хоть и не отмечают сорок лет, но поздравить-то мы просто обязаны! — громогласно заявила сменщица, нарядная, в цветастом платье, вся сияющая, гордая собой. — Сколько смогли... Зато от всей души. Да купи уже что-нибудь себе, не траться на племянников, а то знаем мы тебя, добрая ты наша!

— Куплю, — твердо пообещала она.

Дома заглянула в конверт. Вроде должно хватить. А если что, так можно и добавить — был у нее неприкосновенный запас. Копила-копила потихоньку, а на что — сама толком не знала.

Но какие духи выбрать — так, чтобы и себя порадовать, и людей не насмешить? На свой вкус? Но откуда ему взяться, вкусу-то?

Решила позвонить подруге, посоветоваться, но разговор не клеился.

— Верка, я тут спросить хотела...

— Ну, спрашивай, чего замолчала-то...

— У тебя какие духи?

— Какие духи?! Да ты там напилась, что ли? А меня на день рождения пригласить? Вот ведь сволочь...

— Вера, подожди...

Но вежливо-равнодушный голос уже сообщал, что номер данного абонента выключен. Или находится вне зоны действия сети. Какая, в сущности, разница.

И она решила действовать наобум. Отправилась в лучший магазин косметики и парфюмерии. Долго топталась на крыльце. Две продавщицы смотрели на нее сквозь стекло. Одна — совсем молоденькая, почти девочка, светловолосая, улыбочивая. Другая — постарше, суровая смуглая красавица, чем-то напоминала Людмилу Александровну, Веркину маму в молодости.

...И ей на минуту показалось, что вернулось детство. Так вот стоишь у Веркиной двери, мнешься, а позвонить не решаешься. Кто ее знает, Людмилу Александровну, в каком она сегодня настроении. Может и впустить, и чаем с пряниками напоить. А может с криком прогнать с порога...

...А потом ее прямо-таки втолкнули в магазин две девушки. Обеим чуть за двадцать. Ей было примерно столько же, когда она покупала духи с феромонами — утром в универсаме, воровато и затравленно оглядываясь по сторонам.

А эти с хохотом ворвались, кивнули продавщицам как старым знакомым и уверенно свернули в отдел парфюмерии.

«Как к себе домой», — с завистью подумала она.

А продавщицы уже обступили ее.

— Вам помочь с выбором? — ледяным тоном спросила та, что постарше.

И в наступившей тишине долго брезгливо разглядывала ее стоптанные сапоги и выцветшее пальто.

— Вы, наверно, дверь перепутали, — миролюбиво улыбнулась маленькая блондинка. — Ничего, к нам часто по ошибке заходят. Вам семена нужны? Или удобрения? Это в магазин «Все для сада и огорода», выйдете и увидите, высокое крыльцо рядом.

И она вышла, с трудом передвигая ноги. Увидела то самое крыльцо. Как старуха, еле вскарабкалась по ступенькам.

— Помидорчики берем, рассаду! — скомандовала бойкая круглолицая раскрасневшаяся тетка за прилавком. — Сама выращивала. Вот мясистые, расходятся как горячие пирожки. Громадные вырастут, не нарадуетесь. А уж сладкие-то! Ну, берем-берем, не раздумываем, завтра уже не будет!

И она купила две ячейки помидорной рассады, хотя ни сада, ни огорода у нее никогда не было.

Татьяна Беспалова
Ласточке-девочке имя верни...

Тише —
в глуши задремавшей
услышишь
дрожь умирающей птицы —
стук нашего сердца.
Матушка, маленькая синица,
у ивы — слеза, у неба — ресница.

Марево — обморок — кроткая девочка
Холод — в ладошках теплится вечность
Бог этот мир еще не придумал
Облако — марево — небо окутано

Небо у самой макушки —
ближе уставшей воды.
Кто-то, прищурившись, смотрит
с той стороны.

Звезды дрожат в колодце,
не достают до дна.
Бог — босоногий мальчишка,
мир весь — его слеза.

Ласточка —
словно по кромочке неба.
У жизни осталась
лишь корочка хлеба.

В небо ладони мои окуни —
ласточке-девочке имя верни.

Ночью деревьев дыхание тише —
в груди бьется птица.
Слышишь?

Сплетает ресницы горечь,
плач отражается в небе —
спрячь,
чтоб, если умолкнет речь,
птицу мою сберечь.

И ты,
укутанный шалью и снегом,
смотришь в бескрайнее зеркало неба.
И нет ничего, кроме неба и шапки, сползающей на глаза.

Так, смерти не зная и взглядом хранимый отца,
заснул младенец в тиши, обжигающей щеки.

А ты глядишь в небо — не видишь конца.
Молчание звезд возле лица.

У реки ягнёнок блеет.
Над водой туман белеет.
Тихий берег той реки,
Ты ягнёнка береги.

Елена Вяжякупус
Из бездны с любовью
Фрагмент романа

В ту же ночь покинули они город и при свете звезд пошли к реке. А дозорные на стене глядели на звезды и не заметили их. Взошло солнце, и узнали в городе, и сказали: они вернутся. Но не вернулись ушедшие. Вместо них налетел южный ветер и засыпал маковые поля песком, и стала долина пустыней. И тогда послали за ними ловцов...

Глава 1. Ребенок на набережной

Сверкая армадами звезд, Галактика плыла в океане Вселенной среди несметных мерцающих островов, каждый из которых сам был галактикой с необозримыми сонмами пылающих, тлеющих и потухших светил. Безмолвно взрывались и гасли золотые, рубиновые, алмазные звезды, кружились огненные и ледяные планеты, и волны испепеляющего света разносили память о них все дальше и дальше, к невидимым берегам.

В одно из мгновений нескончаемого путешествия Галактики, точнее, во вторник, шестого июля, в шесть часов пять минут вечера, ослепительный луч одной из ее двухсот миллиардов звезд встретил на своем пути препятствие в виде позолоченного трехметрового ангела и, не в силах его обогнуть, рассыпался искрами в потоке широкой реки, чтобы, отразившись от ее стальных волн, навсегда пропасть в голубом глазу наклонившейся над водой девушки.

Девушка икнула и плюнула в воду. Она была пьяна.

Весь день сегодня Гуле хотелось выпить, как обычно в последние семь лет, начиная с того самого утра, когда она вместо школы отправилась с матерью в больницу отнести костюм отцу для его последнего путешествия. Лысый дядька в грязном банном халате взял у матери деньги и сказал: добавить надо, несвежий ваш. При прощании отец лежал и незнакомо улыбался, и еще трое покойников в соседних гробах лежали и улыбались такой же искусно нарисованной, спокойной улыбкой. Добрые тетушки налили Гуле стаканчик зелья, и ломота в груди стала меньше, и стало легче дышать.

Елена Вяжякупус — родилась в Ижевске, закончила факультет психологии МГУ. Руководитель многих международных проектов в области реабилитации инвалидов. Рассказы и эссе публиковались в журналах «Нева», «Звезда», «Дружба народов», «Зинзивер». Роман «Из бездны с любовью, или Сказка про звезду алмазку» выходит в издательстве «Астрель-СПб» (издательская группа «АСТ»). В 2023 году роман был отмечен премией «Рукопись года» этого издательства.

С утра она обыскала квартиру, но ни копейки денег, ни капли спиртного не нашла. Мать все спрятала или унесла куда-то. Гуля не понимала, почему та все время сердится, почему без конца придирается. Ведь она не какая-нибудь пьяница, нет, она выпивает по настроению. Захочет и пить не будет. Вот когда была беременная Тёмкой, так и не пила совсем. Особенно последние месяцы в рот не брала, кроме разве пива, и то изредка. А мать зудит как заведенная, только и знает свое: ты меня доконаешь, ты меня доконаешь, ты дура, ты дура... А что, всем умными быть? Да, Гуля училась в школе плохо, зато готовить умеет лучше многих. Всем парням нравятся ее борщи и жареная картошка. И сама она ничего. Не красавица, да, полновата, но волосы густые, темные, с медным отливом, а глаза голубые. Она давно бы вышла замуж, если б не Тёмка.

Все утро и весь день шел дождь, форточки хлопали, в комнатах стоял полусумрак, как будто не лето, а осень на дворе. Тёмка хулиганил, бросал игрушки, хныкал, ползал за Гулей. Пришлось шлепнуть его пару раз, а потом закрыть в спальне. Гуля включила музыку, чтобы не слышать его воплей, и начала доставать из шкафа летнюю одежду и рассматривать — что починить, что погладить. Одежды было немного. У других девчонок по несколько джинсов, топики меняют каждый день. У Ксюхи, продавщицы, опять новые босоножки. Желтые, на толстой платформе. А Гуле уже месяц не отдает за ту шикарную куколку-ключик, говорит, покупателя на нее нет... Обманет снова... Найти бы деньги или в лотерею выиграть, она бы сразу накупила себе брюк в обличку, и разных топиков, и туфли на платформе. А вот выиграть бы миллион... десять миллионов... Переехать от матери в свою квартиру. Завести бар, накупить всяких напитков, белого вина, коньяка... Не надо будет выпрашивать деньги у матери. В последнее время она вообще перестала их давать, приходилось потихоньку таскать у нее из карманов.

Небо за окном посветлело, и Гуля решила прогуляться. Тёмка сразу перестал пищать, как только она усадила его в коляску и завязала зеленую вязаную шапочку под толстыми щечками. Рыжие вихры торчали из-под шапки. Надо бы его подстричь, ишь, ноготок на грядке. На улице было прохладно и ветрено. Громада облаков висела низко, закрывая все небо, клубясь пепельными, дымными горами и башнями, будто прилетевшая из космоса и зависшая над землей чужая планета. Люди спешили куда-то, тащили сумки, громко говорили по телефонам. Гуля покатила коляску по лужам, свернула в Демидов переулок, и скоро они оказались на площади. Машины, троллейбусы, мотоциклы неслись со всех сторон, звенели, гудели, грохотали. Вот была бы у нее машина... сразу бы от парней отбоя не стало... она бы тоже открывала окна и включала музыку на полную мощь! Лучше всего — длинная, называется лимузин. Можно лежать и пить коктейли... где бы взять хоть на стаканчик пива... найти бы на дороге деньги... хоть одну бумажку, полташку... или лучше стошку... а иногда туристы оставляют недопитые банки и даже, бывает, бутылки... как так люди живут — пиво оставляют...

Тёмка скулил в коляске, но Гуля не слышала. Она шла и шла вперед, не замечая ни серой летящей глыбы Собора, ни рвущегося в реку Всадника, вокруг которого стояли туристы. Она высматривала, нет ли у кого в руках бутылки с пивом. Народ, однако, толпился скучный, внимательно слушал какую-то лабуду, всю жизнь текущую мимо Гулиных ушей. Вот и зеленый, костлявый от белых колонн Дворец остался позади. Машин стало меньше, и людей на набережной больше не было, не считая старухи с собачкой, вынырнувшей откуда-то снизу, с лестницы от воды. Старуха ковыляла, сгорбившись и почти до земли опустив голову, собачка была гладкая, длинная, похожая на крысу, и Гуля мельком подумала, что это и есть крыса на поводке, но тут собачка визгливо залаяла и стала рваться вверх, подпрыгивать и вдруг взлетела, быстро перебирая лапками, будто плыла по воздуху. Гуля не уди-

вилась, она вообще ничему не удивлялась, давно перестав ожидать от мира чего-то интересного. Ишь, крыса летучая, равнодушно отметила она, проходя мимо. Старушка подняла голову, блеснули темным огнем глаза, сверкнули белые зубы между губ, растянутых в нарисованной, мертвой улыбке. Сжало в груди от забытого детского страха. Гуля прибавила шагу, а когда оглянулась, старуху с собакой было уже не видно. В последнее время ей часто чудилось разное, мать говорит, конечно, это от водки. А где ее взять, водку-то? Только когда друзья угостят...

Она поставила коляску у парапета и, облокотившись на него, посмотрела на Неву. Тяжелые волны перекатывались по всей ее поверхности, свинцовые, холодные, река была похожа на беспокойное северное море. На другой стороне длинной баржей темнела Петропавловка, над ее одинокой мачтой кружились две птицы. Тёмка снова расплакался, и Гуля наконец наклонилась над ним: ну, чего тебе, Тёмчик, иди сюда, мама возьмет на ручки... И тут блеснуло у колесика... Оглянулась, схватила — черные иностранные буквы на морковной этикетке, не поймешь, но ясно, что-то шикарное, пробки нет, а темно-янтарной, прозрачной жидкости еще почти полбутылки... Да подожди, надоеда, хватит орать, — бросила Тёмке, и первый глоток пахучего, сладковатого зелья опалил горло — ух ты, такого она никогда не пила, кто ж такое бросает, сейчас, небось, вернутся, растеряхи... Скорее вниз, к воде, чтоб не нашли, догадалась она. Достала Тёмку из коляски, и он сразу замолк. Держа одной рукой ребенка, а другой найденное сокровище, она начала спускаться по ступенькам.

Луч солнца пробился из-за туч, и вспыхнул золотом ангел на мачте каменного корабля, и две большие птицы, описав над ангелом прощальный круг, полетели над рекой к гранитному причалу, на котором, свесив ноги над водой, сидели темноволосая девушка и маленький мальчик в зеленой вязаной шапке.

Глава 2. Балкон малиновой гостиной

Старинные английские часы нежно прозвонили-просвистели шесть раз. Началось очередное собрание совета Дома ученых на Дворцовой набережной. Собрание проходило на верхнем этаже, в бывшей спальне Александра Владимировича, старшего сына великого князя Владимира Александровича, тихо скончавшегося в ней, будучи от роду полутора лет. Как и в детских комнатах великих князей Кирилла, Бориса и Андрея, тут ничего не сохранилось. Стояли простые канцелярские столы и стулья, лепнина на потолке замазана толстым слоем штукатурки. Несмотря на то что большая часть членов совета опаздывали, председатель объявил заседание открытым — всем хотелось побыстрее уйти домой. Завхоз Антонина Петровна окинула взглядом стол, домашние чашки, электрический чайник, стеклянную вазу с печеньем и вышла, плотно притворив дверь. Вроде ничего не забыла. Память начала подводить, нужно все записывать и много раз проверять себя. Давние события она помнила прекрасно, а что было вчера или даже сегодня утром — могло начисто исчезнуть из головы. Может, потому что все хорошее осталось в прошлом... По крутой лестнице Антонина Петровна спустилась на второй этаж, останавливаясь через каждые несколько ступеней и качая головой, привычно размышляя о том, как великая княгиня Мария Павловна со своими пышными юбками и в узких твердых туфельках могла ходить по этой лестнице и не падать. А уж в парадном платье, с длинной накидкой из баргузинских соболей, или в парчовом, с кружевным хвостом... Да, это была дама. Не то что нынешние подштанницы, бесстыдно выпячивают голые животы, хочешь не хочешь, смотри на них. Антонина Петровна терпеть не могла молодых девиц. Сама она в юности одевалась скромно. Хоть и в ватнике, и в сапогах, да

в юбке. А теперь все стыд потеряли, тела свои повыставляют, пиво прямо из банок на улице пьют...

Продолжая отдуваться, Антонина Петровна вошла в малиновую гостиную, самую красивую комнату дворца. Стены, диваны и кресла в ней были обиты алым штофом и бархатом. Даже в солнечную погоду здесь стоял розовый полумрак, и в темном зеркале над камином лицо Антонины Петровны казалось молодым и чем-то похожим на прекрасное лицо Марии Павловны с портрета, висевшего рядом. Волосы Антонины Петровны все еще темные, почти без седины, вились мелкими локонами, нос красивый, хотя немного длинноват, как и у княгини, лицо в морщинах, но с розовым румянцем... Она проследовала к окну, чтобы задернуть шторы. Из окон открывался вид на реку и Крепость, по набережной неслись машины, и в который раз Антонина Петровна подумала, вот бы хорошо, если бы все эти машины провалились в реку, и она унесла бы их навсегда прочь, и, как сто лет назад, стало бы спокойно и тихо, и только четко и торжественно цокали бы копыта по гранитной мостовой...

Проходя мимо двери на балкон, Антонина Петровна нажала на всякий случай на медную ручку, хотя знала, что дверь эта всегда закрыта на два ключа, и последний раз открывали ее месяц тому назад, по случаю фуршета, устроенного известным театральным деятелем в честь молодой супруги. Ручка скрипнула, и дверь отворилась.

«Выгнать негодяя», — вслух сказала Антонина Петровна, имея в виду Володьку-охранника, и вышла на балкон. Кроме двух бронзовых грифонов с собачьими головами, там никого не было. Грифоны грозно взирали на набережную, лучи вечернего солнца зажгли их глазницы темным огнем.

Через дорогу, у причала стояла коляска, и девица в модных узких подштанниках пила прямо из бутылки, вид которой не оставлял сомнений в том, что это не лимонад. Потом девица достала из коляски ребенка и, сильно покачиваясь, стала спускаться к воде. Антонина Петровна повернулась, помедлила, глядя на замок, и поспешила вниз. На лестнице опять пришлось крепко держаться за перила, чтобы не поскользнуться на полированных временем мраморных ступенях. Лестница была длинной, в несколько пролетов, с огромными потемневшими зеркалами на стенах. Эти зеркала никогда не нравились Антонине Петровне, их было слишком много, да еще и друг напротив друга, и в полумраке казалось, что в зеркалах отражается кто-то неизвестный, дробясь в убегающих во тьму бесконечных туннелях. В прихожей, за дубовым прилавком, Володька-охранник развалился перед телевизором, громко отхлебывая из стакана. Антонина Петровна уничтожающе посмотрела на него, но Володька этого не заметил. Она набросила плащ, взяла на всякий случай зонтик и вышла на набережную. Вправо до перехода нужно было пройти всего несколько шагов, но уже на середине дороги Антонина Петровна поняла, что опоздала. Прохожие останавливались, перегибались через парапет, какая-то женщина истерически закричала. Антонина Петровна достала мобильный телефон и двумя уверенными нажатиями набрала номер.

— Могли бы и быстрее отвечать, — выговорила она заквакавшей трубке. — Выезжайте. Дворцовая набережная, двадцать шесть. Пьяница утопила ребенка. Да. Конечно. Я видела все своими глазами.

3. Допрос в гнезде

Павел Лугин с некоторой осторожностью вошел в женское отделение Дома призрения душевнобольных на Огородном шоссе. Дом этот был открыт по милости цесаревича Александра, человека глубоко верующего, отца последнего монарха Российской империи Николая Второго и брата великого князя Владимира Александровича, о чем капитан ничего и никогда не слы-

шал. Дом называли теперь Гнездом, в память о некоем яром атеисте, герое революции Гнездовском, ненавидевшем всех царей, вместе взятых, и к данной больнице имевшем отношение только потому, что сам там лечился какое-то время, о чем капитан, впрочем, тоже ничего не знал. Но он уже бывал в этом отделении и помнил, чем кидается и как кусается контингент, весьма мало напоминающий страждущих душою фрейлин и дворянских дочерей, для которых когда-то этот дом был основан. Женщины, находившиеся здесь теперь, были не просто больными. Каждая из них совершила преступление, и выздоровление означало немедленный перевод в тюрьму — большинство, как ни странно, об этом пламенно мечтало.

В длинном коридоре пахло хлоркой от мокрого пола. Две пациентки в халатах цвета зелени стояли у такой же зеленой стены. Они сразу повернули головы, как испуганные ящерицы, и уставились на Лугина немигающими глазами. Он быстро прошел к лестнице, пробормотав: «Добрый день!» Женщины смотрели ему вслед, он услышал, как одна сказала:

— Так бы и съела красавчика!

— Это мент, дура, — прохрипела вторая и закашлялась.

На втором этаже Лугина ждали. Полный пожилой врач, с седыми кудряшками вокруг блестящей лысины, с широким, мягким лицом, улыбаясь, протянул ему руку.

— Мир входящему в нашу немирную обитель, Павел Сергеевич, хи-хи... Чайку? Кофейку? Коньячку, может быть?

— Я на машине, и времени мало. Как там с Гараевой, готово?

— Все давно готово, уважаемый следователь, вот, взгляните. Пожелаете сами с нею пообщаться?

Лугин брезгливо смахнул крошку со стула и уселся за огромный обшарпанный стол с разложенными на нем документами.

Бумаг было много, анализы, результаты тестов. Длинный текст заключения пестрел непонятными и, на взгляд капитана, бессмысленными терминами.

Подэкспертная неохотно отвечает на вопросы, контакт малопродуктивен, ответы носят случайный, иногда нелепый характер. Отношение к исследованию отрицательное («хватит, устала, надоело уже все»). Во время исследования пассивна, вяла, безразлична к критике и похвале, при указании на ошибки не старается их исправить. Эпизодически отмечаются сильные немотивированные вспышки раздражения. В эти моменты агрессивна. Критичность значительно снижена. Понятливость и сообразительность недостаточны, интеллектуальные возможности умеренно снижены, объем внимания сужен. Ассоциации в рисуночном тесте конкретны, но некоторые обращают на себя внимание необычностью (так, для того чтобы запомнить слово «страх», нарисовала подобие летучей мыши, назвав его «такая ворона с красными глазами, летает в небе и ест детей»).

Личностная сфера характеризуется примитивизмом и незрелостью, нарушением механизмов эмоционального реагирования. Параноидальные идеи локализованы, касаются только двух областей: «ворон-убийца» и «летающих собачек». Признаков психоза нет.

В конце подчеркнуто жирной красной линией: Посттравматическое расстройство, причиной которого, возможно, стало падение ребенка в воду на глазах подэкспертной. Столкнула ли она его сама или имел место неглект, ответить на основании проведенной экспертизы не представляется возможным.

— А поточнее нельзя? — раздражаясь, но стараясь говорить вежливо, спросил капитан. — Кто писал заключение? Почему подписи нет?

— Лиза Островская ее обследовала, Елизавета Юрьевна. Она сегодня приболела, вернется, подпишет...

— Хм... Из этих бумаг не ясно, соображала подследственная, что делает, когда ребенка посадила на край причала? Она повторяет, что ребенка схватили «две птицы, у которых были человеческие глаза». Если это были женщины, которым она передала или продала ребенка, была она вменяема или нет?

— Ну, уважаемый следователь, это от ее соображения не зависит. Промилле-то у нее было не слабенькое, хи-хи, и профессор бы не соображал. Как она вообще дотащила туда с ребенком, загадка!

— Гараева уже на набережной выпила около двухсот миллилитров шестидесятиградусного рома.

— Ого! Интересно, где такой продают?

— Могу я сейчас поговорить с ней? — сухо спросил капитан, засовывая бумаги в портфель.

— Пожалуйста, пожалуйста, уважаемый Павел Сергеич, пригласим прямо сюда... располагайтесь. Чувствуйте себя как дома!

И еще раз хихикнув, врач выкатился в коридор. Вскоре два дюжих санитары привели подследственную. Темные короткие волосы, полная, лицо кажется нежно-детским, но привычный взгляд капитана сразу отметил опухшие глаза и желтоватую бледность. На лбу длинная тонкая ссадина, будто бритвой провели. Зрочки непроницаемые, гладкие и блестящие, как у куклы.

— Садитесь, Гараева. Опишите еще раз, как выглядели те женщины, которые, как вы утверждаете, схватили вашего ребенка.

В эмалевых зрочках мелькнул слабый голубой отблеск и погас. Она ответила тонким, девчоночьим голосом, с прокуренной хрипотцой:

— У птиц он, Тёмка, у ворон с глазами. Нашли их?

— Ищем, ищем. Но вы должны нам помочь. Расскажите, как они выглядели, большие они были?

— С овчарку. Крылья черные... с перепонками. Глаза... как стоп-сигналы... и ресницы покрашенные.

— По-русски говорили?

— Каркали они... и подвывали.

— Одеты во что были?

— В перья, сказала же!

— А чем они схватили ребенка?

— Лапами своими погаными. С маникюром когти... длинные, красные. Хватит уже. Устала я.

— Вы узнали бы их при встрече?

Подозреваемая молчала, уставив глянцевые зрочки куда-то в окно. Капитан повторил:

— Если увидите, узнаете?

Она медленно повернула голову и вдруг, зашипев, как кошка, вскочила. Реакция у капитана всегда была хорошей, а в этом отделении он и без того бывал настороже. Поэтому он легко удержал ее руки, не дав коснуться своего лица, кивнул санитарам, и они потащили больную прочь.

Глава 4. Телескоп на чердаке

Переулок у Сенной площади, где стоял их дом, мать упорно называла Демидовым, хотя последние шестьдесят лет он носил имя бесстрашного шофера Гривцова, погибшего при освобождении Эстонии в нынешнем возрасте Лугина — двадцати девяти лет. Павел с матерью жили на первом этаже. Дом строили в восемнадцатом веке, и подоконники почти касались земли. Перед окнами отец когда-то сделал палисадник, мать посадила там ландыши, и с тех пор они цвели каждое лето, принося свежесть леса в мрачный колодец двора.

— Павлуша? Все в порядке? — Мать уже стояла у двери, телевизор не помешал ей расслышать, как поворачивается ключ в замке.

— Мама, ну что может быть не в порядке? Почему ты всего боишься! — вздохнул Лугин.

— Вот сейчас показывали, в Пензе гранату бросили в милиционера, — мать говорила, растягивая слоги, как капризная девочка.. Брови ее всегда были приподняты в наивном, чуть кокетливом удивлении.

— Брось ты верить этим сериалам. Я бомжами занимаюсь и таджиками.

— Это не сериал, это передача такая, «Дежурная часть». — Она жалобно смотрела на него поверх очков.

— Мам, дай поесть лучше, — улыбнулся Павел, потянувшись обнять ее, но мать отстранилась.

— Руки, руки иди мой! У бомжей туберкулез!

Он покачал головой и отправился в ванную. Лана Васильевна особенно боялась грязи и постоянно ждала, что сын принесет с работы какую-то заразу. Она засовывала ему в карманы спиртовые салфетки, заставляла сразу менять одежду на домашнюю и не позволяла проходить дальше порога, не сняв ботинок. Процесс приготовления еды отнимал у нее уйму времени. Продукты приходилось тщательно мыть, ошпаривать кипятком посуду, протирать спиртом мясорубку, ручки кранов, столы. Она верила, что в каждом яйце гнездится птичий грипп, бифштекс мог быть от бешеной коровы, фрукты обязательно покрыты палочками холеры и чумы. Временами Павлу хотелось бежать прочь, как когда-то это сделал отец. Впрочем, он любил свой дом, привык к чистоте и порядку темноватых комнат, а запах старых вещей — запах прожитой жизни — успокаивал и возвращал в детство. Возвращал в то время, когда отец сидел по вечерам у окна в большом кожаном кресле, а он забирался к отцу на колени и тарачил глаза в его книгу, пока не засыпал...

Квартира Лугиных была уютная, с удобной простой мебелью, со светлыми паркетными полами, со множеством фотографий на стенах и двумя мексиканскими елками — араукариями — до потолка. Другие растения не выживали — потолки низковаты, солнце никогда не заглядывает в окна. До прошлого года самое любимое место у него было у окна, за араукарией, в черном кожаном кресле, где он, как когда-то отец, читал и дремал после работы. Но несколько лет назад ему достались ключи от чердака. Случилось это так. Проверя чердачные помещения в районе, сержант Рыбаренко дошел и до дома Лугина. Лестница с последнего этажа вела к заколоченной двери, которая, как оказалось, держалась на одном гвозде. Под деревянными балками расположились в ряд несколько «постелей» — грязных матрасов, рваных одеял и разного тряпья, наваленного с попыткой некоторого порядка, в виде подушек. Стояла керосиновая плитка, на ней закопченная алюминиевая кастрюлька. Факты нарушения пожарной безопасности и незаконного проживания лиц без определенного места жительства были налицо. Предъявив полученный от Рыбаренко протокол подобострастно смотревшей на него молодой, мосластой управдомихе, Лугин как бы мимоходом спросил, не возражает ли она против того, чтобы он оставил ключ у себя. Она готовно и согласоно закивала, как лошадь, вытягивая жилистую шею, довольная тем, что ее ни в чем не обвиняют. Он привел чердак в порядок, выволок тряпье и мусор, вымыл горячей водой деревянные половицы и старинное круглое окно, поставил возле него свое кресло и даже притащил араукарию. Потом отправился в Гостиный Двор и купил там на всю зарплату большую, настоящую подозрную трубу. Неделью пришлось терпеть, когда кончится дождь. Наконец, в плотной облачной овчине показались просветы, и, дождавшись, пока мать уснет, он отправился с трубой наверх. Долго не мог настроить ее, и вдруг, как удар, возникла огромная яркая луна, корявая от кратеров, с пустынями и сухими морями, страшная в своей пустоте. С тех пор каждую

ясную ночь он проводил на чердаке. Ясных темных ночей выпадало немного. Летом было слишком светло, осенью, зимой и даже весной небо было часто закрыто облаками. Огни фонарей и свет из окон домов сливались в единое марево, мешающее разглядеть, что там, вверху. Но под утро становилось темнее, и, когда тучи рассеивались, капитан подолгу всматривался в звездный океан, безмолвный, вечный и загадочный. Больше всего его пленял Млечный Путь, в хвосте которого стремительно летел и он сам вместе с чердаком, домом, городом и всей планетой. Ему казалось, что он стоит на носу корабля, а подзорная труба — это штурвал шхуны, несущейся по небесным волнам. Хотелось домчатся туда, в самую сердцевину Галактики, где звезды сияли сплошным ковром вокруг бездонной черной пропасти, и стать на якорь у неведомой планеты, голубой, как родная Земля. Он почти видел ее хрустальные горы и сверкающие ущелья, ему слышался шум водопадов, чудился запах диковинных цветов. Однажды планета приснилась ему, чистая, прекрасная, неслышно текли прозрачные реки меж золотыми берегами и сверкало в небе голубое, алмазное солнце.

После ужина, рассеянно просматривая документы, Павел спросил:

— Мам, а в ваше время крали детей?

— Детей? Не пугай меня, опять кого-то украли? Где? Когда?

Он удивленно посмотрел на мать.

— Что значит «опять»?

— Мы же с отцом твоим познакомились как раз из-за пропажи ребенка. Я сама его и нашла. Его подкинули к нам в роддом. А Максика не нашли. Разве ты не помнишь, как Максик потерялся, у Бургартов с Казначейской? Такой чудесный мальчик, чистенький, в галошах, и всегда платочек в кармане...

— Максик?.. Это тот толстый, который к нам ходил играть во двор? Но ведь они уехали куда-то... в другой город?

— Нет, он потерялся, и Ирма Бургарт сошла с ума. Прекрасная была женщина, тоже всегда носила галоши. Имей в виду, хотя теперь и не модно, но это очень полезная вещь. И ноги сухие, и...

— Мама, потом про галоши. И что?

— Потом они уехали в Германию, к родственникам. Такое несчастье! Когда я узнала про Максика, я просто упала в обморок, все время боялась за тебя! Поэтому до третьего класса в школу провожала...

— Да уж, помню, пацаны меня дразнили. Так и не нашли его?

— Как в воду канул! И в Неве искали, и в заливе. Отец этим случаем сам занимался, он ведь тогда в райотделе работал.

— А как это произошло?

— Ой, Павлуша, страшно вспоминать. Вы во дворе играли, в нашем палисаднике. Ты пришел домой, а он нет.

— И никаких версий? Никого не подозревали?

— Отец-то, конечно, ни минуты не думал, что это Бургарты. Люди добрые, порядочные. Ирма весь район обшивала, до сих пор ее юбку ношу, она шила с подкладкой, швы отделявала, теперь такой нигде не купить...

— То есть все-таки подозревали родителей?

— Они и так были горем убиты, а тут еще допросы. Поэтому и уехали. Ирма плакала, не переставая, даже в больнице лежала. В Гнезде...

Лугин долго не мог заснуть. В шкафу нашел фотографию — он с мальчиком на диване, рассматривают книжку. Он худой, а Максик толстый. Веснушки, хитрые щелочки глаз. Максик умел придумывать интересные игры — полеты на ракете из табуреток, походы на плоту из старого матраса. Но от того последнего дня ничего не осталось в памяти. Ему было пять, Максику шесть лет. Может быть, именно в тот год он начал видеть страшные сны? Первый, самый яркий — о Бабе Яге. Она бежала за ним по лесной дорожке, и он спрятался в беседке, круглой деревянной беседке, как та, что стояла во дворе

детского сада. Он сидел и дрожал, глядя на пустую тропинку, и тут на ней показалась мать, и он обрадовался и бросился к ней навстречу. Какая-то женщина, молодая и красивая, шла рядом с матерью, видно было, что они хорошие подруги, она что-то говорила, и мать смеялась ее словам. Он схватил мать за руку и взглянул в лицо ее спутницы. Она улыбнулась ему мертвой улыбкой, обнажив длинные зубы, сверкнули злобой глаза из-под длинных накрашенных ресниц — это была та самая Баба-яга...

— Здравствуй, малыш! Я пришла за тобой....

Тихо прикрыв дверь, капитан поднялся на чердак. Дождь кончился, небо было высокое и чистое, и в окуляре звезды, как всегда, сияли своим вечным светом. Но в этот раз вместо умиротворения он испытал страх и тоску. Он подумал, что не знает, есть ли на самом деле эти звезды. Возможно, они погасли и исчезли тысячи лет назад, а он все еще видит их свет, мимолетный в вечном времени, как жизнь человека. Может быть, давно нет никакого Млечного Пути, и только Солнце и Земля с его домом одиноко летят во Вселенной... Он вглядывался в дрожащие и мигающие огоньки, и ему казалось, что еще секунда, и небо померкнет. Звездные лучи трепетали и пропадали в синих глазах капитана, находя в них свое последнее пристанище...

Наталия Анико

Опасное блаженство

*Фантазия в двух частях по мотивам
сочинений и писем Н.В. Гоголя*

Действующие лица:

Портрет Н.В. Гоголя работы Фёдора Моллера
Мария Ивановна Гоголь — 52 года

Её дочери:
Мария — 32 года
Анна — 22 года
Елизавета — 20 лет
Ольга — 18 лет

Помещицы:
Павлина Григорьевна Крапива — 63 года
Василиса Богдановна Пригрешная — 88 лет
Целестина Филипповна Стародивная — 45 лет

Меркурий Петрович Лихохват, помещик — 23 года
Аристарх Антонович Трилунный, чиновник из Петербурга — 47 лет
Трофим, слуга — 60 лет

Действие I

Последние дни лета. Гостиная в доме Гоголей. Четыре двери в другие комнаты. На стенах старинные портреты: Екатерина II, Григорий Потёмкин, министр Трощинский (дальний родственник Гоголей). В центре стол. Слева на высокой подставке портрет. Он закрыт цветным платком. Справа фортепьяно. Лиза играет негромко. Анна стоит рядом, в руках ноты. Маша читает книгу. Ольга у стола разбирает лекарственные травы. На авансцене Мария Ивановна, Крапива и Пригрешная.

КРАПИВА. Нет, вы не справитесь. Четыре дочери взрослые в одном доме: три девицы на выданье и одна уже вдова. Мне ли не знать! Семерых замуж выдала. И каждый раз как сражение выиграть. Муж покойный так и говорил:

Наталия Анико — псевдоним, с ненецкого переводится «Опять женщина!» Печаталась в журналах «Урал» и «Юность».

«Павлина, это Фермопилы! Павлина, это Карфаген!» Он в сражениях понимал: тридцать лет учителем истории прослужил.

ПРИГРЕШНАЯ. Про Фермопилы ничего не слышала, но скажу: нет ни греха, ни беды, что девицы замуж не выйдут. Девичья жизнь самая счастливая. Сёстры мои замужние уж как пострадались и давно на небесах. А я вот девятый десяток живу и каждому дню радуюсь. Утром проснусь: птицы поют, вишня цветёт, лепестки в окно летят. Бывает, и сомневаться начну. А я сейчас где? Уже в раю? Прислушаюсь. Повар с ключницей громче собак кричат. Собакам обидно. Они давай громче лаять. Звуки-то здешние. Ну, еще поживу, порадуюсь. Мы, Пригрешные, жизнелюбы.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Благодарю, что так понимаете мои семейные заботы. Но я пригласила вас не за этим. Маша, Анет, Лиза, Оля, садитесь к столу. *(Все рассаживаются вокруг стола.)* Мне нужен ваш совет. В моём доме происходит что-то необъяснимое. На Пахомия Тёплого приснился мне престранный сон.

ПРИГРЕШНАЯ. А сны на Пахомия Тёплого всегда сбываются.

МАРИЯ ИВАНОВНА. В том-то и дело. Снилось, что я перебираю клубки шерсти. Вдруг из корзины выпрыгивают два кота. Рыжие, неестественной величины. Начали они клубки катать и нитки путать. Я вскрикнула и проснулась. Котов нет, но клубки раскатились, нитки перепутаны.

МАША. Маменька, вы часто за работой засыпаете. Уснули, корзинку уронили. И потом, какие же сны не странные? Всегда странные.

АННА. И правда, маменька. Мне вот приснился полтавский судья с птичьим клювом и крыльями. Ну, встречу его, не буду же просить полетать немножко.

ЛИЗА. А мне снилось, что я — испанская инфанта Маргарита, а Никоша — испанский король. Я и сейчас помню южную ночь, ароматы лимона и лавра.

ПРИГРЕШНАЯ. Да, удивительные сны бывают. Такое приснится, что нам, девицам, и рассказать неловко. Ну, снится и снится, греха в том нет.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не перебивайте меня, слушайте, что было дальше. Через неделю получаю от Никоши письмо. Письма от сына всегда такие любезные и приятные. Это же письмо удивило меня до крайности и даже напугало. *(Читает письмо.)* «Почтеннейшая маменька, посылаю Вам свой портрет. Писал его здесь, в Риме, художник Моллер. Все говорят, что сходство с натурой удивительное. Портрет этот никому не показывайте. Зашейте в холст, спрячьте. Благодарю Вас, очень благодарю за подарок Ваш — дюжину чулок. И хотя я совсем не ношу нитяных чулок, но как драгоценность, как труд рук Ваших буду беречь». Ну, это уже наше, семейное. Что же это всё значит?

ОЛЬГА. Мне кажется, скромность брата Никоши тому причина.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Но и это ещё не всё. Вчера вечером я шла со свечой мимо портрета. Вообразите, Никоша вышел из рамы. Он был совсем живой, тёплый.

КРАПИВА. Быть этого не может! Вам показалось.

МАША. В темноте, при свете свечи, с вашим, маменька, воображением, конечно, показалось.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Нет, не показалось. Да вы сами посмотрите. *(Снимает платок. Все встают и долго рассматривают портрет.)*

АННА. Удивительное сходство.

МАША. Да, велика сила искусства.

КРАПИВА. Вот только на портрете он улыбается, а я его запомнила молчаливым и мрачным.

ПРИГРЕШНАЯ. И я тоже. Бывало, ходит по саду, нос опустит, словно аист в печали.

ОЛЬГА. Я думаю, Никоша попросил художника написать его радостным, чтобы маменьку не огорчать.

КРАПИВА. Всё-таки сходство поразительное. Как живой, только что не говорит.

МАРИЯ ИВАНОВНА. В том-то и дело, что говорит. Вчера он вышел из рамы и заговорил со мной.

Слышится ГОЛОС. Дражайшая маменька! Живите как можно веселее. Да хранит вас бог от неприятностей и огорчений.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Вы слышите?

АННА и ЛИЗА (*вместе*). Может, показалось?

КРАПИВА. Конечно, показалось. Это вам материнское сердце подсказывает.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да, материнское сердце за тысячу вёрст услышит. Сын — моя гордость. Его знает государь. В Петербурге Никоша жил на Невском, в бельэтаже. Государь приезжал к нему запросто. Они гуляли, беседовали как друзья. Теперь у Никоши денежные затруднения. Я надеюсь, что наш добрый государь стряхнет ему тысячи три с благодетельной руки своей.

ЛИЗА. Маменька, Никоша никогда не жил в бельэтаже. Квартыры снимал маленькие, недорогие. И с государем Никоша никогда не встречался.

АННА. Вы, маменька, мечтательница, фантазёрка. Вам бы романы писать и в журналах печататься.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Вам лишь бы спорить со мной. По советам и проектам Никоши много полезного делается. Вот начали железные дороги строить, как в Европе. Благодаря Никоше железная дорога скоро пройдёт через Миргород и Диканьку.

ПРИГРЕШНАЯ. Боже сохрани! Пропадут наши степи.

ОЛЬГА. Наши степи чудо как хороши! Когда мы с Никошей уезжали в степь, то, не выходя из брички, набирали огромные букеты цветов. А сколько в степи лечебных трав! Я по совету Никоши стала лечить крестьян. Никоша посылает мне травники. Оказывается, травы, которыми лечил ещё Авиценна, растут и у нас. Только называются иначе. У Авиценны — тарах-шакук, у нас — одуванчик. У Авиценны — лисан-ал-хамал, у нас — подорожник.

КРАПИВА. А я, признаться, не то что железных дорог, а этих новых дилижансов и почтовых карет не признаю. Что я — посылка, чтобы в почтовой карете ехать или в дилижансе с чужими людьми сидеть. Как хорошо, когда свои лошади и тарантас. Уложишь сундуки, подушки, домашние припасы и едешь хоть до Конотопа, хоть до Киева.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Не думала, что вы, Павлина Григорьевна, просвещённая женщина, вдова Петра Крапивы, поставите свой тарантас на нашем пути в Европу. А вот ещё почты. Никоша предлагает устроить наши почты, как в Европе.

АННА. Ничего у Никоши не получится.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Это почему же?

АННА. У нас народ очень читать любит. Может быть, самый читающий народ на свете. Если грамоте выучатся, остановиться не могут, читают всё подряд: книги, газеты, вывески. А что может быть интереснее чужих тайн? Никакой писатель не придумает. А полтавский почтмейстер большой охотник до такого чтения. И пока он, его жена и все чада и домочадцы не прочитают, ни за что почту не отправит.

СТАРОДИВНАЯ (*быстро входит, почти вбегает*). Я не опоздала? Наслышана, что у вас появился необыкновенный портрет.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Но от кого вы узнали?

СТАРОДИВНАЯ. Я от Софьи Семёновны, она от Мавры Афанасьевны, та от жены почтмейстера. А у неё всегда самые верные сведения.

АННА. Вот о чём я и говорила. Почта знает всё.

СТАРОДИВНАЯ (*рассматривает портрет*). Восхитительно! Бесподобно! Как велика сила искусства. Это писал гений.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да, но и сын мой — гений!

ГОЛОС. Маменька! Не называйте меня гением. Скажите, что он добрый сын. Это для меня будет лучшая похвала.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Ну, теперь вы слышите!

АННА и ЛИЗА (*вместе*). Слышим, но ушам не верим.

КРАПИВА. Невозможно поверить.

СТАРОДИВНАЯ. А я совсем не удивлена. Сила искусства пределов не имеет. Очевидно, в Европе придумали способ общения на расстоянии через портрет. Николай Васильевич по-прежнему в Риме?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Да, только иногда выезжает на немецкие курорты лечить нервы холодной водой.

КРАПИВА. И почему у нас так верят в заграничных докторов? Если богу угодно, то и наш сельский лекарь вылечит.

ПРИГРЕШНАЯ. И что же, у нас воды холодной нет?

СТАРОДИВНАЯ. Но всё дело в особом методе лечения. Он сейчас в Европе в большой моде, хотя известен с древних времён. Пишут, что Юлий Цезарь не покорил бы Галлию, если бы ежедневно не обливался холодной водой. А великий Архимед не открыл бы свой знаменитый закон. Если бы вода была тёплой, то он бы лежал спокойно в своей ванне. Но вода была так холодна, что Архимед с криком выскочил из ванны, и пришло озарение.

ПРИГРЕШНАЯ. Цезарь, Архимед — люди мне неизвестные, спорить не буду. Может, и помогла им холодная вода. А вот наши отцы и деды пили целебные настойки на анисе, золототысячнике, шалфее, зверобое от семидесяти семи болезней. Пили, и никаких нервов у них не было.

СТАРОДИВНАЯ. Нервы у всех есть. У писателей они тонкие, нежные. Будем надеяться, что Николай Васильевич поправит свое драгоценное здоровье.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Я каждый день молюсь о его здоровье. Мой сын и за границей служит отечеству нашему.

СТАРОДИВНАЯ. А вы слышали, Наполеон опять бежал со своего острова, вошел в тайные сношения с генералами и что-то замышляет.

МАША. Да ведь Наполеон умер.

СТАРОДИВНАЯ. Какой реприманд¹. Давно?

МАША. Да лет двадцать назад.

СТАРОДИВНАЯ. Но дух Наполеона жив, призрак его бродит по Европе. Я думаю, что государь наш отправил Николая Васильевича в Европу разузнать, нет ли где измены и опасности для отечества нашего.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Вообразите, я думала об этом. Я что-то подобное предполагала. Наполеон, 1812 год, всё это на моей памяти. А недавно я читала роман «Рославлев, или Русские в 1812 году» и снова так живо представила те события. Ведь это Никоши сочинение?

МАША. Маменька, это господина Загоскина сочинение.

ГОЛОС. Маменька, не приписывайте мне чужих сочинений. Не судите никогда, моя добрая и умная маменька, о литературе. Вы в большом заблуждении.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Прости, Никоша. Когда я читаю что-то замечательное, мне кажется, это ты написал.

СТАРОДИВНАЯ. Но, возможно, здесь и другое. Знаете, какие разговоры не утихают в Петербурге? Конечно, вполголоса и только для посвященных. Но я тонкая дипломатка и всё узнала. Говорят, что Александр Благословенный не умер в Таганроге, а отправился странствовать по Европе инкогнито. И государь наш, Николай Павлович, передаёт ему послания через некую таинственную особу. Но что это за особа? А если это Николай Васильевич? У Александра Павловича большие ноги. Он не может обходиться без особенных чулок, и Николай Васильевич...

МАРИЯ ИВАНОВНА. Вообразите, я думала об этом. Я что-то такое предполагала. А недавно Никоша писал мне именно про чулки.

¹ Reprimande (фр.) — здесь в значении «неожиданный оборот».

АННА. Маменька, Никоша писал про чулки, которые вы для него связали. Разве вы вязали чулки для государя?

МАРИЯ ИВАНОВНА. Но, может быть, это упоминание Никоши о чулках было тайным знаком, намёком на его миссию, а мы не поняли? Впрочем, и его литературные заслуги велики.

СТАРОДИВНАЯ. Да, Николай Васильевич прославил Диканьку, Миргород, Сорочинцы. Здесь его помнят.

КРАПИВА. Помнят-то помнят, но как? Недобрым словом вспоминают. Боялись его. Вдруг в книге опишет. До чего дошло, детей малых пугали: «Не шали, Гоголь в книгу запишет». Дитя и успокоится.

АННА. А больше других чиновники из Миргорода злы на Никошу. Ведь «Ревизор» и «Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» с них списаны.

ЛИЗА. Когда маменьке понадобилась какая-то бумага из канцелярии, ей, уважаемой помещице, даже сесть не предложили.

КРАПИВА. Кому вы это говорите? Я и сама знаю. Они шипели как змеи. Не было у нас, говорят, такого, чтобы свинья зашла в присутствие и схватила казённую бумагу со стола. Зайти-то она могла. С хлебом перепутала. Но чтобы бумагу утащить... Зачем? Свиньи у нас не голодают. Зачем это писать? Ведь государь мог прочитать. Кое-что Николай Васильевич перепутал. Написал, что Агафья Федосеевна откусила ухо у заседателя. Не так было. Не Агафья Федосеевна, а Матрёна Евстафьевна, и не откусила, а чуть-чуть надкусила, как яблочко. А впрочем, Николай Васильевич написал, что всякий знает и что я знаю и каждый день вижу.

АННА. Что же вы, и ведьм каждый день встречаете?

КРАПИВА. А где они, ведьмы? Помню, жила я ещё в родительском доме, тоже говорили, будто ведьма повадилась доить наших коров. Отец и дядя сговорились поймать ведьму. Притаились в кустах. В полночь идёт ведьма. Волосы распущены. Собакой лает, свиньёй хрюкает. Отец отступил, молитву творит. А дядя взмахнул саблей — ведьма на колени: «Дядечка, пощади». Глянули: Горпина Серко, соседка наша. Вот вам и ведьма. Сказки всё это.

ПРИГРЕШНАЯ. Не скажите, Павлина Григорьевна, на Сорочинской ярмарке все торговки — ведьмы. Поехала я как-то в Сорочинцы материи присмотреть. Какие там ситцы, какие батисты. Подходит ко мне торговка и говорит: «Купи чёрного козла». У меня, говорю, дома свой козёл, серенький. Козы его очень любят. А торговка так на меня посмотрела, что я ей все деньги и отдала. Привела на двор чёрного козла. Козочки мои беленькие, чистые голубицы, так и замерли. А чёрный козёл перемахнул через плетень, будто и не было.

ЛИЗА. Говорят, что ведьмы могут превращаться в кошек, собак, жаб, клубки и колёса.

АННА. Говорят, если женщина проглотит кусочек угля, у неё родится ведьма. Если семь поколений подряд в семье родятся только девочки, появится ведьма.

ЛИЗА. Но есть двадцать семь совершенно точных способов определить ведьму.

СТАРОДИВНАЯ. Что Василиса Богдановна в прошлом веке родилась, всем известно, а послушаешь её, кажется, что много раньше. Но, Анет, Лиза! Вы живёте в просвещённом XIX веке. Вы учились в Петербурге. Откуда у вас эти суеверия? Это же Средневековье! *Que diga le mond!* Что скажет общество, что скажет Европа!

АННА. Европа нас не заметит. Там о нашей Диканьке и не слышали.

СТАРОДИВНАЯ. И всё-таки вам сказочно повезло, что вы жили в Петербурге. Я люблю Петербург до безумия, до мании.

ЛИЗА. Да, мы были там счастливы и благодарны Никоше.

ГОЛОС. Я вас любил любовью брата, отца, матери.

ЛИЗА. Не обижайтесь, маменька, но Никоша всегда был для нас как мать.

АННА. Удивительно, какая у него была нежная заботливость о нас. Он терпел наши капризы, вытирал слёзы, забавлял, покупал игрушки, орехи, вишни в сахаре, даже кроил платья для нас.

ОЛЬГА. Никоша всегда был франтом. Помню его в жёлтых нанковых панталонах и голубом жилете с золотыми пуговицами. Лето, солнце и Никоша лучезарный.

СТАРОДИВНАЯ. А его плащ «Альмавива», а жилеты? Поэмы, а не жилеты. Зелёный бархатный, а по зелёному полю золотистые жуки рассыпаны. Или синий, тоже бархатный, в мелкую серебристую клеточку. Или жёлтый шёлковый в крупный чёрный горох. Я думаю, жилетов у него было дюжины три.

ЛИЗА. А когда мы выросли, Никоша покупал нам платья в модных магазинах, возил на литературные вечера, надеялся выдать замуж в Петербурге или в Москве.

АННА. Но ничего не получилось. Все видели в нас сестёр известного писателя и ждали чего-то необыкновенного. А мы так смущались, что казались им совершенными дурочками.

ЛИЗА. Нам было очень обидно. А теперь какие женихи? Даже в Диканьке, даже в Полтаве. Кругом только вдовы с дочерьми да их кузины и тётушки.

КРАПИВА. А я вот в наших краях семерых замуж выдала. Доченьки мои, ясочки, перепёлочки: Софийка, Надийка, Докийка, Марийка, Катруся, Ганнуся, Павлуся, Пентефрия и Лизимахия.

АННА. Девять.

КРАПИВА. Что девять?

АННА. Дочерей семь, а имён девять.

КРАПИВА. Пентефрия и Лизимахия — сиротки, воспитанницы мои. Я их тоже замуж выдала. Я бы и вам женихов нашла. Но ты, Анна, слишком дерзкая, строптивая.

АННА. Да, я не отличаюсь кротостью и терпением. Сгоряча могу наговорить лишнее. Не переношу людей бестолковых и всегда говорю всё, что думаю. Бываю зла и капризна.

КРАПИВА. А ты, Лиза, слишком нежная и мягкая. Семья — это государство, и жена правит в нём безраздельно и самодержавно. Мужья пусть на службе командуют: в департаментах, в сражениях, на кораблях. А ведь тебе, Лиза, я нашла жениха. Роман Подкова — солидный мужчина, майор в отставке. Чем не угодил?

ЛИЗА. Он же такой старый!

ПРИГРЕШНАЯ. Старость — не грех, не порок, а подарок человеку. Дай вам бог дожить до старости.

ЛИЗА. И ещё мне не нравится его фамилия. Я, Елизавета Гоголь-Яновская, буду Елизавета Подкова?

КРАПИВА. Подкова — фамилия солидная, основательная. Моя фамилия мне очень нравится. Муж мой, Пётр Крапива, грозой был для учеников. Боялись его, трепетали. Павлина Крапива звучит будто «Берегись, обожгу». И дочерей воспитала — истинные Крапивы! Приготовила их мужьям подарочки.

ПРИГРЕШНАЯ. Да, удивительные есть фамилии. Бывают такие фамилии, что нам, девицам, и сказать неприлично.

КРАПИВА. Фамилия на всем роду печать, не избавишься. Служил в Ромнах полицмейстер Степан Курочка. Хотел переменить фамилию. Не соответствует, говорит, должности: ни солидности, ни уважения, ни страха не внушает. Подал прошение на высочайшее имя. Переменили на Коршунов. А все по-прежнему зовут Курочкой. А в Лубнах пожарные служат — Польшай и Заливай, тоже просят фамилии переменить. Говорят, сумятица на пожаре случается. Если и переменят, толку не будет. От своей фамилии не уйдёшь.

ЛИЗА. Теперь не до фамилии. Я, кажется, и на Подкову бы согласилась, но Никоша совершенно переменился. Он уже не хочет, чтобы мы вышли замуж.

АННА. Брат всегда высоко стоял над нами. Но теперь он поднялся ещё выше. Мы перестали его понимать.

ЛИЗА. Письма его полны наставлений, даже со страхом распечатываем письмо, и почти никогда не обманывает нас предчувствие.

ГОЛОС. Прочитавши один раз письмо, не думайте, что уже поняли смысл его, дождитесь более душевной минуты. В первую неделю Великого поста перечитывайте всякий день по одному разу, вникая в точный смысл его.

ЛИЗА. Уж мы вникали, вникали. Прежде было удовольствие ему писать. Теперь каждое слово надо взвесить. Не будет ли это пустяк.

АННА. И всем задания даёт. Я должна обливаться холодной водой и учить греческий. Но с кем я буду разговаривать по-гречески?

ЛИЗА. Я должна вести расходные книги, давать ему в письмах отчёт, и боже сохрани перепутать!

МАША. Наставлять Никоша любит. Статью написал «Чем может быть жена для мужа в простом домашнем быту» и даёт советы. Разделите деньги на семь куч. Почему не на пять, не на двенадцать? И что он может знать о семейной жизни, если сам не был женат?

АННА. Никоша хочет, чтобы мы устроили в нашем доме монастырь или странноприимный дом.

ЛИЗА. Мы не должны принадлежать себе, но всем страждущим, несчастным. И чтобы никто не покидал наш дом не утешенным.

МАША. Нет, покорно благодарю. Не хочу слушать скрип пера нашего знаменитого брата и приносить себя в жертву.

ОЛЬГА. А для меня это не жертва, а счастье. С самого детства я пыталась служить брату. Мне принадлежало великое право приглашать его к обеду. Я осторожно приоткрывала дверь в его комнату и торжественно произносила: «Маменька просят обедать». А какое наслаждение пришивать пуговицу к его жилету.

АННА. А я не хочу никому служить. Сбегу из дома и тайно обвенчаюсь, вот только не знаю, с кем.

ЛИЗА. А я поступлю в актрисы.

ОЛЬГА. Не верю, вы шутите, наверное. Никоша умнее нас, лучше нас, мы должны помогать ему во всем. Приют для страждущих должен стать смыслом нашей жизни.

ПРИГРЕШНАЯ. Приют — дело богоугодное. Грех его не поддержать.

КРАПИВА. Но, кажется, дождь собирается. Добраться бы домой, не то и нам придётся искать приюта.

СТАРОДИВНАЯ. Но мы непременно приедем завтра. Так хочется ещё раз посмотреть на этот замечательный портрет. (*Прощаются и уходят*).

МАША. Вот и уехали сплетницы. Надоели. Но без них ещё тоскливее. Хорошо Никоше поучать нас из Италии, где вечное лето. А у нас скоро осень, за ней бесконечная зима. Скрип дверей, тусклый свет сальной свечи, клубок шерсти. Холодно, одиноко.

МАРИЯ ИВАНОВНА. Скрип наших дверей Никоша воспел. А свечи у нас восковые и воск свой. Я его только пуд продаю, остальное в хозяйстве расходится.

МАША. И от восковых тоска.

АННА. Я сейчас и путнику страждущему была бы рада. Так скучно. А дождь всё сильнее.

Стук и крики: «Пустите переночевать! Сбились с дороги, промокли!» Шум за сценой. Свет гаснет.

Действие II

Дождь прошёл. Солнечное утро. Из одной двери выходит Трилунный, из другой — Лихохват.

ТРИЛУННЫЙ. Вчера мы даже не успели познакомиться. Трилунный Аристарх Антонович — чиновник из Петербурга. Вы тоже изволите состоять на государственной службе?

ЛИХОХВАТ. Я недавно оставил службу, ехал в своё имение. Вчерашняя гроза помешала. В темноте мы сбились с дороги, колесо отвалилось, коляска перевернулась.

ТРИЛУННЫЙ. Со мной та же история. Последнюю версту мы, кажется, плыли по воде.

ЛИХОХВАТ. Да, это скорее походило на кораблекрушение. Тьма египетская, реки вавилонские.

ГОЛОС. Скучно на этом свете, господа.

ТРИЛУННЫЙ. Мне никогда не бывает скучно. Постойте, это вы сказали «скучно»?

ЛИХОХВАТ. Нет, это вы сказали.

ТРИЛУННЫЙ. Но, кроме нас, здесь никого нет.

ЛИХОХВАТ. Разве что этот портрет. Удивительная работа. Как живой. Да, велика сила искусства!

ТРИЛУННЫЙ. Но где же хозяева? Есть здесь кто-нибудь?

Входит немолодой слуга.

ТРИЛУННЫЙ. Подойди поближе. Тебя как зовут?

ТРОФИМ. Трушко.

ТРИЛУННЫЙ. Это что же, имя или фамилия?

ТРОФИМ. По бумагам я Трофим Чуб, но с детства все зовут Трушко.

ТРИЛУННЫЙ. Ну, хорошо, Трушко, не скажешь ли, чей это протрет?

Трофим (*подходит, долго рассматривает портрет*). На барина нашего похож, Николая Васильевича.

ТРИЛУННЫЙ. И где же твой барин?

ТРОФИМ. Уехал.

ТРИЛУННЫЙ. Давно?

ТРОФИМ. С Мокия Мокрого шестой год пошёл.

ТРИЛУННЫЙ. Но кто-нибудь есть в доме?

ТРОФИМ. Барыня уехали в Диканьку. Мария Васильевна в саду книгу читают. Ольга Васильевна травы по утрам собирают. А барышни...

Не успевают закончить, открывается ещё одна дверь. Появляются Анна и Лиза.

АННА и ЛИЗА (*вместе*). А мы здесь.

АННА. Маменька уехала в Диканьку за каретником. Пока она вернётся, пока будут готовы ваши экипажи, придётся вам задержаться.

ЛИЗА. А мы будем вас занимать.

Входят Маша и Ольга.

ЛИХОХВАТ. Тогда не скажете, чей это портрет?

АННА. Это портрет писателя Николая Васильевича Гоголя, нашего брата.

ЛИХОХВАТ. Мы в доме писателя Николая Васильевича Гоголя? Неужели это не сон? Я мог погибнуть, но Гоголь спас меня.

ЛИЗА. Вы знакомы с нашим братом?

ЛИХОХВАТ. Нет, я никогда его не видел, но обязан ему жизнью.

ЛИЗА. Как романтично!

АННА. Непременно расскажите.

ЛИХОХВАТ. Боюсь, рассказ будет длинный. Род наш, Лихохватов, старинный, славный, но обедневший. Я единственный сын у маменьки, да ещё три сестры незамужние. Имение заложено-перезаложено. Но я по натуре беспечен, и бедность меня не тяготила. С детства я сочинял стихи, и к двадцати годам у меня скопилось два сундука поэм. Я верил, что они принесут мне славу и деньги. Маменька мои надежды разделяла. Я грезил Петербургом и близким успехом, когда на меня обрушилась беда. Она шла по саду, я навстречу ей по улице вдоль ажурной решётки. Ветер унёс платочек незнакомки, я поднял платок и протянул через прутья ограды. Глаза наши встретились. Ни одна красавица не сравнится с ней, Настасьей Львовной. Только сельская природа и благодатный воздух степей дают такое пышное цветение. Настуся не идёт, а плывёт, как облако в небе, а душа её такая небесная, что небеснее и вообразить невозможно.

ЛИЗА. Но почему же вы называете любовь бедой?

ЛИХОХВАТ. Причина проста: я беден, Настуся богата. В Ромнах и окрестностях нет человека богаче ее отца, Льва Григорьевича Оковитого. Как он поднялся, как разбогател на конопляном масле! Даже герб себе придумал и художнику заказал. «Лев в коноплянике». Подал на высочайшее имя, пока не утвердили. О женихах без приличного состояния и слышать не хочет.

ЛИЗА. Но истинная любовь не допускает расчёта, забывает о бедности.

АННА. Вы могли бы увезти Настусю и тайно обвенчаться.

ЛИХОХВАТ. Должен признаться, что я по натуре робок, даже трусоват. Все мужчины нашего рода были отважны и погибли в сражениях. Наверное, они растратили всю доблесть, отпущенную нашему роду. На мою долю ничего не осталось. Но если бы я решился на такой безумный поступок, на какие средства стали бы мы жить?

АННА. Неужели вы смирились?

ЛИХОХВАТ. Почти смирился. Выход подсказала Настуся: ехать в Петербург, напечатать поэмы. Слава моя и деньги должны смягчить каменное сердце Льва Григорьевича. В моём успехе Настуся не сомневалась. Она поклялась ждать и любить меня вечно. Вечность мы определили в один год. В Петербурге меня ждал жестокий удар судьбы. Ни один издатель не оценил и не напечатал моих поэм. Крылья мои опустились. Но оставалась робкая надежда. С рекомендательным письмом, которым предусмотрительно снабдила меня маменька, я решил начать карьеру чиновника. И снова жестокое разочарование. Очень скоро я понял, что карьера — это крутая лестница. По ночам мне снились сослуживцы с лисьими и волчьими мордами. Они толкали меня, я падал с лестницы и в ужасе просыпался.

ТРИЛУННЫЙ. Вы ещё очень молоды, и вам пока не дано понять, как устроена государственная машина, все её колёсики и винтики. Вам известно, что слово «чиновник» произошло от древнерусского «чин», что значит — порядок. Неукоснительно следуйте порядку. Наберитесь терпения, дайте срок. Настоящая служба после сорока лет только и начинается.

ЛИХОХВАТ. Но ни я, ни Настуся не можем ждать так долго. Я впал в жестокую тоску. Облако задумчивости пролилось дождём слёз. В отчаянии шёл я по берегу Фонтанки. Ноги сами привели меня на Семёновский мост. Пусть мутная вода поглотит меня.

ЛИЗА. Что же случилось дальше? Вы передумали? Вас вытащили из воды?

АННА. Вы говорили, что спас наш брат, но он давно живёт в Италии.

ЛИХОХВАТ. Знаете ли вы, какая вода в реках Петербурга? Нет, вы не знаете. Это не голубые воды Днепра, что манят в жаркий день, просто притягивают, а там уж и русалки подхватят. Я заглянул в мутную воду Фонтанки и в ужасе отшатнулся. Не русалки, а страшные водяные твари могут там обитать.

Совершенно измученный, я поплёлся обратно. По недостатку средств я снимал комнату недалеко от Сенной. В собачьей конуре светлее и просторнее, чем в этой комнате. Неумолимое веретено судьбы тянуло последнюю нить, кольцо неудач стягивалось в петлю. Я искал верёвку, рылся в сундучке и вдруг под своими рукописями нашёл книгу. Её подарила мне Настуся. Я открыл книгу на странице, заложённой цветком гелиотропа. «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии», — прочёл я и окунулся в счастливый солнечный мир. Это было неопишное блаженство. Серое небо Петербурга стало голубым, подул тёплый ветер, зашумели степные травы. Не помню, как уснул. Проснулся от стука в дверь. Принесли письмо от маменьки с известием, изменившим мою судьбу. Умерла наша дальняя родственница. Она завещала мне имение и значительный капитал. Почему она выбрала меня? Не знаю. Но колесо Фортуны покатило мне навстречу. Уладив дела по наследству, я ехал просить руки моей Настуси. Вчерашняя гроза задержала.

ТРИЛУННЫЙ. Боюсь ответить на ваше гостеприимство неблагодарностью, но меня сочинения вашего брата вовлекли в историю, неприятную во всех отношениях. Даже рассказать неловко.

ЛИЗА. Неужели так неблагопристойно?

АННА. Тогда непременно расскажите!

ТРИЛУННЫЙ. Как-то я услышал перешёптывания и смешки за спиной. Оказалось, мои сослуживцы побывали в театре и почему-то решили, что героя пьесы автор списал с меня. Сорокалетний чиновник до сих пор не женат, всё и сходство. Но некий господин Подколесин хотел жениться. Только в последний момент одумался и выпрыгнул из окна. У меня же никогда не было намерения жениться.

МАША. Вы так не любите женщин?

ТРИЛУННЫЙ. Да, я не люблю женщин. Женщина вносит в жизнь мужчины беспорядок, хаос. Она словно оборотень, после свадьбы неземное существо превращается в злобную фурию. Если бы она входила в дом мужчины одна. Нет, за ней является целая шайка разбойников: торговцы тканями, ювелиры, кондитеры, галантерейщики. Им нет числа.

МАША. Вы говорите с такой страстью, будто сами пережили это.

ОЛЬГА. Но вы даже не были женаты!

ТРИЛУННЫЙ. Увы, я столько раз наблюдал, как честные чиновники становились взяточниками и казнокрадами из-за расточительности своих жён.

ЛИХОХВАТ. Не соглашусь с вами. Я состоял на службе менее года, но заметил, что взятки брали не только женатые, но и холостые, молодые и старые. Я слышал, что калужский губернатор, человек очень богатый, своё жалованье раздавал подчинённым. Но они продолжали брать взятки, не могли уже остановиться. Объясняли, что руки у них устроены таким образом, что имеют свойство вытягиваться так, что рука берущего руку дающего не минует. Природа. А против природы не пойдёшь. К тому же климат у нас суровый. А просторы отечества так необъятны, что все злоупотребления в них как-то сами растворяются. А наши канцелярии — это настоящие разбойничьи притоны. Человеку беззащитному в них и заглядывать опасно. Честность там презирают, ловким обманом гордятся. Служил в Курске чиновник. Легенды о нём ходили. За умеренную плату он в любом законе находил лазейку. К нему из других губерний приезжали на поклон. Благодетелем называли.

ТРИЛУННЫЙ. В чём-то вы правы, и государь наш огорчён, что не все ещё чиновники встали на путь исправления. Я убеждён, что именно у них самые зловредные жёны.

ОЛЬГА. Ваш взгляд на женщин и на мир так мрачен. Вы так ожесточены. Это бывает при большой печени. Вам надо пить отвар бессмертника песчаного и показаться врачу.

ТРИЛУННЫЙ. Я непременно последую вашему совету, Ольга Васильевна, но свой взгляд на женщин не изменю.

ЛИХОХВАТ. И напрасно. Женщину винить нельзя. Она послана в наш мир мирить и благотворить. Жена — хранительный талисман для мужа.

ТРИЛУННЫЙ. Вы, молодой человек, в большом заблуждении. Кто внушил вам эти опасные иллюзии?

ЛИХОХВАТ. Да вся литература, стихи, поэмы, романы об этом.

ТРИЛУННЫЙ. А вам не приходило в голову, как они похожи: женщина и литература, так называемая изящная словесность. Та и другая способны очаровать, лишить воли, заставить совершить поступки, которые вы сами никогда бы не совершили. Литература даже опаснее женщины. Я видел постановку «Ревизора» в театре и был потрясён. Зрители смеялись, не понимая, что над ними издеваются. Какое больное воображение породило этот скверный городишко и его обитателей? Это не комедия, а клевета на отечество наше! А «Мёртвые души», которыми зачитывается наше образованное общество? Все эти Собакевичи, Плюшкины, Ноздрёвы. Ведь это кунсткамера уродов! За такие сочинения автора следовало бы в кандалы заковать и в Сибирь или на необитаемый остров в Белом море, куда ворон костей не заносит. Но государь наш милостив без меры и даже благоволит госопдину сочинителю.

ЛИХОХВАТ. Но ведь сатира допускает преувеличение, сгущение красок. Сатира — это горькое лекарство для нашего больного общества.

ГОЛОС. Пилуля моя горька. Но вы должны проглотить её: она несёт вам здоровье.

ТРИЛУННЫЙ. Кто это сказал? Или мне опять послышалось?

АННА. Нет, не послышалось. Это новое европейское изобретение — общение на расстоянии через портрет.

ЛИЗА. Нам тоже казалось странным, но мы уже привыкли и перестали удивляться.

ТРИЛУННЫЙ. Быть этого не может!

ЛИХОХВАТ. Как не верить, если слышишь собственными ушами. Да, велика сила искусства.

ТРИЛУННЫЙ. Велика, но опасна. Вот вы сказали «горькое лекарство»? А если оно будет слишком горьким, слишком опасным и погубит больного? Я не аптекарь, но ещё врачи древности и средних веков предупреждали: «Не навреди».

ОЛЬГА. Лекарства и лекарственные травы бывают ядовиты: болиголов, белена, морозник чёрный. Но даже известные всем пустырник, горицвет, зверобой могут навредить, если не знать меру. Прежде чем приготовить отвар, я взвешиваю траву на аптекарских весах.

ТРИЛУННЫЙ. И вы совершенно правы, Ольга Васильевна. Взвесить каждое слово, прежде чем допустить к печати. И потом, всякому ремеслу надо учиться. А у нас гимназисты вообразили себя сочинителями. Но прежде сами попали под влияние так называемых властителей дум. Я прибыл в вашу губернию инспектировать учебные заведения. Вы, наверное, слышали о скандале в полтавской гимназии. Ученики пятого класса начитались стихов Байрона и по его примеру отправились в Грецию, чтобы присоединиться к восставшим.

МАША. Но ведь греков, кажется, освободили. И Байрон давно умер.

ТРИЛУННЫЙ. Да, призывы поэта дошли с опозданием, но дошли. И как объясняли сами гимназисты, их воспламенили. С такими властителями дум и до пожара недалеко.

ЛИЗА. Что же, гимназистам удалось добраться до Греции?

ТРИЛУННЫЙ. Нет, их остановили под Конотопом.

Маша: Но Конотоп в другой стороне.

АННА. Тогда при чем здесь Байрон? Разве лорд Байрон учил наших гимназистов географии?

МАША. А как быть с учителями? Наказывать. или благодарить. Побег всё-таки не состоялся.

ТРИЛУННЫЙ. Напрасно смеётесь. Дело крайне серьёзное. Речь идёт о преступном попустительстве опасному вольнодумству. А кто отравил эти незрелые умы? Господа сочинители.

МАША. Наш брат не всегда был таким. В детстве мы с Никошей верили, что в нашем пруду живут русалки, и сочиняли про них сказки. Потом, уже взрослым, он написал свои весёлые красивые истории про Рождество в Диканьке, майскую ночь и Днепр при тихой погоде. Но в Петербурге с ним что-то случилось. Радость жизни покинула его.

АННА. Он всегда жаловался, что низкое северное небо давит на него, нагоняет тоску. И ещё этот холод, холод.

ОЛЬГА. Может быть, в Риме он отогреется, и к нему вернется здоровье и радость жизни?

ГОЛОС. О Рим, Рим. О Италия... Лето не лето, весна не весна, но лучше весны и лета. Что за небо, что за воздух!

МАША. А мне уже не верится. В Риме он написал «Мертвые души». От одного названия хочется перекреститься. Литература, по-моему, должна лечить душевные раны. Где женщине найти утешение? Конечно, в увлекательном романе или в стихах.

ОЛЬГА. Я тоже заметила, что стихи лечат. Конечно, прежде всего лекарства и молитвы. От лихорадки молитесь святой преподобной Фотинье. От зубной боли святому Миرونу-Пустыннику. Но и стихи помогают. У меня есть старинный лечебник с рецептами в стихах.

Лука головками, часто втирая их тёртыми,
Сможешь лысой вернуть голове красоту, что утрачена ею.

Эти стихи больных успокаивают.

МАША. Да, гекзаметр удивительно успокаивает. Музыка и стихи — это лекарство для души.

ЛИЗА. И танцы. Мы так любим танцевать, вот только с кем?

АННА. Какая у нас бедность на кавалеров. Решительно все соседи — вдовы и девицы. Жил в Диканьке замечательный танцор, Тарас Семидуб, старый солдат. Всё нам про взятие Измаила рассказывал. В девяносто пять лет кадрили танцевал, только фигуры путал. Теперь, говорит, ноги не держат.

ЛИЗА. А давайте устроим танцы.

ТРИЛУННЫЙ. Я никогда не увлекался этим легкомысленным занятием.

ЛИХОХВАТ. А я увлекался, но от природы неуклюж.

МАША. Мы не предлагаем вам танцевать мазурку. Она для военных: лихость, прыжки, усы. Усы непременно. Но вальс — это так просто.

ЛИЗА. Брат присылает нам из Европы ноты самых модных вальсов.

Ольга садится за фортепьяно. Анна стоит рядом с нотами. Трилунный с Машей, Лихохват с Лизой танцуют вальс. Один круг. Потом Трилунный и Маша останавливаются на переднем плане. Лихохват и Лиза продолжают танцевать.

МАША. Вы любите стихи?

Когда б надежду я имела,
Хоть редко, хоть в неделю раз,
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно.

ТРИЛУННЫЙ. Право, не знаю, что сказать. Я впервые в деревне.
МАША. Какой вы странный. Я же вам просто стихи прочитала.

Продолжают танцевать, меняются партнёрами. Лиза с Трилунным, Лихохват с Машей. Лиза и Трилунный выходят на передний план, останавливаются.

ЛИЗА. Маша, верно, вам стихи читала: «Когда б надежду я имела...»

ТРИЛУННЫЙ. Да, это её стихи?

ЛИЗА. Ах, что вы! Это господина Пушкина стихи. Неужели вы не знаете Пушкина? На каком свете вы живёте?

ТРИЛУННЫЙ. Я больше деловые бумаги читаю. Сочинения вашего брата — исключение. Я хотел понять, разобраться. Ведь ваш брат едва не погубил мою репутацию. Я до сих пор помню глумливое шипение сослуживцев за моей спиной: «Подколесин, Подколесин».

Опять меняются партнёрами. На первый план выходят Лиза и Лихохват.

ЛИХОХВАТ. Вчера я был в отчаянии. Каждая минута промедления на пути к Настусе казалась мне вечностью. А сегодня мне так хорошо в вашем доме, так легко на душе. Мы знакомы с вами несколько часов, а кажется, всегда были знакомы.

ЛИЗА. И у меня то же чувство.

Снова танцуют вальс. На первый план выходят и останавливаются Маша и Трилунный.

ТРИЛУННЫЙ. Ваша благорасположенность произвела во мне смелость. Я чувствую себя гусаром восемнадцати лет и готов танцевать даже мазурку. Но неужели Диканька действительно существует? Я думал, это сказочная, выдуманная страна.

МАША. Конечно, существует. Александр Благословенный посетил Диканьку. В память этого события поставлены чугунные ворота напротив почтовой станции.

Ольга перестаёт играть.

МАША. Вообразите, Аристарх Антонович не верит, что Диканька существует.

АННА. Вы должны непременно побывать там.

ЛИЗА. Скоро вернётся маменька. Мы пообедаем и отправимся в Диканьку.

АННА. Мы должны переодеться и сделать распоряжения. Не скучайте.

ЛИЗА. Вот коржики с маком (*показывает на стол*), вишнёвое варенье, грушевый квас. (*Уходят.*)

ЛИХОХВАТ. Какие приятные дамы.

ТРИЛУННЫЙ. Скажите еще: «Дамы, приятные во всех отношениях». Мы уже заговорили на языке этого сочинителя. Вам не кажется, что с нами происходит что-то странное?

ЛИХОХВАТ. Пожалуй, соглашусь с вами. Вчера мы ехали в разные стороны, и вдруг гром среди ясного неба, гроза. И мы оба оказались у ворот этого дома, как будто какая-то неведомая сила бросила нас сюда, к этому заколдованному месту.

ТРИЛУННЫЙ. Ну, уж это слишком. Средневековье какое-то. Мы живем в просвещённом XIX веке.

ЛИХОХВАТ. «Заколдованное место» — так называется повесть господина Гоголя. Я всегда думал, что это чистая фантазия. А вдруг он не выдумывал, писал прямо с натуры, и в окрестностях Диканьки творится всякая чертовщина.

ТРИЛУННЫЙ. Что-то в этом есть. Прошло всего несколько часов, а мы забыли о своих делах, разговариваем с портретом и не удивляемся, даже танцуем.

ЛИХОХВАТ. Может, Оленька нам волшебных травок подмешала? И всё это нам кажется?

ТРИЛУННЫЙ. Нет, это он, портрет.

ЛИХОХВАТ. Вы же не верите в силу искусства.

ТРИЛУННЫЙ. Я верю в его опасную силу и не удивлюсь, если господин сочинитель выйдет сейчас из рамы и скажет: «Позовите Вия».

ЛИХОХВАТ. Но что же делать? Бежать? Но как? Увидят дамы. Неловко.

ТРИЛУННЫЙ. Он нас чуть не погубил, он нас и спасёт.

ЛИХОХВАТ. Окно?

ТРИЛУННЫЙ. Вот именно. За этой дверью окно в сад. В саду нас не заметят. Добежим до Диканьки, найдём лошадей и разъедемся в разные стороны. Забудем всё, как нелепый сон.

ЛИХОХВАТ. Но он так смотрит, что у меня ноги к полу приросли.

Трилунный накрывает портрет платком. Оба скрываются за дверью.

Входят Мария Ивановна и её дочери.

ЛИЗА. А где же наши гости? Они только что были здесь?

ОЛЬГА. А где портрет?

АННА (*снимает платок с портрета*). Он с нами.

ГОЛОС. Не унывайте и будьте всегда светлы душой. Помните, что всё, что ни посылается, посылается от бога и для нашего счастья.

ДЕТСКАЯ

Константин Арбенин

Новенький

История из детства

С детским садом у меня поначалу отношения не складывались. Не хотел я ходить в детский сад. Я привык сидеть дома один, сам с собой играть, сам включать радио или смотреть телевизор, когда захочется, в общем, быть самому себе хозяином. Конечно, бабушка всегда была рядом, на кухне, и, если что, можно было позвать её на помощь, но большую часть времени я привык быть самостоятельным. И тут вдруг мне исполнилось пять лет, и мама поставила меня перед фактом:

— Теперь ты взрослый, — сказала она. — И завтра ты идёшь в детский сад.

В первый день новой жизни я закатил истерику — мне совершенно не хотелось быть взрослым. Я уцепился за мамин рукав и долго не отпускал её, орал во всё горло, плакал и ни за что не хотел оставаться в этом дурацком заведении. Нянечка тянула меня в одну сторону, мама, пытаясь отцепиться, рвалась в другую, а я висел в воздухе между ними и не представлял, как буду жить дальше. Бабушка осталась дома, позвать на помощь было некого. В конце концов мои силы иссякли, я покорился судьбе, и нянечка победоносно унесла меня в раздевалку.

Несколько дней я не мог привыкнуть к свалившимся на мою голову переменам. Детсадовская обстановка меня угнетала. Здесь всё было по расписанию: завтрак, прогулка, обед, тихий час... Даже играли, занимались рисованием и лепили из пластилина — по расписанию. И всё время вокруг меня было полно других ребят. Все они давно знали друг друга, а я был новенький. Кто-то пытался со мной подружиться, кто-то наоборот — дразнился и задирался. А я смотрел на них и думал: «Нет, тут в общем-то неплохо, много интересных игрушек, много места, где можно бегать, тут тебе и краски, и пластилин, и сказки вслух воспитательница читает... Но вот если бы всё это было мне одному! Если бы я тут был один — вот это было бы другое дело, меня тогда, может быть, и домой бы не тянуло. Я бы вдоволь набегался, наигрался, я бы не ждал, когда освободится настольный футбол, я бы занял самое удобное место в столовой и выпил бы сколько угодно чашек компота! И ещё хорошо бы, чтобы где-нибудь неподалёку сидела бабушка. На всякий случай — одному спокойнее, если где-то рядом есть бабушка...»

Константин Арбенин (1968) — писатель, автор и исполнитель песен, актёр. Родился в Ленинграде. Автор нескольких прозаических и поэтических книг. Проза и стихи публиковались в журналах «Знамя», «Октябрь», «Аврора», «Мурзилка», «Чиж и Ёж», «Костёр» и др. Награждён медалью Н.В. Гоголя «За сказочную литературу» (2009). Член Союза писателей Санкт-Петербурга.

В таких мечтаниях пролетела целая неделя. Я уже успел более-менее притереться к месту и коллективу, подружился с одним мальчиком и двумя девочками, запомнил по именам всех остальных и понемногу стал встраиваться в строгий режим дня. Даже два раза заснул во время тихого часа. И вот однажды после полдника, когда мы вышли на вечернюю прогулку, нас собрала вокруг себя воспитательница Зоя Петровна и сказала громким официальным голосом:

— Ребята, послушайте объявление! Завтра занятий не будет. Завтра все мы пойдём в кинотеатр, на дневной сеанс, — смотреть художественный фильм «Новые приключения Кота в сапогах». Передайте родителям, что в десять часов вы должны быть возле входа в кинотеатр «Прогресс». Поняли?

Все радостно загалдели, а у меня от счастья просто закружилась голова! Я не мог поверить в это чудо: мало того что не надо было идти в детский сад, так ещё и в кино поведут! А я ведь очень любил ходить в кино! И фильм этот я уже однажды видел по телевизору, но не с начала, и мне он очень понравился. Посмотреть его полностью, на большом экране, в цвете — это было просто каким-то волшебством! Я тотчас стал рассказывать своим новым друзьям, что я знаю эту картину, что она невероятно интересная, что её поставил мой любимый кинорежиссёр Роу, что там много страшного, много смешного, и что завтра нас ожидает полтора часа настоящего праздника. Я радовался от всей души и делился своей радостью со всеми окружающими. В этот миг я даже подумал, что детский сад — это всё-таки здорово, ведь когда бы я ещё попал в кино на «Новые приключения Кота в сапогах»!

Мой полёт на крыльях неожиданного счастья продолжался не больше минуты. Едва мы чуть-чуть притихли, Зоя Петровна кое-что добавила к своему объявлению.

— Хочу заметить, что у нас есть один новенький, — сказала она и, посмотрев на меня, перешла с официального тона на личный. — Костя, твои родители за кинотеатр не платили, поэтому ты завтра с нами не пойдёшь. Ты приходи, как обычно, сюда, в садик. Хорошо?

Я не сразу понял, что произошло. Потом до меня медленно стал доходить смысл сказанного. Оказывается, чтобы пойти в кинотеатр, надо было заранее сдавать деньги на билеты. А теперь получалось, что у меня билета нет...

Зоя Петровна говорила мне что-то утешительное, даже гладила меня по голове, но я уже совершенно ничего не слышал и не понимал. Я оглядывался по сторонам, как бы выискивая справедливость, спрашивая поддержки у товарищей, — и видел, что они сочувствуют мне, но помочь ничем не могут.

— Да не расстраивайся, — сказал мне мой приятель Димка и хлопнул меня по плечу. — Ты же сам сказал, что уже видел это кино! Подумаешь, кот какой-то.

А я и не расстраивался. Я был просто раздавлен таким неожиданным поворотом...

На следующий день я сидел один в столовой на самом лучшем месте у окна — и плакал. Мои слёзы капали в компот, который мне совершенно не хотелось пить. Потом я лежал на коврик в игровой комнате и мял пальцами пластилин. Мне было скучно и противно. Играть одному в настольный футбол оказалось неинтересно. Я покачался на всех качелях, проскакал на всех деревянных лошадках, послушал все пластинки, собрал из больших кубиков ракету и сам же её разрушил... Но ничего меня не радовало. Я всё это время представлял себе тёмный кинозал и Кота в сапогах на экране. Нянечка, которая вышла на работу только из-за меня и была этим сильно недовольна, разрешила мне не ложиться в тихий час. Я слонялся по пустому этажу, не зная, к чему себя приложить, и не мог дождаться, когда же закончится этот день.

Наконец стало смеркаться, и за мной явилась с работы мама.

— Ну как? — спросила она, когда мы вышли на улицу. — Я никогда не была в детском саду одна! Наверное, необычное было ощущение?

Я неуверенно кивнул:

— Да, наверное, мне повезло.

Но делиться впечатлениями не стал.

На следующий день все наши ребята наперебой пересказывали мне приключения Кота в сапогах, представляли сказку в лицах, разыгрывали целые сценки. А мне было чем ответить — я рассказывал, как хозяйничал в пустом садике, как ел и пил один за всех, как нянечка хотела уложить меня спать и гонялась за мной по всем помещениям... Я приукрашивал и выдумывал не хуже Кота в сапогах, ребята понимали это, не верили, махали руками и радостно хохотали. Нам было интересно и весело. И вдруг я почувствовал, что я здесь уже не новенький, и, вспомнив, как я орал и упирался в первый детсадовский день, даже покраснел.

Потом я подошёл к Зое Петровне и сдал ей выделенные мне бабушкой двадцать копеек, чтобы в следующем месяце тоже пойти в кинотеатр «Прогресс».

С тех пор каждый месяц я ходил в кино вместе со всеми. Правда, я совершенно не помню, какие это были фильмы.

ПОЧТИ БЕЗ ВЫМЫСЛА

Вадим Овчинников Байки старого гида

Байка первая. Про хлеб, колбасу и водку

В 1991 году Свердловску вернули изначальное название — Екатеринбург и открыли город для иностранных туристов.

Помню своего первого гостя — молодого человека из Германии. После встречи в аэропорту Кольцово рейса из Москвы приезжаем с ним в гостиницу «Центральная». После регистрации и заселения в номер немец просит проводить его до ближайшего ресторана перекусить. Заходим в ресторан гостиницы, а время уже близится к десяти часам вечера. Справляемся у официанта:

— Что можно заказать на ужин?

Получаем ответ:

— Увы, вы опоздали. Практически ничего из продуктов не осталось — только хлеб, колбаса и водка.

Это был 1991 год. В стране экономический кризис. Продуктов на всех не хватало.

Байка вторая. Про то, как русских невест за бугор продавали

В 90-е годы прошлого столетия сформировалась популярная и новая для России тенденция — наших русских девушек брали замуж иностранцы и увозили их за рубеж — в США, Великобританию, Канаду, Австралию. Не могли наши красавицы найти себе достойных женихов внутри нашей страны. Со всем о другой участи мечтали в те времена наши женщины. Ведь русские невесты обладают широким набором необходимых для брака достоинств — они красивы и грациозны; с ними не стыдно пойти на деловую встречу, в гости или в театр; они имеют высшее образование, умеют прекрасно готовить и водить автомобиль; они могут сами ухаживать за детьми; они в большинстве своем владеют минимум одним иностранным языком. С такой женой можно сэкономить кучу денег, а все близкие и знакомые будут тебе завидовать.

И поехали потенциальные иностранные женихи в Россию выбирать себе невест. Целые своднические туры появились в продаже за бугром. А в России

Вадим Овчинников (1966) — родился в Свердловске. Окончил факультет иностранных языков Свердловского государственного педагогического института. Работал учителем английского языка в средней школе, менеджером в турагентстве «Малахит», специалистом, начальником отдела в СП «Ист Лайн» (г. Екатеринбург). В 1997–2020 гг. — директор представительства турагентства «Тесис», а затем директор ООО «Туристическое агентство Тесис-Екатеринбург». Дипломант Национальной туристической премии им. Ю. Сенкевича в номинации «Лучшее туристическое агентство России» (2005). Автор книг «Байки нашей семьи», «Байки старого гида», пьесы «Фотосессия», нескольких киносценариев. Живет в Екатеринбурге

появились компании по организации встреч женихов заморских с русскими красавицами.

Однажды я получаю групповой заказ на встречу/проводы в аэропорту и проведение экскурсии по городу от одной австралийской турфирмы. В составе группы 15 человек (все — австралийские джентльмены). После экскурсии просят привезти их в ресторан «Жемчужина» (на улице Луначарского, в здании «Пентагона»). Возле ресторана стоят три красных «Икаруса», один — с челябинскими номерами, второй — с тюменскими, третий — местный. В автобусах полно красоток, сидят, ждут встречи с моими гостями. Тут мне интересно стало, попросился я с иностранцами в этот ресторан. Заходим в ресторан, смотрю — в центре зала накрыты 15 столиков, у каждого столика по три стула — для жениха, для девушки и для переводчика. Рассаживаются гости по своим столикам, и начинается «карусель». Девушки подсаживаются по одной за каждый столик, 5 минут длится «собеседование» через переводчика, потом звенит звоночек, и девушки пересаживаются за другой столик, к новому гостю. И так 14 раз для каждой новой «партии» из девушек.

Надолго я там не остался, домой ушел. На следующее утро провожаю австралийцев в аэропорт. В заказном автобусе задаю одному из женихов вопрос: — Ну что, удачно все прошло? Нашли себе невесту, сэр?

Получаю ответ:

— Да, чудесно съездили. Замечательный город. И девушки прекрасные. Третий раз приезжаю в Россию. Пока не выбрал невесту...

А потом через большую паузу добавляет:

— Мне важен не результат. Я наслаждаюсь процессом.

Байка третья. Про мафию и рэкет

В 90-е годы прошлого столетия, в период хаоса и беспредела внутри новой России, в каждом крупном городе страны практически безнаказанно действовали группировки местной мафии.

В Екатеринбурге соседствовали две банды — «центровые» и «уралмашевские». Первые отслеживали всех предпринимателей, открывших свой частный бизнес в центральных районах города, вторые отвечали за северную часть Екатеринбурга.

Кстати, в 1997 году я зарегистрировал свою маленькую туристическую компанию, в штате которой числилось всего три человека (директор, бухгалтер и секретарша). Взяли в аренду небольшой офис на территории Центрального стадиона. На следующий день после начала работы к нам заявили вежливые молодые парниши в черных костюмах, предложили защиту и неприкосновенность, естественно, не безвозмездно. Это были представители «центровых». Я обещал подумать. На раздумье мне было дано 24 часа. Только благодаря своим друзьям из студенческих времен и признанному авторитету некоторых из них внутри нашего города мне удалось избежать «кабалы» и «оброка».

Так вот, эти две крупные группировки часто сталкивались лицом к лицу на общей территории. Рано или поздно эта конкуренция неизбежно должна была привести к жестокому противостоянию с печальными последствиями. Так в конце концов и произошло. В результате их ночных «стрелок», кровавых разборок и перестрелок большинство членов ОПГ (организованных преступных группировок) и ОПС (организованных преступных сообществ) было ликвидировано. В конце XX века на двух кладбищах Екатеринбурга появились целые особые территории для могил «братков»: «уралмашевцев» хоронили на Северном кладбище, «центровых» — на Широкореченском. Особой популярностью у местных на Широкой речке стала пользоваться целая аллея из надгробных памятников с портретами «молодых людей» в полный рост. Какие-то старушки, «божьи одуванчики», придумали себе дополнительную прибавку к пенсии. Они стали водить экскурсии для приезжих на это кладбище. Место

вмиг стало пользоваться большой популярностью. Я сам лично видел каталог туров по России, выпущенный в Великобритании в конце 90-х. Одной из главных достопримечательностей в Екатеринбурге называлось место под названием Mafia Cemetery.

В 1999 году я частенько получал заказы на организацию экскурсий для иностранцев на это место. Сначала я ничего не имел против таких экскурсий. Но однажды, проходя с британскими туристами мимо местных могил, я повстречал коллегу — директора одной местной турфирмы. Он приводил в порядок могилу отца, расположенную на том же кладбище. Когда он узнал, что я веду здесь экскурсию, он крайне удивился и напрягся.

— Кладбище — не место для экскурсий. Тем более таких, позорящих Россию, — сказал он.

После той встречи я перестал водить туда иностранцев и заменил этот объект внутри обзорной по городу на более достойный и привлекательный.

Байка четвертая. Про русские танки и «ночных бабочек»

В декабре 2009 года сопровождал я группу высокопоставленных военных из Таиланда. Приехали они тестировать русские танки с целью возможной покупки для нужд своей тайской армии. В составе делегации — двадцать человек (в основном полковники и майоры, судя по звездочкам на погонах).

Приезжаем на полигон «Старатель» под Нижним Тагилом. Встречают нас местные испытатели танков, представитель «Рособоронэкспорта» из Москвы. Начинаются показательные танковые выступления на полигоне. Тайцы сидят на гостевых трибунах, мерзнут (на улице градусов двадцать пять мороза), внимательно наблюдают в бинокли за танками Т-72 тагильской сборки. После дневных стрельб — небольшой фуршет в помещении, затем, когда стемнело, вечерние стрельбы. Одного тайца пригласили в танк, танк двинулся в направлении стрельбища и вдруг заглох. Смотрим — таец вылез из танка и обратно к нам бежит. Оказалось, он случайно не на тот рычаг нажал. Вернулся сконфуженный.

После всех испытаний тагильчане пригласили гостей на банкет в теплое помещение под трибунами. На большом длинном столе — разнообразные и многочисленные закуски уральской кухни и много водки и виски.

В роли тамады — представитель «Рособоронэкспорта», который произносит тосты за дружбу, за армию, за оружие и т.д. Пьем, закусываем, хвалим русские обычаи гостеприимства. Тут глава тайской делегации в звании генерала, перед которым все остальные тайцы лебезят и пресмыкаются, начинает вдруг вопросы задавать нашим про технические характеристики русских танков. А у нас за столом ни одного инженера или конструктора. К тому же после пятого тоста у мужиков мозги расслабились, внимание расплзлось, речевой аппарат начал давать сбои. Не могут они четко ни на один поставленный вопрос ответить, начинают спорить между собой и обсуждать возможные ответы. А москвич из оборонного ведомства, уже изрядно поддатый, предлагает снова налить и выпить, потом снова, потом еще раз и еще раз. Так иностранный генерал и не добился внятного ответа на поставленные вопросы.

На обратной дороге в Екатеринбург все тайцы спали в автобусе. Сопровождающий переводчик из тайской турфирмы сидит рядом со мной и пьяным голосом внушает: «Не умеете вы, русские, свои танки продавать. Были мы недавно в США, смотрели их танки «Абрамсы». После испытаний — переговоры, естественно. Кучу вопросов генерал задал — на все вопросы получил четкие и развернутые ответы. А здесь что вышло? — Таец тяжело вздыхает и смешно икает. — Ох, боюсь, не получите вы контракт на экспорт. Хотя танки ваши хороши!» И медленно засыпает.

Возвращаемся в Екатеринбург, в отель «Парк Инн». Тайцы расходятся по своим номерам. Собираюсь идти домой. Неожиданно подходят два адъютанта

от генерала, через переводчика просят предоставить для представителей военной верхушки их делегации пять русских девушек для интимных удовольствий. И тут я растерялся. Такого рода услуг я никогда не предоставлял своим гостям ни до этого момента, ни после. Это было в первый и последний раз. Никаких связей с местными путанами я не заводил. Что мне было делать? Желание клиента — закон, тем более такого клиента, способного одним росчерком пера на контракте обогатить казну Российской Федерации и, более того, вывести «Уралвагонзавод» из финансового кризиса. Я стал соображать, где взять надежных представительниц особого и практически подпольного бизнеса сексуальных утех. Рядом находится улица Малышева. По сведениям «сарафанного радио», на этой улице возле магазина «Золотое яблоко» находится нелегальная точка встречи с «ночными бабочками». Но вместе с приятными ощущениями существует определенный риск подцепить солидный букет венерических заболеваний. Такой вариант явно не для моих клиентов.

После некоторых размышлений выбираю другой вариант — ночной клуб в здании гостиницы «Центральная». Там есть стриптиз (судя по их рекламе на фасаде здания). Может быть, удастся договориться с кем-нибудь из танцовщиц. Идем с двумя адъютантами в стриптиз-бар. Они платят за вход, проходим внутрь, садимся за столик. Кроме нас, клиентов не наблюдаю, только девушки в negligé. На подиуме танцуют местные красотки. Адъютанты выбирают девушек, просят пригласить хозяйку заведения. Приходит абсолютно обыкновенная тетечка в простом брючном костюме. Начинается торг. Сперва хозяйка выступает категорически против того, чтобы отпустить девушек. Ее доводы понятны — девушки должны танцевать всю ночь и приносить определенную прибыль ее заведению. Тайцы тоже неуступчивы — они должны выполнить приказ своего командующего. В итоге договариваемся о следующем — клиенты компенсируют ей весь планируемый доход за всю ночь с каждой девушки, которую мы забираем. Отпущенных денег (1400 долларов США) хватает только на двух красавиц. Забираем их с собой. Приводим в отель, в номер генерала. Он выбирает одну для себя, вторую — для своего зама. Перед тем как проститься с девушками, обмениваемся с одной из них номерами телефонов. Даю ей указание:

— Это тайские офицеры. Они приехали покупать российские танки. Если им понравится встреча с вами, они могут заключить контракт, и наш «Уралвагонзавод» получит солидный заказ, а его работники высокий заработок. Уж вы постарайтесь за Родину.

Получаю в ответ:

— Мы вообще-то не проститутки, мы танцовщицы. Но постараемся сделать, как надо.

Иду пешком домой. Через 30 минут — звонок на мобильный от девушки:

— Все в порядке. Генерал доволен.

Целых полгода после этого случая я ждал в новостях сообщения о заключении контракта на поставки российского вооружения в Таиланд. Увы, мои надежды не оправдались. После узнаю, что тайцы закупили американские танки «Абрамс». А жаль ...

Байка пятая. Про ядерную войну

Однажды проводил я экскурсию на границу Европа — Азия для группы пожилых американцев (всего 15 человек). Проезжаем по Московскому тракту мимо деревни Решеты.

— Дамы и господа, — обращаюсь в микрофон к американцам. — Я хочу вам рассказать одну историю про эту деревню из недалекого советского прошлого. В 70-е годы XX века наша страна находилась в состоянии холодной войны с США. Это состояние периодически повторяется и в наше время. Мы, русские, к этому давно привыкли и не особо напрягаемся по этому поводу. Но

в 70-е годы обстановка была по-особенному накалена, и обе стороны готовились к ядерной войне. И существовала секретная инструкция для руководства Свердловского обкома КПСС. Следуя этой инструкции, в случае начала ядерной войны с США все жители города Свердловска, не имевшие личных транспортных средств, должны были пешком организованно направиться по Московскому тракту до деревни Решеты (25 километров от центра Свердловска). Возле Решет находилась крупная железнодорожная развязка. Гражданское население планировалось разместить в вагонах пассажирских и товарных составов и вывезти на безопасное расстояние в различных направлениях.

— Вот такие были времена, — закончил я свой рассказ.

После посещения границы Европа — Азия едем обратно в Екатеринбург. Один пожилой американец подсаживается ко мне на переднее сиденье, улыбается и произносит следующее:

— Вадим, в 70-е годы я работал в Пентагоне. Я отвечал за разработку ударов американских ракет по территории СССР в случае ядерной войны. Часть этих ракет была нацелена на Свердловск. Так вот. Ваша инструкция абсолютно дурацкая (по-английски это звучало как *stupid*)

— Почему? — спросил я заинтересованно.

— Потому что мы, американцы, не нацеливаем наши ракеты на мирное население, — поучительно сообщил он. — Целями наших ракет являются объекты военной и транспортной инфраструктуры: склады вооружений, железнодорожные станции, мосты, заводы и прочее.

— Понятно, — сказал я. — Сэр! Значит, если объявят войну сейчас, мне, получается, лучше оставаться в своей квартире в центре города?

— Да! — гордо молвил пожилой американец. — Оставайся дома у себя в квартире, и ты будешь в безопасности!

— Благодарю за ваш совет, сэр! — ответил я

И американец, очень довольный собой и нашим разговором, вернулся на свое место.

Вот такие они, американцы...

Байка шестая. Про ЧАМа и «фейковую границу»

Географическая граница между Европой и Азией располагается вдоль Уральского хребта и связана с водоразделом между этими континентами. Официально эту границу разметил немецкий ученый и исследователь Александр Гумгольдт. Он посетил Урал в 1829 году по приглашению русского царя.

Московский тракт пересекает Уральский хребет в 50 километрах от Екатеринбурга. В 1837 году на горе Березовой, самой высокой точке Старомосковского тракта, был установлен первый памятный знак, фиксирующий место пересечения границы двух континентов. В последующие 150 лет на Урале были установлены более 40 знаков (стел и обелисков), символизирующих границу между Европой и Азией.

В конце XX века все больше и больше иностранных делегаций (в их числе — много официальных) начало прибывать в Екатеринбург. В нашем городе открывались консульства иностранных держав и филиалы иностранных компаний. Поскольку граница между Европой и Азией всегда считалась знаковым объектом для посещений, привлекающим к себе внимание иностранных гостей, наше городское руководство (в лице представителей мэрии) решило максимально облегчить им путь к достижению цели (в данном случае — границы). Наш тогдашний мэр Аркадий Михайлович Чернецкий резонно предложил следующее: «Зачем тратить много времени, чтобы побывать на реальной границе под Первоуральском? На это уходит минимум два с половиной часа. И все это ради всего лишь памятной фотографии, где ты стоишь одной ногой в Европе, а другой — в Азии. Граница — это же просто символ. Давайте перенесем этот символ поближе к центру Екатеринбурга».

Аркадий Михайлович (или ЧАМ, как называли его местные жители), в порыве необузданного мифотворчества, предложил установить монумент в центре нашего города, где-нибудь поближе к Плотинке. Однако городские ученые мужи и старейшины в один голос запротестовали: «Это просто нонсенс! Никто же не поверит!»

Тогда ЧАМ поручил своей администрации найти удобное место на Новомосковском тракте, в пределах двадцатикилометровой зоны, считая от центра Екатеринбурга, для установки «граничного» монумента, специально предназначенного для иностранных гостей и делегаций. В общем, организовали муниципальное предприятие, разработали проект с гигантским размахом и амбициями. Согласно этому проекту, на 17-м километре Новомосковского тракта, прямо над оживленной автомагистралью, должна была возвышаться огромная башня (как в Париже, не меньше). На этой башне запланировали лифт с подъемником и смотровую площадку на определенном расстоянии от земли. Рядом с башней наметили гостевую зону, включавшую несколько объектов туристической инфраструктуры (отель, ресторан, парк, туалет, магазин сувениров). На зимнее время предусмотрели участок для катания на собачьих упряжках. Это был поистине грандиозный проект. Но никто из местных бизнесменов — потенциальных инвесторов — не согласился вкладывать свои деньги в этот «фейковый» проект.

В итоге в августе 2004 года на 17-м километре московского тракта состоялось торжественное открытие скромного туристического объекта, символизирующего границу между Европой и Азией.

Вместо огромной башни в форме двух букв — «Е» и «А» справа от авто трассы воздвигли ее маленькую копию. Вместо гостевой зоны с многочисленными объектами открыли маленькое кафе-забегаловку, небольшой сувенирный киоск и деревянное заведение с буквами «WC». Вместо парка — три деревянных скамеечки в трех соснах близ обелиска.

И начиная с 2004 года иностранные делегации стали посещать это новое место, символизирующее границу двух континентов. Были здесь и иностранные послы, были и президенты, были даже принцы.

Байка седьмая. Про принца датского и бокал шампанского

В 2005 году я принимал участие в приеме официальной делегации из Дании в рамках проекта «Дни Дании на Урале». В составе делегации были 40 представителей крупного и среднего бизнеса. Руководителем являлся член королевской семьи, принц датский, но не Гамлет, разумеется, а Иоахим.

Транспортное обеспечение и экскурсионная программа для бизнесменов были на моей совести. Что касается принца, то у него была отдельная программа, с полицейским эскортом, с черным «мерседесом» и сопровождением министра внешнеэкономических связей Свердловской области.

На второй день пребывания делегации в Екатеринбурге, согласно протоколу, я организовал неофициальный прием на 17-м километре Московского тракта, у нового обелиска на границе Европы и Азии. Накрыв стол с шампанским и шоколадными конфетами, пригласил артистов в русских народных костюмах под предводительством Хозяйки Медной горы. Специально для принца были куплены фужеры из чешского хрусталя. Стоим, ждем. Приезжает принц, весь такой молодой, красивый. Приглашаю его к столу, поздравляю с пересечением границы двух континентов, вручаю бокал шампанского. Приехавшие с Иоахимом представители городской администрации произносят приветственную речь. Через десять минут гости уезжают. . . До сих пор у меня в кухонном шкафу хранится тот бокал, из которого пил шампанское сам принц датский.

Байка восьмая. Про необычное хобби и безжалостных насекомых

Цели туризма бывают разные. Поводы посещения России иностранными гражданами тоже разные. Кто-то жаждет увидеть шедевры мирового масштаба и едет в Москву и Санкт-Петербург. Кто-то хочет увидеть настоящую Россию и едет по городам Транссиба. Некоторые из таких путешественников ведут блоги в интернете, делятся путевыми заметками, фотографиями и видеозарисовками. Кто-то едет на родину предков, другие ищут невесту среди простых русских девушек.

Однажды я принимал группу любителей фотографировать авиалайнеры. Группа была сборная, состояла из представителей разных стран. У всех имелись профессиональные фотокамеры и многочисленные объективы. В мою задачу на подготовительном этапе входила организация официального допуска группы на территории трех аэропортов Екатеринбурга — Кольцово, Уктус и Логиново. Кольцово — основной и единственный международный аэропорт нашей области. Уктус использовался для малой авиации. Логиново находился близ деревни Логиново на Тюменском направлении и использовался для нужд ДОСААФ. Не буду рассказывать, сколько сил и времени ушло на согласование всех разрешений, но везде мне пошли навстречу. В Кольцово специальная служба по связям с общественностью пригласила местный телеканал для репортажа с места событий. Сюжет был включен в программу вечерних новостей в тот же день.

Итак, мы с группой иностранцев в специальном автобусе на летном поле Кольцово. На парковке расположено около двадцати гражданских бортов с логотипами различных авиакомпаний на фюзеляжах. По очереди подъезжаем к ним вплотную, иностранцы выходят из автобуса и делают по несколько снимков каждого лайнера с различных ракурсов. Гости довольны и счастливы, радуются, как дети малые. После фотосессии у руководителя делегации берут интервью (я выступаю как переводчик).

— Да, — говорит иностранец — организатор маршрута. — Есть такой вид хобби. Мы ездим по разным странам и фотографируем самолеты разных авиакомпаний. Потом делимся нашими коллекциями снимков с другими людьми. А еще есть коллекционеры, которые фотографируют старые паровозы и локомотивы.

После Кольцово следуем в аэропорт Уктус. Там размещалась наша местная бизнес-авиация — небольшие самолеты для услуг олигархов и богатых местных предпринимателей. На парковке всего десять бортов, часть из них иностранного производства. Нас пускают внутрь самолетов, показывают интерьеры салонов. Иностранцы млеют от удовольствия. Возвращаемся на бетонную площадку авиапарковки. После прошедшего не так давно дождя на его бетонной поверхности остались небольшие лужи. Один иностранец присел, установил камеру на бетон и сделал интересный снимок — в одном кадре фюзеляж самолета и его отражение в луже. Остальные фотографы тут же оценили идею по достоинству, разбежались по лужам и стали снимать отражения. Уехали с Уктуса очень довольные.

В завершение программы поехали в Логиново. На большом травяном поле за селом проходили соревнования парашютистов. На взлетно-посадочной полосе располагались «Яки», «кукурузники» и совсем маленькие одноместные самолетики. Иностранцы начали съемку.

И тут произошло непредвиденное. Над полем кружили не только авиаторы, но и огромная масса оводов. У иностранцев не оказалось защиты от этих тварей. Их стали кусать русские насекомые. Как только руководитель делегации получил болезненный укус в нос, он тут же собрал свои фотопринадлежности, подозвал к себе иностранных коллег и крикнул мне:

— Нам тут не нравится! Поехали обратно!

И мы буквально в считанные минуты ретировались с места событий обратно в Екатеринбург.

Байка девятая. Про то, как я бабушку Алису от голода спасал

Однажды мне позвонили в 11 утра в воскресенье на домашний телефон. Менеджер хорошо известной мне британской турфирмы поздоровался и сообщил буквально следующее:

— Срочно нужна ваша помощь. У одной из наших туристок из Австралии украли личные вещи — паспорт, деньги, портмоне с кредитными картами. Это произошло в Монголии. Сейчас она едет поездом по Транссибу в Москву абсолютно без средств. Вы не могли бы встретить ее поезд в Екатеринбурге и передать ей хоть какие-то продукты, чтобы она не умерла с голоду?

— Конечно, — ответил я. — Постараемся помочь. Когда прибывает поезд в Екатеринбург?

— Через час.

(А я находился в центре города, у себя дома.)

— Хорошо, — сказал я. — Попробую успеть. Диктуйте номер поезда и вагона, имя туристки

Ее звали Алиса. Я бросился в ближайший супермаркет, купил набор продуктов, подходящий для сухого пайка, поехал на вокзал. Успел! Поезд Улан-Батор — Москва только что прибыл. Стоянка 20 минут. Подбегаю к вагону, указанному в записке, спрашиваю у проводницы:

— У вас едет австралийская гражданка шестидесяти лет, зовут Алиса?

— Нет, — отвечает проводница. — Иностранцев в моем вагоне нет.

И тут я немного растерялся. Что делать? Поезд этот, ошибки быть не может. Возможно, ее пересадили в другой вагон. Такие случаи бывали. Надо искать.

Я пошел вдоль поезда по платформе, спрашивая у проводников, есть ли у них в вагонах иностранцы. Затем я стал кричать по-английски ее имя: «Элис! Элис!»

И вдруг чувствую — меня услышали. Подходят две дамы, по лицам видно, что иностранки. Спрашивают:

— Вы ищете Элис?

— Да, — отвечаю я. — Элис из Австралии.

— Она наша соседка по купе!

— Это у нее украли деньги? — спрашиваю я, чтобы уже наверняка не ошибиться.

— Да, точно!

— Я ищу ее, чтобы передать продукты

— Невероятно! — восклицают старушки. — А она вышла погулять!

Мы нашли ее на платформе. Подхожу с пакетом.

— Вы Элис из Австралии?

— Да, — недоуменно отвечает иностранка.

— Вы потеряли документы в Монголии?

— Да

— Это вам! — вручаю пакет с продуктами. — Это питание. От британской фирмы. Здесь хватит до Москвы. — И еще передаю 200 рублей от себя. — Это на душ в поезде и кофе!

Элис стоит с широко открытыми глазами. Ее подруги слышали наш разговор и восклицают:

— Невероятно! Это волшебство!

Я обнимаю Элис и произношу ободряющим тоном следующее:

— Не волнуйтесь! Все будет хорошо! Это не самая трудная ситуация в Вашей жизни. Все образуется!

И тут Элис начинает плакать и крепко сжимает мою ладонь.

— Благодарю вас! — шепчет она и бредет к своему вагону в сопровождении двух своих попутчиц, которые не перестают издавать возгласы удивления и восхищения.

Через две недели получаю сообщение от британских коллег: «Алиса благополучно вернулась в Австралию и написала нам большое письмо с благодарностью и признательностью организаторам маршрута, а также “скромному русскому мужчине, проявившему доблесть и благородство и вселившему надежду в благополучный выход из непростой жизненной ситуации”».

Байка десятая. Про Романовых и человека-легенду

Екатеринбург печально известен во всем мире как место расстрела последнего русского царя — Николая Второго. От этого мерзкого по своей сути преступления в русской истории никуда не денешься. Романовский тур — один из самых востребованных среди иностранных гостей города. Он включает основные памятные места — Храм-на-Крови (открыт в 2003 году на месте дома Ипатьевых), мужской монастырь на Ганиной яме (открыт в 1999 году возле шахты, куда убийцы-большевики по указанию комиссара Юровского сбросили трупы одиннадцати человек — всю семью Романовых и четырех слуг) и Поросятков Лог (где местный историк-краевед Александр Авдониин обнаружил секретную могилу Романовых в 1978 году). В истории убийства Романовых до сих пор много нераскрытых тайн, и эта история не закончена еще и сегодня.

В 2006 году я получил заказ на организацию особого Романовского тура для группы туристов из Швейцарии. Получив подробные рекомендации по организации маршрута от заказчика, я предположил (как потом выяснилось, ошибочно), что приедут ученые и историки. Для такого рода специалистов я решил придумать помимо основных мест посещения дополнительно что-то особое и эксклюзивное. Пользуясь давним знакомством с некоторыми работниками областного краеведческого музея, я связался по телефону с Александром Николаевичем Авдониным и уговорил его прийти на встречу со швейцарцами в музей и дать несколько комментариев по теме поисков им могилы Романовых в 70-х годах.

Для меня Александр Николаевич — человек-легенда, герой нашего времени, всю свою жизнь посвятивший поискам могилы Романовых. В его книге «Ганина яма» собраны неопровержимые доказательства принадлежности останков, найденных им в общей могиле на старой Коптяковской дороге, членам царской семьи. Официальная позиция Русской Православной Церкви (на момент написания этого текста) — эти останки не царские, тела Романовых были сожжены большевиками возле шахты на Ганиной яме. Этот конфликт между историками и церковниками до сих пор не исчерпан. Огромное количество паломников посещают монастырь на Ганиной яме и проезжают в стороне от Коптяковской дороги и места царской могилы. Книга А. Авдониина не переведена на другие языки мира. Сам он пока не готов к этому и не дает своего разрешения.

— Время еще не пришло, — сказала мне недавно его супруга Галина Павловна.

Так вот, в 2006 году состоялась встреча швейцарской группы (они оказались никакими не историками, а обыкновенными туристами) с Александром Авдониным в областном краеведческом музее. Александр Николаевич был тогда еще бодр и здоров, держался молодцом, ответил на все вопросы иностранцев. Мы сделали несколько общих фотографий.

На следующий год я снова получил заказ на такой же Романовский тур. К моему большому сожалению, организовать повторную встречу с Авдониным не получилось. Годы берут свое. Александр Николаевич был частично парализован и с трудом управлял своей речью. Галина Павловна попросила меня не беспокоить его.

Тот год (2007) ознаменовался определенным прорывом в истории расследования убийства царской семьи. Группа молодых местных краеведов — уче-

ников Авдонина, — пользуясь сведениями из его книги, обнаружила останки цесаревича Алексея и его сестры княжны Марии. Останки были найдены на месте старого костровища в 40 сантиметрах от поверхности земли, в 200 метрах от общей могилы на старой Коптяковской дороге.

Байка одиннадцатая. Про скелеты в морге

В 1991 году, после прихода к власти Бориса Ельцина, когда КГБ как госструктура был ликвидирован, Александр Авдонин встретился с президентом в Москве. Уральский ученый сообщил Борису Николаевичу, что знает место могилы Романовых. Ельцин распорядился провести эксгумацию останков, и могила была вскрыта. Девять тел убиенных были привезены в морг областной клинической больницы Екатеринбурга. Останки находились там несколько лет для исследования (проводились и тесты на ДНК), велось следствие.

В 1995 году я принимал группу кинематографистов из Японии. Они снимали документальный фильм «Яйца Фаберже в семье Романовых». В Екатеринбурге они вели съемку мест, связанных с царской семьей. Когда они узнали от меня, что останки Романовых находятся сейчас в городе, они стали кричать:

— Вадим! Мы должны их увидеть и запечатлеть в нашем фильме! Пожалуйста, найди возможность для нас проникнуть в этот морг!

— Я попробую, — пообещал я.

Я позвонил ответственному работнику морга (кстати, другу А.Н. Авдонина), объяснил ему ситуацию, попросил допуск к останкам и разрешение на съемку.

— Почему нет? — был ответ. — Местные журналисты уже несколько раз у нас побывали. Пусть и японцы приезжают.

На следующий день в назначенный час мы с японцами стоим в морге возле двери, охраняемой двумя военными в камуфляжной форме с бронежилетами и автоматами. Мы заходим в отдельное помещение и видим 9 скелетов, каждый из которых находится под отдельным стеклянным колпаком. В комнате царит полумрак. Нам включают освещение. Японцы начинают съемку.

В тот день я пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. Это посещение я зафиксировал только в своей памяти.

Те девять скелетов были похоронены в Санкт-Петербурге в 1998 году как останки Романовых и их слуг. Останки цесаревича Алексея и княжны Марии до сих пор хранятся в Госархиве России и ждут своей дальнейшей участи. Вот почему история убийства семьи Романовых еще не завершена. Все ждут финала.

А японцы в том далеком 1995 году уехали довольные. Они обещали мне прислать копию своего фильма, да, видимо, забыли про свое обещание.

Иногда я включаю спутниковый японский канал NHK, втайне надеюсь, что там когда-нибудь покажут этот фильм. Я жду и надеюсь.

Байка двенадцатая. Про то, как Фидель пионеров пожалел, а Никсон Россию полюбил

Площадь Первой пятилетки находится у центральной проходной Уралмашзавода — гордости советской тяжелой промышленности. Мы с иностранцами проезжаем это место на пути из центра Екатеринбурга на Ганину яму.

13 мая 1963 года на этой площади выступал с речью перед жителями Уралмаша легендарный команданте, лидер кубинской революции Фидель Кастро. Его речь длилась около трех часов (обычно он любил произносить более продолжительные речи, на 5–6 часов). Но в связи с холодной погодой и обилием детей-пионеров на площади, его речь в тот раз была укороченной.

Фидель прилетел в Свердловск по приглашению советского правительства и встречался здесь с лидером Страны Советов Никитой Хрущевым. Посеще-

ние Уралмашзавода (УЗТМ) по традиции входило в программу пребывания на Урале высоких зарубежных гостей. После визита Ф. Кастро одиннадцать новорожденных мальчиков в роддомах Свердловска получили гордое имя Фидель. Вот такая была у нас традиция гостеприимства. И это подтвержденный исторический факт.

Несмотря на то что Свердловск в советские времена был закрытым городом для иностранцев, для некоторых особо важных персон делали иногда исключения. Одним из таких исключений считается визит вице-президента США Ричарда Никсона в Свердловск 29–31 июля 1959 года. Вместе с Никсоном приехали его супруга, ряд американских официальных лиц и несколько журналистов. В программу пребывания делегации входило посещение УЗТМ, Первоуральского новотрубного завода, строительства Белоярской атомной станции, а также границы Европа — Азия на горе Березовая под Первоуральском.

У старого гранитного обелиска на границе Европа — Азия господин Никсон и члены его делегации сделали групповое фото. Этот снимок был опубликован в американском журнале «Life». Автором снимка является американский фотограф Ховард Сочурек (Howard Sochurek). Он был в составе делегации журналистов.

После посещения Первоуральска Ричард Никсон обратился к сопровождающим его от советской стороны с просьбой довести его до Дегтярска (этот небольшой уральский городок находится недалеко от Московского тракта). Наши дипломаты удивились, немного посовещались, но все же решились выполнить желание высокого гостя и поехали в Дегтярск. Господин Никсон был очень доволен. По дороге он рассказал советским сопровождающим историю из своей жизни.

В период с 1925 по 1930 год его родители и он сам, маленький мальчик Ричи, проживали в Дегтярске. Родители работали в составе группы горных инженеров на британскую компанию «Лена Голдфилдс». Эта компания помогала русским горнякам обогащать золотоносную руду, добываемую в местных шахтах.

Никсон сделал пару остановок в Дегтярске. Что он там делал — история умалчивает.

Открытое общение с простыми людьми из русской глубинки, непосредственное, исконно русское гостеприимство оставили особый незабываемый след в душе будущего 37-го президента США Ричарда Никсона. До посещения Урала он был ярким антикоммунистом. Но, уже будучи президентом, он подписал большое количество важнейших совместных договоров с советским лидером Леонидом Брежневым. Эти ключевые документы были направлены на разоружение, взаимовыгодное сотрудничество, развитие и расширение дружественных связей между двумя великими державами. И это приветствовалось прогрессивной общественностью во всем мире. Ведь дружить — это всяко лучше, чем воевать.

Байка тринадцатая. Про то, как спасли старый монумент

В 2007 году обелиск на границе Европа — Азия, возле которого фотографировался Никсон, демонтировали. На его месте на горе Березовой в наши дни стоит новая, высокая и презентабельная колонна, воздвигнутая в 2008 году. Она чем-то напоминает Александровскую колонну Санкт-Петербурга.

А куда девался старый символ границы, который считался самым первым, воздвигнутым в 1837 году, после посещения Екатеринбурга цесаревичем Александром, будущим императором Александром Вторым, одним из самых почитаемых российским народом царей (он отменил крепостное право на Руси в 1861 году)? В 2007 году после демонтажа монумента его хотели разобрать и уничтожить. Он долго стоял, никому не нужный, у горы Бере-

зовой. Один местный сельский житель хотел присвоить его и поставить в саду у своей усадьбы. Но тут вмешались мы — представители неравнодушной общественности и работники туризма. На одной из встреч с очередным областным министром по физкультуре, спорту и туризму мы остро подняли вопрос о сохранении старого исторического монумента — символа границы Европа — Азия. Как сейчас помню, я вышел к трибуне в зале для совещаний и воскликнул:

— Как вам не стыдно! Вы уничтожаете исторический раритет, установленный аж в 1837 году! Даже большевики, придя к власти в 1917-м, постеснялись его разрушить!

(И это, кстати, доказанный исторический факт — большевики сломали только верхушку памятника — двуглавого орла — символ российского самодержавия.)

После такого яркого и эмоционального выступления, поддержанного большинством присутствующих, министр публично дал обещание этот памятник сохранить.

И теперь этот старинный обелиск расположен у подножия горы Березовая, у автотрассы, соединяющей Старомосковский и Новомосковский тракты. И только два или три гида из Екатеринбурга делают маленькую остановку на этом месте, чтобы рассказать историю этого удивительного памятника. В свое время изображение этого пограничного символа можно было найти во всех туристических каталогах СССР. Я всегда останавливаюсь на этом месте и рассказываю историю о том, как Ричард Никсон пил шампанское у этого монумента.

Байка четырнадцатая. Про секретную ночевку президента

Продолжая разговор об американских политиках, посетивших Свердловск в советские годы, обязательно следует упомянуть 32-го президента США Франклина Делано Рузвельта. В годы Второй мировой войны, а точнее, в декабре 1943 года его самолет возвращался с Тегеранской конференции после встречи с Черчиллем и Сталиным. Президентский самолет совершил техническую посадку для дозаправки в местном аэропорту Кольцово¹. Это был тайный полет и особо засекреченная остановка на территории СССР. Рузвельт провел всего одну ночь в Кольцово. Ему приготовили номер на первом этаже гостиницы для пилотов недалеко от аэродрома. Даже горничные в гостинице не знали, кому готовили номер в ту ночь. Гостиница была довольно скромной, но выбирать что-то получше, тем более в атмосфере строгой секретности, у американцев не было времени и сил. Почему выбрали простенький номер на первом этаже? На втором и третьем этажах находились более комфортные номера. Видимо, учли физический недуг президента (он передвигался в инвалидном кресле)

В 90-е годы я сотрудничал с руководством этой гостиницы (теперь она называется «Лайнер»). Директор гостиницы помнит эту историю. Но мемориальную табличку со словами «Здесь проживал президент США Ф.Д. Рузвельт» до сих пор не водрузили.

Байка пятнадцатая. Про самый большой военный музей и про старый танк «Stuart»

Если возвращаться в Екатеринбург с Ганиной ямы через Верхнюю Пышму, то можно заглянуть в уникальный Музейный комплекс военной и гражданской техники. Это самый большой музей военной техники в России. Общая площадь комплекса составляет 85 000 кв. м. Он был основан в 2005 году благодаря частной коллекции Александра Козицына, а торжественно открыт

¹ Никакими достоверными сведениями о данном эпизоде редакция не располагает.

для широкой публики 9 мая 2010 года на территории, примыкающей к медеплавильному заводу. Основным спонсором и идейным вдохновителем развития музея является директор УГМК (Уральской горно-металлургической компании) Андрей Козицын (родной брат Александра). Сегодня комплекс имеет в своей коллекции 12 000 экспонатов (включая 7 000 образцов военной и гражданской техники), разделенных по отдельным композициям: артиллерия, танки, самоходные артиллерийские установки, авиация, железнодорожный транспорт, военно-морской флот. Кроме этого имеется отдельный трехэтажный павильон с ретро-музеем автомобильной техники.

Музей автомобильной техники — крупнейшее в России собрание ретро-автомобилей, мотоциклов и велосипедов. На площади 12 000 кв. м. представлена 130-летняя история автотранспорта в России и мире. Первый этаж выделен образцам автомобилей конца девятнадцатого — начала двадцатого века. Здесь и реплика первого автомобиля, созданного Карлом Бенцем, и Rolls-Royce, и Delaunay-Belleville (автомобили этой французской марки занимали главное место в гараже российского императора Николая Второго). В том числе представлены машины, обслуживавшие руководство СССР с 1930-х по 1990-е годы, включая бронированные автомобили первых лиц государства.

Однажды один мой солидный канадский клиент, проходя со мной по автомобильному павильону, попросился посидеть в салоне правительственного лимузина ЗИЛ-114. Сотрудник музея заявил нам, что это возможно только с личного разрешения директора комплекса. Поднимаюсь в кабинет Александра Емельянова. Оказалось, мы знакомы лично. Однажды я принимал участие в экскурсии, организованной местным военно-историческим обществом, гидом был тогдашний руководитель этого общества Александр Емельянов. Одетый в военную форму времен Первой мировой, он рассказывал о сохранении памяти екатеринбуржцев — участников той войны, похороненных на Ивановском кладбище.

Александр узнал меня, тепло поприветствовал, выслушал просьбу канадца, дал согласие и лично сопроводил нас до раритетного автомобиля. Мой гость был чрезвычайно доволен. Оказалось, последним из советских государственных деятелей, кто пользовался этой машиной, был маршал обороны Андрей Гречко (1903–1976).

Однажды я привез в музей УГМК супружескую пару из Великобритании. Проходя по рядам военной техники, выставленной на огромной площадке под открытым небом, британская туристка прочла на одной из табличек, установленных перед экспонатами, название американского танка «Стюарт», который поставлялся в СССР в годы войны по программе ленд-лиза.

— Не может быть! — воскликнула британка. — Это невероятно!

— Что случилось? — спросил у нее супруг.

— Это он! «Стюарт»! — радостно сообщила женщина.

Как оказалось, в годы войны ее родители работали в г. Лидсе, на одном из военных заводов, модернизовавших американские танки «Стюарт» для поставок в СССР. У первых моделей этих танков было несколько существенных конструкторских недостатков. Во-первых, клепаный корпус. При попадании вражеского снаряда в корпус танка заклепки отскакивали внутрь боевой машины и ранили, а порой и убивали членов экипажа. Во-вторых, проблемы с башней, очень уязвимой при артобстреле. В-третьих, гусеницы танка были недостаточно широкими, что послужило причиной его малой проходимости в болотистой местности. Женщина много лет искала образец этого танка в Великобритании, но напрасно — их там не осталось. И тут такая находка! Счастливая британка пустила слезу, находясь возле старого ветерана «Стюарта», ставшего весточкой из прошлого, от ее родителей.

Вот такая трогательная история произошла однажды на моих глазах в Верхней Пышме.

КРАЕВЕДЕНИЕ: К 300-ЛЕТИЮ ЕКАТЕРИНБУРГА

Сергей Беляев

Екатеринбургский музыкальный кружок: Pro et contra

Как удивились бы, наверное, члены Екатеринбургского музыкального кружка (или ЕМК), если бы узнали о том, что скромное имя, данное их объединению, через сто с лишним лет вызовет у кого-то недоумение. И вынудит задаться вопросом: кому могло прийти в голову назвать солидное учреждение каким-то «кружком»?

Ответ на «актуальный» вопрос недавно найден. В своем очерке Т.П. Мосунова¹ объяснила читающей публике, что повинны в этом «застенчивые» жители Екатеринбурга — именно они нарекли объединение столь «несерьезным, почти детским названием»².

Разумеется, это курьёз. И в копилке всевозможных мифов и нелепиц, связанных с ЕМК, он — увы — далеко не единственный (в очерке Т.П. Мосуновой, кстати, знатоки обнаружат немало поразительных образцов выдумок автора).

Неофитам вроде Т.П. Мосуновой, только приоткрывшим для себя некоторые страницы музыкального прошлого Екатеринбурга, по-видимому, трудно отрешиться от воспоминаний о пионерском детстве и занятиях в кружках «Умелые руки». Им и невдомек, что восприятие людей, живших в XIX веке, не было окрашено подобными воспоминаниями. Во времена более далекие слово «кружок»

наделяли иным смыслом. Этим словом обозначали круг лиц, связанных общими интересами, а также любое общественное объединение любителей, официально зарегистрированное и обладавшее конкретными правами и обязанностями. «Застенчивость» екатеринбуржцев (как и жителей десятков других городов, где действовали такие же кружки), как видим, была тут совершенно ни при чем. И отнюдь не «застенчивость» современников побудила их назвать группу петербургских композиторов Балакиревским кружком, ставшим известным во всем мире как «Могучая кучка».

Как бы то ни было, очерк Т.П. Мосуновой — один из сравнительно недавно появившихся печатных опусов, подтверждающих, что ЕМК не забыт. Об этом провинциальном содружестве служителей муз продолжают писать. Библиография публикаций о кружке, впечатляющая по объему, не прекращает пополняться до сих пор. Разнообразна и жанровая палитра работ: информационные заметки и обзоры, написанные в духе занимательного екатеринбурговедения, соседствуют с серьезными энциклопедическими статьями и историческими исследованиями.

Причины, породившие данный феномен, очевидны. В дореволюционном Екатеринбурге не было ни филармонии, ни консерватории, но зато существовал любительский кружок, членами которого регулярно ставились оперы, да еще какие, — «Отелло», «Тангейзер», «Царская невеста», «Садко». В составе ЕМК в своё время пребывало немало обладателей известных имен: первый Онегин на русской оперной сцене С.В. Гилёв, банкир-меченат И.З. Маклецкий, предприниматель и горячий поборник создания в городе оперного театра П.Ф. Давыдов, балетмейстер Э.Ф. Галецкий, преподаватель гимназии, географ и энтомолог Г.О. Клер, юрист, общественный и политический деятель П.А. Кронеберг... И, наконец, наше уральское «всё» — Д.Н. Мамин-Сибиряк. Неудивительно поэтому, что к истории ЕМК обращены взоры биографов видных екатеринбуржцев, оставивших след не только в музыкальной, но и в других областях культуры.

Сергей Беляев — искусствовед, автор книг, учебников, статей, посвященных истории культуры Урала. Постоянный автор журнала «Урал».

Общие сведения о музыкальном кружке екатеринбургских любителей известны еще с середины прошлого века. Авторами наиболее ранних публикаций были исследователи истории театра и музыки в городе. Появление в последующие десятилетия новых работ, к сожалению, не сопровождалось существенным приростом введённых в оборот фактических данных. А излишнее доверие авторов к трудам предшественников зачастую приводило к тому, что ошибки, допущенные в прошлом, повторялись. Удивительнее всего, что в этой ситуации разительно изменилась общая оценка деятельности кружка. Теперь вместо прежнего признания его «немалого влияния на музыкальную культуру города»³ звучит утверждение, что ЕМК «сыграл выдающуюся роль в развитии сферы культуры»⁴.

Не иначе как ореол учреждения легендарного, достигнув ослепляющей яркости, стал серьезно препятствовать восприятию достоверной картины.

ЕМК — явление, для дореволюционной России не уникальное. Подобные кружки, избравшие ареной своей деятельности искусство (музыку, театр, живопись или литературу, а то и всё сразу), образовывались в пореформенные годы и в столицах, и в провинции.

В последней четверти XIX века возникли первые на Урале объединения, получившие названия музыкальных или музыкально-драматических кружков либо обществ. Кроме Екатеринбурга их создали тогда энтузиасты — поклонники искусства в Вятке, Перми, Оренбурге и Уфе. Отсчет веж истории своего кружка екатеринбургские любители вели с начала 1881 года.

Через тридцать лет, к 1911 году, уже не только губернские центры, но и уральская глубинка обзавелась подобными объединениями. Они действовали в Воткинске, Верхотурье, Глазове, Ижевске, Камышловое, Красноуфимске, Сарапуле, Чердыни и других уездных городах⁵.

ЕМК, основанный представителями городской интеллигенции, не имел ничего общего с элитарным клубом

и всегда оставался открытым для выходцев из разных социальных слоев и профессиональных групп. И если журналист К.В. Никитин выразился буквально, назвав екатеринбургский кружок аристократическим⁶, то он явно погрешил против истины. Пожалуй, едва ли не единственным аристократом среди кружковцев был князь Д.П. Гагарин. В середине 1890-х годов он некоторое время входил в число старшин кружка. Но являлся фигурой проходящей, игравшей скорее декоративную роль. На самом деле состав объединения выглядел вполне демократично: в рядах единомышленников были юристы, педагоги, врачи, чиновники, журналисты, предприниматели, мелкие служащие и члены их семей. Известность в будущем приобрел, например, Ф.С. Узких, талантливый крестьянский парень, начинавший в хоре кружка постигать тонкости хормейстерской профессии.

Основополагающим документом — уставом 1880 года, а позднее и его новым вариантом, утвержденным в 1896 году, — за кружком закреплялось право устраивать спектакли и концерты для пополнения собственного денежного фонда, а также для передачи собранных средств на благотворительные цели. Этим правом в ЕМК пользовались сполна на всех этапах истории объединения.

Своеобразной визитной карточкой кружка стали оперные спектакли. Благодаря им ЕМК занял исключительное положение среди любительских актерских сообществ, сложившихся в тот же период при Казанцевском театре, домашнем театре Д.А. Кругляшова, Обществе любителей изящных искусств. Только кружковцы обращались к оперному жанру, репертуар остальных складывался из драматических сочинений.

В 1906 году, к двадцатипятилетнему юбилею, один из ветеранов ЕМК, Г.А. Свечин, опубликовал итоговые данные о музыкально-театральной деятельности объединения. В его списке указаны восемнадцать названий оперных сочинений, выдержавших в разные годы несколько представлений. Чаше других появлялись на сцене «Фауст» Ш. Гуно и «Русалка» А.С. Даргомыжского. Всего же вместе

с показанной на юбилейном вечере в декабре 1906 года оперой Р. Вагнера «Тангейзер» кружковцы дали семьдесят спектаклей⁷.

Статистика говорит сама за себя. Даже при большом желании две-три ежегодные постановки нельзя назвать самостоятельными оперными сезонами кружка. Любители, группировавшиеся вокруг Г.Г. Казанцева и его театра, в лучшие годы выносили на суд публики примерно по десять пьес. Но и это, по сравнению с ежедневными спектаклями профессиональных трупп, тоже выглядело скромно.

Между тем накопленный багаж оперных постановок ЕМК имел весьма примечательную особенность. Часть названных Г.А. Свечиным опер — и немалая — в разное время предстала перед городской публикой впервые. Перечень таких премьер, осуществленных силами кружка до 1901 года, опубликован Е.В. Майбуровой еще в 1960 году⁸. Среди указанных ею опер — «Сын мандарина» Ц.А. Кюи, «Сельская честь» П. Масканы, «Князь Игорь» А.П. Бородина — всего восемь названий. В начале XX века этот перечень пополнили новые премьеры — «Песнь торжествующей любви» В.Н. Гартевельда, «Садко» Н.А. Римского-Корсакова и опера-феерия екатеринбуржца С.И. Герца «Царица эльфов».

Об отношении современников, прежде всего критиков, к оперным спектаклям, показанным кружком на екатеринбургской сцене, еще будет сказано. Пока же заметим, что давно утвердившееся мнение об исключительно внешней направленности музыкально-театральной деятельности ЕМК — на просвещение местной публики — является по меньшей мере односторонним, а возможно, и спорным (было ли такое просвещение успешным — отдельный вопрос). Нельзя отрицать, что не только постановочная, но и другие стороны деятельности объединения были направлены и вовнутрь — на удовлетворение запросов самих кружковцев. Благодаря участию в репетициях, спектаклях и концертах представители разных профессий получали возможность самореализоваться в искусстве. И не только это. Представлялась также возможность

совершенствоваться в избранном виде деятельности. Во второй половине 1890-х годов для обучения членов объединения вокальному искусству были открыты классы пения, а спустя десятилетие — общедоступная школа пения. Обучение осуществлялось под руководством опытных певиц: в классах преподавала А.Д. Гуревич-Петрова, в школе пения — В.А. Кронеберг-Герц.

Для людей, имевших общие интересы в сфере искусства и общее стремление противостоять провинциальной обыденности, кружок играл важную объединяющую роль. Именно в кружке, среди единомышленников, эти люди встречали поддержку и черпали силы для самостоятельного творчества. Судя по всему, на стимулы извне рассчитывать всерьез им не приходилось. Общественное внимание к проектам кружка, мягко говоря, чуть теплилось.

Сошлемся в связи с этим на свидетельство того же Г.А. Свечина. Старейший член объединения едва ли сгустил краски, когда писал следующее: «...Несмотря на видимо достигнутые успехи, вряд ли местный музыкальный кружок может гордиться той симпатией, той материальной и нравственной поддержкой всего общества, какую вправе был бы ожидать от него. Мы видим, что наше музыкальное учреждение стоит каким-то особняком в интересах общества. Об его трудах почти не говорят, а если и вспоминают, то непременно с оттенком какой-то снисходительности, с предъявлением таких требований, которые неуместно было бы относить и к специально сформированной труппе богатой антрепризы»⁹.

А теперь, как было обещано, обратимся к отзывам критиков на оперные проекты ЕМК.

Ранние постановки опер, осуществленные в 1880-е годы («Фауст», «Русалка», «Сын мандарина», «Роберт-Дьявол»), были встречены прессой довольно доброжелательно. Даже П.Н. Галин, называвший любителей «губителями искусства», не позволял себе негативных высказываний. Лишь вскользь упоминая о некоторых недостатках, редактор «Екатеринбургской недели» всячески поддерживал рвение кружковцев. Особой благодарности он удостоил исполнителей оперы

Дж. Мейербера «Роберт-Дьявол», показанной в апреле 1890 года. Эта постановка, по всей видимости, была наибольшей удачей кружка за десятилетие деятельности. Опера «Роберт-Дьявол» впервые прошла не с аккомпанементом рояля, а в сопровождении оркестра, причем не любительского, а театрального.

Судя по рецензиям, публика посещала те спектакли охотно. Лет через 10–15, когда артистам-любителям придется играть порой в наполовину заполненном зале, о тех временах будут только вспоминать. К примеру, о постановке «Русалки» в апреле 1885 года. Пресса сообщала тогда, что на двух прошедших спектаклях уже побывали и екатеринбуржцы, и жители близлежащих заводов. А на третье представление оперы все билеты были раскуплены¹⁰. Причины, вызвавшие такой интерес зрителей, известны. Постоянной оперы в городе в то время не было, театр же предлагал только драму или оперетту.

Громом среди ясного неба впервые прозвучал отзыв П.П. Баснина. Приглашенный теряющим слух П.Н. Галиным новый театральный и музыкальный рецензент «Екатеринбургской недели» назвал «профанацией» оперные спектакли, показанные кружком в сезоне 1890/91 годов, — «Жизнь за царя» и «Сельская честь». «Досадно и вместе с тем больно за родное искусство, когда видишь такую постановку опер, — без оркестра, без подготовленных солистов, без необходимой обстановки», — писал журналист¹¹.

Откровенное, крайне резкое мнение, высказанное П.П. Басниным, судя по всему, не было продиктовано стремлением полностью опорочить деятельность провинциальных любителей. Широко образованный человек, компетентный музыкант, принципиальный критик, П.П. Баснин хотел бы видеть в кружке более серьезную художественную силу. Поэтому в той же статье он рекомендовал кружковцам для достижения лучших результатов сосредоточиться на тщательной подготовке к показу отдельных оперных фрагментов. Подобным опытом, однако, в кружке не пренебрегали ни в те годы, ни позднее, но главным пред-

метом гордости всегда считали оперы, поставленные целиком (или с некоторыми купюрами).

Взгляды лидеров ЕМК и П.П. Баснина, по признанию самого журналиста, продолжали не совпадать и в последующем. Несмотря на это, новый крупный проект — постановку оперы А.П. Бородина «Князь Игорь», осуществленную в апреле 1894 года, П.П. Баснин встретил благожелательно. Отметив некоторые промахи и слабые места (в частности, нестройность хора), он назвал постановку в целом «весьма тщательной»¹². Высказать лестную оценку на этот раз П.П. Баснину не помешал даже тот факт, что опера шла в сопровождении небольшого ансамбля.

Оркестр окончательно заменит рояль или инструментальный ансамбль только в постановках начала XX века. Тогда же, с приходом Э.Ф. Галецкого, в операх появятся танцевальные эпизоды. Неизменным достоинством проектов кружка останется оформление спектаклей. Декорации и костюмы будут оставлять прекрасное впечатление, а порой и восхищать рецензентов (как было в «Князе Игоре», а позднее в «Евгении Онегине», показанном в январе 1902 года).

Однако, как и прежде, постановщикам зачастую не будет хватать трезвой оценки возможностей любителей при выборе репертуара. Такие оперы, как «Тангейзер» Р. Вагнера, «Вражья сила» А.Н. Серова, «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова, разумеется, создавались в расчете на исполнение отнюдь не скромными силами непрофессионалов. Единственным доводом, способным оправдать предпочтение, которое руководители кружка отдавали конкретным операм, было искреннее желание познакомить с ними местную публику. Среди современников, однако, находились лица, не соглашавшиеся признать этот довод убедительным.

К слову сказать, известные факты свидетельствуют о том, что в стремлении рубить дерево не по себе члены ЕМК не были одиноки. Местные любители драматического искусства тоже предпринимали рискованные проекты. В начале 1900-х годов они впервые показали екатеринбуржцам «На дне» А.М. Горького и «Вишневый сад»

А.П. Чехова — пьесы, находившиеся тогда на гребне всеобщего интереса, но еще не появившиеся на сцене города. Результат получился не провальный, но явно не тот, на который рассчитывали организаторы. Пресса, во всяком случае, успешными те премьеры не называла. Как и возобновленный кружком показ оперы Н.А. Римского-Корсакова «Садко» в апреле 1909 года.

Участники того спектакля, открыв свежий номер газеты, могли прочитать следующее: «Отдавая должную дань энергичному руководителю кружка, который на своих плечах вынес всю постановку оперы и затратил на это громадный запас энергии и труда, мы не можем признать удачной самую мысль — ставить «Садко» в любительском исполнении. Не всякая профессиональная труппа решается включить эту оперу в свой репертуар»¹³.

Сергею Квашнину — автору этих слов — вряд ли было известно, что ему довелось присутствовать на одном из последних оперных спектаклей ЕМК. Вероятно, не знала об этом и публика. Четырьмя операми, показанными в апреле 1909 года, кружок завершил свою деятельность в музыкально-театральной сфере.

Если прекращение оперных постановок было обдуманым шагом, то это решение, скорее всего, было принято под влиянием новой ситуации: в городе уже несколько лет проводились оперные сезоны силами профессиональных трупп. Участились и кратковременные гастроли. Буквально следом за спектаклями ЕМК, в конце апреля 1909 года, на сцене Верх-Исетского народного дома начались выступления товарищества столичных оперных артистов, приехавших с собственными хором и оркестром.

Возможно, отказ от дальнейших оперных постановок был вызван и другими причинами. Так или иначе, после многих лет активности в музыкально-театральной и концертной сферах кружок оставил за собой только последнюю.

В отличие от сведений об оперных постановках ЕМК, статистические данные о проведенных концертах ни-

кто воедино не сводил. Опираясь на материалы всё тех же екатеринбургских газет, можно с уверенностью утверждать, что об устройстве концертов в кружке никогда не забывали. Весьма скромные вначале, достижения в этой сфере год от года преумножались не только количественно. Летописцам ЕМК еще предстоит — после устранения «белых пятен» и тщательного изучения программ — как-то классифицировать всё многообразие концертов кружковцев. Но ясно и сейчас: в практике ЕМК нашлось место концертам «обычным» и благотворительным, светским и духовным, юбилейным и мемориальным, собственным (подготовленным исключительно своими силами) и антуражным. Отдельно должен быть назван уникальный проект кружка — цикл «Исторических концертов».

Самую долгую историю имели так называемые сборные концерты, с программами, составленными из разножанровых номеров в сольном, ансамблевом и оркестровом исполнении. Причем главное пристрастие кружковцев проявлялось и здесь — вокальная музыка всегда представлялась довольно широко.

Показательна в этом отношении программа одного из сборных концертов, который состоялся в Общественном собрании в марте 1884 года. Среди номеров, исполненных любителями, были романсы, ария, дуэт, трио и сцена из оперы, вокальный квартет, фортепианные пьесы и оркестровый номер¹⁴.

Выбор именно этого концерта в качестве примера сделан не случайно. Известно, что среди побывавших в тот вечер в клубном зале был Д.Н. Мамин-Сибиряк. Факт подтвержденный, но пока единственный¹⁵. Публикация в будущем всей переписки писателя, возможно, позволит узнать о других его контактах в качестве слушателя с кружком екатеринбургских любителей.

Добавим еще, что одним из участников названного концерта был близкий знакомый Д.Н. Мамин-Сибиряка — инженер-механик, обладатель весьма приличного баса Х.А. Федоров. И, может быть, именно этот факт объясняет появление писателя среди клубной

публики. Автор «Приваловских миллионов», судя по изданной переписке, в те годы не часто проводил время в подобной обстановке.

Через несколько лет имя писателя займет место в списках старшин и распорядителей по драматическому отделению ЕМК. А его очерк, известный по краткому изложению, опубликованному «Екатеринбургской неделей», будет оглашен Г.А. Свечиным на юбилейном вечере, посвященном десятилетию объединения.

В программе сборного концерта, речь о котором шла выше, были представлены не все творческие силы кружка. Как правило, в аналогичных мероприятиях участвовал еще и хор. Этот коллектив заслуживает того, чтобы о нем было сказано особо.

В ЕМК все годы с вниманием относились к сохранению хора в структуре объединения. Объяснялось это прежде всего потребностями оперных постановок. Но кроме участия в осуществлении этих проектов хор имел также опыт самостоятельных концертных выступлений. Причем концертировал не только в смешанном, но и отдельно — в мужском и женском составах. За три десятка лет на посту руководителя коллектива сменяли друг друга лица с разным уровнем музыкальной квалификации. С.В. Гилев, Л.Э. Гойер и Н.В. Пиликин были профессиональными музыкантами, кадры любителей представляли С.И. Герц, Г.А. Свечин, А.Е. Обухов и П.А. Кронеберг. Успехи и неудачи хора, как зеркало, отражала пресса. В откликах на спектакли и концерты похвальные высказывания чередовались со сдержанно-нисходительными, а порой и весьма неслестными оценками рецензентов. И среди шуточных пожеланий фельетонистов можно было встретить, например, такое: «получше спеться»¹⁶.

Ничего удивительного в такой разноголосице мнений нет. Вряд ли непрофессиональные хористы, состав которых к тому же не отличался стабильностью, были способны демонстрировать из года в год неизменные художественные результаты. По Ю.М. Курочкину же, «хор кружка мог сделать честь любому серьезному оперному театру»¹⁷. Преувеличение, конечно. Несколькими словами под-

правлен портрет легендарного объединения.

В советские годы обходили молчанием новое направление в деятельности хора, обозначившееся на рубеже XIX–XX веков. С этого времени в дни Великого поста хоровой коллектив кружковцев начал устраивать духовные концерты. В числе произведений, выносимых на суд почитателей духовной музыки, были оратории «Семь слов Спасителя на кресте» Й. Гайдна и «Потерянный рай» А.Г. Рубинштейна, исполнялись также сочинения Ш. Гуно, Дж. Россини, А.Т. Гречанинова, П.И. Чайковского.

Безусловно, пальма первенства в духовном хоровом исполнительстве принадлежала в то время архиерейским певчим (с ними кружковцам даже доводилось выступать на одной сцене). У главного хора епархии и репертуар был шире, и выше мастерство, и руководил этим коллективом регент, имевший за плечами Придворную певческую капеллу. Но и вклад хора ЕМК в концертную практику великопостных сезонов тоже был заметным. Ценители выражали признательность кружку за возможность услышать редко исполняемые произведения.

Духовные концерты хора ЕМК составляли лишь небольшую часть тех мероприятий, предназначением которых являлся сбор средств для помощи нуждающимся. В данном направлении ЕМК действовал не только самостоятельно, но и в содружестве с другими организациями и общественными объединениями. П.Ф. Давыдов писал по этому поводу следующее: «Есть ли хоть одно учреждение в Екатеринбурге, желавшее получить с публики деньги путем устройства вечера, бала с музыкальной программой, которое не призывало бы музыкальный кружок на помощь. И никогда, ни одному из них, сколько я знаю и помню, кружок не отказывал»¹⁸.

Объективность слов одного из бывших руководителей ЕМК подтверждают многочисленные факты. Данные о благотворительной деятельности кружка публиковали не только местные, но и столичные периодические издания.

Среди основных адресатов, которым передавались денежные средства,

собранные на спектаклях и концертах с участием ЕМК, были Екатеринбургский комитет Российского Общества Красного Креста, Комитет по разбору и признанию нищих, Общество попечения о начальном образовании, Екатеринбургское благотворительное общество, Публичная библиотека имени В.Г. Белинского, убежище для престарелых артистов Русского театрального общества. Добавим к этому известные примеры адресной финансовой помощи молодым музыкантам — певцам и инструменталистам, получившим благодаря кружку возможность завершить свое музыкальное образование в столичных учебных заведениях.

Текущая концертная деятельность ЕМК после прекращения оперных постановок была связана в основном с Общественным собранием. В клубе, предоставившем приют кружку еще тогда, когда он только родился, члены объединения играли основную роль в устройстве «четвергов», проводившихся в течение сезонов. Собственно, это были музыкально-драматические вечера, программы которых чаще всего открывались небольшой пьесой, а за ней следовало концертное отделение. Участвуя в организации клубного досуга, кружковцы продолжали традиции сборных концертов. Но выступали и с монографическими программами, составленными из произведений какого-нибудь композитора. Такие программы приурочивались к отмечаемым памятным датам. Так, в сезоне 1911/12 годов состоялись «четверги», посвященные творчеству В.С. Калинникова, А.А. Копылова, Ц.А. Кюи, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского, Ф. Листа.

Эта, казалось бы, вполне благополучная картина на деле таковой не была. Сотрудничество (если это можно так назвать) кружка и Общественного собрания держалось исключительно на энергии и хлопотах П.А. Кронеберга, тогдашнего руководителя ЕМК. Только ему ставили в заслугу подготовку программ «четвергов». В адрес же старшин клуба с газетных страниц звучали упреки за невнимание к духовным запросам посетителей. Общественное собрание часто сравнивали с другим клубом — Коммерческим собранием, и выводы делались не в пользу первого.

Коммерческое собрание — молодое клубное учреждение города, отметившее в конце 1911 года пятую годовщину со дня основания. За столь короткий отрезок времени клубу, однако, удалось стать местом притяжения публики, в том числе поклонников классической музыки. Несколько раз в неделю — чаще, чем в Общественном собрании, — здесь устраивались семейные вечера, спектакли и концерты. Сезон 1911/12 годов в Коммерческом собрании встретили с оперно-концертным ансамблем, штат которого впервые в клубной практике был укомплектован профессиональными певцами и музыкантами. Только хор набирался из любителей. Участники ансамбля представляли сцены из опер, исполнявшиеся со всеми необходимыми для спектаклей атрибутами — костюмами и декорациями. Но в сопровождении рояля. Оперные вечера чередовались со сборными и камерными концертами.

Результаты кадровых и репертуарных новаций, предпринятых Коммерческим собранием, не заставили себя ждать. Клуб в короткий срок обрел неофициальный статус «малой» оперной сцены (местонахождением «большой» оперной сцены последний раз был Верх-Исетский народный дом). И это явилось только началом серьезных перемен, которые уже вскоре затронули все сферы музыкальной культуры города.

События 1912 года, по словам авторитетного критика тех лет Анатолия Герасимова, открыли новую эру в истории Екатеринбурга. В этом году, писал критик, город «приобщился к числу тех, немногих пока, российских городов, где музыка перестает быть только забавой, а культивируется как высокое искусство и становится желательным и необходимым элементом интеллектуальной жизни города»¹⁹.

В процесс «культивирования высокого искусства» в течение 1912 года постепенно включались новые для Екатеринбурга учреждения и коллективы. В апреле торжественным концертом было отмечено создание местного отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО). Осенью отделение открыло музыкальные классы и собственный концертный сезон. В летние месяцы оркестр под

управлением Г.Ф. Эстеррейха провел серию симфонических вечеров в Клубном саду, и это стало традицией следующих лет. В конце сентября начались долгожданные спектакли на «большой» сцене введенного в строй Нового городского театра. С обновленным составом артистов открылся сезон и на «малой» оперной сцене в Коммерческом собрании.

Перед лицом таких событий, суливших городу небывалые перспективы, Екатеринбургский музыкальный кружок оказался на перепутье. Он мог бы следовать прежним курсом, не предпринимая попыток что-либо изменить. Мог избрать новую сферу приложения сил. Или вообще свернуть свою деятельность. Судя по всему, ни о первом, ни о последнем вариантах речь не шла. Кружок оставался действующим. Сзывались общие собрания и заседания совета, в апреле и сентябре 1912 года были проведены благотворительные спектакли. Депутация кружка присутствовала на торжественном открытии Нового городского театра. Состав объединения даже пополнился новыми членами, избранными на общих собраниях в январе 1912-го и в январе следующего года²⁰.

Выбор собственного будущего кружок сделал: сузил ареал деятельности, ограничившись постановкой драматических спектаклей. Решение об этом было принято на заседании совета в начале августа 1912 года²¹ и позднее не пересматривалось. С обновленным курсом связывались ближайшие планы. Площадку для постановок намечалось открыть в Верх-Исетском народном доме. Предполагалось введение уроков пластики и создание драматической студии. Обсуждалось предложение о переименовании кружка в музыкально-драматический.

Полностью осуществить эти планы, однако, не удалось. В Верх-Исетском народном доме состоялось только одно представление, остальные спектакли 1912–1913 годов были показаны на других сценических площадках. Открытие драматической студии и введение уроков пластики дальше проектов не продвинулось. Зримые следы активности кружка теряются после 1913 года.

Формально же он продолжал существовать. И даже сохранил свое прежнее название. Губернские памятные книжки вплоть до 1916 года публиковали данные о руководящем составе кружка. Список оставался неизменным: председатель — П.А. Кронеберг, его заместитель — Г.А. Олесов, секретарь — К.Ф. Копачелли, кассир — Н.Н. Введенский.

Перелистать заключительные страницы хроники деятельности ЕМК пришлось намеренно. Во-первых, потому что финал истории кружка описан в литературе весьма скупо и противоречиво. Во-вторых, хотелось повнимательнее присмотреться к событиям и, возможно, заметить хотя бы намёк на трансформацию любительского объединения в отделение ИРМО. Судя по появившимся публикациям²², такая трансформация якобы имела место на Урале.

От этого сенсационного «открытия» можно было бы и отмахнуться. Очередная абсурдная выдумка. Но предостеречь от ее дальнейшого тиражирования, безусловно, следовало.

Факты убеждают: никакого чудо-преобразования в Екатеринбурге не произошло, да и не могло произойти в принципе. Шансов войти в штат преподавателей или концертантов профессионального музыкального учреждения у любителей не было.

Музыкальный кружок какое-то время действовал параллельно с местным отделением ИРМО. А затем без громких заявлений ушел со сцены. Ушел, оставив на долю потомков заботу о том, чтобы данные о более чем тридцатилетнем пути объединения были собраны воедино. Чтобы потомки сумели сделать собственные выводы, взвесив многочисленные «за» и «против», высказанные когда-то современниками по поводу проектов и достижений екатеринбургских любителей.

В завершение очерка вновь обратимся к названию кружка. Напомним об обстоятельствах, действительно заслуживающих внимания. Дело в том, что только «музыкальным» кружок екатеринбургских любителей никогда не был. С момента основания в его

структуре присутствовали два отделения — музыкальное и драматическое. В 1908 году к ним присоединилось хореографическое отделение. И если о первом из них известно многое, то сказать это же о двух других нельзя. Так, может быть, настало время восстановить пробелы. И тогда выводы о месте кружка в культурных процессах в городе получат большее подкрепление или потребуют корректировки с учетом новых данных о деятельности всех структурных подразделений.

Не за горами юбилейная дата — пятидесятилетие со времени образования Екатеринбургского музыкального кружка. Достойным приношением к юбилею стало бы появление труда, в котором исторический портрет одного из известных объединений екатеринбургской интеллигенции был бы представлен в многообразии красок, без не прорисованных деталей и ненужной ретуши. Хочется верить, что это случится.

¹ Очерк Т.П. Мосуновой напечатан в первом томе издания, подготовленного к трехсотлетию юбилею Екатеринбурга. См.: Екатеринбург. История культуры. Авторские очерки. Екатеринбург: ООО «ПК Астер-Ек», 2021. — Ред.

² Мосунова Т.П. Музыка // Екатеринбург. История культуры. Авторские очерки. Екатеринбург: ООО «ПК Астер-Ек», 2021. С. 9.

³ Анфиногенов А. Театры и зрелища в старое время // Свердловск: Сб. / Под ред. А. Панфилова и К. Рождественской. Свердловск: ОГИЗ, 1946. С. 82.

⁴ Микитюк В.П. Уездная столица // Энциклопедия Екатеринбурга. Т. II. 1807 — 1917 годы: горный город, уездная столица. Екатеринбург: ООО «Туристско-информационный центр Екатеринбурга», 2018. С. 143.

⁵ Сведения почерпнуты из справочника: Уральский торгово-промышленный адрес-ка-

лендарь на 1911 год. Пермь: Изд. С.С. Вершова, б.г.

⁶ Cave [Никитин К.В.]. На летучие темы // Уральская жизнь. 1912. 22 марта.

⁷ Г.С. [Свечин Г.А.]. Юбилейный спектакль Екатеринбургского музыкального кружка // Уральская жизнь. 1906. 24 дек.

⁸ Майбурова Е.В. Музыкальная жизнь Екатеринбурга // Из музыкального прошлого: Сб. очерков / Ред.-сост. Б.С. Штейнпресс. М.: Музгиз, 1960. Вып. 1. С. 55.

⁹ Г.С. [Свечин Г.А.]. Театр и музыка // Уральская жизнь. 1903. 16 апр.

¹⁰ Голос из публики. Несколько слов о «Русалке» // Екатеринбургская неделя. 1885. 24 апр.

¹¹ -ъ [Баснин П.П.]. Музыкальные заметки // Екатеринбургская неделя. 1891. 16 июня.

¹² -ъ [Баснин П.П.]. Театр и музыка (Опера «Князь Игорь») // Екатеринбургская неделя. 1894. 24 апр.

¹³ С.К. [Квашнин С.А.]. «Садко» в постановке музыкального кружка на сцене Верх-Исетского театра // Уральский край. 1909. 23 апр. (Авторство С.А. Квашнина установлено по сохранившемуся экземпляру газеты с гонорарной разметкой).

¹⁴ Н. Концерт 25 марта // Екатеринбургская неделя. 1884. 28 марта.

¹⁵ Летопись жизни и творчества Д.Н. Мамина-Сибиряка (1852 — 1912) / Сост. В.В. Горева. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 66.

¹⁶ Мистер Бумс [Блиновский П.Я.]. Новогодние пожелания // Уральский край. 1908. 1 янв.

¹⁷ Курочкин Ю. Из театрального прошлого Урала: Заметки собирателя. Свердловск: Кн. изд-во, 1957. С. 272.

¹⁸ Давыдов П.Ф. Музыкальный кружок и Общественное собрание // Уральская жизнь. 1912. 25 янв.

¹⁹ Novus [Герасимов А.А.]. Музыкальная жизнь Екатеринбурга в 1912 году // Зауральский край. 1913. 1 янв.

²⁰ См.: В музыкальном кружке // Уральская жизнь. 1912. 8 янв.; В музыкальном кружке // Зауральский край. 1913. 19 янв.

²¹ В музыкальном кружке // Голос Урала. 1912. 12 авг.

²² Актеры российской имперской модернизации (XVIII — начало XX в.): региональное измерение. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. С. 262.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Михаил Хлебников

Писатель и его биография

Светлана Шнитман-МакМиллин. Георгий Владимов: бремя рыцарства. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022.

В начале исторически далёкого 2021 года исполнилось девяносто лет со дня рождения Георгия Владимова. Нельзя сказать, что это событие привлекло к себе повышенное внимание публики. Справедливость восторжествовала год спустя, когда в свет вышел объёмный труд Светланы Шнитман-МакМиллин «Георгий Владимов: бремя рыцарства». В аннотации читателю обещается комплексный культурный продукт: «Книга филолога-слависта Светланы Шнитман-МакМиллин написана в трех жанрах. Повествование о яркой и насыщенной биографии писателя, диссидента и правозащитника Георгия Владимова тесно связано с исследованием его литературных произведений и личным свидетельством — рассказом о дружбе автора с Владимовым. Так вырисовывается портрет одного из наиболее важных прозаиков второй половины XX века и человека, чье гражданское мужество вызывает глубокое восхищение». Тут сразу возникает вопрос: почему необходимо

Михаил Хлебников — кандидат философских наук. Автор пяти книг, среди которых: «Топор Негоро», «Большая чи(с)тка», «Союз и Довлатов (подробно и приблизительно)». Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Культура», «Литературная газета», в журналах «Урал», «Сибирские огни», «Бельские просторы», «Подъём», «Наш современник», «Москва», «Вопросы литературы», «Новый мир», «Алтай». Финалист премии «Неистовый Виссарий» за 2022 год.

отделить «личное свидетельство» от «яркой и насыщенной биографии». Но не буду придираться, точнее, отложу вопрос на будущее.

Прежде чем говорить о семисотстраничной книге, необходимо несколько слов сказать о самом Владимове — авторе, которого многие наши современники не знают или забыли. Интерес к нему в наши дни может вырасти благодаря не только книге Шнитман-МакМиллин, но и выходу в июне 2023 года фильма Бориса Хлебникова «Снегирь», снятому по роману «Три минуты молчания». Будущий писатель родился 19 февраля 1931 года в Харькове. Родители Николай Степанович Волосевич и Мария Оскаровна Зейфман рано развелись. Георгий воспитывался матерью. Небольшая семья не испытывала особой нужды — Мария Оскаровна нашла работу в НКВД и дослужилась в грозной организации до звания капитана. Положение матери помогает поступить в суворовское училище. Сначала учёба проходит в Грузии, затем Марию Оскаровну переводят в Ленинград. В Ленинградское суворовское училище переходит и сын. Самое известное событие «суворовского периода» — посещение опального Михаила Зощенко. Неприятности после визита не помешали окончить училище. Но Георгий решает прервать военную карьеру и поступает на юридический факультет Ленинградского университета. В конце жизни Сталина обостряется межклановая конкуренция, одной из жертв которой становится мать писателя. Её арестовывают. Но университет также удаётся окончить без проблем. Мечтавший о писательстве молодой юрист «грамотно» заходит в литературу. Он пишет критические статьи о театре, которые печатаются в центральных изданиях. Вскоре последовал переезд в Москву. Некоторое время Владимов проработал редактором в «Новом мире». Он переходит на прозу и сразу обращает на себя внимание повестью о рабочем классе «Большая руда» (1961). Через восемь лет Владимов выступит уже с романом «Три минуты молчания». Его также следует признать событием в советской литературе. На этот раз писатель отразил в прозе личный опыт работы на рыболовецком сейнере. В то же время писатель

всё больше отдаёт времени правозащитной деятельности. Владимов объявляется председателем московской группы Amnesty International. Он тесно общается с Сахаровым, участвует в совместных акциях. Тогда пишется повесть «Верный Руслан», получившая широкую известность в самиздате и тамиздате. В 1983 году вместе с женой Натальей Кузнецовой и тещей Владимов уезжает в Германию. Там он недолгое время возглавлял журнал «Грани». После скандального ухода с поста главного редактора писатель сосредотачивается на написании романа «Генерал и его армия». В 1995 году Владимов получает за него «Русский Букер». В 2001 году писатель получает снова эту же премию в номинации «Русский Букер десятилетия». Умер Владимов осенью 2003 года.

С одной стороны, перед нами вроде бы биография типичного шестидесятника — «Новый мир», прогрессивный автор, слава, диссидентство, эмиграция. Но Владимов всё-таки не вписывается в устоявшийся канон, занимая особое положение в советской, а потом и в русской литературе. Он не писал в стиле «молодёжной» или «исповедальной» прозы, практически не участвовал в тусовочной жизни. Если биографии Аксёнова или Гладилина известны широкой публике благодаря мемуарам и жизнеописаниям, то Владимов был долгое время вне зоны внимания исследователей и биографов.

В этом отношении книга Шнитман-МакМиллин заведомо привлекает к себе внимание, будучи первым исследованием жизни и творчества писателя. Её начальные главы оправдывают ожидания. Рассказ о родителях Владимова, годы войны, учёба в суворовском училище, арест Марии Оскаровны. Большое впечатление производят письма, которые пишет Владимов матери. Оставшись в одиночестве, он не только поддерживает находящуюся в заключении мать, но и пробует себя в литературе. Автор биографии почему-то опускает содержание тех самых первых «театральных» публикаций, как и полностью проходит мимо такой темы, как Владимов-критик. Это решение достаточно спорное, учитывая приём, с помощью которого нам рассказывается о творчестве Владимова-прозаика.

Ради чего читаются литературные биографии? Они отличаются от жизнеописаний артистов, художников, архитекторов качеством воздействия на сознание читателя. Во втором случае важна фактография, неизвестные ранее подробности или необычная, с «поворотами», трактовка известного. Биография писателя воспринимается по-иному. Читатель в известной степени отождествляет себя с героем книги. Чтение и сочинение внутренне близки, так как задействуют практически сходные механизмы сознания. Поэтому к литературной биографии особое отношение и требования. Усреднённое «википедийное» знание о жизни писателя — родился, писал, страдал (пункт неизменный и применимый ко всем творцам: от Катулла до Стивена Кинга), умер — должно преобразоваться, обрести новое значение. И читатель, помня, зная канву биографии, переживёт его жизнь с совсем иным чувством. То, что называется «этапами», «периодами», «ключевыми моментами», обретает свою связность и личное значение, которые проговариваются и воспринимаются уже как собственные.

В этом отношении писательские биографии предъявляют к их авторам достаточно жёсткие требования. Как содержательные, так и литературные. И здесь, увы, есть к чему придраться. Текст написан специалистом по русской литературе, который явно начал забывать, перестал чувствовать сам русский язык. Открываем первые страницы книги. Описываются военные годы. Юный Георгий Волосевич работает в колхозе:

«Рослый и сильный Жора, научившись управлять волами, стал возчиком, небожно нахлестывал волов вожжами и громко, с удовольствием цокал и покрикивал».

Глаз цепляется за «небожно нахлестывал». Тут же Шнитман-МакМиллин говорит о корнях диссидентства Владимова, но как:

«Впечатления жизни и работы в колхозе навсегда остались в памяти, уже в детстве зародив в нем сомнения в эффективности колхозной системы, что в будущем было замечено органами госбезопасности».

Десятилетний Жора, конечно, и сильный, и рослый, но чтобы так, по-

сле того как «небольшо нахлестать волов» и отпустить вожжи, сразу ощутить «сомнения в эффективности колхозной системы»... Литературоведческий стиль в худшем его исполнении разжижает текст, нивелируя действительно интересный материал. Подросший Георгий поступает в суворовское училище в Кутаиси. Следует глубокое замечание:

«Опыт пребывания в закрытом коллективе училища, находившегося в стране другой культуры и языка, кажется странным ретроспективно-зеркальным отражением будущей жизни и опыта писателя в эмиграции».

Кто кого отражает, понять трудно, да и не нужно. Перед нами напоминание, что мы читаем помимо всего серьёзное биографическое литературоведческое исследование. Разбавляется оно душераздирающими деталями. Кто воспитывал юных курсантов в училище? Все знают, что на должности назначались офицеры, прошедшие фронт, имеющие награды. Многие из них были ранены. В исполнении автора «Бремени» это приобретает пародийно-готическое звучание:

«Бывшие боевые офицеры, они почти все имели серьезные ранения, последствием которых был частичный паралич, слепота или тяжелая психическая травма».

Случаются досадные хронологические сбои. Весной 1957-го двадцатипятилетний Владимов обзаводится первой мебелью. Биограф комментирует это:

«Весной Владимов сделал в свои двадцать четыре года важнейшее приобретение, о котором с нескрываемым восторгом сообщил Марии Оскаровне».

Думаю, что читатель заметит, что цитаты идут одна за другой, — авторский текст позволяет находить стилистические и содержательные красоты практически на каждой странице.

Все, кто пишут писательские биографии, сталкиваются с общей проблемой: как совместить жизнеописание своего героя с разговором о его текстах без потери темпа повествования, конфликта реальной ситуации с абстрактными выкладками по поводу архитектоники сюжета и роли метафоры. Один из признаков мастерства биографа — умение впаять литературовед-

ческую часть в пространство личной истории так, чтобы они воспринимались единой, «без швов» историей. Шнитман-МакМиллин пошла по пути очевидного наименьшего сопротивления. Биографические главы чередуются с литературоведческими. И сделаны последние так, что у читателя возникает законное желание пролистать их, вернувшись к биографии писателя. Но я профессионал, поэтому прочитал и эти обильные страницы. Обильность их объясняется простым приёмом, знакомым почти всякому школьнику. Автор подробно пересказывает тексты Владимова. Уже названия подглавок навевают крепкий, здоровый сон. Берём главу, посвящённую «Верному Руслану»: «Введение в тему», «Сюжет и композиция», «Лагерь как метамир», «Экзистенциальное значение службы»... Понятно, что без «экзистенциализма» работа серьёзной считаться не может. Но я продолжу: «Тема смерти», «Собака и природа». Впрочем, иногда автор взбадривает сознание гипотетического читателя неожиданным поворотом мысли. Вот из той же главы о «Верном Руслане» кинговский пассаж:

«Снежный шторм — «оно», существо без лица и названия. От глаголов среднего рода возникает чувство тоски, враждебной силы, дурных предчувствий».

Нельзя сказать, что всё это великолепие легко читалось, ощущалось, понималось.

Автор переходит к анализу-пересказу романа «Три минуты молчания», перед этим сетуя:

«Сюжет этого произведения передавать почти бессмысленно».

Данное глубокое замечание открывает подглавку, которая носит привычно школьное название: «Краткое содержание романа». Тем не менее автор пытается «передать», ведя жестокий бой с бессмысленностью и русским языком. Битва неравная. Вот лирическая линия, раскрывающая женские образы романа Владимова:

«Сеня встречает ее в тот момент, когда у него самого возникло желание другого содержания, наполненности жизни».

Речь идёт о Лиле Щетининой — молодом специалисте, выпускнице «института рыбной промышленности».

Следующий выразительный женский портрет:

«Посудомойка Нинка — люмпен-пролетариат, тот персонаж «дна», во имя которого была совершена Октябрьская революция, написавшая на своих знаменах: «...тройную ложь: Свободы, Равенства и Братства». Свернув красные полотнища, она в пропагандном искусстве вознесла несчастную труженицу на высоту великолепной мухинской колхозницы. А в жизни — бросила ее в крохотной избушке среди ледяного северного бездорожья у старого корыта с чужим замокающим бельем».

Движемся дальше. Лирическая линия дополняется биографом социальным измерением:

«Она называет его «рыженьким» — в России к рыжим относились, как к другой расе, и в школах ужасно дразнили. Так как роман написан от первого лица, мы только к концу узнаем, что Сеня — «светленький». Но для Клавки он был другой, и, чувствуя это своим женским инстинктом, она готова его защищать от недружественного мира».

Заканчивает литературовед лирическую часть широким выводом, от которого почему-то становится неловко:

«В нем начинается интенсивный процесс осмысления своего места среди людей и на планете Земля».

Владимов, как бы к нему ни относиться, писал крепкую, пригнанную прозу. Изложение ее своими словами почему-то бросает неряшливую тень на то, что он делал. Объяснение подобному находится в биографии самого автора биографии. Многие годы Светлана Шнитман-МакМиллин живёт за пределами России. Увы, язык — инструмент тонкий, требующий постоянного упражнения, без которого разрыв между задуманным и исполненным будет слишком заметным. Мы не будем «ужасно дразнить» биографа, но что-то делать с этим нужно.

Есть непростая тема, касающаяся участия Владимова в диссидентском и правозащитном движении. Сначала эпизод, описывающий передачу рукописи деятеля украинского националистического движения Валентина Мороза иностранному журналисту. В это время писатель уже активно работает в

международной неправительственной организации «Amnesty International»:

«Георгий Николаевич с явным удовольствием вспомнил историю, опущенную в официальном интервью Льву Копелеву. По его словам, когда милиция окружила их в темном дворе и начала задавать вопросы, Наташе показалось, что один из милиционеров занес руку на Владимова (чего не было, «просто игра теней под фонарем»). Обученная цирковая наездница с моментальными реакциями, маленькая Наташа, готовая за обожаемого мужа в огонь, воду и медные трубы, с пронзительным воплем: «Не смей на Жорика!» — совершив какое-то головокружительное движение в воздухе, вскочила на шею ошеломленному стражу порядка. Тот от неожиданности плюхнулся на землю, все в полной растерянности расступились. Наташа, виртуозно соскочив со своей жертвы, кокетливо поправила платочек на голове и с воинственным видом встала рядом с мужем. На этом официальная часть «операции» закончилась, милиционеры были «совершенно сбиты с панталыку»».

Так... Что полагается в приличной тоталитарной стране за танцы на шее у стража порядка, который в итоге даже был сбит с ног? Ответ простой — ничего. Странно. Об этом не принято говорить, но история диссидентского движения до сих пор выступает объектом мифологизации. Да, отличаются цвета. Белый. Диссиденты — борцы за свободу, бросившие вызов беспощадному молоху коммунистического режима. Цвет чёрный. Диссиденты — наймиты западных спецслужб, продавшие родину за подачки и упоминание их фамилий в эфире радиоклеветников.

Мало кто допускает в сознание мысль, что диссидентское движение состояло из весьма не похожих друг на друга людей. Различались мотивы, цели, методы. Особое положение занимали в нём писатели, обладавшие официальным статусом — членством в Союзе писателей. Именно статус давал авторам, вступившим на благородный путь борьбы за права и свободы, определённые преференции. Несмотря на периодические упоминания Сталина, писатели того времени прочно забыли, что такое 37-й и последу-

ющие годы. Появилась возможность вести игры со слабеющим режимом. Да, они в какой-то степени были рискованными, но ощущение опасности будоражило кровь. Напомню, что вступление в Союз писателей гарантировало неплохой по тем временам набор социальных благ. Но проблема в том, что набор был зримо ограничен. Декларируемый высокий статус писателя, несомненно, влиял на самосознание. Диссидентство, точнее, фронда была одним из самым эффективных способов обратить на себя внимание. Прелесть в том, что оно являлось гарантированно равносторонним. Борец с режимом включался в списки прогрессивных советских писателей. Следствие — выход книг за границей. Но внимание со стороны советской власти также могло привести к расширению библиографии бунтаря. Уже в разделе «советские издания». И в этом нет никакого парадокса.

Эпоха 70–80-х годов — время декларируемой тишины и благостности, когда проблемы — реальные и выдуманные — заметали под ковёр. Один из способов восстановления «тишины в библиотеке» — сделать политическому борцу некоторое предложение. От которого можно отказаться, но которое можно и принять. И здесь власть демонстрировала определённое коварство в методах возвращения «блудных сыновей» в лоно СП СССР. Так, с 1968-го начинается выходить серия «Пламенные революционеры». Её выпускал «Политиздат», отвечающий за выпуск историко-партийной и политической литературы в стране. Серия состояла из художественных биографий революционеров всех времён и народов. Естественно предположить, что авторы должны были проходить самый строгий, можно даже сказать, придирчивый отбор. Действительно — отбор был. Самыми активными творцами в серии оказались советские бунтари. В ней вышли книги Василия Аксёнова, Анатолия Гладилина (две книги), Владимира Войновича, Марка Поповского, Игоря Ефимова, Владимира Корнилова. Увы, мало пишущий Владимов не подходил для быстрого доказательства своего раскаяния.

Был выбран другой неплохой вариант. Шнитман-МакМиллин мельком

упоминает о беседе Владимова с Феликсом Кузнецовым, опубликованной в 1976 году в «Литературной газете». Она была напечатана в № 7 и занимала целую полосу. Название материала «Диалог о прозе». Сама фигура Феликса Феодосьевича Кузнецова достаточно показательна для литературы того времени. Он начинал как «молодой, прогрессивный критик», писал хвалебные статьи о прозе Аксёнова, Гладилина и своего однофамильца Анатолия Кузнецова. В итоге проза жизни оказалась сильнее, и критик перешёл на позицию «принятия жизни»: его оценки всё чаще совпадали с официальными, а вскоре он просто превратился в транслятора вышестоящего мнения. Говоря современным языком, Кузнецов потерял свою субъектность. Интересно, что в следующем, 1977 году критик становится первым секретарём правления Московской писательской организации Союза писателей. Из этого можно заключить, что разговор с вольнодумцем не носил характер импровизации.

Сам диалог удивительно неинтересный и напоминает сцены из Гоголя: разговор очень приятного человека (Кузнецов) с просто приятным человеком (Владимов). Кузнецов начинает незатейливо — с похвалы:

«Георгий Николаевич, мне хотелось бы обозначить тему нашего разговора. Ваши книги «Большая руда», «Три минуты молчания» рекомендуют вас как взыскательного прозаика».

Обозначено хорошо, Владимов не возражает против такого откровенного начала разговора. Кузнецов разворачивает комплимент, придавая ему глубину и объём:

«Серьёзная критика не может принять то узкое понимание литературного качества, которое сводится лишь к элементам формы. Видимо, первым условием подлинной литературы, простите за трюизм, является талант, но и талант, на мой взгляд, не более чем условие для возникновения настоящей, большой литературы. Условие, которое реализуется в нечто значительное лишь в том случае, если есть собственная внутренняя позиция и личность, масштаб личности писателя, что обусловливается в первую очередь уровнем его гражданской зрелости».

Хорошо, что критик извиняется за трюизм. Владимов вдумчиво соглашается с жёсткой оценкой критика, принимая на себя груз масштабного таланта, личности, подкреплённой несомненной зрелостью:

«Очерченный вами, Феликс Федосеевич, круг проблем чрезвычайно важен для нашей литературы. Проблема качества или художественности, вы правы, не есть только проблема формы».

Читатель вправе спросить для чего всё же разыгрывается этот словесный пинг-понг? Какой-то смысл начинает пробиваться через словесную оболочку во второй части беседы. Реплика Кузнецова:

«Я спрашиваю об этом ещё и потому, что недруги за рубежом пытаются порой использовать недостаток зрелости, присущий иным нашим писателям, в своекорыстных и даже враждебных нашей стране целях, эксплуатируя подчас и тщеславия, и обиды, и человеческие слабости или издательские неурядицы».

Но мы помним слова о «гражданской зрелости», с которыми уже согласился Владимов. Подача принята:

«Уважающий себе писатель, знающий цену и значение своей ответственности перед обществом, ни строки во вред своей стране написать себе не позволит, и все попытки использовать его произведения таким образом категорически отвергнет. Я убежден, что крупный, истинный художник может состояться лишь на народной почве, в служении своей стране, своему народу».

А вот теперь прямая свечка:

«Это не значит, что мы можем предоставить талант его судьбе, как она сама складывается. Талант — это национальное достояние, за него нужно бороться, к нему нужно относиться бережно, доверять ему. Ведь это вполне в наших силах — проявить чуткость, загладить обиды, вовремя вмешаться и исправить издательские неурядицы, поддержать талантливую книгу, в которой поставлены острые, наболевшие, важные для нашего общества проблемы».

Да, совершенно верно — нужна чуткость, бороться, поддержать, исправить... Ну и чтобы совсем было понятным. Об «издательских неуря-

дицах». Говоря о романе «Три минуты молчания», Кузнецов как бы мимоходом интересуется:

«Кстати, как же сложилась судьба романа?».

Есть, есть ответ на этот «необязательный вопрос»:

«После четырехлетних раздумий издательство «Советская Россия» так его и не издало; теперь он находится в производстве в другом издательстве — «Современник», я надеюсь, выйдет где-то к осени этого года. К роману проявил интерес Московский театр имени Ленинского комсомола, режиссер М. Захаров сделал инсценировку и готовит спектакль».

На этой мажорной ноте в действительности и заканчивается «Диалог о прозе». Как и говорил Владимов, роман выходит в издательстве «Современник» в заявленном 1976 году неплохим тиражом в пятьдесят тысяч экземпляров. Чуткость проявлена. Но полноценного возвращения автора в дружную семью советских писателей не случилось. Почему? Тут невозможен один чёткий ответ. Безусловно, выход романа в «Новом мире» привлёк внимание публики и критики. Сам Владимов считал, что роман вызвал шквал негативных отзывов, так как не укладывался в «прокрустово ложе» соцреализма. В предисловии к зарубежному изданию 1982 года он пишет:

«Обширная наша пресса, от столицы до окраин, немедленно запестрела традиционными заголовками: “В кривом зеркал”, “Ложным курсом”, “Сквозь темные очки”, “Мели и рифы мысли”, “Разве они такие, мурманские рыбки?”, “Такая книга не нужна!”, “Кого спасаете, Владимов?” и т. п.».

Но тут есть момент. Ругала роман отраслевая пресса, которая вступилась за честь мундира. Например, многотиражка «Водный транспорт» устами В. Цыганкова — старшего механика Клайпедской базы рефрижераторного флота — сетовала:

«Мы, конечно, в море говорим не стихами, но и не настолько грязно и цинично, как герой “Трех минут молчания”...»

А вот критик в журнале «Москва» утверждает иное:

«Владимов — художник, он в своей стихии, когда пишет живую жизнь...».

И понятно, что при формальном, арифметическом равенстве: одна рецензия ругательная, другая сдержанно одобрительная — вес их совсем разный.

В письме в правление СП Владимов особо выделяет свою претензию по поводу затягивания книжного издания романа. Писатель не желает «возвращаться»:

«Туда, где по семи лет дожидаясь издания книги, после того как ее напечатал первый журнал в стране (дети, родившиеся в тот год, как раз пошли в школу, выучились читать)».

Но это внешняя причина. Напомню, что публику и критику привлекла фактура романа — описание тяжёлого, на пределе возможного, труда моряков рыболовного флота. Книжное издание же не стало событием. И дело тут не в цензурных придирках, о которых Владимов говорит в упомянутом письме, отвергая призыв «присоединиться»:

«Где любой полуграмотный редактор и после одобрения вправе потребовать любых купюр, пускай бы они составляли половину текста (не анекдот — письма ко мне М. Колосова)?».

Тут проблема, как ни странно, чисто литературная. Вышедший книжный вариант «Трёх минут молчания» не заметили, так как в те годы появилась другая книга, рассказывающая о мире и героях, очень похожих на роман Владимова. Я говорю о «Территории» Олега Куваева. Слава романа, рассказывающего о геологах — первооткрывателях колымского золота, закрыла для читателя книгу Владимова. Ну и чтобы совсем было понятно. Роман Куваева вышел в 1975 году в издательстве «Современник», но тиражом в сто тысяч экземпляров. Обидно? Несомненно. Чувства того, кто считает себя обойдённым на повороте, знакомы многим. Владимов разрывает конвенцию.

Есть ещё момент, касающийся уже личной жизни Владимова. И методологии написания его биографии. В начале книги Шнитман-МакМиллин говорит о корпусе работ, являющихся источником для написания труда. Среди прочих называется имя Владимира Войновича. Писатель оставил мемуары «Автопортрет. Роман моей жизни». В них есть интересные страницы, посвящённые Владимову. Но никаких

ссылок на этот источник у Шнитман-МакМиллин нет. Хотя текст явно требует того. Биограф пишет о знакомстве Владимова со своей второй женой, Натальей Кузнецовой:

«В 1964 году Владимов познакомился в ЦДЛ со своей второй женой Натальей Евгеньевной Кузнецовой. Наташа пришла туда, чтобы взять интервью у писателя Аркадия Васильева для журнала «Огонек», где она работала внештатным сотрудником. Она также писала цирковые репризы для своего бывшего мужа, «грустного клоуна» Леонида Енгибарова, хотя к тому времени они уже разошлись».

Мы открываем Войновича:

«Наташа была большая и небезвредная фантазерка. Не знаю, была ли склонность к фантазированию у нее врожденной или развилась после упомянутого выше потрясения, но фантазии касались ее отношений с мужчинами. Она говорила, что была замужем за клоуном (очень рано умершим) Енгибаровым. Что, когда они женились в Ленинграде, их свадьба стала там большим событием. На тройке белых лошадей, украшенных лентами, они проехали через весь город».

Снова открываем биографа:

«Наташа не была официально разведена с Леонидом Енгибаровым, брак с которым был зарегистрирован в Киеве. Свидетельство о браке было утеряно. Владимов решил не посылать запрос на восстановление свидетельства и ждать потом официального развода, но сделать проще: объявить, что Наташа и Леонид потеряли паспорта. Он рассчитывал, что никто не будет проверять, были ли они женаты, где и когда развелись. «Грустный клоун», ненавидевший формальности, радостно согласился, втроем они весело отпраздновали «потерю», и по получении Наташей нового паспорта брак ее с Владимовым был зарегистрирован».

Ни в одном из доступных источников не указывается, что Кузнецова и Енгибаров состояли в браке. Ни в одном из доступных источников не сказано, что Кузнецова и Енгибаров были вообще как-то знакомы. Хотя последнее не исключено, так как отец Кузнецовой занимал видную должность в системе управления советскими цирками.

И здесь вопрос. Почему мемуары Войновича оказались выключенными? Здесь есть одно возможное объяснение. Они не укладываются в авторскую концепцию «бремени рыцарства», которая сложилась в результате личного общения Светланы Шнитман-МакМиллин с писателем. Тогда ставится под вопрос объективность исследования. Вопрос, почему автор «пропустил» источник, и так понятен, но приведу ещё одну цитату из Войновича:

«Я сказал, что Наташины фантазии были небезобидны. О ком бы речь ни зашла, оказывалось, что она хорошо знала этого человека и может рассказать о нем много плохого. Всех, кто звонил Владимовым или заходил к ним в гости, она подробно расспрашивала о тех, кого знал пришедший, потом услышанное обрабатывала и в отредактированном ею виде с добавлением художественного вымысла распространяла среди знакомых».

Если свидетельству нельзя избежать, то автор приводит его в сокращённом виде. Вот заходит речь о том, что Кузнецова, по сути, постоянно уменьшала число людей, с которыми писателю разрешалось общаться:

«Но часто она преувеличивала, и Борис Мессерер писал, что это не всегда благоприятствовало общению Владимовых с людьми, по духу им близкими: “Могу назвать совсем небольшой круг бывавших у них в гостях: поэт Юрий Кублановский, писатели Андрей Битов и Евгений Попов, писатель-политолог Рой Медведев. Даже этот более чем узкий круг друзей, многократно проверенных на прочность убеждений и на свою неподкупность, ставился Натальей под сомнение. В итоге своими придирками она неизменно сокращала и без того короткий список близких”».

Если брат воспоминания Мессерера, то есть куда более ясное описание семейных взаимоотношений, которое биограф пропускает:

«Наталья при своей акварельно-ангельской внешности имела деспотический характер и властвовала над Жорой. И он ее панически слушался».

Нет, средневековая культура дала нам образцы «высоких отношений», включающие клятвы в вечной любви к

прекрасным дамам, но в данном случае Владимов весьма далёк от образа классического рыцаря. Кстати, слова Мессерера совпадают с тем, как Войнович описывает финал дружбы с автором «Трёх минут молчания»:

«Мои отношения с Жорой Владимовым стали совершенно невозможны, и я их прекратил. Таким образом с Владимовым разошлись многие из тех, с кем он раньше общался и даже дружил. Оставшиеся Наташу опасались. Толя Гладилин приходил к Владимовым, но на вопрос Наташи, как поживает такой-то, «уходил в несознанку»: никого не знаю, ничего не видел, ничего не слышал».

Всё это накладывалось на диссидентство Владимова, создавая специфическую, достаточно сгущённую атмосферу, в которой реальность обретала весьма причудливые очертания. Показательно, что многие годы спустя, уже после смерти Кузнецовой, Владимов всерьёз пишет, а биограф без комментариев воспроизводит следующий пассаж:

«КГБ пытался воздействовать на меня через Наташу. А когда это провалилось, устраивал провокации, даже покушения на нее — чтобы припугнуть».

Кипящие внутри страсти прорывались и наружу. Вспомним об образовании Владимова. Хотя он почти и не работал по специальности, практическая юриспруденция занимала достаточно большое место в его жизни. Говоря попросту, оказалось, что писатель любит судиться. В 1970 году Владимов пишет антивоенную пьесу «Шестой солдат». За пацифизм отвечает сам подбор действующих лиц: «Солдат», девушка с красивым именем «Анджела», в которую влюбляется «Солдат», неприятный «Жених Анджелы», патрульный «Капитан». Полностью антивоенный пафос раскрывается благодаря появлению на сцене посланцев античного пантеона «Афины» и «Ареса», которые должны забрать «Солдата», любовь которого отвергает «Анджела». В пересказе это звучит не очень, на бумаге читается чуть хуже. Время от времени персонажи смешат и даже исполняют потешные куплеты. На свадьбе гости поют на мотив песни «Белым снегом...»:

Белым хреном, белым хреном,
Белым хреном поросенка поливай.
Поросенок с белым хреном
Очень даже имитирует рай!

Сам Владимов драматургическим опытом был доволен: «Мне всегда очень хотелось написать пьесу. Но как-то раньше у меня не получалось. А эта написалась легко. История про живые и мертвые души, от Гоголя в России никуда не денешься». Как видите, присутствует весьма лестная для драматурга автоссылка на недурного предшественника. Пьеса переделывалась несколько раз, прошли репетиции, но на сцене «Шестой солдат» так и не появился. Писатель посчитал это факт оскорбительным и отреагировал, используя профессиональные навыки:

«В 1972 году Г.Н. Владимов подал в суд на Политическое управление армии и флота, запретившее постановку пьесы. Он требовал выплаты неустойки. Владимов выиграл этот процесс, и ему была выплачена компенсация в размере 200 рублей, но, как он сказал, «дело было не в деньгах, а в безнаказанности, в которой они были уверены. Я не хотел доставить им это удовольствие».

Совсем скоро представился случай ещё раз показать, что учёба на юридическом факультете ЛГУ — вещь основательная. Через тещу Владимов приобрёл автомобиль. На тещу он был и записан. На адрес «компетентных органов», в том числе в Союзгосцирк, где работала теща, поступили анонимки. Писатель не стал отсиживаться, дожидаясь решения. Он пишет заявление сразу в народный контроль и Екатерине Фурцевой — союзному министру культуры. Владимову больно и горько:

«Поскольку дело касается моей семьи и поскольку приплетено и мое имя — ничем себя не опорочившего советского писателя, — я и обращаюсь к Вам с просьбой — вмешаться и урезонить не в меру ретивого контролера. Ни наши имена, ни наша работа, ни, наконец, совершенная нами операция, едва ли содержащая какой бы то ни было криминал, не дают повода для такого преследования и травли, для всей этой недостойной интриги».

Мы все знаем, что лучшая стратегия защиты — нападение. Понимал это и

Владимов. Его внимание фокусируется на председателе группы народного контроля Союзгосцирка Прожейко. Биограф говорит с явным одобрением о последующих шагах писателя:

«Расспросив цирковых артистов, Владимов многое узнал о глубокой аморальности Л.И. Прожейко, возбуждавшего все дело. О его безответственности и подлости, которая привела к смерти молодого артиста цирка во время гастролей в Румынии».

Если бы мы не читали книгу о человеке, изнемогавшем под гнётом рыцарства, то могло создаться впечатление, что речь идёт о банальном сплетнике. Собранные сведения требуют немедленных мер. Владимов пишет новое письмо. Он не мелочится. Получатели послания — Генеральный прокурор СССР, а также сам товарищ Брежнев. Речь в нём идёт о том самом Прожейко.

«По сути дела, он и есть — достойный объект народного контроля, профан, ежемесячно извлекающий из кармана государства 175 рублей, не принадлежащих ему по праву. Но весь фокус, что он сам себе контроль, к тому же — председатель группы, а недавно введен и в члены парткома, где будет вести работу по обмену партийных документов».

В итоге кровавый режим отступил. Следующий виток юридической активности писателя приходится уже на годы эмиграции. Владимов и его жена вступили в конфликт с руководством НТС, выпускавшим журнал «Грани». Владимов проработал в журнале на должности главного редактора два с половиной года. На должность ответственного секретаря он устроил свою жену. Наталья Кузнецова не изменила своей цирковой привязанности к яркому действию и публичным конфликтам. На этот раз орудием борьбы выступили не прыжки на шею оппонентам, а громкие скандалы с разборками и писанием «выяснительных» писем. Кузнецова считала, что статус Владимова защитит их от «посягательств»:

«В основе конфликтных действий и высказываний Наташи лежало наивное убеждение, что гражданская и писательская репутация Георгия Николаевича настолько высоки, что руко-

водство НТС не посмеет предпринять против него никаких шагов, и американцы им этого, в любом случае, не позволят».

Мнение жены разделял и сам писатель:

«Американцы создали послевоенный НТС, они им руководят: а тот, кто платит, заказывает музыку. Мне Максимов все хорошо объяснил, а он на этом деле собаку съел. Если американцы решат отдать “Грани” мне, так и будет».

Владимов даже обращался в ЦРУ с призывом навести порядок в рядах НТС. Но американцы оказались менее отзывчивыми по сравнению с Генеральным прокурором СССР и Л.И. Брежневым. Суд против НТС Владимов в итоге проиграл. На скандал радостно откликнулась эмиграция. Спешит на помощь коллеге Владимир Максимов. В журнале «Континент», в 148-м номере, сразу два материала отведены происшествию. Во-первых, коллективное письмо «Серые начинают и проигрывают». В нём с некоторой меланхолией говорится о нелёгкой судьбе художника в стиле известной реплики из «Чапаева»: «Белые пришли — грабуют. Красные пришли — тоже грабуют...»:

«Прекрасный русский писатель, опытный новомировский редактор, многолетний председатель Московской группы «Эмнести» дорого заплатил за свою «нелояльность» к советской системе и руководящей ею партии. К сожалению, и здесь, в свободном мире, он снова вынужден платить за «нелояльность» к антисоветской системе и руководящей ею партии».

Куда податься прекрасному писателю и опытному новомировскому редактору? Кстати, отсылка к «серым» в названии коллективного послания взята из письма Владимова в Союз писателей.

«Несите бремя серых, делайте, к чему пригодны и призваны, — давите, преследуйте, не пушайте. Но — без меня. Билет № 1471 возвращаю».

Показательно, что в переписке спустя годы Владимов с удовольствием повторяет: «Они скучные, серые люди». К теме серости мы ещё вернёмся. Там есть забавный поворот. Второй текст в «Континенте» принадлежит са-

мому Владимову. Он с негодованием пишет о нравах, царящих в НТС:

«Ее становой хребет, ее ствол, разросшийся по всем континентам ветвями и побегами, составляет семейный клан — Артемовы-Редлихи-Славинские-Бонафедо-Горачеки, — объединенный перекрестными супружествами, кумовствами, крещениями, шаферствами и всех степеней родствами».

Действительно, нет ничего отвратительнее семейственности и клановости. Владимов бросил вызов, отказавшись играть по предложенным правилам. Прилагая все усилия, он смещает ответственного секретаря, предложенного кланом. И добивается, чтобы эту должность заняла Наталья Кузнецова. Кумовству — бой!

Отголоски бумажных баталий долетели и до покинутого отечества. В «Литературной газете» в 1987 году вышли две статьи: «Отщепенцы начинают и проигрывают», «Ещё раз об играх отщепенцев». Автор, укрывшийся под псевдонимом Б. Иванов, не без злорадства рассказывает о скандальных эмигрантских разборках. Судя по тому, что «Б. Иванов» цитирует письма, изъятые у писателя ещё в Союзе, материалы журналисту предоставили «компетентные органы».

«Они мобилизовали «Литературную газету» на подмогу. В 1987 году там появились помойные статьи, где я был представлен склочником, клеветником и лжецом. Причем в одной из них цитировалось, что я говорил одной из сотрудниц НТС в частном разговоре о Максимове. Понимаете, мы с Максимовым всегда были близкими друзьями и соратниками. Но как о писателе я о нем не особенно высокого мнения. Максимов публиковал в «Континенте», что бы я ни написал. Вот они и решили нас поссорить, призвав на помощь «Литгазету» — давнишний рупор КГБ».

Придётся сказать и об этом. Хотя, честно, не слишком это приятно. В двух статьях, напечатанных в «ЛГ», обильно цитируются письма Владимова в период его эпистолярного романа с НТС. Первая часть очень похожа на переписку с онлайн-магазином. Владимов со вкусом заказывает одежду: от «джинсовых костюмчиков» до «шу-

бейки». Просит не волноваться, если размеры не подойдут:

«Тут у нас есть человек, который это быстренько и хорошо реализует, всё же в семью копейка...».

С «копейками», надо полагать, выходило недурно. После публикаций в «Континенте» в «Гранях» напечатали ответ, из которого следовало, что НТС отправил Владимовым вещевых посылок на 50 тысяч рублей.

Но будем справедливы, должно внимание в переписке отводиться и литературе. Но речь там идёт не о дотошном критическом разборе творчества Максимова:

«Теперь — кто такой Максимов. Вот что мне удалось узнать: он — Самсонов Лев Алексеевич, рождения не 32-го, а 28-го года, судившийся в Сокольническом суде г. Москвы за убийство и бежавший из мест заключения с переменной паспортом. Об этой перемене известно довольно многим, тем не менее, заполняя документы на выезд в ОВИРе, в графу о перемене фамилии он написал «не было».

Есть и объяснение такого внимания к Максиму. Владимов недоволен вниманием русской эмиграции к «близкому другу и соратнику»:

«Когда ставится в образец Максимов — это, не скрою, обескураживает. Ни его чисто уголовное мученичество, ни активное пребывание в стане Кочетова во время ожесточенных схваток меж «Новым миром» и «Октябрём», ни последующая эволюция на крайне левый фланг, ни скоропалительная аффектированная религиозность, ни, наконец, то, что он успел опубликовать в России, не сделали ему того имени и авторитета, какие Вы предполагаете. Вы спрашиваете: «Как не вступились за него?» — а я слышу здесь: «А кто такой этот Максимов?». Он не только лидером никогда не был, но и равным среди равных. Лидирует он и властвует (ужасно это любя) среди отменно серых, а то и среди подозрительных».

Проходится Владимов и по семье Максимова:

«Приглядитесь к его жене, дочке того самого [Полторацкого]. Не знаю как Вы, а я верю в теорию генов».

Тут всё сказано и всё понятно. Отмечу настойчивое, постоянное обращение писателя к серому цвету, которым он закрашивает практически всех. Предполагается, что на фоне всех этих почти пятидесяти оттенков серого фигура Георгия Николаевича блеснет и переливается куда более приятным цветом. Но со времён короля Артура рыцарство предполагало признание равенства обладателей общего для всех звания. К сожалению, биограф предпочитает не замечать явных противоречий своей установки с тем, что зримо мешает творить образ. И это препятствие называется действительностью. И снова в ход идут знакомые словесные формулы:

«Человек более гибкий и легкий, взвесив pro и contra, может быть, нашёл бы для себя приемлемый status quo и, продолжая работать и получая деньги, вести журнал. Но Владимов таким человеком не был. Цельность и страстность характера, привычка борьбы, выработанная с ранней юности и обострившаяся во время жизни в СССР, отрицание политических и личных компромиссов и очень высокие нравственные мерки и к себе, и к окружающим, которые сделали его символом мужественного противостояния тоталитарной системе, в эмиграции привели к яростному конфликту с НТС, обернувшегося для него жизненной драмой, так тяжело сказавшейся на его и его родных последующей жизни».

Подводя итог нашему разговору, отмечу, что я не ставил целью «развенчать» Владимова. У него, безусловно, есть своё особое место в русской литературе. Также вызывает уважение несомненная симпатия автора биографии к своему герою. Другое дело, что легенда не сложилась. Слишком прямолинейно и просто рассматривается о времени и людях, требующих иного языка и уровня осмысления. Мне представляется, что читателю было бы интереснее узнать о живом человеке с достоинствами и недостатками. Ведь об этом всегда рассказывает настоящая, большая литература, к творцам которой относился и Георгий Владимов.

Ася Володина

«Неблагодарное это дело решать, что останется в литературе, а что нет»

Беседу ведет Шевкет Кешфидинов

Один из по-настоящему ярких дебютов, случившийся в русской литературе за последние несколько лет, так говорят читатели и критики о романе «Протагонист». Его автор Анастасия Володина, по специальности преподаватель эстонского языка и зарубежной литературы, не сразу смогла найти дорогу к издателю. Как складывался литературный путь, чего стоит поддержка коллег-писателей и что думает Володина о прозе тридцатилетних, читайте в интервью.

Анастасия или все-таки Ася?

Ася Володина как вариант творческого псевдонима.

Как так вышло, что у вас почти одновременно, но в разных издательствах вышли две книги: «Часть картины» и «Протагонист»?

После выхода «Части картины» в финал «Лицея» (литературная премия для молодых авторов. — Ш.К.) я пыталась пристроить текст, но не слишком активно. Было ощущение, что раз роман не нашел издателя сам после премии, то он так и останется в виде книжки на издательском сервисе Ридеро. С «Протагонистом» все вышло проще — Алексей Портнов из Редакции Елены Шубиной обратил внимание на роман еще в первой редакции, так что после доработки он почти сразу был принят в издательство. «Часть картины» продолжала жить в правах самиздата, но время от времени мне прилетали отзывы на нее, которые и напоминали, что текст существует и, кажется, име-

ет право и на более счастливую судьбу. Так что, когда мобильный оператор МТС анонсировал запуск собственного издательского сервиса, я попыталась удачу — напоследок. Позже выяснилось, что Юлия Чегодайкина (редактор издательства МТС. — Ш.К.) в 2020-м уже получала рукопись в «Миф. Прозе», но не успела прочитать, а я не стала напоминать. Так что встреча случилась, но на это понадобилось еще два года.

Что далось труднее всего в работе над обоими романами?

В случае с «Частью картины» было очень много страхов, там главным стало преодоление писательских блоков, «разрешение» себе писать. «Протагонист» был сложным именно с технической точки зрения, когда каждый персонаж прописывался отдельно, и каждая новая глава не столько продолжала предыдущую, сколько становилась новой точкой входа в текст. Проработка каждой из девяти масок, поиск своего языка и образа мышления — все это требовало проживания каждой главы.

Насколько важны для «Протагониста» эпиграфы из древнегреческих пьес?

Эпиграфы отсылают к конкретному сюжету и персонажу цикла об Оресте — как правило, это реплика или самого персонажа, или обращенная к этому персонажу.

После прочтения «Протагониста» мне подумалось, что главный герой в романе — читатель.

Главный герой — тот, кого назначает читатель, пожалуй, так. И этот выбор очень многое говорит о самом читателе, становится некоторым зеркалом его предпочтений, поэтому меня несколько пугает, что многие выбирают на роль протагониста погибшего Никиту. Читатель может стать одним из героев книги, стать той самой десятой маской, которой тоже есть что вспомнить и рассказать.

Правомерны ли сравнения романа «Протагонист» с рассказом «В чаще» Рюносукэ Акутагавы?

Отчасти, но все же надо признать, что не Акутагава изобрел прием по-

лифонического рассказа — и даже не модернисты, которые вообще-то поглядывали на XVIII век с теми же эпистолярными романами. «В чаще» — важный текст, но это один из ряда текстов, построенных по принципу «он сказал/она сказала». Если говорить о влиянии, то в моем случае это скорее Фолкнер, которым я занималась в аспирантуре на кафедре истории зарубежной литературы (тема кандидатской диссертации «У. Фолкнер и традиция плантаторского романа». — *Ш.К.*).

На какую аудиторию рассчитаны ваши книги?

Я, пожалуй, не могу сказать, что книги «рассчитаны» на какого-то определенного читателя, — строго говоря, мой главный и первый читатель — это я сама. Я пишу то, что хотела бы читать сама, но при этом, конечно, рада, когда вижу, что книги находят отклик у самых разных читателей. Я бы сказала: от зумеров до бумеров.

Автор короткого отзыва на развороте «Протагониста» писательница Вера Богданова. Насколько вам важна поддержка и признание коллег?

На обложке два отзыва. Первый от писательницы Ольги Брейнингер, идейного вдохновителя литературного сообщества КЛКВМ, в котором проходило обсуждение самого первого черновика «Протагониста». Очень благодарна Оле за ее роль культуртрегера (с удивлением обнаружила, что именно в русском языке это понятие с чего-то вдруг приобрело негативный оттенок), за поддерживающую и при этом экспертную среду. На том самом первом обсуждении у меня было четыре оппонента — это больше, чем на любом очном писательском семинаре, плюс еще несколько сторонних мнений. Очень полезный опыт, когда ты одновременно можешь уловить общее настроение рецензий и обнаружить свои слепые места. Поэтому я точно знала, что на обложке должна появиться Ольга — как фея-крестная «Протагониста».

С Верой Богдановой мы заочно встретились в финале «Лицея» — я с «Частью картины», она со своим романом «Павел Чжан и прочие речные

твари». Уже на уровне рецензий попадались какие-то сравнения наших текстов и манеры письма — а личное знакомство подтвердило близость взглядов. Вера прочитала «Протагониста» за год до его издания и сразу сказала, что будет болеть за этот текст, — ее поддержка помогала все то время, что я не знала, как сложится судьба романа.

В целом поддержка коллег, профессионального сообщества для меня, конечно, важна. До конца 2019 года я сидела одна со своей рукописью, не понимая, как быть, — именно поддержка коллег по писательскому цеху, подбадривание со стороны редакторов дало силы не опускать руки.

В интервью для передачи «Открытая книга» на телеканале «Культура» вы сказали, что задумались о том, как могли представить Тольятти, город, где какое-то время жили, в своей прозе. Думали ли вы, как можно представить в своей прозе Феодосию, откуда вы родом и где прожили, если не ошибаюсь, восемь лет?

Касательно моих родных городов (именно так, во множественном числе) — я воспринимаю проживание в них как некоторое продолженное в настоящем действие, как такой present perfect. Я родилась в Феодосии и прожила там до школы, но после переезда в Тольятти я ездила и езжу туда каждое лето. В детстве я проводила там по три-четыре месяца, сейчас, конечно, счет идет скорее на недели. Что Феодосия, что Тольятти — города, которые я не покинула окончательно, поэтому представляю их себе довольно живо. Феодосии пока нет в моих текстах, но в «Части картины» героиня родом из восточного Крыма — как и я.

У меня есть некоторые задумки, как можно показать город, — скорее всего, для этого понадобится отойти от реализма, обратиться или к притчевости, или даже к фэнтезийности. Городу больше 2500 лет, он пережил столько цивилизаций, государств, что хочется сделать его героем текста, а не просто фоном.

Феодосия вашего детства и Феодосия настоящая сильно изменилась?

И да и нет. Понятно, что многое изменилось в плане благоустройства, появления новых мест и потери старых. Из обидного — обрушение башни Константина, части генуэзской крепости. Уже несколько лет она обнесена забором, работы то ли ведутся, то ли нет. При этом в том, что касается общего духа города, мне не кажется, что он изменился. Море все такое же чёрное, Айвазовский все такой же гений места. Экскурсоводы пересели с велосипедов на автомобили, герои шаржев на набережной изменились, состав туристов тоже, — но это скорее внешние перемены, а в целом от Крыма есть ощущение, что он несколько консервирует время.

На сайте журнала «Вопросы литературы» (2023, № 2) вышла статья «О целостном потенциале апокалипсиса». Ее автор пишет, что тексты писателей «поколения тридцатилетних вызывают даже не чувство, что видел где-то похожее. Нет, они вызывают чувство, что уже читал именно этот текст». Что вы думаете об этом?

Есть определенные поколенческие паттерны, которые, естественно, находят отражение в культуре — не только литературе, надо отметить. Не так давно для одного портала я делала обзор того, как наши 30–40-летние режиссеры работают с темой 90-х в кино и сериалах, — и там тоже есть определенная повторяемость, воспроизводимость образов или целых сцен, будь то вариации на тему Данилы Багрова или бесконечные разборки на рынках. Вопрос всегда не про «что», а «как» — иначе можно записать в один бесконечный текст и прозу потерянного поколения, когда у Ремарка и Олдингтона, например, почти дословно повторяется одна и та же сцена (герой с фронта попадает домой и слышит от сытых гражданских, как правильно нужно воевать).

Недавно я закончила читать антологию «Маруся отравилась: секс и

смерть в 1920-е», где проходные тексты соседствуют с прекрасными, — и да, есть Замятин, Платонов, Толстой, которые говорят о том, «где много страха, много и любви», и есть, например, Лев Гумилевский, который говорит вроде бы о том же, но при этом начисто выпадает из памяти спустя месяц. Строго говоря, неблагоприятное это дело решать, что останется в литературе, а что нет, в моменте. Время расставит все по своим местам — кажется, что «раньше было лучше» лишь от того, что от «раньше» нам только отфильтрованное лучшее и достается.

Вы, наверное, очень хорошо учились в школе?

Хотя я окончила школу с серебряной медалью, училась скорее средне: хорошистка, не отличница. Выбирала то, что мне интересно: литература, языки, история. В средней школе спокойно получала тройки за рисование, например, или химию — в этом плане на меня никакого давления со стороны мамы не было, она как-то принимала, что я сама разберусь со своими оценками.

Как сегодня семья относится к тому, чем вы занимаетесь?

Читают и поддерживают. Это большая опора для меня, конечно.

Вы производите впечатление очень серьезного, основательно-го человека. Вы часто смеетесь от души?

Я, наверное, из тех, кто улыбается чаще, чем смеется. Но, конечно, в хорошей компании, при хорошей шутке — смеюсь.

Мой традиционный вопрос для завершения беседы. Каким видите будущее ваших детей?

У меня их нет, и, если честно, в наши времена даже свое будущее предсказывать едва ли возможно. Есть немногое ощущение, как в шутке: «А 2023 год будет? — Не перескакивай — ещё не понятно, будет ли четверг».

ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛКА: ТОЛСТЯКИ НА УРАЛЕ

НЕСВЯТЫЕ СВЯТЫЕ 2.0.

Григорий Аросев, Евгений Кремчуков. Святые рыбы реки Вспять. Легендарий. — «Звезда», 2022, № 12.

Рецензию начну с отсылок к словарям. «Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» А.Н. Чудинова (1910) звучное слово «легендарий» толкует лаконично: «Собиратель легенд». Собственно, это единственное разъяснение подзаголовка, что находится в открытом доступе в Сети.

Еще в интернете встречается однокоренное слово «легендариум». Согласно справочнику «Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней» (Михельсон А.Д., 1865), так в английском языке называлась литературная коллекция легенд или сказок. Справочник сообщает, что слово пришло из латыни, где в средние века значило тексты легенд о жизни святых. Википедия уточняет, что с тех пор слово «legendary» превратилось из существительного в прилагательное. Единственный, кто «реанимировал» архаичную форму «legendarium» в современности, был Джон Рональд Руэл Толкин в сказаниях о происхождении Средиземья. Писатель не только обратился к изначальному смыслу понятия, но и ввел его в новый английский язык. После чего «legendarium» стали называть уж сами сочинения Толкина. Но Толкин, думаю, тут ни при чем.

Наукообразная преамбула нужна, чтобы объяснить жанровую принадлежность текста. «Святым рыбам...» наиболее подходит жанровая дефиниция «легендариума» в коренном значении — свода легенд о жизни святых. На что и заглавие прозрачно намекает и «святыми», и сакральным знаком рыбы. Более привычные жанровые определения не годятся. В тексте 12 глав (как апостолов?). В каждой главе возникает новая сюжетная линия и

новые действующие лица, в том числе реально существовавшие в прошлом. Но для романа повествование коротковато, а действующие лица в разных пейзажах и исторических эпохах ведут как будто бы все один и тот же разговор о Боге и его отношении к людям, то есть сюжетная линия прослеживается лишь одна. Да и «сюжетной» её, по гамбургскому счету, именовать сложно: событий в повествовании куда меньше, чем диалогов. Признать сочинение повестью не дает отсутствие типичных признаков: завязки, развития сюжета, кульминации и развязки. Составные части текста в основном — сценки без начала и исхода, словно бы выхваченные лучом прожектора из процесса, происходящего где-то вне поля зрения читателя. То есть легенды, несущие единый подтекст: толкование Священного писания разными людьми в разные эпохи. Означает ли «легендарий» собирателя легенд (может, в этом образе писатели отразили свой творческий союз?), или это модернизация «легендариума»? На этот вопрос ответить затруднительно. По моим ощущениям, речь все же о своде преданий: давно сформировавшихся, сакральных, но неподтвержденных. С ними возможно не эмоциональное, а лишь рациональное взаимодействие, на мой взгляд.

Аросеву и Кремчукову не впервой предлагать читателям роман-загадку. Говоря об их предыдущем романе, «Деление на ночь» («Урал», № 8, 2020), я придумала формулировку «роман-квест». Текст «Деления...» тоже был густо замешан на Священном писании. Прочитав себя: «В своеобразный квест выстраивается происходящее в романе, где преподаватель философии Борис Павлович Белкин... получает от старика Владимира Ефремовича Воловских просьбу, от которой... не может отказаться... все <действующие лица романа> так или иначе лгут добровольному «сыщику» — и становятся этапами квеста». Тот квест был дислоцирован географически, развивался в многочисленных путешествиях героев книги. Легендарий же развивается не столько в пространстве, сколько во времени. Его уместнее сравнить не с квестом, а с текстом ЕГЭ по истории:

угадай по описанию событие или героя. Далее в рецензии — то, что я угадала. Может, и неправильно.

Двенадцать глав уходят «вспять» от плюс-минус наших времен до средневековья. В первой легенде, «Нож в горло», журналист беседует с неким Эйгесом (не путать с известным предпринимателем!), урожденным Нейгаузом, чье имя, отчество и фамилию заставили поменять репрессивные механизмы России XX века. Во второй, «Бог и пишущая машинка», дело происходит в ГДР в год последнего пришествия кометы Галлея (1986), а также дается экскурс в хронике появления этого небесного тела в виду землян: «Тысяча девятьсот десятый. Прусский парламент отверг право голоса для женщин. Умерли Лев Толстой, Марк Твен и О. Генри. Тысяча восемьсот тридцать пятый. Открыт первый участок железной дороги в Германии. Умер Вильгельм Гумбольдт. Родился Марк Твен — вы же знаете, что его жизнь продлилась от кометы до кометы? Тысяча семьсот пятьдесят девятый. Умер композитор Гендель». Главка «День рождения» развивается в еврейской семье в год смерти Отца народов. Дальнейшие исторические вехи — начало «красного террора», изобретение эсперанто, Крымская война и конец жизни Николая Лобачевского, создание «Союза благоденствия», житие иконописца Алексея Антропова, одного из первых в России начавшего писать «светские» портреты, первые годы после смерти Петра Великого. Далее идет осуждение Казимира Лыщинского, польского религиозного философа, сожженного на костре за атеистические воззрения и трактат «О несуществовании бога» (это произошло 30 марта 1689 года, авторы показывают Казимира в ночь перед казнью). Завершает легендарий таинственное исчезновение из мира живых расстриженного Никоном и посланного в новгородский Хутынский монастырь коломенского епископа Павла, почитаемого староверами как первого мученика-старообрядца (1656 год). Смерть пастыря таинственна до сих пор, но слывет делом рук припешников Никона.

Географический расклад в «Святых рыбах реки Вспять» тоже есть. Собы-

тия, составившие фон и проблемное содержание одиннадцати глав, происходили на территории СССР, Российской империи, смежных государств (Речи Посполитой) или так называемого «соцлагеря». Может быть, речь идет не просто о святых, а о русских святых, о русском понимании Бога и святости, о торжестве истинной веры?.. Но в ряду «святых» много иноверцев (тот же изобретатель эсперанто Лейзер-Людвиг Заменгоф). А яркая глава «Двое на жакаранде» рисует Лиссабонское землетрясение 1 ноября 1755 года. Катаклизм произошел в День всех святых и не только причинил Португалии гигантские разрушения и демографическую катастрофу, но и заронил в души прежде благочестивых католиков неизбежный вопрос о «жестокости Бога» и взволновал мыслителей той эпохи, включая Иммануила Канта. Открыватель шести доказательств Бытия Божия откликнулся на катастрофу не религиозным, а научным трактатом о первопричинах землетрясения (видел таковыми обрушения огромных подземных пустот). Таким образом, Кант стал одним из основателей сейсмологии, которая и зародилась в результате португальской трагедии. Но эта же глава говорит, что жители разных территорий земного шара в моменты потрясений одинаково взывают к Богу — и готовы отвергнуть Его за причиненные им бедствия.

Порой установить «прототипы» персонажей легendarия удается. Порой же убедительные совпадения с реальностью не устанавливаются, что заставляет задуматься: а нужно ли это вообще для понимания месседжа писателей?.. Имеют ли герои художественное либо идейное значение?.. Попытавшись посмотреть шире, приходим к выводу, что важна скорее не конкретика, а общая мысль. В книге действует весь род людской, спорящий с Господом, который выступает как его антагонист. Ведь именно Бог посылает людям серьезные испытания — а тем остается лишь рассуждать о причинах его глобального замысла (либо отрицать оный) и о собственном поведении в условиях «проверок на прочность». Значимые исторические деятели фигурируют в тексте, видимо, потому, что обывате-

ли привыкли на них смотреть как на обладателей некоего тайного знания или особых добродетелей. Или же потому, что легенды, в том числе церковные, всегда связаны с персонами нерядовыми. Но в чем же святость в этом легендарии?

Святыми в глазах авторов оказываются как раз не те, кто слепо соблюдает религиозные постулаты. А те, для кого Бог есть любовь. Такая мысль проведена в приключениях собеседника Павла Коломенского Матвейки — возможно, подразумевался иконописец Матвей Авдеев, а возможно, просто собирательный образ человека, спасенного промыслом Божиим и пережившего потрясение-откровение: «Очнувшись и поднимая голову, Матвейка встречает глазами очи разглядывающего его сверху. Отеческой, и сыновней, и братской любовью полон неотвдимый, немигающий взгляд. От резкости этого видения на глаза наворачиваются слезы». Поэтому я позволила себе обыграть в заглавии рецензии название известной книги о Тихона Шевкунова 2011 года. Та была тоже собранием рассказов — об обычных людях, деятелях церкви и мирянах, стремящихся к Богу и поэтому обладающих святостью. Формально между произведениями Шевкунова и наших соавторов есть перекличка. Идейно же последние скорее идут от противоположного. Итог, однако, один: в фокусе повествования несвятые святые.

Наконец, об изложении. Авторы легендария используют некоторые ходы для расцветивания текста. Например, сквозной образ рыбы, от живой до фаршированной. Главки «отражаются» друг в друге, и взаимосвязь проявляется тоже «вспясть», от последней к первой. В главе «Атеист и Варфоломей» (о Казимире) говорится: «Они сами низвергают своего Бога, они гасят свет разума, пытаясь все представить следствием одной только веры. Каким бы искренним и благочестивым ни был архиепископ, если на него нахлынет огромная волна, он утонет», — а в истории «Двое на жакаранде», стоящей через одну к началу, едва не тонет лиссабонский архиепископ, низвергнутый толчком земной тверди прямо во время проповеди.

Авторский слог в повествованиях о разных эпохах различается, имитируя язык описываемого времени, причем достаточно бережно и убедительно. И при всем этом книга не дает читателю возможности сопереживания героям, важнейшего признака вчувствования в происходящее. Нельзя даже «встроиться» в их диалоги о Боге и миропорядке (хотя, может быть, на то авторы и надеялись). Диалоги содержательны и умны, но умозрительны для стороннего наблюдателя. Сложность в разгадывании собеседников вносит свою лепту. Полагаю, камень преткновения — именно в форме легендария. Как уже говорилось выше, легенды вневременны и статичны, их можно только принимать на веру — но вряд ли сочувствовать. В общем, в новой книге соавторов философия доминирует над художественностью. Если это был эксперимент, надеюсь, писатели на нем не остановятся.

Елена САФРОНОВА

«И ОЛЬХА МЕНЯ ЗДЕСЬ РЕЖЕТ...»

Катерина Кожевина. Матти едет умирать. — «Знамя», 2023, № 3.

Матти Коскинен возвращается домой. Впрочем, от дома мало что осталось — одна банька, где он родился, да дом, в котором живут чужие люди. Матти, однако, это не волнует. Его радует сам факт, что он встретился со своим потерянным детством. Что вернулся на покинутую землю. Что круг замкнулся. Что он приехал умирать.

«Матти запомнил каждый километр дороги, каждый гранитный столбик, каждую надломанную ветку, которую приходилось убирать из-под колес. Семья Матти добралась до железнодорожной станции через четыре дня. Их ждал поезд, чтобы отвезти в глубь Финляндии. Уже на перроне бабушка сказала, что вернется назад. И если ей суждено сгореть вместе с хутором, она сгорит. Бог не простит ей, что она покинула могилу мужа. И сама она себе этого не простит. Тогда отец взял ее за руки и сказал:

— Мама, мы уже возвращались домой. Бог нас не оставит. Вернемся и на этот раз.

Но увидеть хутор снова довелось только Матти».

Небольшая повесть молодой писательницы Катерины Кожевиной, победителя литературной премии «Лицей» в номинации «проза» за 2021 год, вопреки своему тревожному названию, отличается большой сдержанностью. Пожалуй, это главное слово, способное её описать, — несмотря на то что повесть построена на действиях и поступках. Автор подробно описывает, что, как и в какой последовательности совершил персонаж, что создаёт очень важный для привлечения и сохранения читательского внимания кинематографический эффект: не нужно представлять, что делают герои, автор уже за него всё рассказал.

Однако, несмотря на профессиональность автора, язык остаётся достаточно скучным, пресным, слишком «правильным». Речь здесь идёт не об аналитичности текста и подробности описаний действий и поступков персонажей (это как раз главные достоинства повести Катерины Кожевиной), а об отсутствии каких-то необычных, именно авторских стилистических находок. Порой кажется, что это вы(м) ученная проза, написанная не столько для того, чтобы рассказать читателю свою историю, сколько для того, чтобы соблюсти ряд критериев и соответствовать стандарту «премиального», успешного текста. Успешного, но не искреннего. Хотя автор желает быть искренним. Герои повести «Матти едет умирать» испытывают сильные эмоции: Матти возвращается в места, где вырос, хотя и времена другие, и границы, и сам герой множество раз поменялся, — всё это, по задумке автора, должно вызывать в нём очень сильные эмоции. Справедливость этого суждения подтверждает использование Катериной Кожевиной отрывка из «Калевалы»:

И, пока я жив, страдаю,
Что я родину оставил,
Из знакомых мне пределов
Прохожу в чужие двери,
В незнакомые ворота,

Тяжела мне здесь береза,
И ольха меня здесь режет,
Здесь деревья точно ранят,
Ветка каждая дерется.

Тем не менее стремления автора и его возможности далеко не всегда соответствуют друг другу: используемые языковые средства достаточно скромны и порой даже несколько излишни (например, «шалые императрицы» по отношению к танцующим на дискотеке девушкам). С другой стороны, иногда находятся и очень хорошие фразы и сравнения, которые хочется запомнить. Например: «Кожа на тыльной стороне его ладоней напоминала озеро, подёрнутое ветром». Удаются Катерине Кожевиной и хорошие, запоминающиеся реплики — например, участкового, который говорит главной героине повести: «Я бы пригласил вас в отделение, но у нас красят». Одна ёмкая, правильно построенная фраза персонажа позволяет читателю обратить внимание на такой простой, но не всегда очевидный факт: привычные нам объекты социальной инфраструктуры — будь то больницы, отделения полиции или кладбища — так же тесно связаны с жизнью, как и твоя собственная судьба, быт, рутина и счастье. Такие мысли помогают лучше понять, что нас окружают в первую очередь люди, а не исполняемые ими функции.

Более того, слова участкового невольно оказываются связаны с центральным образом «Матти едет умирать» — красной краской, которой, согласно древнему финскому поверью, надо красить стены и крышу. Так ты всегда найдёшь свой дом. Собственно, история Матти Коскинена и подтверждает справедливость древних ритуалов: он возвращается в свой дом и запускает цепочку событий, в результате которой стены и крыша его дома вновь оказываются окрашены в красный цвет.

Центральный конфликт повести «Матти едет умирать» основан на дихотомии «прошлое — будущее». Прошлое здесь олицетворяет Матти Коскинен, чувствующий приближение смерти и решивший провести остаток своих дней в родных местах. Со смертью он столкнулся ещё мальчишкой, случайно обнаружив в лесу

труп финского солдата, а теперь и сам вернулся в тот лес, чтобы обрести покой. Матти чувствует себя осознанно и уверенно — он знает, что делать, с самого первого предложения повести. Будущее же в повести находится в руках Полины, одинокой женщины, приехавшей в дом, когда-то принадлежавший семье Матти, чтобы его продать. Она молода, но одинока, как и Матти. Жизнь её режет, будто ольха, и, в отличие от Матти, Полина не чувствует уверенности. Ведь смерть понятна и очевидна; завтрашний день туманен и непредсказуем. За нехитрым сюжетом повести про двух одиночек, которых вместе свела одна земля и которые помогли друг другу, каждый по-своему, таится фундаментальная проблема — как не разорваться между прошлым, затягивающим в свой тёплый омут пережитого, и нечётким, непонятным будущим, способным в любую минуту преподнести неприятный сюрприз. И к осознанию этой проблемы приводят не авторские рассуждения или откровения, а простое описание действий персонажей.

«Матти снял с себя всю одежду и спрятал ее под камень. Ему удавалось неплохо договариваться с болезнью этот месяц. Но время пришло. Он лег на землю и укрылся сосновыми ветками. Иголки нежно покалывали кожу. Матти был счастлив. Он прожил эту жизнь так, как хотел. И умирает так, как хочет, без трубок и белых больничных простыней. Дома. Только бы его не нашли, пока смерть не протянет руку. Только бы его не нашли. Только бы не. Только».

Собственно, что есть смерть — когда герой осознаёт её присутствие и встречает её уверенно и счастливо, или когда героиня не знает цели в своей жизни и потому медленно, день за днём угасает? Ответ на него кроется в финальной строчке повести — Полина, простившись с Матти, покупает красную краску и решает остаться в том доме, где теперь чувствует себя как дома. Так и решается конфликт между прошлым и будущим — конфликт, с которым сталкивается душа каждого из нас.

Александр РЯЗАНЦЕВ

МАТРЕШКА С ЧУДЕСАМИ

Лев Прыгунов. Чудеса. — «Звезда», 2023, № 4.

Слово «чудо» и его производные можно встретить в автобиографическом романе Льва Прыгунова больше сотни раз. Знаменитый актёр и сам удивляется постоянному везению. Настоящий счастливчик, чудеса в жизни которого стали происходить с самого рождения. Свои мемуары автор как раз и начинает с того, что его мама всерьёз подумывала сделать аборт. Однако в итоге приняла иное решение. Себя же Прыгунов помнит с двухлетнего возраста. Его детство — букет невероятных историй. Одна поразительнее другой. Маленький Лёва многожды оказывался на грани гибели. То учинённый им пожар, то падение с высоты, то безумная температура — аж 41,2 градуса... И каждый раз непоправимое обходило стороной.

Время и место, естественно, значимы. Великая Отечественная и нищие послевоенные годы. Точка на карте — столица Казахской ССР. «В самом конце войны у нас в Алма-Ате участились землетрясения, а мой отец, зная, что мы живём в сейсмически опасном районе, перед уходом на фронт купил большой дубовый стол на толстенных ногах специально для того, чтобы мы, когда будут начинаться землетрясения, все втроем под него залезали. Если бы потолок нашего домика обрушился, с нами ничего бы не случилось...» Природные катаклизмы дом Прыгуновых не задели, зато случались чудовищные ограбления: пользуясь отсутствием главы семьи, к ним несколько раз забирались воры. Кстати, слово «чудовищный», как и «чудо», в романе тоже весьма частотно. Лев Прыгунов выглядит абсолютным везунчиком, тем не менее говорит он и о «чудесах с минусом» — пограничных случаях, способных в душах оптимистов и пессимистов вызвать разные реакции. К примеру, однажды угодив в больницу, актёр очутился на той самой койке, на которой незадолго до того умер другой молодой артист — «майор Вихрь» Вадим Бероев. 1979 год — новое чудесное-чудовищное совпадение: гастроли

с творческими вечерами по Белоруссии, Гомель, гостиничный номер... Тот самый, где в 1978-м после гастролей с творческими вечерами ушёл из жизни ещё один молодой кинокумир — Владислав Дворжецкий. Рядом — жуткое воспоминание о похоронах любимца публики: «когда могильщики опустили гроб с его телом в могилу, она оказалась чуть короче гроба — Влад был высокого роста. Гробовщики сначала пытались лопатами подрубить край могилы, но им это надоело, и они „по-простецки“ прыгнули на крышку гроба прямо над головой несчастного Дворжецкого и стали прыжками утрамбовывать гроб, чтобы он „влез“ в могилу. Мы в ужасе заорали и готовы были чуть не разорвать их, а они ещё недоумевали, что они такого сделали».

Кто же виноват в бедах и раннем уходе талантливых актёров? Лев Прыгунов на страницах романа неоднократно высказывает весомые претензии в адрес советской системы. Успешный актёр на протяжении десяти с лишним лет не мог «наскрести денег, чтобы купить хоть какую-нибудь кооперативную квартиру». Да что там квартира — на съёмках к артистам нередко относились «как к сброду, как к крепостным!» Так, в ставшую для Вадима Бероева последней больничную палату Прыгунов попал после длительной работы в зимней Ялте, где был вынужден во время десятиградусных морозов на камеру изображать жару. А в процессе совместных съёмок с итальянцами на собственной шкуре убедился, что люди, по мнению тогдашних кинобоссов, делятся на два сорта. «В это безумие сейчас трудно поверить, но, увы, всё было именно так. Я долго не мог понять — почему хвастливый и тщеславный Советский Союз, ТАК заботящийся, как сейчас говорят, о своем image'е, с таким наплевательством относился к полному бесправию советских актёров по сравнению с иностранными!»

Негативного отношения к СССР Лев Прыгунов никогда не скрывал. И за это его нередко очень жёстко критиковали. Однако таким критикам стоило бы разобраться в первопричинах подобных взглядов актёра. Ведь началось всё далеко не с работы в кино. В «Чудесах» автор делится с читателями

историей, как в детстве впервые сумел «поймать» с помощью приёмника западную радиоволну и услышать «про все расстрелы, пытки, лагеря и т. д. и т. п.», но, что важнее: «У меня хватило ума ни с кем это не обсуждать — здесь, возможно, проявились гены моего дедушки-священника, которого замучили пьяные чекисты в 1919 году в селе Красногорское Тобольской губернии, а также всех моих родственников, которые сбежали от преследований большевиков сначала в Ташкент, а потом в Алма-Ату». Намекнёт Прыгунов и на то, что смерть его отца, возможно, была совсем не случайной: «В 1949 году в июле он погиб в горах при загадочных обстоятельствах — ни одного свидетеля! Правда, он был убежденным генетиком и никогда этого не скрывал, а в августе 1948 года в СССР началась большая чистка в советской биологической науке — с посадками и расстрелами. Гонение на генетиков! Оно готовилось, как мы поняли на своей шкуре, всего-то полтора года назад». А вот о трагической судьбе первой жены подробностей в романе не будет — всё-таки автор предпочитает вспоминать по большей части хорошее. Себя он и вовсе назовёт счастливым человеком. «Даже в самые тяжелые и грустные, в самые омерзительные моменты (которые, кстати, вспоминаются как некие досадные природные явления вроде грязекаменного потока) — всё то же ощущение восторга и весёлой силы!» И если разобраться, Прыгунова даже можно назвать патриотом. «Но сколько у нас удивительных, скромных, честных и порядочных людей, которые ВОПРЕКИ властям, судам, ментам и гэбистам спокойно и честно делают свое дело и которые стесняются выпячивать себя, чтобы только не вставать в один ряд с проходимцами! И в конце концов мне стало очень нравиться жить у себя в моей России! Видит Бог, только благодаря советским гадостям, лицемерию, судебной подлости и, самое главное, бесконечной бездарной пропаганде и самой примитивной, очевидной лжи я почувствовал себя СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ!»

Честных и порядочных людей в жизни Прыгунова было немало. И каждого он вспоминает с большой нежностью.

Алмаатинское детство — дружба с Александром Каковкиным, который станет известным искусствоведам. Учёба в Ленинградском театральном институте — общение с мастером Татьяной Сойниковой, заявившей, что из театральных деятелей той поры к настоящему искусству имеет отношение лишь Анатолий Эфрос. Эфрос возьмёт Прыгунова к себе в театр. «Виноват» же в этом будет Олег Табаков. А дальше — знакомство с Сергеем Чудаковым, о котором Прыгунов напишет книгу, поэты и живописцы Москвы и Ленинграда, Иосиф Бродский... Встретятся в романе и не столь громкие имена. Но чего стоит хотя бы байка о том, как автор когда-то помог показать эффектный фокус с золотыми червонцами художнику Владимиру Безелюку! Бывали и чудеса внутри чудес. Рассказывая о том, каким чудом его пригласили сняться в ленте «Они шли на Восток», Лев Прыгунов вспоминает, чем всё закончилось: «В этом

же фильме в „зимней“ серии снималась удивительная Татьяна Самойлова в небольшой трагической роли, и на премьере фильма она подошла ко мне и попросила меня дать ей автограф! А всего каких-нибудь шесть лет назад я сидел в убогом кинотеатре „Родина“ и обливался слезами, глядя на гениальную Самойлову, как обливался слезами в 1955 году, глядя на Сильвану Пампанини — самую прекрасную женщину в мире — в фильме Джузеппе Де Сантиса „Утраченные грезы“! Ну разве это не чудеса?!»

Автобиографический роман Льва Прыгунова — такая вот матрёшка, состоящая из маленьких радостей. Открываешь очередную, а внутри — ещё один счастливый случай. И на душе становится тепло. Главное — чтобы и в самой маленькой матрёшке тоже что-то было...

Станислав СЕКРЕТОВ

ОТСУТСТВИЕ НЕНАВИСТИ

Абдулразак Гурна. Посмертие. / Пер. с англ. Ю. Полищук. М.: Строки, 2022.

В 2021 году Нобелевский комитет присудил премию писателю из Танзании Абдулразаку Гурне за исследование темы колониализма. Нобелевскую премию не всегда присуждают за актуальные произведения, что, впрочем, можно отнести к ее достоинствам. Многие страны Африки обрели независимость более полувека назад, и выросло уже два поколения африканцев, которые не видели европейцев в военной форме на своей земле. Однако есть темы, которые не отпускают современных писателей даже десятилетия спустя. В России это Великая Отечественная война, в Китае «Культурная революция», а в Африке колониализм. Роман «Посмертие» (2020) уже пожилого Гурны не мог быть написан иначе, чем от лица жертвы, учитывая, что главные герои африканцы, а действие происходит в Восточной Африке в первой половине 20-го века. Но Гурна не похож на оголтелого обличителя вроде деятелей Black Lives Matter в США, которые требуют от потомков колонизаторов публичного покаяния. Он признает, что происходившее в Африке было чудовищно, но колонизаторы им не демонизируются. Гурна даже дает им донести свою точку зрения и указывает на кое-какие улучшения в социальной жизни после их прихода. Дикость в «Посмертии» не имеет национальности. Жестокости европейцы, но и африканцы ничуть не лучше. Роман Гурны скорее написан о том, как попытаться устроить жизнь, когда от тебя почти ничего не зависит. Мы не видим, чтобы люди, не участвующие в боевых действиях, ненавидели колонизаторов или проклинали судьбу. Это куда больше мир обычных сплетен и быта, чем среда, которую может за-

жечь искра бунта. Иными словами, герои этого романа учатся жить дальше, а вовсе не ищут возможности отомстить.

Повествование начинается на рубеже 19-го и 20-го веков, и мы знакомимся с первым героем по имени Халифа. Отец Халифы родился в индийском Гуджарате и после окончания школы перебрался в Африку. Юный Халифа вместе с родителями жил у землевладельца, на которого работал его отец. Крестьяне, которые трудились здесь, были нищими. Чтобы как-то прокормиться, они были вынуждены обрабатывать не только землю хозяина за грошовую плату, но и собственные наделы, чтобы получить урожай для себя. К счастью, Халифа смог выучиться читать и писать. Он начал свой трудовой путь у братьев-банкиров, тоже гуджаратцев, а потом свел знакомство с купцом Амуром Бишарой и стал работать на него.

Восточная Африка была поделена между европейскими державами. Танзанией владела Германия, поэтому Халифа был нужен купцу, чтобы читать постановления германских властей, вводящих новые правила торговли. Работая здесь, Халифа в целом был доволен жизнью, хотя и понимал, что до серьезных дел его не допускают. Он любил узнавать и разносить сплетни, но его нанимателю это даже нравилось — всегда лучше быть в курсе того, что говорят вокруг. Чуть позже Халифа женился на племяннице купца Аше Фуади. Он был рад свадьбе, хотя ни до нее, ни во время нее жену даже не видел.

Вторая сюжетная линия связана с молодым человеком по имени Ильяс. Эта история значительно усложняет оптику колониальных отношений в романе Гурны. Ильяс в юном возрасте сбежал из дома и в итоге оказался на германской плантации. Немцы, и офицеры, и гражданские, по-доброму отнеслись к африканскому мальчику, обучили его и дали работу. С тех пор Ильяс сохранил уважение к немцам, и в некотором смысле это было даже преклонение. Ильяса позже с рекомендательным письмом направили на службу к купцу Бишаре, и так Ильяс познакомился с Халифой. Ильяс очень долго не был дома и поэтому решил вернуться в родную деревню, где узнал, что родители умерли, а у него осталась сестра Афия, живущая в приемной семье. Он взял Афию с собой в город, но это воссоеди-

нение длилось недолго. По-видимому, охваченный жадной служения, Ильяс решил записаться в германскую армию наемников, называемых «аскари». Поэтому он покинул работу, Халифу и сестру и отправился служить. Афию вернули в старую семью, где приемный отец, узнав, что брат научил ее писать, сломал ей руку. По его мнению, девочке это ни к чему, разве что переписываться со сводниками. Кончилась эта история тем, что девочка Афия стала жить у Халифы как родная дочь, потому что собственных детей у него и Аши не было.

Наконец третья линия связана с еще одним молодым человеком по имени Хамза. Родители его фактически продали за долги, и он должен был работать в лавке. В конце концов он оттуда сбежал и записался в армию тех же аскари. Глазами Хамзы мы увидим, какие были взаимоотношения между немцами и солдатами-африканцами. В разгар боевых действий, когда на излете Первой мировой войны немцы будут сдавать позиции британцам в Танзании, по подозрению в подстрекательстве к дезертирству Хамза получит удар саблей от немца. Затем он будет восстанавливаться в миссии, в семье пастора, и в итоге вернется домой, где судьба сведет его с Афией. Они родят сына и назовут его Ильясом, и вот тут возникнет странная связь между племянником и дядей с одинаковыми именами. Можно ли вообще что-нибудь узнать о восторгавшемся немцами дяде Ильясе, о котором годами нет вестей?

Суть происшедших в Африке событий невозможно скрыть. Это империалистическая война европейских держав за колонии, а также война колонистов против местного населения. Например, в 1889 году путем блокады побережья англо-германскими войсками было подавлено так называемое восстание Бушири. Оно было вызвано недовольством арабов и суахили тем, что Восточная Африка была поделена между европейскими державами без участия африканцев. Через некоторое время германским отрядам пришлось подавлять еще сопротивление народа вахехе на юге. Еще позже случилось трехлетнее восстание Маджи-Маджи, для подавления которого германцы применяли не только армию наемников-аскари, но и тактику выжженной

земли, намеренно обрекая непокорные деревни на смерть от голода. Но сопротивление местных жителей все-таки кое-чему научило германцев. Они поняли, что одной агрессией многого не добьешься. Поэтому они начали открывать школы и лечебницы, и уже не только для себя, как раньше, но и для африканцев. Именно это и увидел брат Афии Ильяс. Он увидел у немцев только доброту и умение навести порядок. Поэтому, когда во время Первой мировой войны начались столкновения в Танзании, он был убежден, что немцы без труда одолеют англичан. Его собеседники придерживались иного мнения, помня о подавлении мятежей и видя в немцах жестокость. По мнению Ильяса, если немцы и вели себя жестоко, то только в ответ на еще большую жестокость африканцев. Иными способами нельзя было подчинить дикарей.

В ноябре 1914 года британские корабли прибыли в Танге, портовый город в Танзании. Начались боевые действия. Но десант закончился неудачей для британцев. Чтобы отомстить за поражение, они подвергли побережье блокаде. Морская торговля прекратилась. Последствия этого коснулись и сына купца Амура Бишары по имени Нассор, который заменил отца во главе предприятия. Купец подумывал переключиться на продажу пиломатериалов, предчувствуя спрос на них, но тут еще возникла возможность заняться контрабандой. Из-за риска купец побавился влезать в это, и Халифа в обход него договорился с капитаном, который предложил этот бизнес, и потом купец, увидев, что схема работает, согласился. А в Танге британские войска войдут лишь в июле 1916 года, и уже без единого выстрела.

Гурна немного пишет о боевых действиях, и, каково Ильясу было в армии, мы не узнаем. С другой стороны, у нас есть свидетельства Хамзы, который позже станет мужем Афии. До начала войны Хамза вместе с другими наемниками-аскари обучался в лагере. Среди инструкторов были не только немцы, но и африканцы. Вот что говорит один такой инструктор-нубиец: «Я сражался на севере, на юге, на западе, на востоке, за англичан, за хедива (титул вице-султана Египта в период зависимости Египта от Османской империи. — С. С.), теперь вот за кайзера». Как к этому от-

носиться? Как к словам подлинного во-яки или как к признанию беспринципного человека, которому все равно, за кого воевать? Что касается немцев, то они прямо объясняют новобранцам: вы должны выучить математику и стать цивилизованными. Собственно, в этом и состоит миссия немцев. Впрочем, они сомневаются, что африканцы способны освоить математику. По их мнению, на это их ум не способен. Однако немцы вовсе не бездушные вояки, они способны делать наблюдения. Офицер-немец выделил Хамзу и приблизил к себе, начав обучать немецкому языку. Разумеется, это то, что сегодня назвали бы проявлением «мягкой силы». Офицеру нужны беспрекословно подчиняющиеся солдаты, способные на жестокость, и добиться этого он готов, даже читая с африканцами Шиллера. Править должна Германия, потому что она сильнее и колонии принадлежат ей по праву. Хамзе он говорит: «Ты мечтатель, и ты потерял свое место в мире». Может, таким мечтателям как раз и нужна сильная Германия, которая направит их по правильному пути?

За отрядами наемников-аскари следовали жены и подруги солдат. Германское руководство вынуждено было пойти на эту уступку, иначе последовали бы массовые бунты. Впрочем, в этом был смысл. Наемники должны были сами себя обеспечивать, поэтому женщины приносили пользу — они добывали пропитание, торговали и узнавали информацию. Для Гурны путь наемников был совершенно бесмыслен и бесславен, о чем он пишет так: «Армия опустошала деревни и города, люди голодали и умирали сотнями тысяч, аскари же рвались вперед в губительном ослеплении, боролись за дело, первопричины которого были им неизвестны, честолюбивые замыслы которого были пусты и в конечном счете служили лишь их порабощению». Аскари упиваются тем, что вызывают страх. Когда в германской миссии служители заявляют, что боятся местных головорезов-людоедов, которых называют «руга-руга», солдаты аскари отвечают: бояться следует нас, мы злые, бессердечные ублюдки. Аскари оставались верными немцам, несмотря на то что им не платили. Они рассуждали так: гораздо безопаснее

оставаться в строю, чем дезертировать на враждебной территории. Проблемы образовались только из-за угрозы чести. После массового дезертирства носильщиков перед немцами возникла дилемма: либо пойти сдаться англичанам, либо обязать аскари нести грузы. Но для аскари это было бы ударом по честолюбию, которое у них тоже было, как и у европейцев. В результате этого унижительного эпизода аскари решили дезертировать. Именно тогда Хамза и получил удар саблей по бедру — его обвинили в том, что он подстрекал их к побегу. Лишь когда Германия была близка к поражению, офицер, благоволивший Хамзе, признал, что его страна всем лжет и ведет бессмысленную войну. По итогам Первой мировой войны Германия уступила Британии свои колонии в Восточной Африке.

Абдулразак Гурна написал роман о том, как постепенно сам ритм жизни как будто приносит оптимизм тем, кто пострадал от колонизаторов. Тот же Хамза после войны ощущал себя человеком, лишившимся памяти, и часто видел бесперспективность любых попыток что-либо сделать. А во время войны бесправие перед немцами буквально сокрушало его волю. Тем не менее он женился, родил сына и понемногу как будто вернулся к привычному образу жизни. Необычность «Посмертия» состоит в том, что автор избегает ожидаемых акцентов. Здесь нет ненависти, желания мести и расплаты, нет требования компенсации от европейцев. Гурна не отрицает историю, и она вызывает реальную боль, но его герои готовы найти источник силы в самом факте того, что они продолжают жить. Иными словами, в них остается внутренняя свобода, и они способны получать удовольствие от жизни. В конце концов, когда Хамзу хотят пожалеть, узнав, что родители продали его лавочнику, тот невозмутимо отвечает: «даже раб не принадлежит хозяину душой и телом». Более того, Хамза сохраняет веру в искренность и откровенность, что располагает к нему других людей. Именно об этом роман Гурны — о том, что война колонистов не способна уничтожить открытость и доброту.

Сергей СИРОТИН

ШЕСТЬ МУШКЕТЕРОВ, Д'АРТАНЬЯН И МАЛАЧИ

Три мушкетера, Великобритания, 2023.

Три мушкетера: д'Артаньян, Франция, 2023.

Прежде всего отмечу, что «Три мушкетера», наверное, самый экранизированный роман в мировой литературе. Более 150 экранизаций! Как появилось немое кино, так и начали экранизировать все кому не лень. Даже Макс Линдер и тот отметил. Если бы я все это пересмотрел, наверное, только в будущем году до этого «Фонаря» добрался бы. Но я посмотрел 10 или 15 фильмов, а когда понял, что у меня в голове настоящая каша из д'Артаньянов и Миледей, просмотр прекратил. И вас мучить всеми названиями и датами не буду, приведу чуть погодя несколько самых оригинальных или забавных эпизодов, и все. А теперь пора вернуться к нашим баранам.

Конечно, следовало бы начать с Франции, как-никак родина Дюма и д'Артаньяна, но я решил сперва прикончить британскую клюкву, а потом уж поговорить чуть более серьезно о французской экранизации. Потому что экранизация тут одна, хотя тоже слегка кривобокая, но все же местами близко к тексту, а британцы только одному у нас, русских, и научились: ваньку валять. И так крепко навалили с непривычки, что многие комментаторы руками разводят и спрашивают: зачем?

А низачем! — ответу я им. Просто режиссеру и сценаристу, а то и обоим сразу осточертела пресловутая толерантность и они решили сварганить что-нибудь этакое... такое... ну, чтобы у зрителей и критиков глаза на лоб полезли... Поначалу хотели Миледи трансгендером сделать, чтобы он(а) крутил(а) любовь одновременно

с Атосом и королевой Франции, но начальство сказало, что это уж как-то чересчур, и тогда решили просто и дерзко: а пусть у нас д'Артаньян будет чернокожий! И он стал...

Но вернемся к Малачи-д'Артаньяну. Мало того, что он черный, так он еще и дурак-дураком (я про героя, не про актера, конечно). Драться на шпагах вообще не умеет, и при этом в каждой бочке затычка. Зачем-то стал спасать от Рошфора Миледи, которая ехала себе с приятелем по общим преступным делам. В результате Рошфор просто отнял у него шпагу, а самого толкнул в поилку для лошадей. Уже в Париже он поругался с Атосом, защищая *от него* мушкетеров, Портоса и Арамиса обвинил в мошенничестве (это тоже, кстати, было в одном из фильмов: там все трое мошенничали в карты, а д'Артаньян пригрозил их разоблачить), а когда пришли гвардейцы кардинала, бросился на них в одиночку с воплем «Все за одного!». После этого старичкам-мушкетерам тоже пришлось вступить в битву. Ну и поубивали штук двадцать гвардейцев, в основном кулаками (Портос), табуретками, пыльными мешками, бутылками (Атос) и даже библией (Арамис). А старину Жюссака приспособили топором за рукав плаща к дверному косяку и, пользуясь моментом, срезали у него кошелек, чтобы было на что обмыть победу.

Я не зря обозвал их старичками. Арамису там 39 лет, Портосу — 41, Атосу и Миледи по 43 (понятно, что актеров имею в виду), и на столько они и выглядят, не меньше (если не больше). То есть они все уже из «20 лет спустя», разве что Атос чуть-чуть не дотягивает. А уж Ришелье тут прямо из дома престарелых — 75 лет и не копейкой меньше, а король примерно из пятого класса школы для умственно отсталых. «Повешу, — говорит, — над троном добытую на охоте медвежьей шкуру, и все меня зауважают...»

После битвы в кабаке началась сущая бредятина, пересказывать которую смысла нет никакого. Остановилось лишь на двух эпизодах. Лишившись (по вине нашего африканского друга) лошадей, герои поплыли на лодочке по бурной речке. Перевернулись, искупались, развесили одежду сушиться и, стоя без штанов, в одних белых рубашках, едва прикрывающих срам, наблю-

дали сперва, как мимо гордо проехали в карете Рошфор и Миледи, за которыми они и гонялись, а потом появились две мадамы, переодетые разбойниками: мадам де Шеврез и мадам де Кокнар, которая тут не жена стряпчего, а актриса. Они долго беседовали с мадамами (без штанов), а когда штаны высохли, бросились по следам Рошфора.

В результате Атос и Малачи к нему же и попали в плен, но Малачи удрал, а Атос сидел в клетке и наблюдал, как Бернажу (тоже негр и бывший мушкетер, а не гвардеец) готовит батарею для убийства короля. Батарея сия очень похожа была на «Катюшу» — штук 50 стволов, скорее минометных, чем орудийных, в два ряда на платформе, только надписи не хватает, типа «Дашь Лувр!». А потом появились Арамис с Портосом, и Портос из самой настоящей базуки подорвал всю эту красоту, а Арамис перестрелял все, что еще продолжало двигаться...

Короче, короля спасли, Малачи стал мушкетером, все счастливы. Африканцы быют в тамтамы и пляшут вокруг костров, отмечая успех своего сородича.

Теперь самое время кратко остановиться на нескольких других фильмах о мушкетерах, а уж потом перейти к французской новинке сезона.

Начнем, однако, сериала, тоже британского: «Мушкетеры» (2014–2016). Видимо, специально было задумано поставить сериал без единого эпизода из бессмертного романа. Какие, к лешему, подвески, если Ришелье *заказал* саму королеву, наши герои ее, само собой, спасли, и в процессе спасения Арамис стал папой будущего Людовика XIV! А вот Портос оказался чернокожим, хотя и наполовину: папа у него какой-то злобный маркиз, а мама — рабыня из Африки.

Теперь о фильмах. Очень даже неплох американский фильм 1948 года, где д'Артаньяна сыграл великолепный Джин Келли («Поющие под дождем»), а Лана Тёрнер поколебала мою уверенность в том, что лучшей Миледи, чем Милен Демонжо (1961), быть не может. Келли замечательно фехтует и прыгает как настоящий акробат. В сцене поединка с Жюссаком, главой гвардейцев кардинала, он на лету срезает на Жюссакке штаны, и тот под дружный хохот

мушкетеров убегает в шелковых панталонах с кружавчиками. Я было подумал, что это просто грубоватая шутка киношников, но с удивлением прочел в интернете статью об истории мужского нижнего белья. И оказывается, что как раз в XVII веке мужчины (дворяне, естественно) носили аж по двое трусов: подлиннее, с кружавчиками, снизу и покороче, без кружавчиков, сверху, чтобы кружавчики кокетливо выглядывали из-под верхних...

В этом фильме д'Артаньяну пришлось снова отправиться в Англию — теперь уже в компании с Атосом. А зачем? Чтобы спасти Бекингема... от мадам Бонасье. Это, конечно, некоторое преувеличение, но все же причиной гибели герцога стала именно Констанция. Друзья отправили ее в самое «безопасное» место — во дворец Бекингема. Туда же явилась Миледи, лелея зловещие планы, но Бонасье ее разоблачила, и тогда «мудрый» Бекингем возвел мадам Бонасье в чин лейтенанта флота (это я шучу) и назначил главной тюремщицей Миледи (это я *не* шучу). То есть охраняли злодейку солдаты, но командовала ими Бонасье. И разумеется, Миледи не стоило большого труда разжалобить добрую и наивную Констанцию и даже убедить ее принести ей нож — якобы для того, чтобы покончить с собой. Ну а после этого Миледи просто вынуждена была немедленно резать дурочку Бонасье, а выйдя на волю — и дурачка Бекингема.

Близко к тексту (и оттого местами смотрится скучновато) сделан французский фильм «Три мушкетера» 1953 года. Роль Планше в нем исполняет Бурвиль — один из величайших комических актеров мирового кинематографа. Именно Планше-Бурвиль, по сути, спасает Констанцию Бонасье от ареста, укладывая одного за другим стражников... сковородкой по голове.

Довольно необычным получился фильм 2005 года совместного производства нескольких стран, включая Францию. Главную роль в нем исполняет Венсан Эльбаз — стопроцентно отвечающий моему представлению, как должен выглядеть гасконец, но очень далекий от романного образа д'Артаньяна, имеющего «рост слишком высокий для юноши и недостаточный для взрослого мужчины». Ко-

нечно, те 5 футов, которые так часто поминает Александр Тома-Александрович в романе «20 лет спустя», это несколько больше, чем жалкие 150 см, но все же не 187, как у Эльбаз. Эльбаз к тому же не просто высокий, он здоровенный лось. Когда ему понадобилось добраться до Англии, он не стал ловить несчастного де Варда, чтобы отнять у него пропуск, а просто нашел на берегу обыкновенную рыбацкую лодку и на веслах прошел все 43 км, отделяющие Кале от Дувра. Это значит часов 10 непрерывной гребли. Неудивительно, что, сойдя на берег, герой упал ничком на песок и потерял сознание. Удивительно (и смешно) другое — Бекингему, в распоряжении которого был весь британский флот, в голову не пришло предложить д'Артаньяну хотя бы бриг (как в романе), так что бедняге пришлось еще 10 часов грести обратно...

Кстати в этом фильме Миледи (Эмануэль Беар) не просто злодейка, а настоящая колдунья. Она в юности продала своего (с Атосом) сына дьяволу, чтобы он наградил ее сверхъестественными способностями. И когда Атос за это повесил ее (на глазах у совсем юного тогда д'Артаньяна), с чистого неба ударил гром и молния сожгла веревку. Не сумев собственноручно убить Бекингема, Миледи, вроде бы лишенная экзорцистом дьявольских способностей, вернулась во Францию... где ее поджидали четыре мушкетера и палач. Казнь прошла в полном соответствии с первоисточником за исключением одного маленького, но поистине гениального нюанса: когда мушкетеры проезжают мимо места казни, зрители (но не мушкетеры!) видят в канаве отрубленную голову. Вот только голова эта не Миледи, а палача...

И еще несколько слов не о конкретных фильмах, а о конкретном персонаже, антагонисте д'Артаньяна, то бишь о Рошфоре. С чьей-то легкой руки повелось делать этого злодея (но все же графа, а не уличного бандита) одноглазым. Первоисточник я не нашел и за точность не ручаюсь, но по крайней мере в 5-6 фильмах Рошфор является с повязкой на глазу. А вот в британском сериале, о котором я писал выше, Рошфор целых 8 серий проходил с двумя глазами, но в конце восьмой, видимо, вспомнил русскую поговорку «Воро-

вать так миллион, иметь так королеву» и попытался поиметь. Но королева достала из высокой прически длинную острую шпильку, настоящий стилет, и воткнула злодею прямо в глаз. И в девятой серии он как миленький появился с повязкой на глазу.

Ну а теперь, наконец, про французский фильм «Три мушкетера: д'Артаньян». Главную роль в нем сыграл Франсуа Сивиль, которого я на экране увидел впервые и особого восторга не испытал. Ни от игры актера, ни от д'Артаньяна, каким его *сделали* в этом фильме. Или, может, от того, как вообще *сделан* этот фильм.

Начинается фильм в стиле Тарантино — «Убить Билла». В героя, который влез не в свое дело (ну прямо как Малачи!), стреляют из пистолета в упор, потом его хоронят, потом он, прямо как Ума Турман, вылезает из могилы.

Дальше в ход идет Джон Ву, сейчас как-то подзабытый, а когда-то поразивший всех фильмами, «в которых кровавая эстетика жестокости и насилия достигает балетной отточенности картин о боевых искусствах...» (*Википедия*). Это сцена дуэли д'Артаньяна с тремя мушкетерами, переходящая в сцену кровавой битвы с двадцатью гвардейцами кардинала. Причем гвардейцев могло быть и больше: это убитых оказалось двадцать, о чем сообщил сам король, а сколько было раненых и просто сбежавших с поля боя, нам не сообщили. Так вот, без той «балетной отточенности» а ля Джон Ву трое мушкетеров и примкнувший к ним д'Артаньян никак бы не смогли при таком перевесе сил противника не только победить, но и выжить. Тут требуется стрелять по-македонски, с двух рук, не хуже Таманцева, держа при этом востру шпагу в третьей руке, а кинжал в четвертой... Ну, а когда и этого не хватает, Портос хватается за дубину народной войны.

Далее на смену Тарантино и Ву приходят все посредственные американские боевики сразу. Какая самая популярная фраза в американских боевиках? Правильно: «Меня подставили!» Атос этих слов не произносит, хотя и следовало бы, но вся проблема в том, что Атос из XVII века, а подставляют его в духе XXI-го. Подложить в постель пьяному труп и обвинить его в убийстве...

Вообще-то, даже в те времена прозектор (а нам показывают морг и прозектора) сходу определил бы, что жертва умерла отнюдь не сегодня — но кто в кино обращает внимание на такие мелочи.

Самое же дикое и самое глупое, не побоюсь этого слова, то, что на суде Атос заявляет, что он протестант. Ну это уже ни в какие ворота, товарищи французы! Не мог честнейший Атос геройствовать на бастионе Сен-Жерве, отстреливая мирных горожан-протестантов, не мог с таким удовольствием сбрасывать на них обломок стены, а потом подсчитывать количество раздавленных, будучи протестантом. Да он просто не пошел бы на осаду Ла Рошели. Подал бы в отставку, и все тут!

Та же история, кстати, и с д'Артаньяном: ну не мог *настоящий* д'Артаньян выбалтывать пусть и Констанции, но в каком-то чужом месте, где их могли подслушать (и подслушали), всю историю с Бекингемом и подвесками! Даже если бы королева прямо не сказала: «Мы теперь связаны общей тайной...» А она ведь сказала! «Болтун — находка для шпиона» — вот подходящий лозунг для этого д'Артаньяна, а не «Один за всех...» И этого болтуна король назначил сразу *лейтенантом* мушкетеров! Это просто какой-то позор...

Зато хорош тут батюшка наш король Людовик XIII. Ну как только над ним ни измывались! Каким слабым, капризным, болезненно ревнивым и вздорным изображали его не только киношники, но и сам автор, свет Александр Тома-Александрович Дюма! А вот в этом фильме взяли и показали каким должен быть *настоящий* король. Сильный, уверенный, решительный... Ревнивый? Да, не без этого, но, пожалуй, впервые ревнивый потому, что *любит*. Луи Гаррель вообще прекрасный актер, а в роли Людовика XIII просто великолепен!

А теперь — главная фишка. Всем известно, что обещан нам второй фильм дилогии «Три мушкетера: Миледи». Но какой может быть *второй* фильм, когда незадолго до конца *первого* заглавная героиня, то бишь Миледи, кувыркнулась в Ла-Манш с утеса в Дувре?

Я думал над этой загадкой все время, пока готовил и писал этот материал. И надумал я аж целых три выхода из этой пиковой ситуации

Выход первый: скучный. Скучный, зато реалистичный. Миледи умерла, и нам предлагают как бы заново пересмотреть «Трех мушкетеров» с точки зрения Миледи. Не обязательно с детства, но как минимум со дня знакомства с графом де ла Фером. Можно заранее предсказать, что ее история будет как в старом анекдоте: «Все в дерьме, а я вся в белом!»

Выход второй: авантюрно-детективный. Умерла не Миледи, а неизвестная авантюристка, которую та наняла для кражи подвесок, поскольку ей самой Бекингем вряд ли поверил бы. В пользу этой версии говорит то, что похитительница отдала подвески. Зачем бы их отдавать Миледи? Она бы постаралась унести их с собой на дно морское, чтобы отомстить и королеве, и Бекингему, и мушкетерам.

Выход третий: единственно правильный. Как известно, после Атоса Миледи вышла замуж за лорда Винтера. Лорд Винтер, как известно, был англичанин. А англичане, как известно, все сплошь помешаны на спорте, будь то скачки, охота, плавание или бокс. От других англичан Винтер отличался тем, что не считал женщин низшими существами, поэтому, когда жена захотела стать спортсменкой, он охотно начал ее обучать и тренировать. И через пару лет она не хуже мужа плавала, прыгала в море с большой высоты, боксировала и стреляла из всех видов оружия. Так что она не разбилась и не утонула, а сгруппировалась в воздухе, вошла в воду под правильным углом, отплыла под водой подальше, чтобы д'Артаньян ее не увидел, освободилась от обуви, одежды и большей части белья, оставив при себе только стilet, и размеренным кролем поплыла в сторону Кале. «Что ж, — думала она, впервые за последние годы наслаждаясь свободой движения в воде, — некогда вспоминать и терзаться мыслями о пережитой неудаче. Надо жить и исполнять свои обязанности!»

Что ж, поживем и мы до декабря и посмотрим, какой вариант выберут французы. Подробно писать о втором фильме я вряд ли буду, но вкратце обязательно упомяну в каком-нибудь выпуске «Волшебного фонаря».

Валерий ИСХАКОВ

Андрей Першин
Микровечность

Как часто именно миниатюрное, едва различимое оказывается проводником в другой, волшебный, мир. Маленькое поместится в любой карман, хотя умеет быть неуловимым, маленькое не боится падать и пройдет везде. Перелезет через стены, как муравьи в русской былине, проберётся даже в сон, например, средневекового китайского школяра или американского антрополога. Оно невидимо, но всегда перед глазами, бесполезно или неисчерпаемо.

Когда вы меня увидите,
Учтите:
Это не я.

В крупичах песка,
В крупичах крупич,
В невидимой воздушной муке,
В бескрайней пустоте, что будто бы кормится кровью —
Вот там я и живу.

Мне хвастаться нечем: я невеличка. Вот так, невеличка!
И если меня поймать,
Со мной можно сделать всё, что угодно.

(Анри Мишо, 1899–1984, «Невеличка», перевод А. Поповой)

Ещё более удивительно, что маленьким может быть всё, что угодно, от ничто до целой Вселенной. «Поистине, вещество — это всё, что имеет образ и не имеет образа. — учит древняя Прашна упанишада. — Поэтому образ и есть вещество». Впрочем, и тонкость и неуловимость иной действительности тоже могут быть её свойством. В незамысловатом, но сознательном соседстве с непостижимым самое обыденное одухотворяется, становится мудрее, ведь тоже «знает только то, что ничего не знает».

По ночам я не сплю,
потому что вселенная
спит у меня на руках.
Она привыкла так спать —
я её избаловал.

Андрей Першин — автор нескольких поэтических книг, эссе, фотовыставок. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Prosodia», «Воздух», альманахах «Флаги», «45-я параллель», на порталах «Полутона», «Всеализм» и др., переводились на английский и японский языки.

Вот уже двадцать лет
из-за неё я не высыпаюсь —
дремлю в автобусах,
зеваю на работе,
засыпаю на концертах.
Даже неудобно.
А ей и горя мало.

Каждую ночь
она сладко спит,
уткнувшись носом в моё плечо.
Интересно,
что же ей снится?

(Геннадий Алексеев, 1932–1987, «Я и Вселенная», ч.3)

Здесь сразу и новое чудо: для крупницы распахнуты все качества, маленькое умеет быть маленьким сразу во многих смыслах. Наше детство не кончилось для него, а его собственное — и вовсе неуязвимо. Маленькое может выговорить то, что мы за ним повторить не в силах.

Малютка Небытие

(Говорит писклявым, надтреснутым, тоненьким голоском,
который сюсюкает, шепелявит и ещё картавит притом.)

О чем говоришь?
— Ни о чём...
Что делаешь ты?
— Ничего...
А думаешь ты?
— Никогда...
Почему ни о чём?
Почему ничего?
Почему никогда?

И в ответ:
— Потому сто
меня
нет

(Жан Тардые, 1903–1995, «Малютка Небытие», перевод М. Кудинова)

Неожиданный эффект этих простых стихов связан с возможностью обратиться к Малютке Небытию и получить внятный ответ, ведь язык уравнивает говорящих. Но ведь и с человеческим детством всё обстоит похожим образом, детство известно всем живущим, и при этом будто навсегда недоступно большинству из них. «Детство, — писал Башляр, — это вода человечества, вода, вытекающая из тьмы», или: «детство — это колодец бытия».

Парадоксально, но небытие слишком даже заметно, по крайней мере, для человека в литературе. Многие перед мнимым его лицом мечтали остаться в памяти потомков, кто-то, напротив, мечтал прекратиться, как Борхес, а, скажем, для Джона Кейджа, композитора и поэта, сама по себе «возможность» найти «во всяком месте и времени» «абсолютное ничто» представлялась ключевой в деле сиюминутной реализации. В океане небытия найдётся место маленькому кораблику, живому и подвижному, пускай и взаимы.

Так вот и хожу
На вершок от смерти.
Жизнь свою ношу
В синеньком конверте.

То письмо давно,
С осени, готово.
В нём всего одно
Маленькое слово.

Может, потому
И не умираю,
Что тому письму
Адреса не знаю.

(Варлам Шаламов, 1907–1982)

Маленький, зачастую синий, амулет — жук-скарабей нередко сопутствует древнему египтянину в последнем странствии: он не даёт свидетельствовать одной из высших его душ Эб о проступках, тем значительно облегчая посмертную участь, начало вечности делая более человеческим. Между тем в единообразии человеческой природы мы зачастую верим куда прочнее, чем в единообразие душ. «Человек — понятие слишком частное, — замечает Поль Валери в своих «медитациях», — а душа — слишком общее». Маленькое может легко одолеть и это расстояние, связать любые полюса, пока оно единично, теоретически, как, скажем, неуловимый бозон, или единично чувственно, или практически... Быть очень маленьким значит пребывать в неразветвлённой сердцевине Древа жизни, находиться в естественной абстракции собственного существа. И это первый подступ к «микровечности».

О кровинка, ты прячешься от гор в недрах гор
ты ранена звёздами и истекаешь тенью
поедая целебную землю.
О кровинка, крошечная кровинка без костей и без кожи
остов коноплянки — твой плуг
ты пожинаешь ветер молотишь камни.
О кровинка, ты бьёшься в бычьем черепе
танцуешь на комариных ногах
играешь слоновьим хоботом крокодильим хвостом.
Выросла такой мудрой такой ужасной
на затхлом молоке смерти.
Сядь мне на руку, спой мне на ухо, о кровинка.

(Тед Хьюз, 1930–1998, «Кровинка», перевод П. Урусова)

Лео Стайнберг, художественный критик и выдающийся защитник репрезентации, позиции которой заметно пошатнулись в современном искусстве, полагал, что «все произведения искусства или стилистические циклы определяются своей внутренней идеей зрителя». В диалоге с ничтожным «идея зрителя» обнаруживает большую пластику, ведь, повторяюсь, и детство, и незаметность знакомы всем, а значит, и всё немного знакомо через них. Детство «устное», как почти все учителя человечества. Если поэзия мнемонична, то детство и миниатюрность ещё и поэтичны в этом смысле, хотя их мнемоника структурная, божественная, а не культурная. Если философия, по мнению Новалиса, — «это, по сути, ностальгия, стремление быть всюду дома», то дет-

ство и малость как таковые уже везде дома. Даже на совсем «необжитых» территориях.

— Что ты делаешь, птичка, на чёрной ветке,
оглядываясь тревожно?

Хочешь сказать, что рогатки метки,
но жизнь возможна?

— Ах нет, когда целятся из рогатки,
я не теряюсь.

Гораздо страшнее твои догадки;
на них я и озираюсь.

— Боюсь, тебя привлекает клетка,
и даже не золотая.

Но лучше петь сидя на ветке; редко
поют, летая.

— Неправда! Меня привлекает вечность.
Я с ней знакома.

Её первый признак — бесчеловечность.
И здесь я — дома.

(Иосиф Бродский, 1940–1996)

Здесь мы снова встречаемся с вечностью. Что бы ни говорило детство, оно прорицает. Делегировать детство (например, чтобы его услышать) можно лишь тому, у кого нет своего, тому, кто бессмертен. Птичке, которой не страшна бесчеловечность, оказывается по силам и человечность сохранить.

Нелегко удержать жизнь
в этой белой птичке. Она
поёт песни солнечного побережья,
в то время как зимняя буря завывает над лесом,
а плоскостопный серый день шагает по твоей жизни
в домотканой одежде. Этот трудный
рабочий день полон ругательств, мужских разговоров,
Лангорского табака,
но глух, совершенно глух
к этой белой
птице,
опоясывающей твоё сердце
своей серебристой хрупкой песней
всё то время, пока ты человек.
Всё то время, пока ты человек... Вот почему
ты сторожишь этот звук так долго.

(Ханс Бёрли, 1918–1989, «Белая птица», перевод А. Корякова)

Бывает и так, что для сохранения и даже пробуждения человечности достаточно уместного молчания, самоуглублённого бытия маленьких существ, к которому можно прикоснуться. О какой удивительной утонченности можно сказать таким, с виду наивным, способом! В древней книге Ле-цзы говорится: «У существ, обладающих кровью и жизненной энергией, нет большого различия в сердце и знаниях...» Стоит ли тогда удивляться, что «Однажды Чжуан Чжоу приснилось, что он бабочка, счастливая бабочка, которая радуется, что достигла исполнения желаний и которая не знает, что она Чжуан Чжоу...» Поч-

ти через две тысячи лет поэт Ямагути Содо (1642–1716) написал два текста, восхваляющих гусениц-миномуси и отправил их своему другу. Среди прочего он писал: «О, миномуси, гусеницы-миномуси, растроган вашей беспомощностью, слабостью ваших голосов. Сосновые сверчки «мацумуси» имеют прекрасные голоса, оттого их ловят и сажают в корзинки, откуда они оплакивают цветы и луга; шелкопряд, выплёвывающий нити, убиваем за это руками презренных людей, и только гусеницы-миномуси ни к чему не пригодны, и меня трогает их безмятежность». Это послание чрезвычайно растрогает и Басё, когда тот его получит.

Вдруг оказывается, что, выступая медиумом, вся эта одухотворённая мелюзга хранит незамутнённым и самый смысл коммуникации, и смысл вообще. Как в популярных прозрениях Маклюэна или Витгенштейна, посредник сам становится сообщением, способ употребления слова — его смыслом.

Между скал струя бежала
И холодной слезой
Вся по капле ниспадала
В море, полное грозой.

«Это что? Мне сёстры — бури,
Молний луч на мне горит,
Слито с небом я в лазури, —
Море гневно говорит. —

Крошка! Ты о чём хлопочешь?
Мне ль — гиганту ты помочь,
Мне ль воды прибавить хочешь?
Труд напрасный! Плакса, прочь!»

«Да, бассейн твой, море, полон, —
Струйка молвила, — но я
Влить хочу в него... он солон...
Каплю годного питья».

(Виктор Гюго, 1802–1885, «Капля», перевод В.Г. Бенедиктова)

Если капля, то, похоже, капля принца Руперта, батавская стеклянная слеза, что крепче железа, но стоит неосторожно коснуться её хвостика, её рождения, и магия пропадёт. Похоже, но, конечно, не слишком, ведь посланница жива. Но что за сообщение стоит доверить хранить неуязвимой невеличке, спрятать от самих себя в нашей искренней готовности слышать, видеть, вспомнить? Человечность, жизнь, мир? Есть и ещё кое-что, действительно неуязвимое для невнимания.

Я муху кормлю
огнеглазку,
я муху кормлю
златокрылку;

несёт она смерть
в огнистых глазах,
несёт она смерть
в ворсинках своих золотых
и в крыльях красивых.

В зелёной бутылке
её я кормлю;
не знает никто —
ест ли она,
не знает никто —
пьёт ли.

Ночами блуждает она,
как звезда,
горя алым светом,
и ранит огонь её глаз
на смерть.

Несёт любовь
она в огнистых глазах.
И кровь её
от этой любви
пылает во тьме.

И я эту муху ночную,
смертельную муху
кормлю
в зелёной бутылке,
забочусь о ней.

Но уж никто
никогда
не должен узнать
даю ли ей пить,
даю ли ей есть.

(Из поэзии Кечуа, перевод М. Самаева)

Как трудно и страшно доверить любовь! Но невозможно этого не сделать.
А больше у нас ничего, кажется, и не остаётся.

Кроха-кузнечик, о чём на меже
стрёкот разносится твой?
Не о подруге ли той, что уже
встретить не чаешь живой?
Небо висит, как стеклянный колпак,
ужас и тьма в вышине, —
тайну открой: не от страха ли так
громко стрекочешь в стерне?

Кроха-кузнечик, как жизнь коротка!
видишь, пожухли ростки,
видишь, дрожать начинает рука,
видишь, седеют виски.
Душу напевом своим не трави!
Видимо сроки пришли:
о, погрузиться бы в лоно любви
или же в лоно земли.

Кроха-кузнечик, среди тишины
 не умолкай, стрекочи,
 небо и зной на двоих нам даны
 в этой огромной ночи.
 Полон особенной прелести мрак,
 сладко брести по жнивью.
 Может, услышит хоть кто-нибудь, как
 я напоследок пою.

(Теодор Крамер, 1897–1958, перевод Евгения Витковского)

Это понимание — третья и окончательная вечность, пускай её микроскопический вариант. С известного отдаления и мы сами и весь наш мир — крохотная точка. Для тех, кто сам стал невеличкой, любовь и бессмертие оказываются вместо них самих, дух и любовь меняются местами. Отныне это неотъемлемое свойство жизни и поглощённого ею времени, как у Геннадия Жукова (1955–2008):

... Вечно лишь Нечто, и бесконечно Ничто...
 Леда моя, мы отпразднуем здесь восхождение
 Солнца и угасанья росы. И за то
 Дадена будет нам вечность почти на мгновенье.

...

... Леда моя, Леда, несмышлёныш.
 Нет, не проговаривать, но петь:
 Буковка, росиночка, людёныш.
 Страсть, неотвратимая, как смерть.
 Солнце докатилось, опустилось —
 От удара дрогнула вода...
 И звезда из глубины явилась.
 И вернулась в вышину звезда.

Язык должен умереть

Хочу покаяться.

Когда мы были молодыми и чушь прекрасную несли, мы думали, что интернет нам поможет. И станет чем-то вроде книжки Рабле в пересказе Бахтина. Задним умом понятно, что это была пиар-акция. Нас поманили цифровой утопией. Так Нестле зашла на японский рынок. Японцы не пили кофе. «Мы можем подождать», — сказала Нестле и стала подмешивать кофе в детское питание.

То же случилось с нами.

Я с удивлением наблюдал за филологами: критиками, писателями, поэтами, — которые лили воду на мельницу классового врага. Рекламировали сериалы, одобрительно отзывались о гаджетах.

Глупость или предательство?

Глупость, предательство и измена сословным интересам. Я по малолетству думал, что возможна литература из эсэмэсок. И что пусть будет кино — ведь сценарии пишут филологи. И что соцсети — это и есть телемское аббатство. И что рэп — современная поэзия.

Как именно мы ошибались?

Мы шли за формальной школой и ставили во главу угла текст. Всё написанное, сказанное, пропетое. Мы воображали, что за текстом стоит язык. Мы были «обманываться рады». У нас была иллюзия, что язык — бессмертен, всегда прав, что язык — это бог итд.

Это не совсем так.

Недавно с удивлением обнаружил, что я ровесник интернета. Интернет был запатентован в 1978 г. В августе 1978 г. родился я. Мы росли вместе с интернетом. Только интернет ветвился, опутывая планету, а я расту уже в обратную сторону.

Язык тоже рос в обратную сторону. Язык можно взломать, выхолостить,

испохабить. Языки умирают. По отдельности, а также «гурьбой и гуртом». Язык можно приватизировать и продать на слом, — понаделать из него рекламы и медиа-вирусов. Язык можно убить.

Мозг — штука пластичная. Мозг согласен, что без языка человеку будет удобнее. Всем будет удобнее, потому что счастье — это быть глупым и иметь стабильную зарплату. Быстрое и эффективное поголовное поглупение — в наших общих интересах.

Сейчас принято горевать над падением уровня литературы. Особенно этим занят легендарный Сергей Морозов, очищая место китайским сериалам. Однако посмотрим в корень. Не надо путать курицу и яйцо. 99% литературы чудовищно, потому что «публика дура».

Существуют профессиональные писатели, артисты разговорного жанра, профессиональные слушатели-психотерапевты, профессиональные читатели: критики. Гусь не товарищ свинье. Писатель есть классовый враг читателя, так же как говорящий есть классовый враг слушателя.

Книжному бизнесу не нужен хороший читатель. Чистый библиофил гораздо удобнее. Читать надо как можно быстрее, ни в коем случае не перечитывать. А лучше относиться к книге как к артефакту: понюхал, попробовал на зуб, прочёл пару страниц, сфотографировал, выложил в соцсеть и купил новую. Как говорит наш ирландский товарищ Салли Руни, покупая книги, люди платят за принадлежность к классу людей, читающих книги. При этом читать книги не обязательно.

Я долго ломал голову, почему Борис Куприянов (создатель «Фаланстера») пиарит книжку Пьера Байяра «Искусство рассуждать о книгах, которых вы не читали». Ларчик открывается просто. Книготорговцу невыгодно, чтобы читатель читал. Книготорговцу выгодно, чтоб человек покупал книги, а не штудировал их. Пусть он книгу-то купит, а говорит о ней с чужого специального голоса.

Бизнес, ничего личного.

Борис Куприянов очень достойный человек левых взглядов, делающий нужное дело. Это не злой умысел, а наша общая беда. Люди книжной куль-

туры если и не торговали книгами, то всё вкладывали в книги — и деньги, и себя. И потом внезапно увидели: книжная культура оседает, как башни-близнецы.

Противоречие сохраняется на уровне писателя. Спросим себя: писатель заинтересован в хорошем читателе, который будет комментировать, критиковать, и не дай бог писать, антифанфики, — или в продажах?

То же с артистами устного жанра: лекторами, просветителями, стендаперами.

Оратор не заинтересован в том, чтобы слушатель усваивал материал настоящим образом. В Древней Греции были такие виртуозы памяти, которые могли наизусть запомнить чужую двухчасовую речь с одного раза без бумажки. Вероятно, таких товарищей сегодня бы арестовали за незаконное копирование и нарушение авторских и смежных прав.

Если слушатель усвоит суть сразу, он не придёт на очередную лекцию. Просветитель не заинтересован в просвещении слушателя. Слушатель должен слушать, разинув рот, и не выказывать поползновений к фиксации материала. Это, собственно, не просвещение, а квази-религия. Просвещение создало у нас предубеждение против наличия предубеждений, чтоб побивать одни предубеждения (мифы) другими.

То, что люди не умеют слушать, известно. То, что люди «читают жопой», — тем более. Большинство профессиональных читателей (наименование «критик» вводит в заблуждение нас самих) стали примочкой книгопродавцев, пошли в кабалу книжному бизнесу, хотя их интересы полностью противоположны.

Сделаю небольшое отступление. Мы недавно обсуждали смерть журналистики и кризис репродукции медиа. Пришли к парадоксальному выводу: медиа спасёт поголовная неграмотность. Когда всеобщая грамотность будет ликвидирована, грамотное сословие снова сможет осознать себя как класс. Конечно, сейчас тоже всё, что пишут, пишут непонятно. Но когда люди перестанут алфавит разбирать, тогда мы наконец увидим этот непочатый край. Мозг не создан для чтения.

Зачем идти против рожна? Чтение — это тяжёлая и кропотливая работа. Единственный показатель того, что вы читаете правильно, — это усталость. Может, чтение и не достигает таких высот, как медитация или умная молитва, но это — важная духовная практика.

Книжный бизнес всячески стравливал писателей с читателями-критиками, чтобы, изнунив и тех и других, закабалить обоих. Чтобы вместе развращать читателя чтивом. Им в спину дышат гиены интернета с пакетами визуалки, самоочевидной и не требующей истолкования. Мы не можем проанализировать, по каким признакам мгновенно узнаём чьё-то лицо. Так работает кабала визуального. Следует помнить вторую заповедь «не сотвори себе кумира» (запрет любых изображений) и автократоров-иконоборцев. Никаких фотографий и кино, только кодированные сообщения. Только чтение. *Sola lectura.*

В молодости некоторые считали самих себя фрагментами текста. На самом деле в треугольнике «писатель — текст — читатель» фокусом для нас является читатель, а текст только точкой опоры. Когда мы читаем, мы работаем в первую очередь не с текстом, а со своим собственным мозгом (вашим личным министерством правды). Именно поэтому чтение важно. В чём основная проблема институализации чтения? Сложно проверить и оценить, насколько хорошо человек освоил книгу.

1. Выучить наизусть — не гарантирует понимания текста.
2. Переписать от руки — тоже.
3. Подготовить конспект — конспект можно размножить.
4. Пройти тест — подменить текст тестом, что ведёт к краху образования целиком.

Эти опции полезны только при поддержке традиционных методов:

5. Написать эссе.
6. Ответить на дополнительные вопросы.
7. Переспорить всех на диспуте.
8. Пройти семинар и длинный устный экзамен.

Это нормальный средневековый университет в духе Фомы Аквинского.

Болонка пытается навязать нам метаверсум вместо универа. Есть такая

байка. Когда Джобсу сказали, что его гаджет сложно будет отрихтовать под людей, он ответил: я отрихтую людей под мой гаджет. Разорвутся сильные связи, отстроятся слабые. Доиндустриальное образование — семья. Индустриальное — школа. Постиндустриальное — интернет. Смартфон — лучший друг детей. Общение не нужно. Язык не нужен. При метаверсуме исчезнет *Lebenswelt*, а все возможные миры собраны из фрагментов *Lebenswelt*.

Lebenswelt — это люди с общим вернакуляром. Язык приобретается и осваивается через интенцию. Формы жизни беспочвенны, опираются сами на себя и создаются традицией. В основе утверждений о фактах лежат ценностные суждения: без личных интересов у нас не было бы никакого знания, не было бы причин беспокоиться что-нибудь узнать.

Самость нарциссична: мы узнаём об это, видя, как оно отражается в других; Воображаемое — царство образов, в которых мы узнаём себя; ребёнок — означаемое, образ в зеркале — означающее; с вторжением Отца ребёнок погружается в постструктуралистскую тревожность; от знака мы пришли к утешению конкретностью, но Я не способен иметь опыт, пока он не выражен в терминах языка.

В чём разница между неграмотным и постграмотным? Неграмотный (афроамератотный) не умеет двойное визуальное кодирование, у него не увязаны зрение, слух, язык и правая рука, но он хорошо кодирует на слух. Это как со способностью одновременно слушать музыку и работать, — музыка и работа связаны с различными отделами мозга. Грамотный не может одновременно кодировать и работать, потому что для него кодирование —

это уже работа. Работа в первую очередь с мозгом. Постграмотный за счёт разрыва сильных связей и замены их слабыми связями (общения в оффлайн общением онлайн) перестраивается на приём иконической информации. Связи ослабляются — люди разучаются кодировать — портится язык. Такое было во времена Чёрной Смерти: люди перестали общаться, язык потерял падежи.

С другой стороны — зачем им кодировать? Все послания должны быть недвусмысленными, однозначными и открытыми. Чего греха таить? Что честному коротышке скрывать от Большого Брата? Политкорректность, научи меня жить.

Нужен ли человеку язык, если молчание — золото? От разговоров портятся зубы, изнашиваются легкие, тратится время, возникают мимические морщины. Рот — только для еды, мозг — только для образов. Образы поступают из сети прямо в мозг. В результате рушится семантический треугольник: бессмысленны слова и не нужны, иррелевантны предметы, потому что образ ярче и реальней. Анфилада копий создаёт «реализм». Знак уестествляется. Нет вещей, есть только общие понятия. Нельзя называть места и единичное, надо называть бренды, но только те, которые платят. За каждым брендом стоит корпорат — как за древнегреческими богами неоплатонизма стоят эманации Единого.

Язык должен умереть. Потому что только язык и болтовня делают нас людьми. Они прокачивают нейронные контуры, укрепляют мозг. Если все будут умными, то экономика рухнет.

Василий ШИРЯЕВ,
Камчатка,
посёлок Вулканный

Редакция не рецензирует и не возвращает рукописи и не вступает в переписку по поводу отвергнутых материалов.

Рукописи, в которых отсутствуют данные об авторе (имя и фамилия, обратный адрес или телефон), не рассматриваются и не возвращаются.

Все произведения, опубликованные в журнале «Урал», размещаются в Интернете. Если Вы считаете, что публикация электронной версии нарушает Ваши авторские права, просьба заранее предупреждать о Ваших возражениях.

Перепечатка любых материалов возможна только с согласия редакции. Ссылка на «Урал» обязательна.

Мнение редакции не обязательно совпадает с мнением авторов публикаций.

Журналы с полиграфическим браком возвращать в типографию.

Уважаемые подписчики!

Обращаем ваше внимание, что оформить подписку на наш журнал на 2022 год можно по единому индексу 73412:

- на сайтах: <https://www.pressa-rf.ru/> или <https://www.akc.ru/> (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов);

- в отделе продаж агентства ОАО «АРЗИ», направив заявку по электронной почте: Govorkova@arzi.ru или позвонив по тел. (495) 680-99-71 (для юр. лица по желанию подписчика заключается договор и предоставляется полный комплект бухгалтерских документов).

А также:

- на любом почтовом отделении через электронный каталог «Почта России». Приходите, называете индекс ПС429 — и вас подписывают!

Подписку на журнал «Урал» можно оформить также в Центре подписки и доставки ООО «Урал-Пресс Город» по адресу: Екатеринбург, улица Мамина-Сибиряка, 130, телефоны: 262-65-43, 262-78-98.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-58576 от 14 июля 2014 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Редакция журнала «Урал»
Учредитель — Министерство культуры Свердловской области

Главный редактор — Олег Анатольевич Богаев

Редакция:

Сергей Беляков — зам. главного редактора по творческим вопросам

Надежда Колтышева — зам. главного редактора по вопросам развития

Константин Богомолов — ответственный секретарь

Андрей Ильенков — зав. отделом прозы

Юрий Казарин — зав. отделом поэзии

Валерий Исаков — литературный сотрудник

Александр Зернов — литературный сотрудник

Татьяна Сергеенко — корректор

Юлия Кокошко — корректор

Наталья Бушуева — бухгалтер

Редакционная коллегия:

О. Богаев, С. Беляков, Н. Колтышева, К. Богомолов, А. Ильенков

Редакция журнала «Урал»: 620014, Екатеринбург, ул. Малышева, 24, 4-й этаж
Адрес электронной почты: editor.ural@mail.ru

Телефоны:

376-57-49 — главный редактор

376-57-54 — зам. главного редактора по творческим вопросам, отдел прозы, отдел публицистики

376-57-41 — зам. главного редактора по развитию, ответственный секретарь, отдел критики

376-56-25 — бухгалтерия, отдел поэзии

Оформление обложки — Альберт Сайфулин.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии

ООО «Издательство УМЦ УПИ» 620078, Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2

Подписано в печать 16.08.2023

Дата выхода в свет 27.08.2023

Формат 70x108/16. Бумага типографская № 2. Уч.-изд. л. 20,6

Тираж 1100 экз.

Заказ № 7703

Цена договорная

Журнал «Урал» в Сети:

<http://uraljournal.ru/>
http://vk.com/zhurnal_ural

Электронная версия журнала «Урал» находится по адресу:
<http://magazines.russ.ru/ural/>